С. Г. СТРУМИЛИН

Очерки социалистической экономики СССР

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1959

С. Г. СТРУМИЛИН

Академик

Очерки социалистической экономики СССР

(1929—1959 гг.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1959

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой сборник статей крупного советского экономиста академика С. Г. Струмилина.

Статьи, помещенные в сборнике, написаны автором преимущественно в последние годы. Они посвящены разработке важнейших теоретических проблем и практических вопросов коммунистического строительства в СССР.

Автор анализирует роль науки в развитии производительных сил, проблемы баланса народного хозяйства СССР, физического и морального износа техники, проблемы распределения и перераспределения национального дохода, проблему измерения производительности труда.

В сборник включены статьи «Экономические проблемы автоматизации производства», «Фактор времени в проектировках капитальных вложений», «Об эффективности новой техники». Злободневность вопросов, поставленных в этих статьях, очевидна. Семилетний план предусматривает огромные капитальные вложения в народное хозяйство СССР. И здесь особую важность приобретают такие проблемы, как критерий эффективности капитальных вложений и новой техники, факторы, влияющие на эффективность, в особенности фактор времени, который в настоящее время в связи с установкой на решение в кратчайшие сроки основной экономической задачи СССР выдвигается на первое место.

Большой интерес представляют статьи, помещенные в разделе «На международные темы». Академик Струмилин регулярно выступал в советской и зарубежной прессе с критикой попыток буржуазных экономистов в извращенном виде представить характер, направление, темпы развития советской экономики. В своих статьях он откликался на важнейшие международные события, разоблачая поджигателей войны, выступая против

гонки вооружений, за мирное сосуществование и сотрудничество всех народов, за укрепление экономических связей между ними.

Тематика статей сборника очень разнообразна. И это разнообразие показывает, насколько широк круг проблем, встающих перед советской экономической наукой в процессе коммунистического строительства. Как это отмечает и сам автор, некоторые положения, выдвинутые в сборнике, являются дискуссионными.

Значительная часть статей сборника была опубликована в зарубежной прессе или в советских изданиях на иностранных языках, и широкий круг советских читателей может с ними ознакомиться только по настоящему изданию; некоторые статьи вообще публикуются впервые. Все статьи и очерки заново просмотрены автором, в значительной мере переработаны и в некоторых случаях снабжены новым фактическим и цифровым материалом.

ОТ АВТОРА

В 1928 г. мною была опубликована книга «Очерки советской экономики», в которой были собраны отклики за ряд лет на текущие экономические злобы дня того времени. Центральное место среди них занимала проблема подготовки первого пятилетнего плана народного хозяйства СССР. Эта книга была переиздана в 1930 г. и давно уже исчезла с книжного рынка. Но с тех пор за 30 лет мне довелось много раз откликаться на целый ряд других актуальнейших проблем социалистической экономики СССР. В этих откликах на теорию и практику наших дней освещаются и проблемы развития социалистического соревнования, и значение фактора времени в проектировках капитальных вложений, и эффективность новой техники, и роль науки в развитии производительных сил, и «моральный» износ средств труда, и автоматизация производства, и баланс народного хозяйства как орудие социалистического планирования, и многое другое. Важной теме соревнования мировых экономических систем посвящен специальный раздел откликов на ряд выступлений зарубежной прессы.

Многие из затронутых в очерках тем и доныне являются дискуссионными. Но, разбросанные в периодических изданиях за много лет, эти очерки стали трудно доступными читателю. А между тем думается, что, собранные в одной книге, они еще смогут послужить задачам дальнейшей разработки проблем социалистической экономики в СССР.

С. Струмилин.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

I. ПЛАНОВЫЕ НАМЕТКИ НА 1929/30 г. *

Контрольные цифры на 1929/30 г. впервые проектируются на основе утвержденного перспективного плана народного хозяйства. Этот год является уже вторым годом нашего пятилетнего плана. И с этой точки зрения контрольные цифры на 1929/30 г. представляют собой особый интерес. В них впервые подводятся итоги выполнения нашего перспективного плана за первый год пятилетки и утверждаются основные плановые вехи и задания второго года. В этих контрольных цифрах мы должны дать первую обстоятельно конкретизированную проверку той генеральной линии нашей хозяйственной политики, которая нашла свое отражение в пятилетке.

В порядке самокритики мы должны прежде всего использовать все уроки хозяйственного опыта 1928/29 г. и, отразив их конкретно в необходимых уточнениях и коррективах к перспективным наметкам второго года пятилетки, тем самым дать уже вполне выверенный и законченный плановый профиль 1929/30 г.

Что же дает нам хозяйственный опыт первого года пятилетки?

1. УРОКИ 1928/29 г.

Уже предварительные подсчеты, которые основываются на данных конъюнктурной статистики за первые 10—11 месяцев этого года, позволяют нам с достаточной точностью характеризовать общий объем и структуру хозяйственного роста Советского Союза за 1928/29 г.

По наиболее общему показателю роста *народного дохода* страны в целом в его физическом выражении мы можем констатировать выполнение нашего плана за первый год пятилетки на 100%

* См. «Сводный доклад VI Всесоюзному съезду плановых работников». «Плановое хозяйство» № 9, 1929

без заметного снижения или превышения первоначальных предположений. Но по отдельным отраслям хозяйства мы имеем уже существенные отступления от плановых наметок. А если перейти от неизменных цен к рыночной оценке чистой продукции страны, то эти отклонения окажутся еще значительнее. В наиболее суммарном выражении они могут быть охарактеризованы в следующих цифрах.

В неизменных ценах народный доход за 1928/29 г. превысил план всего на 159 млн. руб., или на 0,6%. В пределах той точности, какая нам доступна в исчислениях подобного рода, такие расхождения вообще можно игнорировать. Но в рыночной оценке выполнение превысило план уже на огромную сумму почти в 2 млрд. руб., или на 8%, что целиком объясняется, стало быть, сдвигами цен, имевшими место в значительно большей мере, чем то было предусмотрено планом.

По физическому объему по продукции промышленности и транспорта мы заметно перевыполнили план, но зато недовыполнили его по сельскому хозяйству.

В области промышленности наибольшее превышение против плана дала крупная обобществленная промышленность. По планируемому кругу она выросла на 24% вместо намеченных 21,4%. В общем по всей цензовой промышленности продукция возросла, по подсчетам ЦСУ, на 21% вместо 18,4%, а с учетом мелкой кустарно-ремесленной промышленности, давшей всего 4,3% прироста вместо ожидавшихся 6,7%, весь прирост промышленной продукции выражается в 16,8% вместо намеченных по плану 15,6%. Однако необходимо отметить, что по частному сектору мы имеем при этом прямое сокращение продукции (на 8,9%). И стало быть, все перевыполнение плана падает на обобществленный сектор вообще (+ 22,9%) и на планируемую крупную промышленность в особенности (+ 24%). В важнейшей и решающей области мы оказались сильнее, чем предполагали по плану.

В области сельского хозяйства мы можем отметить вполне аналогичную картину. Урожай 1928 г., как это выяснилось по ходу заготовок, оказался ниже, чем мы его оценивали в прошлом году по хлебо-фуражному балансу ЦСУ. А это сказалось очень заметным образом и на приросте животноводства. В индивидуальном секторе, по подсчету ЦСУ, мы имеем к весне 1929 г. даже абсолютное сокращение стада вместо прироста в 2,4% по плановым предположениям. Но зато в обобществленном секторе сельского хозяйства фактические достижения обогнали план по всем основным показателям. Так, например, посевная площадь совхозов к весне 1929 г. увеличилась на 27,5% вместо 7,1%, посевы колхозов — на 207,1% вместо 94,1%, общая доля урожая зерновых 1929 г. по обобществленному сектору выросла за год

с 2,6 до 5,6% валового сбора вместо намеченных планом 4,9% и т. д.

Анализируя все данные этого года, мы неизбежно приходим к следующему чрезвычайно важному для нас выводу.

Мы знаем, что генеральная линия нашей хозяйственной политики — это курс на скорейшее обобществление народного хозяйства СССР, а ведущим по этому пути началом является индустриализация страны и радикальная реконструкция ее энергетической базы. Но до последнего времени находились скептики, утверждавшие, что мы ставим перед собой явно непосильные задачи на этом пути. Однако опыт первого же года пятилетки решительно опровергает это мнение. Характерно в этом отношении не только то, что план в *общем выполняется*, но и то, по каким линиям он *легче всего* выполняется. Если в пределах *частного сектора* наши плановые наметки и в промышленности и в сельском хозяйстве не на все 100% оправдались действительностью, то в *обобществленном секторе* они *осуществлены* даже с превышением. Конечно, этот ускоренный против плана рост обобществленного сектора не случайно сопровождался недовыполнением планов в частнохозяйственном секторе. Последний именно потому и отставал в своем росте от намеченных темпов или даже падал, что индивидуальное хозяйство поглощалось обобществленным. Индивидуальные кустари поглощались промысловой кооперацией, мелкие крестьянские хозяйства — колхозами. И, наоборот, обобществленный сектор рос быстрее намеченных темпов, именно за счет относительного и даже абсолютного сокращения частного сектора. Таким образом, в нашем плане прежде всего сказалась явная недооценка наших возможностей в области социализации производства.

Вместе с тем превышение наших планов в области роста нашей обобществленной крупной *промышленности* при отставании от них в области наименее обобществленных отраслей сельского хозяйства тоже весьма знаменательно. Оно еще раз подтверждает, что намеченный нами курс на индустриализацию страны в высокой степени правилен и плодотворен. И, очевидно, вопреки распространенному среди наших скептиков и правых маловеров мнению наша программа индустриализации не только не преувеличена, но даже скорее, наоборот, намечена слишком осторожно и подлежит исправлению в сторону дальнейшего *увеличения*.

Таковы уроки нашего хозяйственного опыта, вытекающие из анализа *производства* народного дохода в 1928/29 г. Обращаясь к *распределению* народного дохода, мы прежде всего должны констатировать следующие факты.

Исходя из необходимости возможно быстрого подъема сельского хозяйства не только в обобществленном, но и в индивидуальном его секторе, партия и правительство в хозяйственном плане

истекшего года осуществили целый ряд мероприятий, стимулирующих такой подъем. Сюда относятся: повышение заготовительных хлебных цен, облегчение сельхозналога для середняцких слоев деревни, предоставление значительных льгот за выполнение известного «агроминимума» мер, диктуемых селу в порядке контрактации, премирование расширения посевов бедняцко-середняцких масс деревни полным освобождением всего прироста посевов от сельхозналога и т. д. В то же время, поднимая вместе с хлебными ценами покупательную способность села, мы не могли идти *одновременно* на снижение цен по линии индустриальных продуктов широкого потребления. Такое снижение, вообще говоря, является одним из настоятельных требований нашей политики цен, но при данных условиях оно оказалось бы невыполненным по условиям рыночного баланса.

Это был совершенно необходимый в данных условиях плановый маневр. Чтобы сельское хозяйство не стало тормозом общего хозяйственного подъема, нужно было уделить ему несколько большую долю из народного дохода, чем это делалось раньше.

Это не могло, однако, не отразиться на темпе роста зарплаты городского населения. В результате роста сельскохозяйственных цен, при стабильности индустриальных, реальная оплата труда рабочих и служащих не могла не замедлить своего роста. Таким образом, уже по замыслу этого маневра он должен был ради усиления слабейшего звена хозяйственной цепи — сельского хозяйства — несколько польготить в процессе перераспределения народного дохода деревню за счет города. Однако в процессе фактического выполнения указанного маневра мы пошли в этом отношении дальше намеченных лимитов.

Благодаря общей ограниченности рыночной продукции и резкому разрыву цен госзаготовителей и частного рынка деревня повысила индекс заготовительных цен на свою продукцию вместо плановых 5,5% на целых 17,2%. А реальный уровень зарплаты индустриальных рабочих в связи с соответствующим подъемом бюджетного индекса (на 5,6% вместо 2,8%) повысился всего на 3,4% вместо намеченных по плану 5,2%. Нет никакого сомнения, что бо̀льшая часть этих потерь пролетариата в зарплате, а их надо расценивать сотнями миллионов рублей, оказалась в карманах кулацкой верхушки деревни, наиболее успешно использовавшей рыночную конъюнктуру вышеуказанного разрыва.

На этом участке планового фронта, где еще приходится преодолевать сопротивление рыночной стихии, мы потерпим, вероятно, еще не одну неудачу. Но такого рода неудачи при том богатстве плановых приводов, каким мы располагаем, отнюдь не являются непоправимыми. Если нам порою отказывает один рычаг, мы на помощь ему можем двинуть другие. Если в 1928/29 г. враждебные пролетариату социальные группы, использовав благоприят-

ную конъюнктуру, урвали из народного дохода больше, чем следовало, то в условиях диктатуры пролетариата такой прорыв легко ликвидируется уже в следующем 1929/30 г. И в контрольных цифрах этого года совершенно определенно ставится такая задача. Прирост реальной зарплаты рабочих и служащих должен быть обеспечен полностью в значительно повышенном против прошлого года темпе. Излишки кулацкого накопления могут и должны быть использованы для ускорения темпов нашего хозяйственного роста вообще, а по линии роста обобществленного сектора — в особенности.

В числе других плановых неудач прошлого года мы поставили бы на первом месте недовыполнение плана по снижению себестоимости промышленной продукции. Вместо намеченных 7% мы будем здесь, по-видимому, иметь не более 4,5—5%. Это означает потерю в накоплении промышленности не менее 200 млн. руб. Эта большая неудача отнюдь не является результатом просчета и нереальности задания. О том, что задание было вполне реально, говорит опыт второго полугодия, давшего снижение, заведомо превосходящее запланированные 7%. Причина указанной неудачи лежит в том, что за первую половину года себестоимость была снижена всего на 2,3%. Иначе говоря, целое полугодие шло под знаком «самотека» без достаточных организационных усилий, без необходимого общественного подъема и одушевления на этом участке хозяйственного строительства.

Тем более характерны те успехи, какие оказались достигнутыми к концу года, когда рабочие активно в порядке социалистического соревнования приняли участие в деле рационализации производства и снижения себестоимости. Эти успехи и уровень себестоимости, достигнутый к концу года, дали нам право не снижать, а даже повысить наши задания в этой области на следующий год.

В области производительности труда мы шли в 1928/29 г. в общем на уровне плановых заданий. В области капитальных затрат, включая дополнительные сверхплановые ассигнования, имевшие место после сверстки контрольных цифр, мы, вероятно, даже превзойдем первоначальный план. Бюджет, по имеющимся предварительным расчетам, будет выполнен с превышением доходов над расходами миллионов на 200.

Все эти весьма благоприятные показатели отнюдь не следует, конечно, истолковывать в том смысле, что план 1928/29 г. был запроектирован без всякого напряжения. Нет, весь опыт его выполнения свидетельствует о достаточной напряженности прошлогоднего плана, взятого в целом. Достаточно вспомнить о пережитых трудностях на продовольственном фронте, об узких местах на фронте строительства, о транспортных затруднениях, о сжатости нашей импортной программы, о напряженности

нашей кредитной системы и т. д. *Все эти трудности, однако, несмотря на преувеличенное их подчеркивание со стороны пессимистов, не помешали нам в общем выполнить намеченную программу социалистического строительства полностью и даже с некоторым превышением как раз на самых для нас важных участках индустриализации и социализации нашей страны.*

2. УСТАНОВКИ НА 1929/30 г.

В проектировках на 1929/30 г., учитывая опыт первого года пятилетки и такие богатейшие, еще не использованные резервы, как социалистическое соревнование и непрерывная производственная неделя, мы считаем вполне реальным дальнейшее ускорение темпов индустриализации и социализации нашего хозяйства по сравнению с темпами оптимального варианта пятилетки.

Этому, несомненно, будет содействовать и тот маневр в области перераспределения народного дохода, который должен выправить не вполне благоприятные для нас в этой области результаты прошлого года. И усиленная программа займов в городе и деревне, и паенакопление кооперации, и целый ряд нововведений в области промыслового обложения, при правильном классовом подходе к их осуществлению, должны нам дать значительные дополнительные ресурсы для вышеуказанной цели.

Наконец, к ней же ведет и тот объективный факт, что само реальное строение народного дохода, т. е. чистой продукции 1929/30 г., предопределяет собою усиление доли общественного накопления за счет непроизводственного потребления.

В балансе непроизводственного потребления продукция сельского хозяйства играет огромное, чтобы не сказать решающее, значение в нашей стране. На будущий год мы намечаем большое расширение этой продукции. Но плоды этого расширения войдут лишь в потребительский баланс 1930/31 г., потребление же 1929/30 г. придется базировать на урожае 1929 г. таком, каков он есть. А этот урожай несколько ниже наших ожиданий по пятилетке. Так, например, вместо 10% прироста сбора по зерновым в сравнении с 1928 г. мы имеем лишь 2,8%, т. е. на 7% ниже плана, а продукция животноводства, по всей вероятности, будет почти на 10% ниже плана. Уже эти две статьи означают значительное реальное сокращение потребительного фонда страны. А между тем общая сумма ожидаемого народного дохода на 1929/30 г. отнюдь не меньше учтенной по пятилетке. Значит, доля в нем ценностей, подлежащих по самому своему назначению *производственному* использованию и накоплению, больше, чем было намечено по пятилетке.

Из этого вытекает реальная осуществимость более высоких темпов роста продукции и капитальных вложений, чем нами проектировалось на этот год в пятилетке. Но эта установка имеет и оборотную сторону. Высокая норма накопления предполагает высокие достижения в области роста производительности труда, снижения себестоимости, улучшения качества продукции. А эти достижения, помимо технической базы, предъявляют весьма повышенные требования и к живой рабочей силе, призванной осуществить такие достижения. Только очень высокая активность трудящихся может нам обеспечить высокие производственные достижения. А для этого должна быть в достаточной мере обеспечена энергетическая база необходимой нам активности, т. е. соответствующий продовольственный и общий потребительский фонд рабочего класса. Говоря короче, высокая норма накопления в наших советских условиях предполагает и высокую норму потребления трудящихся масс.

Продовольственным проблемам в предстоящем году поэтому должно быть оказано самое пристальное внимание. Чем менее обеспечено продовольственное снабжение страны наличными ресурсами в порядке обычного рыночного самотека, тем больше придется затратить усилий для посильной рационализации его методами планово-оперативной самособранности и организованности.

При отсутствии избытков в рамках того или иного вида снабжения мы должны направить его прежде всего туда, где оно всего нужнее, где оно даст наиболее полный эффект при своем использовании. Так, например, если наибольшую активность по плану должны проявить индустриальные рабочие в городах и трудовые кадры социалистического сектора в деревне, то им прежде всего и должно быть обеспечено возможно полное и бесперебойное снабжение всем необходимым.

Это предполагает дифференцированный классовый подход к проблемам снабжения и значительное расширение круга нормированного снабжения. Это, с другой стороны, предполагает углубление и обострение классовых противоречий вокруг проблем распределения и перераспределения народного дохода. Это сулит нам свои трудности в процессе осуществления народнохозяйственного плана на 1929/30 г. Но от них нам некуда уйти. Их можно и должно преодолеть.

3. ТЕМПЫ РОСТА

Количественный рост народного хозяйства СССР, запроектированный нами в контрольных цифрах на 1929/30 г., может быть выражен следующими показателями.

Планируемая промышленность — это ведущее звено нашего обобществленного хозяйства — получает задание увеличить свою продукцию на 1929/30 г. на 32,3% против 21,5%, намеченных по пятилетке. Железнодорожный транспорт увеличит свою валовую выручку на 23% вместо 14%, индустриальное строительство возрастет на 92% вместо 52%, торгово-посреднический оборот в неизменных ценах — на 34,6% вместо 25% [1].

Лишь сельскохозяйственная продукция урожая 1929 г. отстает от этих темпов.

Если, исходя из чистой продукции 1927/28 г., исчисленной по пятилетке, и объемных темпов роста по всем отраслям хозяйства, определить общий объемный рост продукции за два первых года пятилетки, то получим такое сопоставление (см. табл. 1).

Приведенный расчет весьма условен, но в качестве индекса физического объема народной продукции он все же достаточно показателен. Продукция народного хозяйства страны в целом за первый год пятилетки возросла на 12,3%, а за второй обещает дать еще более грандиозный прирост в 21% против 16%, намеченных в пятилетнем плане. И это несмотря на то, что по сельскому хозяйству мы имеем недобор за первый год примерно на 165 млн., а за второй — даже в 700 млн. руб. против пятилетнего плана.

Правда, с учетом намеченного снижения цен на 1929/30 г. прирост народного дохода за этот год будет значительно ниже. И, в общем, динамика его за предшествующие годы по пересчету, произведенному в Госплане, представится в следующих цифрах (в ценах соответствующих лет):

Годы	Народный доход		Годовой прирост (в %)	
	общий (в млн. руб.)	на 1 душу (в руб.)	общий	на 1 душу
1925/26	21 230	147	—	—
1926/27	22 945	155	8,0	5,4
1927/28	25 351	168	10,5	8,4
1928/29	29 897	193	17,9	14,9
1929/30	33 845	214	13,2	10,9

Данные этого расчета, к сожалению, несравнимы с данными пятилетки вследствие целого ряда уточнений в оценках и учете продукции. Но динамика приведенного ряда весьма любопытна.

[1] С учетом падения цен ожидается увеличение этого оборота на 26% против 20% по пятилетке.

Таблица 1

Физический объем продукции народного хозяйства
(в неизменных ценах 1927/28 г.)

Отрасли хозяйства	Абсолютные итоги (в млн. руб.)					Годовой прирост (в %)			
	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	ожидаемое исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	по пятилетнему плану	ожидаемое исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Промышленность:									
а) цензовая	5 214	6 172	6 313	7 469	8 308	18,4	21,1	21,0	31,6
б) мелкая	1 235	1 318	1 288	1 429	1 396	6,7	4,3	8,4	8,4
Итого	6 449	7 490	7 601	8 898	9 704	16,2	17,9	18,8	27,7
в) акциз	1 360	1 612	1 609	1 870	2 108	18,5	18,3	16,0	31,0
Итого с акцизом	7 809	9 102	9 210	10 768	11 812	16,6	18,0	18,3	28,2
2. Сельское хозяйство:									
а) земледелие	9 466	9 797	9 636	10 600	9 896	3,5	1,8	8,4	2,7
б) лесное хозяйство	1 459	1 634	1 630	1 823	1 819	12,0	11,7	11,6	11,6
в) рыболовство и охота	360	383	383	436	436	6,3	6,3	13,9	13,9
Итого	11 285	11 814	11 649	12 859	12 151	4,7	3,2	8,9	4,3

Продолжение

Отрасли хозяйства	Абсолютные итоги (в млн. руб.)					Годовой прирост (в %)			
	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	ожидаемое исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	по пятилетнему плану	ожидаемое исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3. Строительство:									
а) несельское	1 068	1 463	1 442	2 224	2 760	37,0	35,0	52,0	91,6
б) сельское	520	498	535	502	531	— 4,3	2,8	0,8	— 0,8
Итого	1 588	1 961	1 977	2 726	3 291	23,5	24,5	39,0	66,6
4. Транспорт									
а) железнодорожный	1 061	1 162	1 278	1 299	1 505	9,5	20,5	11,8	17,8
б) прочий	82	90	92	100	99	9,2	12,5	11,0	7,4
Итого	1 143	1 252	1 370	1 399	1 604	9,5	19,9	11,7	17,1
5. Связь	118	130	130	142	163	9,8	9,8	9,0	25,2
6. Товарооборот	2 738	3 313	3 395	4 141	4 570	21,0	24,0	25,0	34,6
Всего	24 681	27 572	27 731	32 035	33 591	11,7	12,3	16,2	21,2
Индекс	100	111,7	112,3	129,8	136,1	—	—	—	—

Мы имеем здесь, несомненно, резко возрастающий ряд. А если учесть некоторое повышение цен в 1928/29 г., объясняющее преувеличенный прирост дохода этого года и *видимое* снижение для следующего, то реальное возрастание этого ряда даст еще более резкий темп, чем номинальное. Очевидно, потенции советского хозяйства еще только развертываются.

Любопытно отметить, что по некоторым показателям, например по грузообороту железных дорог и по общей сумме доходного бюджета, мы уже на целый год обогнали темпы пятилетки.

Мы видим, однако, что власть стихий еще больно дает себя знать на фронте сельского хозяйства. Лишь усилиями ряда лет сможем мы изжить здесь путы векового прошлого. Однако блестящий марш социалистического сектора сельского хозяйства нам явственно говорит, что и здесь перелом не за горами.

Если рассматривать план как внутренне связанное целое, в котором слишком быстрое продвижение на одном участке, при резком отставании на других, ставит под угрозу не только цельность планового замысла, но и самую реальность его осуществления, то игнорировать или недооценивать наше отставание в области сельского хозяйства нам, конечно, не приходится. Метеорологические условия и тому подобные объективные факторы, стоящие вне нашего планового воздействия, могут и затруднять наши задачи и приходить нам на помощь. И тогда выполнение нашей пятилетки чрезвычайно облегчится. Но, если не рассчитывать на такие случайности, то, очевидно, из-за отставания в области земледелия нам приходится именно на этом участке нашего строительного хозяйственного фронта развивать особо бдительную зоркость, поддерживать особую напряженность трудовых строительных отрядов.

Уже в плане 1929/30 г. мы намечаем к осуществлению очень большие задания в области сельского хозяйства. *Расширение посевов зерновых культур на 8% и общее повышение сбора зерновых в 1930 г. на 16,6% при огромном расширении обобществленного клина и контрактации хлеба на корню, а также решительные сдвиги в области подъема хлопководства и других сырьевых культур уже в планируемом году потребуют от нас очень больших усилий.*

4. КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Намеченные выше количественные темпы роста предполагают не меньшие достижения в области качественных показателей. Задания плана в этой области направлены по трем основным линиям: 1) по линии повышения общей производительности труда, 2) по линии снижения себестоимости продукции и 3) по линии улучшения качества этой продукции.

В области повышения производительности за счет намеченной планом технической реконструкции и рационализации труда мы рассчитываем по планируемой промышленности поднять общий уровень производительности не ниже чем на 23%. Дальнейшее уточнение расчетов, вероятно, позволит нам поднять эту норму до 25%. По сравнению с достижением предыдущего года в 16% это задание очень велико, но и сумма капитальных затрат в промышленности за 1929/30 г. превысит почти в 2 раза затраты истекшего года. А капитальное перевооружение труда — основной ресурс для повышения его производительности. Достаточно сказать, что только на электрификацию мы за 1929/30 г. повышаем вложения с 369 млн. в предплановом году до 608 млн. руб., т. е. на 65%, причем выработка электроэнергии повысится на 34,5%, а установленная мощность — на 37,4%. При этом основные фонды промышленности (в неизменных ценах), даже *без электростанций,* возрастают за год на 33,5%, а рабочая сила — только на 6,6%. Таким образом, *капиталовооруженность* каждого рабочего возрастает по меньшей мере на те же 25%, которых мы от него ожидаем в области повышения производительности труда.

В связи с таким крупным скачком (от 16 к 25%) в нормах производительности труда мы соответственно повышаем свои задания и в области снижения себестоимости. Она должна быть снижена по нашей установке за 1929/30 г. на 11%. Это трудное, но все же осуществимое задание. Исходя из расчетов ВСНХ, обосновывающих 9,5% снижения, и внося в них некоторые поправки, вытекающие из установок Госплана, мы можем представить суммарный расчет по снижению себестоимости в следующей схеме (см. табл. 2).

Эта схема как нельзя лучше выявляет, по каким линиям намечаются наиболее крупные сдвиги в рационализации промышленности. Наиболее значительные эффекты обещает нам снижение норм потребной для производства рабочей силы и материалов (—8,3%). Что касается эффекта от снижения цен по топливу и материалам, то он с избытком перекрывается намеченным повышением уровня оплаты труда. Снижение амортизации и прочих заводских и трестовских накладных расходов на единицу продукции тоже составляет весьма заметную величину (2,6%). Но оно является естественным результатом резкого повышения продукции по отношению к этим мало зависящим от размеров производства видам расходов.

Собственно говоря, *рационализация* производства характеризуется в этой схеме с достаточной полнотой только тремя коэффициентами: снижением нормы потребной рабочей силы на 20%, нормы топлива — на 12, сырья и материалов — на 5%. О факторах, повышающих эффективность использования труда, мы

Таблица 2

Схема заданий по снижению себестоимости продукции в планируемой промышленности на 1929/30 г. (в %)

Элементы себестоимости	Структура 1928/29 г.	Снижение по элементам за счет		Общее снижение за счет			Остаток себестоимости	Структура 1929/30 г.
		норм	цен	норм	цен	итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Сырье и материалы:								
а) сельское хозяйство	16,6	2,0	1,0	0,33	0,16	0,49	16,11	18,1
б) промышленность	25,2	7,0	6,0	1,76	1,41	3,17	22,03	24,8
Итого	41,8	5,0	3,96	2,09	1,57	3,66	38,14	42,9
2. Топливо и энергия	4,6	12,0	4,0	0,55	0,16	0,71	3,89	4,4
3. Зарплата с начислениями	31,2	20,0	—9,0	6,24	—2,16	4,08	27,12	30,5
4. Налоги и сборы	5,0	—	—	—	—	—	5,0	5,6
5. Амортизация	5,0	15,0	—	0,75	—	0,75	4,25	4,8
6. Прочие накладные расходы	4,1	17,0	—	0,70	—	0,70	3,40	3,8
Заводская себестоимость	91,7	11,3	—0,53	10,33	—0,43	9,90	81,80	92,0
7. Трестовские расходы:								
а) уравнительный сбор	3,4	—	—	—	—	—	3,40	3,8
б) прочие	4,9	23,0	—	1,13	—	1,13	3,77	4,2
Итого	8,3	13,6	—	1,13	—	1,13	7,17	8,0
Коммерческая себестоимость	100,0	11,46	—0,49	11,46	—0,43	11,03	88,97	100,0

уже говорили. Повышение коэффициентов использования топлива тоже в достаточной степени обеспечено огромной программой электрификации и затратами на обновление прочих силовых установок. Но к этому следует прибавить, что заверстанное здесь задание заслуживает огромного внимания не столько в интересах снижения себестоимости, где роль его невелика, сколько с точки зрения общего топливного баланса страны. К этому балансу в 1929/30 г. предъявляются настолько повышенные требования, что свести его удовлетворительно можно только при запроектированной норме рационализации топливосжигания. Что же касается намеченной экономии в нормах сырьевого и материального снабжения на 5%, то хотя она и не слишком велика, но при огромном удельном весе этой статьи в валовой продукции значение ее в нашем общем — тоже весьма напряженном — сырьевом балансе трудно переоценить.

Все эти задания должны быть выполнены, ибо только при этом условии окажутся вполне реальными намеченная программа строительства и все количественные достижения в области запроектированных темпов роста народного хозяйства.

Наконец, несколько слов об улучшении качества продукции. Мы уже не в первый раз выдвигаем это задание. Но, поскольку качество продукции не поддается точному учету, это задание большей частью остается без всякого исполнения. А при нажиме по линии снижения себестоимости мы зачастую наблюдаем даже явное ухудшение качества произведенной продукции. Но мы не можем допустить такого явного обхода плановых директив. Чтобы догнать и перегнать своих капиталистических соперников, советская промышленность должна не только удешевлять, но и улучшать свою продукцию.

Как же этого достигнуть?

Мы считаем возможным и необходимым идти в этом отношении по двум путям. Прежде всего при заключении коллективных договоров должно быть со стороны хозяйственников внесено общее требование о *снижении брака* за 1929/30 г. по меньшей мере на 10% против существующей нормы. А если при этом еще в договорах будут точно установлены условия браковки [1], то дело будет стоять на совершенно твердом фундаменте. Практика же социалистического соревнования и социалистического сотрудничества, опираясь на такой фундамент, обеспечит нам дополнительное ускорение качественных достижений на этом фронте.

Второй путь заключается в повышении общего уровня качества продукции путем пересмотра программного ассортимента изделий по каждому тресту. Задача сводится к получению из

---

[1] Т. е., говоря иначе, стандартные качества изделий, не подлежащих браковке.

одного и того же материала большего выхода высшего сорта изделий. При недостатке сырьевых ресурсов этот путь заслуживает особого внимания. Например, у нас не хватает хлопка для существующих текстильных предприятий при данном ассортименте их изделий. Но если мы возьмем установку на более высокий средний номер пряжи, перезаправим ткацкие станки так, чтобы за счет сокращения более грубых и дешевых тканей, например бязи и рядовых ситцев, увеличить процент более дорогих ситцев, нансука, батиста, маркизета и т. п., то из того же количества хлопка создадим большую массу ценностей. Правда, для этого придется затратить и большее количество труда, так как более высококачественный ассортимент изделий повышает общую трудоемкость работы. Но это повышение трудоемкости нам крайне желательно, в особенности в текстильной промышленности, где чувствуется перенасыщение рабочей силой. Но и в других отраслях мы могли бы этим путем занять дополнительные кадры рабочих и сократить имеющиеся еще резервы армии труда.

5. ТРУД И КУЛЬТУРА

Выполнение высоких качественных показателей требует организованных усилий всех трудящихся. И потому одной из наиболее центральных проблем плана является проблема обеспечения необходимой активности и организованности мобилизуемой по плану рабочей силы.

Общий размер наемной армии труда в СССР в середине 1928/29 г. составлял 12 150 тыс., а через год нам потребуется уже 13 264 тыс. Это составляет прирост в 1114 тыс., или 9,2%, вместо 7,5%, запроектированных по оптимальному варианту пятилетки. Средний уровень оплаты труда по всем его категориям намечается повысить по номиналу на 7,9%, в том числе для промышленных рабочих — на 9%.

При 25% повышения производительности труда такая прибавка заработной платы представляется довольно скромной. Однако если учесть еще проектируемое снижение бюджетного индекса на 4%, то общий подъем реальной оплаты труда придется определить не ниже 13,5%. Но это только индивидуальная заработная плата. А между тем в наших советских условиях рабочий класс, помимо индивидуальной оплаты труда, получает довольно крупные суммы в порядке коллективного обслуживания его нужд по социальному страхованию, фондам улучшения быта рабочих (фубр) и другим статьям. В частности, за 1929/30 г. только по отчислениям от прибылей в фубр промышленные рабочие получат миллионов на сто больше прошлогоднего. А это составляет еще добавочную прибавку к фонду их зарплаты около 3%.

В общем, по совокупному фонду индивидуальной и коллективизированной заработной платы мы будем иметь, несомненно, больше 13,5% прироста.

В условиях неблагоприятного продовольственного баланса было бы неосторожно идти на более значительное повышение реальной оплаты труда в предстоящем году. У нас, к сожалению, до сих пор нет еще сколько-нибудь достоверного хлебофуражного баланса. Предварительные подсчеты, которые получались из ЦСУ, примерно гарантируют нам стабильность хлебоснабжения на уровне прошлого года. Баланс мясного снабжения тоже складывается для будущего года стесненным. По другим пищевым ресурсам, за исключением рыбы, растительного масла и картофеля, мы тоже не имеем видов для осуществления желательного подъема. По сахару нам угрожает значительное недовыполнение плана. В общем же, по всему продовольственному балансу для городского населения мы, вероятно, повысим снабжение на 5% против второго полугодия 1928/29 г. Такая программа еще не соответствует нашим производственным задачам. И мы должны принять решительные меры для ее расширения.

В числе этих мер укажем на большую программу контрактации мясного скота, обеспечивающую нам путем удлинения сроков нагула и снабжения концентрированными кормами не менее 150 тыс. *т* добавочной мясной продукции. Наряду с этим намечен ряд мер, ограничивающих вывоз из страны на предстоящий год дефицитных продовольственных продуктов и усиливающих их ввоз. Вполне возможен и необходим значительный ввоз мясного скота и риса из стран Востока, ввоз сахара-сырца, селедки и целого ряда других продуктов. Как ни ограничены наши экспортные ресурсы, но необходимые комбинации для указанного импорта могут быть найдены. Их необходимо изыскать.

Наряду с этим программа снабжения городского населения вообще и рабочих центров в особенности должна быть продумана на предстоящий год так, чтобы не оставалось риска каких-либо заторов и перебоев. Покупательный спрос рабочих в связи с намеченным ростом зарплаты возрастает в предстоящем году значительно сильнее, чем у других групп населения. Учитывая это, программа нормированного снабжения должна быть построена на дифференциальной основе. При этом условии мы можем утверждать на базе проработанных в Госплане продовольственных балансов по всем основным продуктам питания, что рабочему населению может быть обеспечена не только стабильность, но и достаточное улучшение продовольственного снабжения.

Если взять за базу набор продуктов, вполне нормальный по условиям снабжения 1927/28 г., то душевой рацион рабочего за год стоил 134 р. 66 к. В 1928/29 г. этот рацион по тем же ценам оставался примерно на том же уровне — 133 р. 98 к. — с ухуд-

шением по хлебу на 9,5%, но с компенсацией этого недобора по другим продуктам. В 1929/30 г. этот рацион может быть поднят до 139 р. 35 к. в ценах 1927/28 г., т. е. на 4% против среднегодовой нормы предыдущего года и процентов на 10 против второго полугодия того же года.

Это не много, но все же вполне достаточно, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы и подвести необходимую энергетическую базу для дальнейшего развития активной творческой самодеятельности рабочего класса.

В области снабжения прочими предметами широкого потребления, кроме пищевых, наши возможности несравненно шире. И с этой точки зрения намеченный прирост реальной заработной платы вполне обеспечен.

Огромное расширение строительной программы 1929/30 г. с 4262 млн. руб. по пятилетке до 5409 млн. руб., т. е. на 27%, и общее ускорение темпов развертывания работы промышленности и транспорта потребуют от нас соответствующего расширения кадров рабочей силы вообще и квалифицированной в особенности.

Это сильно облегчает нашу задачу по борьбе с безработицей. Вопреки предсказаниям пессимистов об угрожающем нам росте безработицы, можно уже в 1928/29 г. отметить определенный перелом в этом отношении, а за 1929/30 г. мы намечаем снижение резерва городской армии безработных на целый десяток процентов. Но вместе с тем возрастают наши трудности по комплектованию новых кадров квалифицированной рабочей силы. На бирже труда находить их становится все труднее. И нам предстоит на это дело затратить не мало организационных усилий и средств.

Подробная программа мероприятий в этой области — по переквалификации безработных, обучению новых кадров, расширению контингентов техникумов и втузов — дана в материалах секции труда и культуры. И здесь мы должны остановиться только на одном вопросе, не получившем еще окончательного разрешения.

Нам нужно обеспечить наличную потребность в квалифицированных кадрах не только с количественной стороны, но и со стороны их качества. В частности, мы должны обеспечить лучший социальный отбор из рядов пролетариата тех кадров, какие придется выдвигать на командные должности. В этих целях еще в пятилетке нами была выдвинута идея специального классового стипендиального фонда, который мы назвали рабочим фондом социального воспитания. Его назначение — обеспечить содержание обучающихся ныне детей рабочих во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, чтобы свести к минимуму огромный отсев рабочей молодежи этих школ, вынужденной по своей необеспеченности рано уходить из школы на фабрику или другую работу.

Мы предполагали создать этот фонд по образцу существующего уже классового медицинского фонда в порядке дополнительного отчисления от заработной платы рабочих и служащих органам социального страхования. Это расширение функций социального страхования функциями общественного воспитания пролетариата, на наш взгляд, является вполне своевременным. Огромные успехи по линии обобществления на всех участках нашего хозяйственного фронта не могут остаться без влияния на систему нашего распределения благ вообще и на систему оплаты труда в особенности. В области зарплаты мы давно уже вступили на путь частичного ее обобществления. Уже теперь коллективизированная часть зарплаты, которую рабочий класс получает в порядке социального страхования, фондов улучшения быта рабочих и в других формах, составляет не менее 12—15% от индивидуальной зарплаты. Но это только начало.

Тенденция к обобществлению зарплаты неизбежно должна получить дальнейшее свое развитие. За рабочим медфондом уже намечается рабочий фонд общественного воспитания, за ним, несомненно, возникнет потребность в таких же рабочих фондах общественного питания. И со временем индивидуальная часть зарплаты может превратиться лишь в специальный добавочный фонд для премирования за повышенное качество индивидуальной работы.

Конечно, это пока лишь перспектива, но и в настоящее время потребность в создании специального рабочего фонда социального воспитания ни у кого не вызывает сомнения. Спорят лишь о размерах его и формах организации. Была, между прочим, высказана мысль о возможности его образования за счет дополнительного отчисления от прибылей. Но это едва ли рациональный путь. Потребность в рациональном воспитании рабочей молодежи имеется налицо во всех отраслях труда и производства, а не только в хозрасчетных да еще прибыльных. Наша политика цен не обеспечивает пока прибыльности горного дела, металлургии и многих других отраслей труда, но дети горняков и металлистов, обучающиеся в школах, нуждаются в нашей помощи не меньше других. Воспитание детей рабочих и по существу входит в общую стоимость воспроизводства рабочей силы и, стало быть, должно покрываться за счет необходимого, а не прибавочного продукта рабочих. Вот почему проектируемый фонд должен образоваться в том же порядке, как и другие формы зарплаты, т. е. включаться в калькуляцию себестоимости, а не отчисляться за счет прибылей.

В отношении размеров проектируемого фонда мы считали бы возможным на первый год ограничиться отчислением одного процента от зарплаты всякого рода хозрасчетных — государственных и частных — предприятий, что по планируемой промышлен-

ности составит около 30 млн. руб., а по всем отраслям труда, не включая сюда госбюджетных учреждений, — до 80 млн. руб. В последующие годы этот процент отчисления придется, конечно, постепенно повышать и круг страхуемых расширять, включая соответствующие затраты в общую норму планового повышения зарплаты.

В области жилищного строительства за 1929/30 г. мы намечаем ряд мероприятий по удешевлению строительства минимально на 13,7% и повышаем общую сумму затрат по этой линии с 562 млн. руб. в 1928/29 г. до 819 млн. руб., т. е. на 45,6%, а в пределах обобществленного сектора — даже на 56,2%. Такого скачка в этой области мы еще не имели за весь истекший советский период строительства. И все же это позволит нам повысить душевую норму жилфонда только с 5,8 до 5,9 *кв. м* в обобществленном секторе, т. е. едва на 1,7%.

6. БАЛАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Центральной частью нашего плана является программа капитального строительства. Ей посвящен особый раздел контрольных цифр. Но в порядке балансовой проверки плана нам надлежит прежде всего выяснить, в какой мере обеспечена эта программа реальными ресурсами и каково то распределение народного дохода, которое вытекает из нашей программы накопления.

Конечно, в этой области возможны только очень приблизительные ориентировочные расчеты. Но все же мы не могли бы их обойти. Приведем поэтому прежде всего следующую таблицу (см. табл. 3).

Как видим, в рыночной оценке каждого года народный доход за 1929/30 г. возрастает, говоря грубо, на 4 млрд., а по физическому его объему — на 6 млрд. руб. Любопытнее всего, однако, то, что весь этот прирост целиком падает на обобществленный сектор, так как доход частного сектора даже сокращается на 750 млн. руб. Это последнее сокращение объясняется прежде всего процессами обобществления индивидуального производства значительной части крестьян, кустарей и ремесленников в кооперативном секторе. Недаром этот сектор дал за один год рекордный прирост в 34,2%, т. е. дал лишних 1150 млн. руб. В этой цифре, вероятно, и оказались три четверти миллиарда, потерянные частным сектором. А, во-вторых, на этот факт оказал, конечно, влияние и урожай 1929 г. Как известно, посевы индивидуального сектора в этом году дали всего 1% прироста, а скот — даже некоторое снижение. Неважный урожай в целом ряде районов, с одной стороны, и кооперирование значительных трудовых масс, с другой — в достаточной степени

Таблица 3

Баланс производства и распределения народного дохода

(в ценах каждого года)

Социальные секторы и классы	Абсолютные размеры (в млн. черв. руб.)			Структура (в % к итогу)			Прирост за год (в %)	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. В приходе (по секторам)								
1. Государственный сектор	10 633	12 620	16 167	41,9	42,2	47,8	18,7	28,1
2. Кооперативный	2 515	3 357	4 505	9,9	11,2	13,3	33,5	34,2
Итого	13 148	15 977	20 672	51,8	53,4	61,1	21,5	29,4
3. Частный	12 203	13 920	13 173	48,2	46,6	38,9	14,1	—5,4
Всего	25 351	29 897	33 845	100,0	100,0	100,0	18,0	13,2
Б. В расходе (по классам)								
1. Рабочие:								
а) сельскохозяйственные	560	632	734	2,2	2,1	2,2	12,9	16,1
б) индустриальные и пр.	8 684	10 045	11 731	34,3	33,6	34,6	15,7	16,8
Итого	9 244	10 677	12 465	36,5	35,7	36,8	15,5	16,7

Продолжение

Социальные секторы и классы	Абсолютные размеры (в млн. черв. руб.)			Структура (в % к итогу)			Прирост за год (в %)	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2. Крестьяне-земледельцы	13 264	15 545	16 726	52,3	52,0	49,4	17,2	7,6
3. Ремесленники и прочее трудовое население	1 799	1 745	1 656	7,1	5,8	4,9	—3,0	—5,1
4. Городская буржуазия	568	515	467	2,2	1,7	1,4	—9,4	—9,3
5. Прочие группы	504	527	549	2,0	1,8	1,6	4,5	4,2
Итого доходов населения — брутто (1—5)	25 379	29 009	31 863	100,1	97,0	94,1	14,3	9,8
В т. ч. повторный счет	2 238	2 436	3 291	8,8	8,2	9,7	8,9	35,1
Итого без повторного счета — нетто	23 141	26 573	28 572	91,3	88,8	84,4	14,8	7,5
Накопление обобществленного сектора	2 210	3 324	5 273	8,7	11,2	15,6	50,4	58,6
Баланс	25 351	29 897	33 845	100,0	100,0	100,0	18,0	13,2
То же в ценах 1926/27 г.	25 070	28 133	34 218	—	—	—	15,8	21,6

объясняют указанный факт. К этому можно добавить лишь одно, что в недалеком будущем этот процесс поглощения частного сектора обобществленным пойдет, несомненно, еще быстрее. Распределение народного дохода по отдельным группам населения показывает, что не только буржуазия, но и довольно широкие слои неземледельческого трудового населения обнаруживают хотя и медленное, но весьма последовательное абсолютное снижение своих доходов. Это объясняется абсолютным сокращением их численности. Крестьянство, включая сюда и кооперированную его часть, пока еще не обнаруживает такого абсолютного падения. Но если учесть, что уже в 1930 г. по нашему плану весь прирост населения деревни исчисляется в 1,1 млн. душ, а население колхозов должно вырасти на 2,2 млн. душ., то, значит, и здесь мы должны получить абсолютное снижение числа индивидуальных хозяйств, а затем и их доходов.

В свете этих фактов мы уже можем обратиться к масштабам возможного накопления. В нашей таблице приведены только итоги прибылей и рентных доходов госсектора. Но государство располагает еще целым рядом иных методов аккумулирования ресурсов для производственного накопления. Этой цели могут служить и налоги, и займы, и паенакопление кооперации, и многие другие пути. С учетом всех этих источников общий итог ресурсов, которые охватываются нашим финансовым планом, достигает 17200 млн. руб. Из них на управление и оборону намечается обратить всего 1712 млн. руб., на культурное строительство — 3772 млн. руб. и на финансирование народного хозяйства — 11724 млн. руб. По пятилетке эта последняя цифра была на 2800 млн. руб. ниже.

Если же выделить из указанной программы финансирования затраты амортизационного и операционного назначения и учесть лишь те суммы, какие обращены на накопление производственных фондов обобществленного сектора, то получим для 1929/30 г. сумму в 8884 млн. руб. За 1928/29 г. эта сумма достигала только 4327 млн. руб.

Этот скачок в накоплении оказался возможным, конечно, только потому, что и народный доход по обобществленному сектору дает не меньший скачок. В самом деле, этот прирост составит по нашей таблице 4695 млн. руб., а сумму накопления мы увеличиваем на 4557 млн. руб. Таким образом, мы почти весь прирост народного дохода в обобществленном секторе целиком обращаем на цели социалистического накопления. Это свидетельствует об известном напряжении плана. Но его не следует преувеличивать.

Необходимо помнить, что *реальный* прирост народного дохода в 1929/30 г. составит не 4 млрд., а 6 млрд. руб. Благодаря игре цен реальное значение рубля в народном доходе 1929/30 г. равно

1 р. 13 к. в доходе предыдущего года. Таким образом, хотя фонд потребления за 1929/30 г. не дает *видимого* прироста, но его реальное значение все же будет значительно выше прошлогоднего.

Обращаясь к темпам роста народного дохода по отдельным социальным группам, важно отметить следующее характерное обстоятельство. За 1928/29 г. рабочий класс увеличил свой доход только на 15,5%, а крестьянство благодаря росту цен — на 17,2%. Предстоящий год резко изменяет это соотношение. Крестьянство получает прирост только в 7,6%, в то время как рабочие — на 16,7%.

Однако при оценке этого факта опять-таки не следует забывать о смещениях цен. В сущности огромный прирост доходов деревни за 1928/29 г. на 2,3 млрд. руб. в большей своей части имеет только номинальное значение. Он объясняется переоценкой *всей* его продукции по повышенным ценам. Но реальное для него значение имело повышение цен только в отношении товарной части его продукции. А в этой части имело место следующее. Всего на повышении цен сельской продукции деревня выиграла, по подсчетам Госплана, 459 млн. руб., в том числе за счет сверхплановых накидок — 329 млн. руб. Но в то же время на повышении промышленных цен сверх плана и обратных покупках хлеба в городе она потеряла 214 млн. руб. Таким образом, чистый ее выигрыш не превышает 245 млн. руб.

Заверстанные в нашем финансовом плане меры по кредитным операциям и прочим изъятиям из доходов деревни намечают повышение их против прошлого года на 398 млн. руб. Таким образом, они в достаточной мере перекрывают вероятное накопление свободных ресурсов деревни.

В финансовом отношении программа строительства 1929/30 г. хотя и с напряжением вполне обеспечена. Бюджет, запроектированный в 10,4 млрд. руб., выделяет для этой цели около 3,81 млрд. руб., да еще местный бюджет должен дать для этого свыше 1 млрд. руб., остальное покрывается собственными ресурсами обобществленного сектора и привлеченными средствами населения. В частности, за счет эмиссионных источников в кредитный план заверстано около 380 млрд. руб.

В материальном отношении намеченная программа продукции и капитального строительства, как это удостоверено всей суммой построенных нами специальных балансов, тоже выполнима. И баланс топлива, и баланс строительных материалов в общем вполне увязываются с намеченным планом. Баланс металла требует некоторого подкрепления за счет импорта, но это подкрепление вполне осуществимо.

Из других балансов особого внимания заслуживает баланс рыночного спроса и предложения (см. табл. 4). Этот баланс при намеченных сдвигах цен тоже оказался довольно напряженным.

Таблица 4

Баланс реализации промышленных товаров

Статьи баланса	В млн. черв. руб.			В % к предыдущему году	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6
А. Предложение					
1. Запасы товаров к началу года:					
а) у производителей . .	1 250	1 350	1 386	108,0	102,7
б) в товаропроводящих каналах	1 630	1 990	2 581	122,1	129,6
Итого запасов .	2 880	3 340	3 967	116,0	118,8
2. Товарная продукция:					
а) крупной промышленности (с акцизом)	10 961	13 314	17 054	121,5	128,1
б) мелкой промышленности	2 360	2 535	2 750	107,4	108,5
Итого	13 321	15 849	19 804	119,0	125,0
3. Прочее предложение.	552	583	704	105,6	120,8
Итого (1—3) . .	16 753	19 772	24 475	118,0	123,8
4. Торгово-транспортная накидка	3 229	3 858	4 748	119,5	123,1
Всего (1—4) . .	19 982	23 630	29 223	118,3	123,7
Б. Спрос					
1. Организованного рынка:					
а) на средства производства	6 609	8 142	11 565	123,2	142,0
б) на предметы потребления	811	950	1 105	117,1	116,3
Итого	7 420	9 092	12 670	122,5	139,4

Продолжение

Статьи баланса	В млн. черв. руб.			В % к предыдущему году	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6
2. Широкого рынка (населения):					
а) на средства производства	2 267	2 510	2 878	110,7	114,7
б) на предметы потребления	6 511	7 070	7 655	108,6	108,3
Итого	8 778	9 580	10 533	109,1	109,9
3. Прочий спрос	406	544	708	134,0	130,1
4. Запасы товаров к концу года:					
а) у производителей .	1 350	1 386	1 513	102,7	109,2
б) в товаропроводящих каналах	2 239	2 904	3 594	129,7	123,8
Итого	3 589	4 290	5 107	119,5	119,0
Всего (1—4) . .	20 193	23 506	29 018	116,4	123,5
Балансовая разница	—211	+124	+205	—	—
Баланс	19 982	23 630	29 223	118,3	123,7
Предложение на широкий рынок в ценах потребителя	8 567	9 702	10 736	113,2	110,7

Таблица 5

Индексы цен по переменным весам секторов
(1913 г. = 100)

Наименование индексов	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		В % к предыдущему году прирост (+) и убыль (—)			
						1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	отчетные данные	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	план	исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Отпускных цен госпромышленности:									
а) по группе «А»	169,0	164,0	166,6	154,0	156,6	—3,0	—1,4	—6,1	—6,2
б) » » «Б»	198,5	198,5	199,8	192,9	195,8	0,0	+0,7	—2,8	—2,0
Тотальный	185,3	183,3	229,0	175,6	177,4	—1,1	—0,3	—4,2	—4,0
2. Всесоюзный оптовый:									
а) промышленный	187,7	185,7	187,4	177,4	179,9	—1,1	—0,2	—4,5	—4,0
б) сельскохозяйственный	156,7	166,3	170,3	166,3	169,6	+6,1	+8,7	0,0	—0,4
Тотальный	178,4	180,3	182,3	175,2	177,0	+1,1	+2,2	—2,8	—2,9
3. Общеторговый розничных цен:									
а) промышленных	198,0	198,0	203,0	190,0	195,5	0,0	+ 2,5	—4,0	—3,7
б) сельскохозяйственных	194,0	194,0	223,0	189,0	219,0	0,0	+14,9	—2,8	—1,8
Тотальный	197,0	197,0	210,0	190,0	203,7	0,0	+ 6,6	—3,5	—2,7

Продолжение

Наименование индексов	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		В % к предыдущему году прирост (+) и убыль (—)			
						1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	отчетные данные	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	план	исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
4. Заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты:									
а) зерновые	134,6	156,6	190,4	155,4	180,6	+16,3	+41,5	—0,8	—5,1
б) технические	139,8	144,6	146,0	144,6	146,2	+ 3,4	+ 4,4	0,0	+0,1
в) животноводство	181,8	183,4	197,6	183,0	198,7	+ 0,9	+ 8,7	—0,2	+0,6
Тотальный	156,4	165,0	183,3	164,2	178,8	+ 5,5	+17,2	—0,5	—2,5
5. Бюджетный:									
а) промышленный	202,6	202,6	201,6	196,5	191,5	0,0	— 0,5	—3,0	—5,0
б) сельскохозяйственный	210,3	210,3	228,2	204,4	218,4	0,0	+ 8,5	—2,8	—4,3
Тотальный (33 товара) .	207,0	207,0	217,1	201,0	207,1	0,0	+ 4,9	—2,9	— 4,6
» (39 товаров)	198,7	204,3	209,8	199,2	201,4	+ 2,8	+ 5,6	—2,5	— 4,0
6. Строительства	247,0	222,0	229,0	200,0	200,0	—10,1	— 7,3	—9,9	—12,7

Таблица 6

Процессы обобществления по контрольным цифрам 1929/30 г.
(в млн. черв. руб.)

Показатели	Годы	Всего — абсолютные данные	В том числе секторы (в %)			
			государственный	кооперативный	итого обобществленный	частный
1	2	3	4	5	6	7
1. Наемный труд (в млн. работников)	1928/29	12 151	72,8	10,6	83,4	16,6
	1929/30	13 264	74,0	11,0	85,0	15,0
2. Валовая продукция:						
а) промышленности	1928/29	21 402	70,7	14,1	84,8	15,2
	1929/30	26 117	72,9	15,3	88,2	11,8
б) сельского хозяйства	1928/29	21 183	0,9	0,8	1,7	98,3
	1929/30	20 393	1,2	2,5	3,7	96,3
3. Товарная продукция:						
а) промышленности	1928/29	18 505	66,4	16,2	82,6	17,4
	1929/30	22 505	68,9	17,6	86,5	13,5
б) сельского хозяйства	1928/29	3 628	3,2	1,6	4,8	95,2
	1929/30	3 739	3,4	5,5	8,9	91,1
4. Торгово-посреднический оборот	1928/29	49 716	30,1	63,3	93,4	6,6
	1929/30	62 632	30,0	66,7	96,7	3,3
5. Основные фонды к концу года (в неизменных ценах 1926/27 г.)	1928/29	74 670	52,0	2,2	54,2	45,8
	1929/30	85 318	55,7	3,2	58,9	41,1
6. Оборотные фонды к концу года	1928/29	16 764	37,0	17,1	54,1	45,9
	1929/30	18 731	37,3	20,9	58,2	41,8
7. Капитальные вложения за год	1928/29	8 527	55,2	10,0	65,2	34,8
	1929/30	12 975	63,7	12,2	75,9	24,1

Дело в том, что в области цен, исходя из установок пятилетки, мы сочли возможными следующие задания. Отпускные цены ВСНХ должны быть снижены в среднем на 4%, в том числе по группе «Б» — на 2%. По розничным ценам в городской торговле мы должны получить 2,7% снижения. Бюджетный индекс при этих условиях сможет дать до 4% снижения (см. табл. 5). Спрос широкого рынка при таких установках возрастает на 9,9%, а предложение без дополнительных мероприятий нам давало рост всего в 7,1%. Однако с учетом намеченной продажи сахара и некоторых других товаров по повышенным ценам на ненормированном рынке, а также дополнительного обложения предметов

роскоши и комфорта возможное предложение возрастает на 10,7% и, таким образом, в общем перекрывает спрос.

В результате выполнения плана в народном хозяйстве СССР за 1929/30 г. должны произойти следующие социальные сдвиги (см. табл. 6).

Наемный труд в частном секторе уже в предшествующем году составлял не свыше 16,6% (батраки в крестьянских хозяйствах, пастухи и т. п.). В 1929/30 г. удельный вес их падает до 15%. В продукции промышленности доля частника падает за год с 15,2 до 11,8%, в том числе в цензовой — с 0,9 до 0,7%. Паровой транспорт давно уже обобществлен на все 100%. В торговом обороте доля частника падает в рознице с 18,6 до 10,7%, а во всем товарообороте — с 6,6 до 3,3%. В основных фондах страны эта доля падает за год с 45,8 до 41,1%, а в капитальных вложениях — с 34,8 до 24%. И даже в сельском хозяйстве, где преобладает пока частнохозяйственная стихия, мы идем колоссальными темпами к обобществлению. Достаточно сказать, что посевная площадь совхозов к 1930 г. вместо 25% по пятилетке возрастает на 108%, площадь колхозов — вместо 82 на 182% и т. д. Правда, эффект от этих приростов мы получим только в 1931 г. А пока в валовой продукции сельского хозяйства доля обобществленного сектора составляет всего около 3,7%, а в товарной — 8,9%. Но уже через год мы и в этой области будем иметь в 2—3 раза более высокие достижения.

Таким образом, в общем, и 1929/30 г., так же как и предшествующий ему по сравнению с пятилеткой, обещает нам при заметном отставании в темпах развития индивидуального хозяйства в деревне огромное превышение в темпах индустриального развития и обобществления хозяйства.

Буржуазная критика уже отмечала, что выполнение нашей пятилетки даже с большой скидкой против ее наметок придется рассматривать как жесточайшее поражение капиталистической системы хозяйства. Вступая во второй год пятилетки, мы с удовлетворением можем констатировать, что продвигаемся по намеченному пути даже скорее, чем предполагали, как бы это ни опрокидывало «плановые» предвидения наших противников.

II. О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ *

1. СОЦСОРЕВНОВАНИЕ И ПЛАН

При формальном отношении к плану, как к известному *документу* планирования, можно было бы отметить такие парадоксальные факты. В первом пятилетнем плане вовсе не было «предусмотрено» такое массовое движение, как сплошная коллективизация в деревне и социалистическое соревнование миллионов ударников в городах, а во втором пятилетнем плане не «предугадано» знаменующее собой целую революцию в нашей промышленности так называемое «стахановское движение» новаторов производства. Однако учеников Ленина едва ли можно было бы упрекнуть в формально бюрократическом отношении к планированию.

Коммунистическая партия давно уже усвоила истину, что никакой план не может учесть полностью всех тех возможностей, какие заложены в недрах советского строя и открываются лишь в ходе реализации, исправления и уточнения наших планов.

С этой точки зрения вовсе уже не столь существенно, все ли возможности, заложенные в плане, находят в нем свое отображение уже в самый момент составления этого плана или некоторые из них открываются лишь в процессе его осуществления. Гораздо важнее, что указанные выше формы массового движения, действительно, были заложены в самой основе планового хозяйства и подготовлялись всем ходом его исторического развития. Никто ведь не думает, что, скажем, грандиозное народное движение, связанное с задачей коллективизации деревни, возникло в наших условиях *случайно* или что оно протекало у нас *вне* нашего планового воздействия, так сказать *самотеком*. Точно так же не случайно возникло у нас и другое массовое движение —

* Первые четыре параграфа очерка написаны в ноябре 1936 г., пятый — в марте 1958 г. Публикуется впервые.

социалистическое соревнование. Общеизвестно, что наша партия на различных этапах не только *предусматривала* разные формы этого движения, но и сознательно его *организовала,* планомерно создавая все необходимые для его успехов объективные предпосылки. И хотя в точности предсказать момент, когда вполне созреют эти предпосылки и поднимется соответствующая волна движения, никто у нас не пытался, и, скажем, новаторское движение, поднимаясь снизу, началось вполне *самопроизвольно,* оно отнюдь не застало нас врасплох.

Однако все значение массового движения новаторов производства для советской плановой системы можно понять лишь твердо помня, что наши планы без *самодеятельности* масс, направленной на их выполнение и перевыполнение, не имели бы и малой доли нынешнего их действия. Хозяйственный план — это прежде всего *программа действий* пролетариата. Но какая была бы цена этой программе, если бы она не порождала в пролетариате того действенного отклика, на который она *рассчитана*? «Было бы глупо думать, — говорил И. В. Сталин хозяйственникам 23 июня 1931 г., — что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план» [1]. Социалистическое соревнование представляет собой эту *волю к труду* миллионов живых людей и готовность их работать *по-новому*. Их никоим образом нельзя отделять или противопоставлять плану, ибо миллионы этих людей в своей практической деятельности — это и есть *сам план в действии.*

Социалистическое *соревнование* трудящихся масс за высшую меру труда в процессе исполнения наших планов — это наиболее активная форма их восприятия. Этот встречный низовой отклик трудящихся масс на плановые директивы сверху не только неизмеримо повышает их *реальность*, но, творчески вскрывая новые резервы мощностей и высокой производительности труда, создает новую базу для *дальнейшего* планирования. За примером ходить недалеко. Хозяйственный план 1936 г., как известно, базировался в своем размахе в основном на достижениях социалистического соревнования за 1935 г. Вместе с тем не следует упускать из виду и политический эффект того же движения. Реализуя наши планы с огромным творческим подъемом, миллионы советских людей тем самым — назло всем врагам и клеветникам — голосуют за нашу систему, за социализм. И это

---

[1] *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, 1953, стр. 383.

энергичное голосование — не раз в несколько лет, а повседневно, и не бумажными бюллетенями у избирательных урн, а все более активным и эффективным трудом за советскими станками — красноречивее самых демократических конституционных актов убеждает, что наша демократия лучшая в мире.

Вот почему, подводя итоги целой полосе организованного планирования в нашей стране, мы никак не смогли бы обойти столь важный организующий фактор нашего хозяйства, как социалистическое соревнование, возглавляемое ныне мощным авангардом передовиков производства.

Посмотрим же, как социалистическое соревнование росло и крепло и в какие формы вылилось на нынешнем этапе нашего хозяйственного развития.

2. ИСТОЧНИКИ СОРЕВНОВАНИЯ

Идею социалистического соревнования в противовес капиталистической конкуренции В. И. Ленин выдвинул уже в первые месяцы прихода к власти пролетариата. Идеологи буржуазии, усматривая в так называемой частной предприимчивости и конкурентной борьбе предпринимателей на капиталистическом рынке величайший, если не единственный, стимул к развитию производительных сил современного общества, считают социализм обреченным на гибель уже потому, что лишенное этого стимула социалистическое хозяйство не способно к прогрессу, осуждено на застой и прозябание.

Однако, воспевая доблести частной промышленности и прелести свободной конкуренции в эпоху капиталистических *монополий,* прихвостни буржуазии не могут рассчитывать на большой успех. И Ленин отвечал им на это:

«Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с «натурой человека». А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь *широких* размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при *таком* капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы.

Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно *ши-*

роко, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»[1].

И капиталистическая конкуренция и социалистическое соревнование *стимулируют* личную инициативу и творческую предприимчивость вступающих в хозяйственное состязание производителей. Но капиталистическая конкуренция — даже в пору своего расцвета — всегда имела в виду только *личный* успех любой ценой и *частное* обогащение каждого соревнующегося за счет разорения всех возможных его конкурентов, т. е. по существу за счет всех остальных членов общества. Это беспощадная борьба за существование, в которой каждый член общества борется в одиночку против всего общества в целом. И, если на фоне этой антиобщественной борьбы каждого против всех и всех против каждого, в которой успех достается отнюдь не лучшим, можно наблюдать все же некоторый рост общественных производительных сил и общественного богатства, то не следует забывать, что этот прогресс происходит *несмотря* на гигантское расточительство общественных сил и средств в конкурентной борьбе и что именно ценою этой трагедии расточительства существенно *замедляются* темпы общественного прогресса в капиталистическом хозяйстве.

Другое дело — социалистическое соревнование.

В социалистическом обществе и личное, и общественное благополучие каждого члена общества может расти тольку в меру успехов *всего* общественного хозяйства. Здесь, стало быть, эгоистические стимулы соревнующихся не заглушают их социальных инстинктов, направленных к пользе всего общества, а лишь усиливают их. Здесь не нужно подставлять ножку ближнему, чтобы обеспечить свой личный успех. Наоборот, в соревновании всех трудящихся за оптимальные успехи социалистического хозяйства в целом опережающие других отряды все чаще приходят на помощь отстающим, берут их «на общественный буксир» и таким образом общими усилиями выравнивают красную линию хозяйственного фронта. Не даром же у нас договоры о социалистическом *соревновании* столь часто дополняются договорами о социалистическом *сотрудничестве.* По существу между теми и другими нет принципиальной разницы. И не случайно, что в жарком соревновании за лучшие рекорды на поле труда вчерашние победители — новаторы, уступив на сегодня первенство другим, радуются чужим победам и приветствуют своих победителей, отнюдь не теряя надежды взять на завтра реванш ценою

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 367.

новых, еще более высоких достижений. Они имеют основание радоваться, ибо каждый новый рекорд, всякая такая новая победа, кем бы она ни была достигнута, означают в нашей стране прежде всего *общий* успех всего коллектива трудящихся.

Придавая огромное значение такому движению, В. И. Ленин еще в январе 1918 г. поставил перед нами конкретный вопрос: «Как организовать соревнование?» «Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование», — настаивал Ленин, неоднократно возвращаясь вновь и вновь к этой проблеме. Он требовал организации соревнования не только отдельных «практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом», но и целых коммун, фабрик, деревень и других коллективов трудящихся. Они должны были, по мысли Ильича, соревноваться по самым различным хозяйственным вопросам: в какой коммуне «больше сделано для повышения производительности труда? для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей?» И он крепко верил, что именно в процессе такого соревнования выдвинутся столь нам необходимые «организаторские таланты». «Их много в народе, — предсказывал Ильич. — Они только придавлены. Им надо помочь развернуться» [1].

Особенно большое значение в программе соревнования В. И. Ленин придавал задаче подъема производительности труда. «Производительность труда, — писал Ленин еще в 1919 г. — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [2].

В 1919 г., однако, этот тезис, теоретически вполне безупречный, практически казался весьма далеким от своего осуществления, почти недосягаемым. Истощенная мировой войной, напрягая все силы в борьбе с контрреволюцией, сжатая в тесном кольце капиталистического окружения, в кольце до зубов вооруженных интервенций и экономической блокады, наша страна истекала кровью. Производительность труда советской промышленности в эти первые годы ее существования не росла, а с каждым годом все падала. Если принять ее уровень в 1913 г. за 100, то уже в 1917 г. она — по годовой выработке рабочего в неизменных

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 367, 374, 375, 376.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 394.

ценах — упала до 68% этого уровня, в 1918 г. она составляла уже не более 42% [1], а в 1919 г., по нашим расчетам,—едва 22%. И тем не менее уже в эту тяжелую пору В. И. Ленин отметил первый «великий почин» в борьбе за высокую производительность труда методами социалистического соревнования. Мы имеем в виду так называемые *коммунистические субботники,* начало которых было положено 10 мая 1919 г. рабочими Московско-Казанской железной дороги.

В чем же состоял этот *великий* почин, по определению В. И. Ленина? В том, что сотни коммунистов и сочувствующих им шли добровольно на бесплатные сверхурочные работы по субботам туда, где в этом была особо острая нужда, и, соревнуясь друг с другом в радостном трудовом порыве, показывали образцы по тому времени весьма высокой производительности труда (в 2—3 раза выше тогдашней нормы). Сами участники субботников объясняли этот эффект тем, что «в обычное время работа надоела, прискучила, а здесь работают с охотой, с воодушевлением». Но прозорливый Ильич, отнюдь не переоценивая данную конкретную форму движения, видел в ней гораздо больше; он уже ясно видел в ней ростки нового общественного труда, «ростки коммунизма». «Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых *жизнь отберет самые жизнеспособные»* [2]. Тогдашние условия труда и быта рабочих были отчаянно трудные, и форма субботников не оказалась перед лицом этих условий достаточно жизнеспособной. Но мы все же обязаны воздать должное этим первым опытам коммунистического труда.

«Мы все хорошо знаем, — писал о них Ленин, — основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание.

...Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно *без всякой платы* и достигают *громадного повышения производительности труда,* несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

---

[1] См. «Труды ЦСУ», т. XXVI, М., 1926, стр. 64.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 383, 392—393. Курсив наш. — *С. С.*

... Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато,* вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?» [1]

В. И. Ленин не ошибся в своем прогнозе. Конечно, героизм кучки голодных коммунистов не мог стать сам по себе решающим фактором большого хозяйственного подъема. Для этого требовались и другие предпосылки. Но, раскрывая собою новые потенции коммунистического труда, этот почин, действительно, стал *началом* великого поворота. Начиная с 1920 г., после победоносного завершения гражданской войны и завоевания мира на всех границах, в стране обозначился решительный перелом в сторону хозяйственного подъема. Овладевая преимуществами планового хозяйства, страна с каждым годом резко повышала производительность общественного труда и уже к 1926 г. полностью завершила в этом отношении *восстановительный* путь своего развития. Нормы капиталистической России 1913 г. были превзойдены. Но это нас мало устраивало, ибо довоенная Россия была одной из наиболее *отсталых* капиталистических стран. Нам предстояло еще показать, что социалистическое хозяйство располагает достаточными потенциями, чтобы догнать и перегнать в своем хозяйственном развитии и наиболее *развитые* капиталистические страны. Первая победа в связи с этой установкой лишь окрылила наши усилия к дальнейшему подъему производительных сил. На этот раз, однако, мы шли в основном уже новым путем, путем радикальной *реконструкции* как всей производственно-технической базы, так и всех устаревших методов производства.

Здесь нет нужды останавливаться на всех перипетиях нашей борьбы за воплощение в жизнь грандиозного плана индустриализации страны, а затем построенных на базе этой индустриализации еще более широких планов технической и социальной реконструкции *всего* советского народного хозяйства. Все это слишком широко известно. Отметим лишь наиболее существенные результаты этой борьбы. Достаточно будет сказать, что в советской крупной промышленности только за одно десятилетие (1925—1935 гг.) основные фонды выросли раза в 4, а валовая продукция в неизменных ценах — раз в 7—8. Труднее определить рост производительности труда по всей промышленности в целом из-за резких структурных сдвигов в ее составе за истекший период. Но если за меру этого роста принять годовую выра-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 393—394.

ботку рабочего в одних и тех же ценах (1926/27 г.) и по возможности взять *сравнимый* охват отраслей за все годы, то получаем примерно такой ее рост [1]:

Годы	Выработка рабочего	
	в руб.	в %
1913	4 000	100
1917	2 698	67
1927	4 783	120
1937	9 935	248

Итак, к 1937 г. мы превзошли уровень 1913 г. по годовой выработке в 2,5 раза. А если учесть еще снижение рабочего дня за это время с 10 до 7 час., то для дневной производительности получится еще более высокий процент роста — раза в 3 с половиной. Это огромный рост, благодаря которому мы уже к 1937 г. догнали и перегнали целый ряд передовых капиталистических стран и вышли на первое место в Европе. И притом весьма показательно, что этот рост ускоряется от первого десятилетия ко второму. Если за 1917—1927 гг. уровень производительности труда поднялся на 77%, то за следующее десятилетие — уже почти на 108%. Таковы результаты осуществленной в стране технической реконструкции. И все же мы еще очень заметно отстаем, скажем, от США — этой наиболее передовой и мощной капиталистической державы.

Можно ли было мириться с этим отставанием, утешаясь, скажем, тем, что зато у нас гораздо более равномерно и только между трудящимися распределяются плоды общественного труда? Конечно, нельзя. Уравнительность на *низком* уровне — это не наш идеал. «Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе *высокой* производительности труда, *более высокой, чем при капитализме,* на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества» [2]. И мы располагаем, как показало успешное развитие соревнования, достаточными резервами, чтобы осуществить эту стоящую перед страной задачу в самом непродолжительном времени.

---

[1] См. «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.», Госполитиздат, 1957, стр. 123, 126.

[2] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», М., 1935, стр. 364. Курсив наш. — *С. С.*

Дело в том, что техническая реконструкция производственной базы — это только первая, хотя и очень важная предпосылка высокой производительности труда. Новую технику нужно еще освоить. А для этого необходимы достаточно подготовленные к ее освоению кадры. И если боевым лозунгом периода реконструкции был тезис: «Техника решает все», то затем ему на смену пришел другой, еще более злободневный лозунг: «Кадры решают все».

3. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОРЕВНОВАНИЯ

Овладеть передовой техникой, выявляя все ее потенции, могут только высококультурные рабочие кадры. Такие кадры были бы не ко двору в капиталистических предприятиях. Их может воспитать только социалистическая страна. Они выковываются в условиях *трудового* воспитания и закаляются в практике социалистического соревнования.

О культурном росте нашей страны в послереволюционный период можно судить хотя бы по следующим немногим фактам. Число учащихся в начальной и средней школе выросло у нас с 1914 по 1935 г. с 7,8 млн. до 25,5 млн. душ, в том числе по средней школе — с 564 тыс. до 6336 тыс. душ, или в 11,2 раза. Число студентов высшей школы выросло у нас за то же время в 4 раза. И если в Германии в 1933 г. оно вместе с вольнослушателями достигало 159 тыс. — максимальный контингент для всех капиталистических стран Европы, — то у нас их насчитывалось в том же году 470 тыс., т. е. втрое больше. Но еще замечательнее разница в социальном составе этих студентов. В фашистской Германии среди студентов высшей школы насчитывалось в 1933 г. едва 3,2% детей рабочих, а в СССР — 50,3%. Книжный тираж на указанный период увеличился до 600 млн. экземпляров в год, в 5,3 раза, газетный — до 37 млн. экземпляров в день, т. е. в 13 раз.

Что касается практики социалистического соревнования рабочих в производстве — этого наиболее характерного показателя роста нашей культуры, то ничего подобного для сравнений ни в прошлом дореволюционной России, ни в настоящем всех других капиталистических стран искать не приходится. Это совершенно своеобразное явление. И с каждым этапом своего развития оно принимает все более мощные и красочные формы.

Форма коммунистических субботников, о которой упоминалось выше, не получила широкого развития. Шесть часов бесплатной сверхурочной работы каждую субботу после и без того утомительного нормального рабочего дня — это под силу далеко не каждому, даже из числа энтузиастов. Такая форма соревнования не могла стать формой *массового* движения. В восстановительный период к тому же производительность труда в нашем

хозяйстве росла столь энергично на базе быстро растущего уровня жизни рабочих, что и не было особой нужды в таких экстренных мерах, как субботники. С 1926 г. кое-где начали возникать отдельные образцовые «ударные бригады», но заметного развития в стране они не получили. Лишь с началом первой пятилетки, с ее великим планом реконструкции страны, когда пафос строительства новой техники стал все шире захватывать рабочие массы, социалистическое соревнование превратилось в массовое движение.

20 января 1929 г. «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина о соревновании, написанную им еще в 1918 г., но в свое время даже не увидевшую света. И этот сигнал, немедленно подхваченный комсомолом и профсоюзами, стал отправным пунктом нового движения. Появляются первые ударники, ударные бригады и цехи, ряды которых начали расти и шириться по всей стране, как снежный ком. И если в коммунистических субботниках в свое время принимали участие сотни рабочих, то ударников насчитывались миллионы. Ударные бригады отказывались зачастую от всяких перерывов в работе и даже дней отдыха; образуя производственные коммуны, отказывались от всякой дифференциации в оплате труда своих сочленов в зависимости от их квалификации; во имя идеи равенства девушки-ударницы соревновались с мужчинами на самых тяжелых работах: «Наравне, так наравне».

Все эти перегибы и гримасы движения скоро, однако, были изжиты. Мы не столь уже бедны и нерасчетливы, чтобы выматывать из себя путем перенапряжения последние силы. Этого никому не нужно. В советских условиях мелкобуржуазная уравниловка в оплате труда и всякая обезличка давно уже были решительно отметены. Всякое добавочное усилие ударника, всякий добавочный эффект его труда у нас, наоборот, оплачивается *прогрессивно* возрастающей ставкой. Но при всем реализме этой политики, она далека от слишком близорукого практицизма. Оценивая результаты соцсоревнования, И. В. Сталин на XVI съезде партии, как известно, подвел им такой итог: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести,* в дело *славы,* в дело *доблести* и *геройства*» [1].

Основной целевой установкой ударников первой пятилетки было повышение эффективности труда главным образом за счет уплотнения рабочего дня и некоторой интенсификации труда. Говоря иначе, главной задачей было увеличение *количества*

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 315.

производимых продуктов, и ударникам этих лет действительно удалось достигнуть в указанном отношении весьма заметных результатов, с превышением действующих планов и норм *на десятки* процентов. В отношении интенсивности наши ударники в этом соревновании, несомненно, достигали высокого потенциала труда. Здесь выявлялась не та урезанная мера труда, которая определялась старой привычкой рабочих капиталистической эпохи, «привычкой — смотреть на меру труда... с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок *у буржуазии*» [1],— здесь мы, несомненно, получаем *полную* меру социалистического труда. Но это вовсе не было еще пределом возможной эффективности труда, поскольку она определяется далеко не одной лишь интенсивностью усилий рабочего.

С началом второй пятилетки с ее новыми задачами, когда пафос строительства дополняется пафосом освоения новой техники, волна соревнования приняла новое направление. В борьбе за выполнение лозунга «Большевики должны овладеть техникой!» ленинский комсомол выдвинул новую форму социалистического соревнования — соревнование рабочих в техническом *обучении* их на производстве с завершением этого обучения общественно-техническим экзаменом. Выдвинутый самими массами лозунг «дать право управлять станком только тем, кто сдаст общественно-технический экзамен», создал коренной перелом в организации технической учебы и в борьбе за овладение техникой в стране. Общественное мнение требовало от рабочих не только сдачи экзамена, но больше того — сдачи его на *«отлично»*. Очень скоро движение из комсомольского переросло в общерабочее дело. К началу 1934 г. в одной Москве подготовкой к экзамену было охвачено свыше 130 тыс. рабочих; сдали экзамен 68 тыс., из них 30 тыс. комсомольцев [2], а по всей стране пришлось бы говорить о миллионах [3]. Повышая таким образом свою квалификацию, новые кадры стали заметно повышать качество работы. Отличная учеба приводит к отличной работе. И вот наряду с ударниками, которые соревновались прежде всего за возможно большее *количество* продукции, в нашей промышленности появилась новая категория рабочих — «отличники», которые стремились дать возможно высокое качество.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, стр. 371.

[2] См. *П. Карцовник* и *А. Попов*, Соцсоревнование на новом этапе, М., 1934, стр. 51.

[3] По данным ВЦСПС за 1934 г., сдало общественный экзамен по техминимуму 22% всех индустриальных рабочих, а в 1935 г. только *за полгода* «гостехэкзамен» выдержало 16% учтенных рабочих. Считая, что и за второе полугодие выдержало не меньше, получим за эти два года только по крупной нашей промышленности с 5 млн. рабочих не менее 2,9 млн. технически переквалифицированных рабочих.

В общем по всем формам соревнования до 1935 г. мы имеем такую динамику участников (в процентах к итогу всех рабочих промышленности на начало года) [1]:

1929 г.	—	1932 г.	67,6
1930 »	29,0	1933 »	70,6
1931 »	65,5	1934 »	73,4

В абсолютных цифрах число соревнующихся в советской промышленности и на железнодорожном транспорте у нас достигло 4,7 млн. человек, не считая других отраслей труда. Но на 1 июля 1935 г. охват соревнованием уже несколько снизился — до 67,1% по промышленности. Это ясный признак, что движение в *старых* формах к этому моменту начало изживать себя и волна соревнования спадала. Однако в это время вызревала уже новая форма соцсоревнования, которая по имени своего зачинателя получила название стахановского движения.

Стахановское движение — это массовое движение новаторов производства — было высшей ступенью соцсоревнования в то время. Оно обобщило в себе весь опыт прежних ступеней, «оно впитало в себя, — как метко выразился П. П. Постышев, — все формы и методы социалистического соревнования всего предыдущего периода» [2]. Так, например, если ударники боролись по преимуществу за количество, а «отличники» — за качество продукции, то новаторов производства можно назвать ударниками-«отличниками», потому что они синтезируют в своих устремлениях обе эти задачи в их неразрывном единстве. Высшая эффективность труда как цель *соревнования* новаторов уже сама по себе требует, чтобы каждый давал *больше* продукта *лучшего качества*. Но новаторская волна соревнования представляла собой высший этап движения и в другом отношении. И ударники и новаторы — борцы за высшую производительность труда, но если ударники повышали ее на *десятки* процентов, то новаторы — на *сотни*. Это как будто только количественное различие, но в нем уже явно ощущается переход количества в *качество*. Новаторы — это *качественно* иной тип рабочего. Это люди новой меры труда. Свойственный им потенциал трудовой эффективности характеризует собой уже уровень высшей культуры социалистического труда.

Тем более любопытно, что рабочие-новаторы не представляют собой уже ничего исключительного в СССР. Вчерашние ударники сегодня перерастают в новаторов. «Раньше я, — говорит, например, о себе сверловщица Макарова, — выполняла план

[1] См. *П. Карцовник* и *А. Попов*, Соцсоревнование на новом этапе, стр. 11.
[2] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц—стахановцев», стр. 144.

на 110—120%, а сейчас выполняю на 500%» [1]. И это уже никого не поражает. «Думают, что человек, перевыполняющий норму на 400%, — это что-то такое невероятное, это музейная редкость, — замечает токарь-новатор Душенков. — Но ведь это неверно. Ведь мы же сами стахановцы. Это очень просто. И работаем мы так же спокойно, как и работали» [2]. «Я не верю, — еще резче подчеркивает ту же мысль рабочий-новатор Сметанин, — чтобы были такие рабочие, которые не могут быть стахановцами. Я уверен, что каждый рабочий может и должен быть стахановцем» [3].

Говоря иначе, у нас уже тогда признавалось вполне реальной задачей превращение новаторского движения в дело всего рабочего класса.

Чем же объясняется возникновение и столь широкое распространение новаторского движения? Каковы основные источники его возникновения?

Это прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих, во-вторых, отсутствие эксплуатации — люди работают у нас не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое советское общество, в-третьих, наличие новой техники, созданной в результате индустриализации, и, в-четвертых, освоение этой новой техники и нарождение новых, высококвалифицированных кадров. Если при этом еще учесть огромную воспитательную роль партии, комсомола и профсоюзов в деле создания новых кадров и чрезвычайно благоприятствующую успехам социалистического соревнования атмосферу напряженного к нему внимания советской печати и активного сочувствия всей общественности, то станет ясно, что почва для нового подъема соцсоревнования была не плохо подготовлена всем предыдущим его развитием.

Новаторское движение, по-видимому, вполне уже *назрело* к моменту его проявления, и потому, возникнув по существу самопроизвольно, почти стихийно, снизу, оно разнеслось по всему лицу нашего Союза не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган, в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину [4].

Инициатор движения — забойщик Стаханов, который уже до того прошел курсы по изучению отбойного молотка, сдал гостехэкзамен на «отлично» и давно состоял в рядах «отличников». Он забраковал старую систему работы, по которой забойщик и отбивал уголь, и крепил забой, организовал ее по-новому —

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц—стахановцев», стр. 228.
[2] Там же, стр. 90.
[3] Там же, стр. 39.
[4] См. там же, стр. 367, 368, 369, 370, 371.

с разделением труда, — и за первую же смену при содействии двух крепильщиков вместо прежней нормы для отбойного молотка в 6—7 *т* нарубил за 5 ч. 45 м. 102 *т* угля [1]. Напомним, что в шахтах Рура, стоявшего тогда в первых рядах не только германской, но и мировой угледобычи, средняя производительность на отбойный молоток составляла 14, а высшая — 16—17 *т* в смену. Значит, Стаханов, давший вместе с двумя крепильщиками по 34 *т* на человека, перекрыл сразу *впятеро* советскую и по меньшей мере *вдвое* мировую норму производительности. Но это было только начало. Инициатива Стаханова перекинулась из Донбасса во все районы страны и отрасли труда и повсюду встретила сотни и тысячи достойных последователей передовых производственников. Число их росло с головокружительной быстротой [2]. Новый метод, т. е. «правильную организацию работы и расстановку людей», без труда освоил целый легион новоявленных талантливых организаторов. И вся страна стала перекликаться рекордами.

Возьмем для примера хотя бы угольную промышленность [3]. Вслед за первым стахановским рекордом в 102 *т* уже через 3 дня, 3 сентября 1935 г., забойщик Дюканов установил новый — в 115 *т*, 4 сентября комсомолец Терехин повысил его до 122 *т*, 5 сентября комсомолец Концедалов дал 125 *т*, 7 сентября забойщик Савченко вырубил 151 *т* и забойщик—«отличник» Исаченко за $4^1/_2$ часа — 152 *т*, 9 сентября Стаханов выступает с новым рекордом в 175 *т* за 6 час., а на следующий день т. Исаченко с тремя крепильщиками дает 201 *т* угля, или 1413% нормы. 11 сентября прославленный ударник Никита Изотов вырубил 241 *т*, 12 сентября «отличник» Артюхов на том же участке дает 310,7 *т*. Этот рекорд уже трудно было побить, и только 18 октября его *перекрыл* забойщик коммунист Дубовой, вырубив 340 *т*. Но и этот рекорд оказался недолговечным. Уже 27 октября забойщик Горбатюк с шестью крепильщиками ставит новый мировой рекорд на отбойном молотке, дав 405 *т* за 6 час. 4 ноября Артюхов снова перекрывает все предыдущие достижения, вырубив 536 *т* в смену, через день, 6 ноября, его бьет забойщик Пузанков рекордом в 548 *т* за смену, а еще через несколько дней их обоих перекрывает забойщик Степаненко, вырубивший 552 *т* в смену. 18 ноября забойщик Борисов в Прокопьевске (Кузбасс) ставит новый рекорд в 778 *т* угля, а 21 ноября забойщик Зайнутдинов

---

[1] См. «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 12.

[2] Вот одна иллюстрация. 10 октября на 23 заводах Ленинграда было 484 новатора, а 15 октября — уже 14 300, за пять дней рост в 30 раз (см. там же, стр. 296).

[3] См. «Хронику стахановского движения в тяжелой промышленности», вып. 1, М., ноябрь 1935 г.; вып. 2, М., декабрь 1935 г.

(в том же Прокопьевске) бьет и этот рекорд, дав 981 *т* за смену. 27 ноября там же забойщик Бобровский разобрал после отпалки в 4 лавах отбойным молотком и кайлом 1088 *т*, 28 ноября забойщик Баранов на электросверле дал 1651 *т* угля (18 норм), а горный мастер Олейников, встав за электросверло, дал на том же руднике 2100 *т* угля за смену (23 нормы). Конечно, на пластах различной мощности в различных бассейнах действуют разные нормы, кроме того, повышение рекордов отчасти достигалось за счет увеличения числа крепильщиков и прочего подсобного персонала, но и за всем тем указанные достижения свидетельствуют о том, что техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса.

Мы не смогли бы перечислить здесь все успехи нового движения. Приведем еще только несколько примеров [1]. Еще в первой пятилетке мы заметно отставали от передовых стран капитализма в использовании оборудования. Например, лучшие домны США требовали от 1,06 до 0,94 $м^3$ объема на 1 *т* суточной выплавки, а у нас *в среднем* для этого требовалось не меньше 1,16 $м^3$. Однако уже в 1935 г. доменщики-новаторы по отдельным печам снизили эту норму до 0,87 и даже до 0,74 $м^3$ на тонну выплавки [2]. В мартеновском производстве американские печи в том же году давали в сутки от 3 до 5 *т* стали на 1 $м^2$ площади пода, германские — от 4 до 6 $т/м^2$, а наши мартены в среднем дали не больше 3,32 $т/м^2$. Но сталевары-новаторы уже в 1936 г. давали по ряду печей 8, 10, 11 и даже 13 $т/м^2$. Это выше любых расчетных норм [3]. Точно так же наши прокатчики-новаторы в ряде случаев перекрыли в полтора-два раза проектные нормы прокатных цехов. То же самое имело место в автотракторной и целом ряде других отраслей машиностроения. Например, американцы штамповали 100 коленчатых валов в час, а новатор-кузнец Фаустов — 172 вала. Расход времени, или так называемый «минут-кост», одного поршня на Горьковском автозаводе составлял 2,82 мин., а у Форда — 5 мин., «минут-кост» клапана у нас — 2,68 мин., а у Форда — 3,43 мин. На фрезерном станке «Фрист Бернер» немецкая норма запорных крышек для револьверного станка была 50 штук, а новатор Гудов на заводе им. Орджоникидзе давал их 718 в смену, или в 14,3 раза больше немецкой нормы. Для установки колес на велозаводах наша средняя норма — 84 штуки, капиталистическая — 100 штук, а новаторская — 177 штук и т. д. У текстиль-

[1] Приведенные ниже примеры относятся к первым двум предвоенным пятилеткам.

[2] В 1956 г. эти рекордные показатели 1935 г. при *средней* норме по всей стране в 0,78, а по лучшим заводам — ниже 0,65 давно уже превзойдены; в США в 1956 г. — 1,06.

[3] В 1956 г. средний съем мартеновской стали в СССР достигал уже 6,8 *т* с 1 $м^2$ пода, поднимаясь на лучших заводах до 8,6 *т* и выше; в США в 1954 г.— не выше 6 *т*.

щиков в Америке на 1 рабочего приходилось 1500—2300 веретен, у нас на Трехгорке — 1600, но прядильщицы-новаторы успешно работают уже на 2—3 тыс. и даже на 4,5 тыс. веретенах. В ткацких цехах в Америке 1 ткачиха обслуживала в середине 30-х годов 50—70, максимум 96 автоматов, а у нас уже целыми фабриками работали на 76 станках (фабрика им. Ногина), а ткачихи-новаторы успешно обслуживали по 144 и даже по 216 станков-автоматов. Известны мировые рекорды новатора Сметанина на перетяжке обуви, давшего еще в конце 1935 г. 1860 пар обуви в смену, в то время как высшая капиталистическая норма — 1125 пар, каменщика Кузовкова, уложившего 15 100 кирпичей в смену против 6 тыс. в США. Список подобных рекордов можно было бы продолжить и дальше. Мы уже не говорим о мировых рекордах советских трактористов и комбайнеров в нашем сельском хозяйстве [1].

Новаторское движение показало, что в нашей стране действовало немало сильно заниженных норм выработки. Но вместе с тем оно уже дало образцы столь высокой производительности труда, какой еще не видел мир и перед которыми, следовательно, не могли бы устоять никакие нормы. Правда, новаторы-рекордсмены — это только авангард движения. Они творчески прокладывают новые пути, по которым за ними уже следуют главные силы. Но скоро и эти главные силы продвинутся на передовые позиции. И тогда мы сможем разрешить поставленную Лениным задачу — доказать воочию, что социалистический труд *производительнее* всех капиталистических его форм.

4. ХАРАКТЕР ДВИЖЕНИЯ НОВАТОРОВ

Новаторы ратуют за «*сознательное* отношение к труду». Посмотрим же, как преломляются в их собственном сознании корни и программа этого грандиозного исторического движения за коммунистический труд.

О предшественниках новаторов уже была речь. С ними же самими лучше всего знакомиться по их собственным высказываниям на ноябрьском совещании стахановцев 1935 г.

«Корни стахановского движения, — как говорил на совещании токарь Душенков, — надо искать не в двух-трех последних месяцах, корни стахановского движения — во всей 18-летней работе революции. Шло грандиозное строительство, были громадные недостатки, большие трудности. Одни говорили, что очень трудно, что мы пропадем, другие говорили, что все делается правильно.

---

[1] См. «План» № 1, 1936, стр. 41—48.

Я решил сам *увидеть и почувствовать*. И вот с 1922 г. каждый свободный месяц я посвящал тому, чтобы путешествовать по СССР. Я посмотрел все новостройки. Какое впечатление на меня произвел Днепрострой! Что я чувствовал, когда увидел впервые Горьковский автозавод после наших клетушек-мастерских? Все это перевоспитывало не только меня, но и других. Поэтому нет ничего удивительного, что мы видим такой энтузиазм, неудивительно, что он не носит минутного характера. Это плоды многолетней перестройки, многолетней воспитательной работы...»[1]

Тов. Душенков, в прошлом, по собственным словам, «несознательный и неактивный рабочий», не мало перевидел и перечувствовал из опыта революции, прежде чем стать новатором. Но как и большинство других новаторов из молодежи, он не проходил школы дореволюционной эксплуатации труда. Прошедшая и эту школу ткачиха А. Н. Виноградова так красочно начала свою речь на совещании стахановцев: «Товарищи, мне от роду 45 лет, но *я живу только 18 лет*... Нет ни одной страны, где бы так хорошо жилось, как мы живем сейчас. Я это знаю из опыта моей жизни... Вспоминаю, как жилось до революции. Раньше я работала на тройке, на паре станков. Я работала *неохотно*. Эта мануфактура была *не для меня*, потому что я ее не покупала, так как у меня был маленький заработок.

Вспоминаю свое детство. Я раньше жила в плохой квартире. Мать с отцом спали на кровати, ребенок — в зыбке, а мы с братом под кроватью. А теперь я получила хорошую квартиру, получила хорошую обстановку. И у меня *сердце радуется*.

...Вполне понятно, что у нас боевой дух, энергия, большевистский энтузиазм в работе. Почему это я говорю? Я это говорю потому, что я не просто хожу по маршруту, а летаю, как на аэроплане, если вижу, что станок остановился»[2].

Воистину жить стало лучше, жить стало веселее — вот основной стимул новаторского подъема. Не меньшее значение, однако, имело радикальное изменение условий труда и быта на базе *новой техники*, созданной у нас в период реконструкции.

«Мне 30 лет, — рассказывал на совещании новатор Сметанин, поставивший мировой рекорд на своем станке. — На обувной фабрике «Скороход» я работаю беспрерывно 18 лет. Я помню свою фабрику, когда она представляла собой большую, грязную кустарную мастерскую. Я вижу, как фабрика изменилась сейчас. Если вы идете по ней, то вам кажется, что вы видите не цеха, в которых люди заняты физическим трудом, а лаборатории. Люди

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 87—88. Курсив наш. — *С. С.*

[2] Там же, стр. 222—223. Курсив наш. — *С. С.*

в чистых халатах стоят около машин. Кругом *чистота*. Наша фабрика — действительно социалистическое во всех отношениях предприятие. Я *люблю свою фабрику, люблю свою страну, люблю труд* — вот почему я могу давать еще большие показатели»[1].

Вспоминая тоже «старинку» в связи с вопросом «на кого мы работаем» и куда идут создаваемые трудом средства, другая работница Лысякова говорила: «Сегодня каждая ткачиха знает, куда эти средства идут, знает, что перевыполнение плана *улучшает самую фабрику, детские сады, ясли, общественное питание* и т. д.... Мы, товарищи, крепко держимся за работу, за свое оборудование. А если взять то, что было в 1927—1928 гг., — даже глядеть страшно. Материал был разбросан — там початок, там шпулька, все валялось. А сейчас, если вы придете на нашу фабрику, — *чистота и опрятность*, вы ни одной шпульки, ни одного початка не найдете. Это говорит о том, что *нас воспитала фабрика*». А заканчивается эта речь такой душевной ноткой: «И если *полюбить* свою работу, она пойдет на лад. Любишь свою работу и у тебя что-нибудь не ладится — все равно вывезешь, потому что *душа болит*»[2].

Эта нотка *любовного* отношения к труду, которое столь трудно было бы почувствовать к *подневольному* труду на потребу тех или иных эксплуататоров, у новаторов ярко звучит на каждом шагу. «Товарищи, — взывает, например, к совещанию новаторов ткачиха А. Н. Виноградова, — мы должны *любить* свою работу *всем сердцем*, мы должны вложить в это дело *всю рабочую душу*»[3]. «Наша задача заключается в том, — вторит ей другая ткачиха Дуся Виноградова, — чтобы знать хорошо технику, изучить станок и, *самое главное*, любить работу, дружить со сменщицей. Это самое главное»[4].

А вот токарь Душенков описывает свою работу: «Нам ежемесячно приходится осваивать новые машины. Многие машины раньше не делались в СССР. В октябре мы делали поршневые компрессоры. Мы осваивали, мы боролись. Это было что-то невероятное. Многие рабочие, так же как и я, *не уходили из цеха*. Старик Семенов был прямо-таки *влюблен в каждую деталь*. Эта любовь к машине, любовь к производству также создала во мне громаднейший перелом»[5]. Вы чувствуете в этом описании неподдельный пафос освоения новой техники. И вы начинаете лучше понимать, что представляет собой наш рабочий-новатор.

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 38. Курсив наш. — *С. С.*

[2] Там же, стр. 80—81. Курсив наш. — *С. С.*

[3] Там же, стр. 223. Курсив наш. — *С. С.*

[4] Там же, стр. 26. Курсив наш. — *С. С.*

[5] Там же, стр. 89. Курсив наш. — *С. С.*

По определению токаря Душенкова, новатор — «это такой человек, который, работая спокойно, действительно берет от техники все, что возможно, ибо он *любит свое дело, любит свой станок, верит в победу социализма*, в победу того строя, который дает нам лучшую жизнь. Все эти факторы создают то, что мы *шутя*, именно шутя, перекрываем все существующие нормы» [1]. Новаторы — в большинстве беспартийные, но, по четкому определению А. А. Жданова, «это настоящие *большевики производства*». Они представляют собой людей, которые, не боясь ничего, ломают рутину, опрокидывают так называемые «технически обоснованные» нормы, перекрывают проектные мощности и, овладев техникой... наносят удар всем старым методам» [2].

Новаторы — энтузиасты труда, но они отнюдь не аскеты. «Мы считаем того стахановцем, — говорит токарь Лихорадов, — кто по-настоящему борется, показывает себя и *в производстве, и в культуре, и в пляске*» [3]. Почти все из них, овладевая техникой, учились в фабзавучах или же готовились и сдавали специальный экзамен по техминимуму. И притом на «отлично». А некоторые из них прямо артисты и профессора своего дела. Приобщившись к культуре, они очень высоко ценят чистоту и опрятность как в цехе, так и в домашнем обиходе.

Об этом говорили на совещании и т. Сметанин, радовавшийся, что у него на фабрике люди «в чистых халатах» стоят у машин, и т. Лысякова, у которой в цеху «чистота и опрятность», и многие другие. Особенно подчеркнут этот культ чистоты машинистом Омельяновым, побившим в соревновании на своем советском паровозе «ФД» лучшие английские и американские паровозы. Обычно работа на товарных паровозах самая грязная. Но не то было здесь. «Прибыл я с первым поездом, — рассказывает машинист Омельянов, — и привел паровоз в *надлежащем виде*. Тогда вылез кочегар, и все мы из бригады *любуемся* паровозом, а кочегар говорит: «Правда, товарищ механик, у нас паровоз, як коник у Клима Ворошилова!»» [4] Кстати сказать, Омельянов в своем рассказе не столько гордился своими рекордами, как тем, что он их добился без *единой аварии, обрыва или крушения*.

Не менее любопытно в этом отношении и выступление стрелочницы Неудахиной по поводу крушения: «А отчего у нас крушения? Оттого, что плохо работаем, зорко не следим за поездом, *стрелки грязные*... Ведь если красноармеец винтовку держит в чистоте и порядке, винтовка будет всегда в боевой готовности и будет стрелять, когда надо. То же самое и стрелка... Надо

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 90. Курсив наш. — *С. С.*

[2] Там же, стр. 297. Курсив наш. — *С. С.*

[3] Там же, стр. 80. Курсив наш. — *С. С.*

[4] Там же, стр. 56. Курсив наш. — *С. С.*

мной посмеивались, но я на это не обращала внимания. Я вычистила стрелки, привела их в порядок, и они стали работать гораздо лучше, чем раньше. Прилегание пера к рамному рельсу получилось очень плотное, а это усиливает безопасность движения» [1]. И вот, «Неудахина работает за двух стрелочников», но у нее не было ни одной аварии и, как она заверяет, никогда их не будет.

В соревновании новаторов нередко чувствуется и здоровый задор уверенных в себе спортсменов. Недаром же у нас целые миллионы рабочих прошли за последние годы прекрасную школу физического спорта во всех его видах. В особенности это относится к рабочей молодежи. Про машиниста Кривоноса по поводу его рекордов на паровозе так и говорили, «что парень он молодой и поэтому хочет быть *«спортсменом»*». Токарь Душенков сам признается, что еще до новаторского движения он, «как *рекордсмен-любитель*, чтобы выручить цех, перевыполнял свою норму в три-четыре раза» [2]. К этому же типу относится бывший беспризорник кузнец Васильев, который еще в 1934 г. ставил рекорды. В 1935 г. он *«не догулял»* своего отпуска, получив письмо от товарищей по бригаде, что его рекорд побит новатором производства т. Андриановым. «Конечно у меня внутри *все закипело:* как это так, он меня побил?» — рассказывает Васильев. «В первый день после отпуска я смог сделать только 308 шатунов в смену. Во второй день... 410 шатунов, а в 3-й день — 560 шатунов. Я *перекрыл* выработку Сени Андрианова, но в газете я прочел, что на Харьковском тракторном заводе один кузнец дает *тысячу* шатунов. Это меня *взорвало*, и я сделал в смену 945 шатунов. Кузнеца Стадника это тоже взорвало, и он отковал 975 шатунов в смену... Мы решили перегнать т. Стадника и отковали 1036 шатунов в смену» [3]. В таком же спортивном стиле шло соревнование сверловщиц Славниковой и Макаровой. Комсомолку Нину Славникову тоже «затронуло, заело», что ее подруга дает на своем новом станке 229% нормы. «Я *бесстрашная парашютистка*, и эта норма мне не страшна», — заявила Славникова довольно задорно технологу, который предостерег ее было от состязания на совершенно не изученном станке новой конструкции. Изучив этот станок *с помощью своей же конкурентки*, она догнала ее, а затем в результате состязания обе подруги выполнили по 500% нормы [4].

Новаторы горячо соревнуются, но редко сердятся друг на друга. Вот, например, как кузнец т. Бусыгин говорит о своем соревновании с т. Великжанином: «Я дам 400 ступиц, он — 500.

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 95. Курсив наш. — *С. С.*

[2] Там же, стр. 18, 88. Курсив наш. — *С. С.*

[3] Там же, стр. 230. Курсив наш. — *С. С.*

[4] См. там же, стр. 40—42. Курсив наш. — *С. С.*

Потом я сделал 570, он — 620. Так и пошло. Стали один другого бить, и зашумело у нас в кузнице повсюду. Очень я *радуюсь*, когда Великжанин хорошую выработку дает... Когда я установил новый рекорд, то некоторые товарищи на меня обиделись. Дескать, мы не хуже, чем он, почему *он* установил рекорд? Но потом это прошло, и уже больше этой обиды в других я не чувствовал. Я, наоборот, *всегда доволен*, когда мои товарищи успевают. Вот и Фаустов, мой учитель, иногда перегоняет меня. А теперь и Казарин установил новый рекорд. Я *очень рад* и за Казарина и за кузницу. А когда приеду, постараюсь и его перебить и установить еще новый рекорд... Действительный стахановец тот... кто радуется не только своему успеху, но и успеху всего своего цеха, всего своего завода» [1].

«Стахановское движение, — как это подчеркнул Серго Орджоникидзе, — выражается и в количественном, и в качественном отношении. Тот, кто хочет быть стахановцем, тот не может давать только количество, тот должен давать качество, — без этого нет стахановца» [2]. Бороться за качество призывает и рабочий Душенков. «Вопрос о качестве, — говорит он, — очень серьезный вопрос... Разве не почетно будет Сметанину, когда человек, проносив обувь целый год, скажет: «Вот Сметанин здорово работает, дает тысячи пар сапог, а сапоги можно целый год проносить». Разве это не приятно? Разве не приятно будет, когда скажут: «Вот смотрите, Душенков не марало, хорошую деталь сделал...» Надо бороться именно за качество, и это самое основное в стахановском движении» [3]. «Я заверяю, — отвечает на этот призыв ткачиха А. Н. Виноградова, — что буду давать *лучший в мире* товар, потому что имеется спрос со стороны колхозников. Мы находимся с ними в неразрывной связи: мы им даем товар, а они нам — продукты» [4]. «Лучшую в мире ткань» готова давать и другая ткачиха — Дуся Виноградова [5]. А кузнец т. Гуревич так мотивирует высокое качество своей работы: «На хорошую работу меня толкало сознание, что каждый вал, который я сдаю на «отлично», укрепляет мощь нашей страны, расшатывает силы капитализма» [6].

Но, помимо всех этих мотивов, новаторам тем естественнее ратовать за высокое качество продукции, что, будучи артистами своего дела, они чувствуют органическое отвращение ко всякого рода «маралам» и бракоделам.

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц—стахановцев», стр. 22, 25—26. Курсив наш. — *С. С.*
[2] Там же, стр. 324.
[3] Там же, стр. 90.
[4] Там же, стр. 223. Курсив наш. — *С. С.*
[5] См. там же, стр. 27.
[6] Там же, стр. 92.

Не ведет ли, однако, борьба новаторов за высокое качество и количество продукции к перенапряжению их сил на работе? Если бы это было так, то, как было уже замечено, новаторское движение было бы *непрочным* и *недолговечным*. Но это не так. Вот что, например, говорит об этом на основе личного опыта т. Сметанин: «Я не раз заявлял и сейчас заявляю, что я сделал 1400 пар не за счет перенапряжения, а исключительно за счет ритма, за счет тщательного изучения операции... До сих пор многие думали, что высокую производительность труда можно давать только за счет физического перенапряжения. Нет, товарищи, это неверно... Производительность труда можно повышать только тогда, когда по-настоящему овладеешь техникой своего дела... Хронометраж показал, что я сделал 1860 пар — это две с лишним нормы, — затрачивая на каждую пару 13—13$^1/_2$ секунд. Не было такой пары, на которую я затратил бы 11 секунд, т. е. поспешил, и не было пары, на которую я затратил бы 15 секунд, т. е. замедлил работу. Я работал ровным, спокойным темпом, и в этом успех моей работы» [1]. «А еще то замечательно, — добавляет другой новатор — т. Бусыгин, — что *при хорошей работе меньше устаешь*, чем при плохой. Чем ровнее да спористее идет работа, тем крепче да здоровее себя чувствуешь. С песнями будем работать» [2].

Работая с песнями, новаторы, между прочим, недурно зарабатывают, вместе с чем возрастают и их культурные потребности. «Одному нужно пианино, другому — велосипед, третьему — патефон, радио» [3]. Вот, например, передовик — забойщик т. Артюхов в антрактах между мировыми рекордами по добыче в своей шахте угля купил себе пианино, пригласил учителя и нисколько не сомневается в успехе учебы: «Раз уголь умею рубать, — говорит он, полный уверенности в своих силах, — научусь и играть». И этим большевикам производства можно поверить. В их жестких руках не заглохнут нежные ростки новой культуры.

Эти беспартийные и партийные большевики много получили от партии, и они это прекрасно сознают. «Меня перевоспитала партия, — говорил на совещании один такой «потомственный» рабочий. — Она воспитала во мне желание быть передовым, желание поставить СССР так, чтобы рабочие за границей говорили: «Вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество»» [4].

---

[1] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев», стр. 37, 38.

[2] Там же, стр. 24.

[3] Там же, стр. 52.

[4] Там же, стр. 91.

Вот какими чувствами одушевлены новаторские кадры. Такие кадры действительно решают все. И во всяком случае они решат историческую борьбу за полное использование производительных сил социализма.

5. О НОВЫХ ФОРМАХ СОРЕВНОВАНИЯ

Мы живем в необычайно интересное время, когда повседневно в нашей стране возникают все новые большие и волнующие задачи и осуществляются огромной важности преобразования. Только в прошлом году проведена коренная перестройка в области промышленности. А ныне уже радикально перестраиваются и многие устои колхозного строя в деревне. И там и тут наша партия проводит одни и те же идеи демократизации управления, расширяя возможности проявления творческого почина и самодеятельности всей советской общественности на местах и в первую очередь всех трудящихся города и деревни. Миллионы наших рабочих изобретателей и новаторов получают в этих преобразованиях новую зарядку для своей плодотворной деятельности. Еще более широкие массы трудящихся, и прежде всего вся рабочая молодежь во главе со своим авангардом юных ленинцев из славного комсомола, активно поддерживая эти начинания, распахивают целину, строят шахты в Донбассе, учатся и растут и, вливаясь широким потоком в общее русло социалистического соревнования, нащупывают и здесь новые формы приближения к коммунизму. И это вполне закономерно на том *новом* этапе экономического развития, на котором наше продвижение к коммунизму становится уже все более конкретной и действенной задачей.

В самом деле, разве недостаточно конкретны такие решения нашей партии, как план превзойти уже в ближайшие годы США по уровню производства таких важнейших продуктов, как молоко, мясо и масло, или задание в ближайшие 10—12 лет покончить с недостатком жилищ в стране, или еще более важная задача поднять СССР по уровню всей его индустриальной продукции на первое место в мире за ближайшие 15 лет. Это очень сжатые сроки для таких крупных шагов на путях к коммунизму, но при наших темпах роста они достаточно реальны. Темпы наших достижений создают впечатление, что за каждый нормальный год мы продвигаемся к коммунизму по меньшей мере на два или три года.

Быстро растет наше производство, еще быстрее растет советская техника — этот вещественный фундамент коммунизма. И легко себе представить, какую техническую революцию в нашей стране — в области комплексной механизации, автоматизации и использования внутриатомной энергии — мы сможем

реализовать уже за ближайшие 15 лет. Вполне понятно, что при таких темпах развития советской техники от нее не должны отставать в своем росте и советские люди, призванные ее строить и осваивать, ибо в противном случае у нас не будет этой техники или в лучшем случае она останется мертвым грузом в нашей производственной практике. Производственные фонды советской промышленности, включая оборудование, уже ныне оцениваются десятками тысяч рублей из расчета на каждого рабочего, а через лет 15, возрастая обычными у нас темпами, будут исчисляться уже не десятками, а сотнями тысяч рублей на каждого рабочего, а в общем итоге по стране — тысячами миллиардов рублей.

Это огромное богатство, но вместе с ним в огромной степени возрастает и ответственность за умелое использование рабочими столь дорогих средств труда. Новая техника становится все более мощной и сложной. Наши инженеры уже теперь строят такие электронно-счетные машины, которые называют *думающими* машинами, ибо с их помощью решаются в несколько минут столь сложные математические задачи, которые доныне вообще считались практически неразрешимыми. И таких все более сложных и «умных» машин с развитием автоматики и телемеханики в производстве с каждым годом будет все больше. А через 10—15 лет, за которые мы, несомненно, сможем выйти и по уровню техники на первое место в мире, такие машины станут уже господствующим типом в нашей производственной практике. Совершенно ясно, что новая техника предъявит и к рабочим новые требования.

Машины облегчают труд и повышают его производительность. Но машины без людей не работают, и чем сложнее и «умнее» машины, тем больше навыков и знаний, тем больше ума требуется для того, чтобы разумно их использовать. Без ума даже самая передовая техника может обратиться в негодный лом, ценная продукция — в сплошной брак, а весь труд бракоделов — в обиднейшее для них огорчение. И потому наряду с *вещным* фондом первоклассной техники для высокой производительности труда в наше время необходимо еще накоплять все возрастающий *невещественный* фонд производственного опыта, навыков и знаний в рядах многомиллионной армии труда нашей страны. «Степень искусства наличного населения, — говорил еще Карл Маркс, — составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно, *главное накопление богатства*; важнейший сохраненный результат прежнего труда, существующий однако в самом живом труде» [1]. И нужно сказать, что такой коллективный опыт всего рабочего класса в нашей стране — стране социализма действи-

---

[1] *К. Маркс*, Теории прибавочной стоимости, т. III, М., 1936, стр. 229. Курсив наш. — *С. С.*

тельно представляет собой уже ныне одно из самых ценных наших сокровищ, хотя мы не научились еще ценить его по достоинству. Он много дороже всей нашей техники, поскольку без живого опыта, в котором нераздельно совмещаются все навыки физического и умственного труда, она была бы совершенно бесплодной.

Были и у нас времена, когда умственный и физический труд служил разным задачам и умственные усилия людей одного класса были направлены лишь на то, чтобы, овладев всей техникой, подчинить себе физический труд всех других обездоленных этим людей и обогащаться за счет их тяжкого, изнурительного труда. Впрочем, у нас, в царской России, для этого и особо высокой техники не требовалось. И там, где не хватало машин, выручала традиционная родная дубина. «Эй, дубинушка, ухнем! Сама пойдет, сама пойдет!» — подбадривали себя на тяжких подъемах измученные люди. Но *сама* дубинушка никуда не шла, и трудовая лямка еще крепче впивалась в напряженную грудь. Такой труд из последних сил не мог стать радостным. Особого ума для него не требовалось, ибо человека в этой лямке могла бы заменить и лошадь. А все же это был человек, который не мог мириться с навязываемой ему участью упряжной клячи.

Мы знаем, что только Октябрьская социалистическая революция, передав все средства труда во всенародную собственность самих трудящихся, положила начало новому отношению к труду. У Л. Н. Толстого есть чудесная сказочка-утопия про «царство дураков», создавших у себя нечто вроде трудовой коммуны. Они вовсе обходились в ней без умников. О работе «головой» и понятия не имели. Трудились в поте лица лишь собственными мозолистыми руками. А в ограждение от всяких ловчил, бездельников и дармоедов установили для себя такой, для царства дураков совсем не глупый, обычай: «У кого мозоли на руках, полезай за стол, а у кого нет — тому объедки!»

Однако без машин, на одних лишь мозолях далеко не уедешь. Потоки изобилия не мозолями даются. А без них не будет и коммунизма. И, наоборот, с развитием высокой машинной техники все реже появляются мозоли на руках, но все чаще приходится упражнять даже каждому рядовому рабочему свои *умственные* способности. Говоря иначе, если наживать мозоли на руках легко и без «умников», то строить коммунизм гораздо удобнее без дураков и невежд. Можно сказать даже больше. Современная техника становится все более требовательной к качеству используемого труда. Уже теперь без серьезных знаний и специального опыта рабочему к ней зачастую и подступиться даже нельзя. А такая техника будущего, как в атомной энергетике с ее смертоносными излучениями, и сама рабочего-невежду даже близко к себе не подпустит. И потому рабочий эпохи строительства коммунизма должен *опережать* в своем развитии рост своей изумительной

техники, в противном случае не он будет управлять ею, а она подчинит его себе в качестве своего механического придатка.

Какие же требования предъявит рабочим эта грядущая передовая техника в своем неуклонном развитии в направлении к *автоматическому* производству всех благ?

Я уже высказывался по этому вопросу в печати. И мне остается лишь повторить здесь сказанное.

Мы и ныне имеем уже первые образчики грядущей техники коммунистической эпохи. Это многие уже у нас автоматические линии станков и первые в мире электростанции, питаемые внутриатомной энергией. На буржуазном Западе их развитию ставит предел угроза катастрофической безработицы, но у нас они лишь ускорят и без того намеченное в программе нашей партии дальнейшее сокращение рабочего дня до шести или даже четырех часов в сутки. Видим мы уже и людей у этой автоматически действующей техники. Со стороны может показаться, что им достаточно лишь нажимать вовремя те или иные пусковые кнопки. Но это не так. Они прежде всего должны до тонкости знать всю механику и обращение со всей электроникой и смертоносными атомами, используемыми в производстве. А затем, если что разладится в этой автоматике, им надлежит тут же определить, что именно не ладится, и на ходу выправить все неполадки собственными руками. Физический труд здесь совершенно неотделим от умственного. И в этом всего нагляднее *разрешается* в наших условиях историческое противоречие между умственным и физическим трудом.

Такой оператор, наладчик и настройщик автоматической техники, совмещая в своем лице функции и коллективного хозяина этой техники и универсального рабочего, сможет заменить собой в нужный момент и слесаря с токарем, и механика с электромонтером, и сменного техника или инженера. Поэтому именно мы и планируем обеспечить в перспективе *инженерно-технический* уровень образования всем гражданам СССР. Рабочему такой квалификации будет по плечу не только пассивно нажимать кнопки автоматических устройств, но и самому активно их улучшать и перестраивать, подобно тем передовым рабочим-новаторам, которые и ныне уже обогащают нашу страну ежегодно миллионами ценных изобретений и предложений. С той только разницей, что число таких рабочих-новаторов возрастет в сотни и тысячи раз. Одним словом, это будет уже вполне созревший тип рабочего коммунистической эпохи, эпохи все более короткого рабочего дня за счет все возрастающей его производительности, эпохи, открывающей неограниченные возможности развития всех дарований трудящихся, широчайшего проявления свободной их инициативы и всех радостей все более увлекательного творческого труда.

Нельзя сомневаться, что новая техника в наших условиях повысит производительность труда в СССР уже за 10—15 лет во много раз. Напомним, что еще Ф. Энгельс в освобождении от уз капитализма усматривал «единственное предварительное условие *беспрерывного, постоянно ускоряющегося* развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства» [1]. Это условие в СССР уже давно налицо. Но такое ускоренное развитие производительных сил при абсолютном росте техники предполагает даже известное относительное *сокращение* живой рабочей силы, и это еще повышает необходимость *качественного* ее роста. В общем, это означает, что новая техника в ближайшие годы потребует от всех, кому предстоит приводить ее в движение, прежде всего одного: срочно повышать свою квалификацию, накопляя в своих мышцах рабочий опыт, а в голове — недостающие знания, т. е. работать, обучаясь, и учиться, работая.

Путей к учебе у нас не мало. И ни одним из них пренебрегать не следует. Очень много дает школьная подготовка тем рабочим, которые ныне уже миллионными пополнениями ежегодно приходят на производство из средней и высшей школы. Широки у нас возможности обучения рабочих и без отрыва от производства, заочно в средней и высшей школе. Но еще шире и доступнее возможности дальнейшего повышения квалификации в самом производстве, где рабочие обогащаются коллективным передовым опытом. Эта практика взаимного обучения у станка, на стройке, в заводском цехе или на колхозных фермах и нивах доступна у нас решительно всем рабочим.

Однако до последнего времени практика взаимного обогащения своим коллективным опытом не получала должного развития в нашей рабочей среде. Задерживали его и эгоистические пережитки прошлого в сознании наиболее обученных рабочих старших возрастов, сознательно приберегавших лишь для себя все свои производственные секреты. Долго не встречала должной поддержки эта практика и со стороны заводской администрации, предпочитавшей обычно содействовать подготовке гораздо более эффектных с виду единичных трудовых рекордов и рекордсменов. Рекордсмены становились героями дня, а рабочие массы оставались на прежнем уровне. Но это не могло задержать нас слишком надолго. Омолаживается радикально с каждым годом у нас и весь состав рабочей силы. Обновляются и руководящие кадры производства. Жизнь выдвигает уже и новые задачи и новые формы социалистического соревнования в СССР.

Эти новые формы соревнования чрезвычайно многообразны, но характерным для них всех является, пожалуй, переход от

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 266. Курсив наш. — *С. С.*

индивидуальных форм соревнования за единоличные производственные рекорды и достижения к *коллективным* формам, в которых соревнуются между собой комплексные бригады, цехи и целые заводы и ставят перед собой задачи не мимолетных побед-однодневок, а прочных успехов и постоянных производственных достижений на базе *взаимных усилий* в дружной работе, обмена опытом и общего повышения *квалификации* всего коллектива.

Элементы таких устремлений имелись, конечно, и на более ранних ступенях социалистического соревнования. Вспомним хотя бы об ударных бригадах: о бригадах ремонтников 1927 г. по устранению производственных неполадок, о «производственных коммунах» времен первой пятилетки, о хозрасчетных бригадах 1931 г., в которых до полутора миллионов рабочих боролись за укрепление хозрасчета и улучшение организации труда. Вспомним о массовом движении миллионов «отличников», потребовавших еще в 1934 г. организации технической учебы рабочих на производстве и успешно сдававших техминимум; об изотовском движении мастеров новой техники и новых методов работы — движении за передачу прежде всего опыта работы отстающим рабочим (1935 г.). Яркие рекорды новаторов 1935—1936 гг., однако, на время затмили менее видные, но очень важные достижения этих массовых коллективов.

Наиболее ощутимым результатом массового социалистического соревнования этих лет был исключительный подъем производительности труда. Если за 1933 г. средняя выработка рабочих по всей крупной промышленности СССР поднялась на 8,7%, то в 1934 г. этот прирост составил уже 10,7%, в 1935 г. — 13%, а в 1936 г. — даже 21,4%, намного обогнав все плановые расчеты и задания. Нет сомнений, что причиной этого подъема были не только рекорды прославившихся новаторов, но и общий подъем культуры многомиллионной массы рядовых ударников и «отличников», повседневно осваивающих новую технику и повышающих одновременно свой собственный «техминимум» квалификации.

Очень показательно, однако, что в 1937 г., когда период реконструкции в основном был завершен, когда увлечение однодневными рекордами миновало и в порядок дня встала повседневная кропотливая работа по освоению новой техники *всей* массой рабочих, прирост средней выработки рабочего снова снизился до 8,9% за год, т. е. более чем вдвое, против норм 1936 г. Конечно, и 8—10% прироста производительности труда в год свидетельствует о высокой эффективности новой техники. Но опыт 1936 г. показывает, что даже столь высокий эффект может быть *удвоен* в условиях нового подъема социалистического соревнования. И в этом удвоении эффективности труда сказалась и роль *идеологических* факторов в материальном производстве. Передовые идеи, овладевая массами, как известно, сами становятся материальной силой.

Социалистическое соревнование и в последующие годы проявлялось многократно в самых различных формах, хотя в годы войны и массовых мобилизаций состав рабочих на производстве понес большие потери в своей численности и квалификации. В связи с уходом мужей на фронт возникло движение женщин за освоение «мужских» профессий, разрасталось движение за совмещение профессий и работу в качестве многостаночников. Осенью 1941 г. были проведены массовые воскресники, возродившие старую идею коммунистических субботников 1919 г., но в совершенно иных масштабах. Так, например, на комсомольско-молодежном воскреснике 17 августа 1941 г. работало свыше 9 млн. рабочих и колхозников, которые заработали и перечислили в фонд обороны страны 44 млн. руб. и около 2 млн. колхозных трудодней. В предоктябрьские дни 1941 г. на фабриках и заводах возникли первые комсомольско-молодежные «фронтовые бригады», стремившиеся и в тылу работать по-фронтовому, проводились так называемые «фронтовые вахты». В многоградусные морозы и в пургу зимой на Урале строители по 16 час. в сутки не уходили со строительных площадок, проявляя невиданное еще самоотвержение и трудовой героизм.

С мая 1942 г. социалистическое соревнование, развиваясь все шире, приобрело масштабы Всесоюзного соревнования, в которое включились вскоре работники *всех* отраслей производства. Возглавив это массовсе движение за лучшие производственные результаты целых предприятий, партия и Государственный Комитет Обороны учредили для коллективных победителей в нем переходящие Красные знамена с премиями, что придало соревнованию особую конкретнсссть и целеустремленность. К началу 1944 г. этим соревнованием было охвачено свыше 80% рабочих [1]. В широких рамках этого движения по инициативе самих рабочих возник целый ряд специальных видов соревнований: соревнование за лучший цех, бригадное соревнование внутри цехов, соревнование по профессиям — за звание лучшего в цехе токаря, слесаря, фрезеровщика, инструментальщика и т. д. И в результате на каждом заводе многие сотни и тысячи рабочих значительно повысили свой разряд и квалификацию.

Особое распространение еще в годы войны получили молодежно-комсомольские бригады, которые в 1943 г. на одном московском заводе объединяли уже около 30% всех работающих и давали до 50% всей продукции завода. Эти бригады стали новой, весьма важной формой организации труда молодежи и прекрасной школой ее производственного воспитания. В комсомольско-молодежных бригадах молодежь коллективно повышает свои

---

[1] См. *Г. Евстафьев,* Социалистическое соревнование — источник роста экономической и военной мощи СССР, М., 1944, стр. 29.

технические знания, изучает опыт передовых рабочих, совершенствует приемы и методы своей работы, добиваясь систематического роста производительности труда. Одна из таких бригад, бригада монтажников т. Шашкова, регулярно оставаясь каждый день на один час после работы для технической учебы, достигла замечательных успехов. За 16 месяцев работы она повысила производительность труда в 6 раз. За это время она подготовила в бригаде 18 новых рабочих на квалификацию не ниже 4-го разряда, 6 рабочих бригады освоили при этом все нужные ей профессии и могут заменить любого из отсутствующих членов бригады. Установив при сборке станков внутрибригадное разделение труда, бригада внедрила 16 рационализаторских предложений, в результате чего с декабря 1943 г. стала собирать по 36 станков за месяц, в то время как в сентябре 1942 г. она собрала за месяц всего 6 таких станков.

Нет нужды перечислять все типы и формы социалистического соревнования военных и послевоенных лет, тем более что они поистине неисчерпаемы. Но несомненно, что наиболее перспективными из них являются те, в которых производственные задания совмещаются с учебными и воспитательными, которые, стало быть, способствуют не только росту материального богатства, но и самих людей, его приумножающих. Ведь люди и представляют в условиях социализма самое большое и ценное богатство любой страны. И особо важно это усвоить нашей комсомольской молодежной смене, перед которой открываются ныне перспективы развернутого строительства коммунизма.

В социалистическом соревновании в 1944 г. участвовало более 70 тыс. комсомольско-молодежных бригад, объединявших свыше полумиллиона юных рабочих и работниц. По нынешним масштабам это, конечно, не большой актив. В последнее время в ряды рабочих ежегодно только из средней школы вливается до полутора миллионов молодых людей и девушек с аттестатом зрелости, но без всяких производственных знаний. Это создает широчайшие возможности для молодых рабочих приобретать производственные знания и опыт, общаясь с основными кадрами комсомольско-молодежного актива. Эти возможности реализуются в таких коллективах, как вышеназванная бригада монтажников т. Шашкова, и других бригадах, в которых без взаимного обмена опытом не мыслится никакое продвижение вперед.

Очень интересен в этом отношении уже отмечавшийся в печати опыт комплексных бригад строителей, получивший широкое распространение не только на стройках столицы, но и в других городах нашей страны. Такие комплексные бригады добиваются не рекордов, а *постоянного* повышения выработки всего коллектива бригады из недели в неделю, из месяца в месяц по заранее составленному на целый год графику. Но нельзя говорить

о выроботке, упуская качество. И инициаторы движения уже дополняют свои обязательства требованием высокого качества кладки. Они организуют свой коллективный труд так, чтобы помогать друг другу, заботиться друг о друге. И не только в своей смене, но и в подготовке фронта работ для следующей смены. Взаимопомощь членов таких коллективов, конечно, скажется прежде всего во взаимном обмене и обогащении каждого члена коллективным опытом всей бригады, а значит, и в соответствующем повышении квалификации всего коллектива.

На современном этапе строительства коммунизма задача взаимного обогащения коллективным опытом рабочих масс приобретает первенствующее значение. Под названием коллективного опытничества это направление в соревновании за высшую квалификацию и высшее качество труда получает все более широкий отклик среди рабочей молодежи. В этом движении создаются уже не материальные блага, а прежде всего само мастерство рабочих, а оно нам дороже золота и алмазов, ибо в нем залог всех других наших достижений и, как говорил Маркс, главное наше богатство.

Движение это возникло по почину самих рабочих. Практика коллективного опытничества пока очень элементарна. В каждом цехе или на строительном участке рабочие одной или нескольких смежных специальностей регулярно организуют дружеские встречи для обмена своими знаниями и опытом. На эти встречи привлекается и молодежь со школьной скамьи, и более опытные рабочие, и кто-нибудь из инженеров. Обсуждаются с показом на практике все детали и приемы очередной работы. Каждый из участников встреч в меру своих знаний и опыта прямым показом собственных достижений вносит свой личный вклад в это соревнование за повышение общего уровня квалификации. Знания здесь обмениваются на опыт, опыт — на знания. Одни вносят от себя больше, другие — меньше. Отставшие при этом подтягиваются до уровня передовых. При этом, кто больше других дает коллективу, тот познает и больше радостей в этом соревновании за лучшее мастерство. И никто не остается в накладе, ибо все уходят обогащенными знанием и опытом.

Известно, что один лишь процент промышленной продукции СССР достигает ныне десятков миллиардов рублей. А это значит, что, повысив качество труда всех рабочих хотя бы лишь на один разряд, т. е. на 10—15%, мы тем самым умножили бы продукцию на сотни миллиардов рублей. И это без дополнительных капитальных вложений, ибо более умелый труд позволяет лучше использовать имеющуюся технику и выжать из нее значительно больше продукции.

Но самое ценное в коллективном опытничестве заключается не только в том, что оно будет содействовать росту материальных

благ и тем самым приближать нас к порогу коммунизма. Этого мало. Именно оно в случае успеха сможет стать действенной школой коммунистического воспитания трудящихся масс в нашей стране, умножая тем самым кадры новых людей, которые достойны будут переступить через этот заветный порог.

Однако наиболее обнадеживающей и перспективной формой социалистического соревнования в настоящий момент является массовое соревнование комсомольско-молодежных бригад за почетнейшее звание бригады коммунистического труда. Оно впервые поставило своей задачей *не только работать и учиться, но и жить по-коммунистически*. И в нем уже, как ручейки и реки, впадающие в море, находят свое место и все другие формы социалистического соревнования. Оно возникло одновременно с заданиями семилетнего плана на 1959—1965 гг., т. е. совсем недавно. Но уже к открытию XXI съезда партии, утвердившего контрольные цифры этого семилетия, это движение охватило в одной лишь Москве около 3 тыс. бригад, участков и смен, соревнующихся за звание коллективов коммунистического труда. А если учесть, что в нашей стране насчитывается свыше 18 млн. комсомольцев, не считая всей прочей молодежи, то легко себе представить дальнейший рост этого молодежного движения.

Очень знаменательно, что застрельщиком этой новой формы соревнования выступили комсомольцы того же депо станции Москва-Сортировочная Казанской железной дороги, в котором в 1919 г. зародился «великий почин» первых коммунистических субботников. И ныне, сорок лет спустя, нас поражает многосторонность задач новой формы социалистического соревнования. Рабочая молодежь нашей страны меньше всего думает об отдельных рекордах в производстве, все упорнее добиваясь длительных и планомерных успехов *каждого* члена бригады на *каждый* последующий год семилетки. При этом бригады соревнуются между собой не только за общее повышение производительности труда, но и за дружескую взаимопомощь и обмен опытом, за достойное общественное поведение каждого из членов бригады в повседневном рабочем, семейном и домашнем быту. «Мы, члены бригады коммунистического труда, — читаем, например, в предсъездовских обязательствах комплексной бригады строителей Аркадия Петракова, — обязуемся постоянно повышать свою производственную квалификацию. В течение года каждый наш рабочий освоит не менее двух смежных профессий... Все, как один, обещаем вести себя по-коммунистически, решительно бороться с пережитками прошлого: пьянством, хулиганством, сквернословием. Тот, кто нарушит эти заповеди, не достоин высокого звания члена бригады коммунистического труда» [1].

---

[1] «Московский комсомолец», 20 ноября 1958 г.

Едва закончился XXI съезд единодушным одобрением семилетнего плана, как в печати появилась перекличка коммунистических бригад о том, чтобы «*семилетний* план выполнить за пять лет». Например, бригады Николая Мамая и Ивана Белоусова обязались увеличить производительность труда каждого горняка на 20%. Вместе с тем каждый член бригады «обязался в совершенстве изучить новую технику и слесарное дело, поднять свой общеобразовательный уровень и до конца семилетки получить среднее образование». Такими встречными планами на вдохновляющие задания семилетки, несомненно, откликнутся миллионы соревнующихся бригад. Но особенно ценен в новом движении тот дух коммунизма, под знаменем которого оно поднимается.

Чтобы не уронить это чистое знамя в грязь обывательской повседневщины, наша молодежь в своей борьбе за коммунизм должна его держать высоко не только в труде, но и во всей своей общественной самодеятельности и в частной жизни. Такие например нормы поведения, как наглое хулиганство, пьянки с их кабацко-свинскими радостями и горьким похмельем, бесстыжее тунеядство бездельников-лодырей, конечно, и доныне не привлекали советский молодежный актив. Но этого мало. Актив не может мириться с этим растлевающим злом. Он должен активно с ним бороться, противопоставляя этой гнилой морали свою бескорыстную комсомольскую дружбу и верность, без страха и без обмана, свои нормы поведения, коммунистическую мораль.

Коммунистов никогда не привлекала к себе худосочная христианская мораль долга с ее монашеской святостью и ханжеским аскетизмом. Они не годятся в святоши, не собираются молиться и поститься. Наши бригады коммунистического труда прежде всего молоды, веселы и жизнерадостны, смелы и чисты душой. Их пленяет поэтому здоровая сила и красота во всех своих проявлениях, кроме вульгарной распущенности, в которой нет и не может быть никакой красоты. Они способны на многое, на подвиги, на героизм. Не способны они лишь изменить своей светлой дружбе и радостному труду, своему коммунистическому идеалу. И в этом их высшая мораль и доблесть.

С уважением произношу я имена юных застрельщиков этого движения: Николая Белова, Владимира Станулевича, Виктора Волковского, Александра Лебедева, Бориса Брыкова и других рабочих депо станции Москва-Сортировочная, которые ведут за собой уже целые легионы. И признаюсь, я немного завидую всем вам, таким молодым и счастливым.

Поистине великое счастье досталось вам и миллионам ваших ровесников — достроить коммунизм и начать самим новую жизнь при коммунизме.

III. ФАКТОР ВРЕМЕНИ В ПРОЕКТИРОВКАХ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ *

В плановом хозяйстве производственно-трудовые пропорции определяются общественными потребностями в различного рода продуктах и услугах. Но количество труда, необходимого для производства заданного планом количества того или иного продукта, зависит не только от масштаба выявленной потребности в данном продукте, но и от *уровня техники,* при котором планируется данное производство. А уровень техники в условиях расширенного воспроизводства определяется обычно масштабами возможных капитальных вложений на единицу планируемой продукции. Чем выше эти вложения, тем ниже обычно удается спланировать текущие эксплуатационные затраты. И поскольку более высокая техника рано или поздно *возмещает* экономией в эксплуатационных затратах живого труда излишек капитальных вложений труда овеществленного, то, казалось бы, при отборе наилучших строительных вариантов предпочтение *всегда* следует отдавать *самой высокой технике,* обеспечивающей наиболее низкие текущие затраты.

Однако так задача не решается. Не располагая неограниченными запасами овеществленного труда, мы не можем расходовать их в *любых масштабах*. Вместе с тем требования *расширенного* воспроизводства высокой техники не позволяют нам также считать приемлемыми и *любые сроки* воспроизводства завязываемых нами в новом строительстве ресурсов овеществленного труда. Темпы технического прогресса предъявляют к нам в этом отношении *свои* требования, ибо, завязав на слишком долгие сроки наличные производственные ресурсы овеществленного труда в быстро стареющей технике, мы именно поэтому можем оказаться в нуж-

---

* См. «Известия АН СССР». Отделение экономики и права, № 3, 1946.

ный момент без достаточных ресурсов для внедрения еще более эффективной *новой* техники.

Роль овеществленного в средствах производства *прошлого* труда и труда *живого* в их производственном сочетании весьма различна в народном хозяйстве. Живой труд, до тех пор пока он не овеществлен в продуктах, может быть использован в самых различных комбинациях и направлениях и, сам являясь мерилом всякой ценности, всегда создает ее в одной и той же мере. Но, будучи *овеществленным*, этот труд уже очень много теряет в своей мобильности, становясь пригодным только в узких пределах своего прямого назначения, а со временем, когда наряду с ним появляются и более эффективные вещественные ресурсы того же назначения, он теряет кое-что и в своей потребительной стоимости. Вместе с тем овеществленный в новых средствах производства *прошлый* труд обладает способностью во много раз повышать в будущем продуктивность невооруженного *живого* труда. Вот почему, несмотря на то что овеществленный и живой труд различаются только во времени, как прошлое и будущее одного и того же трудового процесса, проблема соизмеримости их в результате фактора времени существенно осложняется. Проектируя новое предприятие в различных вариантах, нам приходится между тем для сравнительной оценки эффективности требуемых ими вложений сопоставлять как раз затраты *прошлого труда* на строительство этого предприятия с *грядущим* их эффектом в результате применения живого труда в течение целых десятилетий.

Как же решается эта задача?

Народная мудрость гласит, что и синица *в руках* предпочтительнее журавля *в небесах*. И если мы все же затрачиваем наличные производственные ресурсы сегодняшнего дня в расчете на их эффект в более или менее отдаленном будущем, то делается это, конечно, лишь в твердой надежде на то, что ожидаемый будущий эффект вознаградит нас *с избытком* за потраченные на эту цель фонды прошлого труда. Однако этот избыток можно расценивать с разных сторон: и как добавочный *продукт в потребительном* его значении, и как добавочную меновую *стоимость*, и, наконец, в том и другом виде. В условиях капитализма предпринимателя вовсе не интересует *потребительная* стоимость его продукции, создаваемой на продажу. И потому на всякое добавочное вложение средств производства он решается лишь в том случае, если ему за это обеспечен достаточный прирост *стоимости* его вложений в форме сложных процентов на вложенный капитал, не ниже установившейся в стране по условиям рынка средней нормы прибыли. В плановом социалистическом хозяйстве, где производство организуется ради *потребления*, достаточной компенсацией за добавочные вложения прошлого труда может служить

уже добавочное количество создаваемых благодаря этому *предметов потребления* при прежних затратах труда или соответствующее сокращение этих затрат при равных масштабах производства потребительных благ.

Тем не менее в советской практике проектирующих организаций и до сих пор еще не вполне отрешились от ориентации на тот или иной *процент накопления* как на *высший* критерий пригодности тех или иных строительных вариантов. Вначале в качестве такой минимально допустимой нормы прибыли советские проектанты, следуя примеру И. Г. Александрова в его проектировках крупнейших гидростанций, принимали 6% на капитал. Затем, учитывая высокие темпы расширенного воспроизводства советской индустрии, они стали считать более для нас приемлемыми, даже в качестве минимальных пределов, 8 и 10% накопления. Никто, однако, никогда не апробировал на практике ни одной из этих совершенно произвольных норм рентабельности, а в теории достаточно оснований и прямо отвергать их регулятивное значение в применении к *советским* условиям хозяйства. Но за отсутствием каких-либо других критериев — помимо сравнительной рентабельности сопоставляемых вариантов — проектировщики этих вариантов в их оценке неизменно возвращаются к своим прежним, привычным позициям. Иногда, впрочем, вместо ставшей уже несколько одиозной «нормы рентабельности» она появляется в проектных расчетах под весьма прозрачной маской соответствующих ей «сроков окупаемости» добавочных вложений или под иными псевдонимами, что, однако, нисколько не меняет существа дела.

Такая практика наших проектантов не может быть теоретически оправдана в советских условиях уже потому, что она не считается с некоторыми принципиальными особенностями плановой системы хозяйства. Ориентировка на высшую рентабельность не всегда оправдывается даже в условиях капитализма, где рыночные цены устанавливаются стихийно. Устремляя свои вложения туда, где их ожидает наибольшая рентабельность при наличных ценах, каждый предприниматель в отдельности действует, казалось бы, вполне сознательно и целеустремленно. Но объективно все в совокупности они являются при этом лишь слепыми орудиями и жертвами рыночной стихии, приводящей в действие, снижая цены, закон средней нормы прибыли и обманывающей таким образом все слишком радужные их ожидания и расчеты. Особенностью советского хозяйства является то, что и цены, а вместе с тем и нормы накопления по каждому продукту и производству устанавливаются не стихийно, а сознательно, в плановом порядке. Закон средней нормы прибыли не свойствен советскому хозяйству, и Госплан вполне сознательно сосредоточивает максимум накоплений в отраслях, производящих предметы

потребления, *удешевляя* тем самым средства производства и расширяя сферу их применения [1]. Вместе с тем советская система не исключает из плана и вовсе нерентабельных предприятий до тех пор, пока их продукция нужна народному хозяйству, а их убытки перекрываются накоплениями по другим предприятиям той же отрасли производства. Таким образом, признак рентабельности сам по себе отнюдь не может считаться *решающим* и в вопросах о строительстве *новых* предприятий в условиях планового хозяйства. Во всяком случае определенная норма рентабельности — в 6% или в какой-либо иной цифре — критерием премлемости выдерживающих эту норму проектных вариантов служить здесь не может.

Уравнение нормы прибыли на капитал во всех отраслях производства самого различного уровня техники и вооруженности труда, свойственное капитализму, отнюдь не при всяких условиях вытекает из требований закона стоимости. Отчуждаемая капиталистами прибыль, как известно, создается трудом, а не капиталом. Поэтому при равной норме эксплуатации труда должна бы наблюдаться пропорциональность отчуждаемой в разных отраслях суммы прибавочной стоимости *количеству занятого в них труда, а не капитала*. И если этого не наблюдается в условиях капитализма, то это объясняется лишь присущим ему механизмом рыночной *конкуренции* между собою всех частных собственников средств производства. Механизмом этой ожесточенной конкуренции капиталистов — за счет соответствующего *отклонения* цен производства от стоимости, т. е. как бы за счет систематического «нарушения» закона стоимости — и осуществляется через рынок то автоматическое *перераспределение* отчуждаемых прибылей в пользу сильнейших капиталистов, благодаря которому закон стоимости принимает характерную для капитализма на известной стадии его развития *превращенную* форму — форму *тенденции к уравнению нормы прибыли* на капитал во всех отраслях труда.

При этом очень важно подчеркнуть, что эта тенденция отклоняет цены от стоимости *в самом невыгодном для развития высокой техники направлении*. Удешевляя продукцию отраслей труда с пониженным строением капитала за счет отраслей с более высокой техникой, закон средней нормы прибыли *сужает* масштабы возможного потребления продукции таких *наиболее передовых* отраслей и тем самым ставит ничем не оправданные пределы их развитию.

---

[1] Так, например, норма прибыли в производстве средств существования по трестам ВСНХ уже в 1925/26 г. в 2,5 раза превышала норму прибыли в производстве средств производства, при колебаниях по отдельным отраслям от — 17,5% до +23,5% и достигая в среднем 8,2% (см. *С. Г. Струмилин*, Проблемы планирования в СССР, Л., 1932, стр. 408).

В советском хозяйстве частная собственность на средства производства отпала. Единственный их хозяин — народ не имеет потребности конкурировать с самим собою. Механизм конкуренции между различными отраслями, стало быть, тоже отпадает. А вместе с тем теряет почву и всякий смысл и «закон» средней нормы прибыли.

Советское общественное хозяйство с этой точки зрения приходится рассматривать как *единый,* хотя и многосложный, хозяйственный комбинат, в котором нет никакой нужды добиваться *равенства* рентабельности всех его отдельных «цехов» и подразделений. Получить заданную планом норму накопления *по всему* народному хозяйству в целом не трудно при любых колебаниях рентабельности, маневрируя отпускными ценами разных отраслей труда и отдельных предприятий.

Межотраслевая средняя норма прибыли в связи с этим никаким критерием для проектантов отдельных предприятий той или другой отрасли служить не может. Восстанавливать *искусственно* в наших условиях действие закона средней нормы прибыли было бы не только бесцельно, но и вредно, поскольку он тормозит развитие технического прогресса. Не могли бы служить задачам проектантов и средние нормы рентабельности отдельных отраслей. Как известно, цены у нас устанавливаются *единые* для каждого продукта, независимо от того, в каких условиях и при какой технике он производится на разных заводах. И потому обеспечить *равную* норму рентабельности на всех таких заводах в любой отрасли — задача заведомо неосуществимая. Можно бы поставить себе другую задачу: строить вновь только такие предприятия, которые по своей рентабельности превышают среднюю норму рентабельности существующих уже объектов того же назначения. Но и такая установка была бы сплошь и рядом совершенно неприемлемой. Если нам потребуется, например, много миллионов тонн дополнительного металла с неизбежным использованием для этого более бедных руд, дальше расположенных углей и других менее благоприятных условий, то придется проектировать и *менее рентабельные* новые домны.

Учитывая невозможность опереться в своих проектных расчетах на какую-либо заранее заданную норму рентабельности, наши проектанты готовы были бы сохранить лишь критерий *сравнительной* экономичности сопоставляемых вариантов. Если из двух или нескольких технически вполне годных решений какой-либо производственной задачи одно дает больший экономический эффект, чем другие, то на нем и следует остановить свой выбор. Положение казалось бы бесспорное. Не ясен лишь критерий экономичности. Если при сопоставлении разных технических вариантов нового объекта строительства найдется один, который при *меньших* или *равных* с другими вложениях обеспечивает и

наименьшие текущие эксплуатационные затраты, то выбор ясен. Такой вариант бесспорно экономичнее других. Но такие случаи представляют собой редкие исключения, а общим правилом является такой случай, когда *уменьшение* эксплуатационных затрат достигается за счет *увеличения* капитальных вложений. И тут выбор становится уже гораздо труднее, ибо для него нужно еще найти надежный критерий соизмеримости затрат *прошлого* труда с их *будущим* эффектом в виде ожидаемой экономии в труде живом. В самом деле, обратимся к цифровым иллюстрациям возможных случаев при решении типовых задач этого рода.

Представим себе, что требуется построить электростанцию заданной мощности и речь идет о выборе между гидростанцией и тепловой или, скажем, о какой-либо комбинации гидроэнергетики с тепловыми резервами. Или пусть задан к постройке трудный участок горной железной дороги и нам предстоит выбор между дорого стоящим вариантом с туннелями и виадуками, но короткой и прямой трассой и более дешевым — с дальним обходом труднейших препятствий и более значительными эксплуатационными затратами или, наконец, выбор еще более дешевой по строительным затратам и еще более дорогой в эксплуатации — подвесной железной дороги.

Или возьмем такую проблему размещения. Что выгоднее? Построить ли новый, более *дорогой* по условиям Севера соляной рудник в Нордвике для нужд Арктики в расчете на более *дешевую* доставку соли потребителям, или расширить с *меньшими* вложениями добычу соли, скажем, в Павлодаре, но с ежегодной *переплатой* на текущих затратах в течение ряда лет за несколько тысяч километров лишнего пути этой соли.

Особый интерес может еще представить задача иного типа. Допустим, что нам нужно построить рудник на месторождении с ограниченными запасами ископаемого, которые можно исчерпать при различных вложениях в более длинный или более короткий срок, и нужно решить, какой из предложенных вариантов добычи, рассчитанных, скажем, на 10, 15, и 20 лет, явится наиболее экономичным.

Остановимся прежде всего на задачах первого типа. Пусть нам предложены три варианта получения нужного количества годовой продукции с затратами вложений в 1000, 2000 и 3000 единиц при сроках их амортизации в 20, 25 и 30 лет и соответствующем снижении годовых эксплуатационных издержек. Представим себе далее, что проектанты, ограничиваясь учетом одной лишь себестоимости без прибыли, дали нам следующее цифровое сопоставление вложений с текущими затратами по всем вариантам (см. табл. 1).

Из сопоставления показателей таблицы видно, что по вложениям наиболее выгодным является первый вариант, по издержкам

Таблица 1

Проектные варианты

Капитальные вложения	Сроки износа в годах	Продукция в натуре	Годовые издержки валовые: износ	прочие издержки	итого	на единицу продукции	Годовая экономия по II и III вариантам	Срок окупаемости дополнительных вложений по II и III вариантам
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I 1 000	20	100	50	670	720	7,2	—	—
II 2 000	25	100	80	580	660	6,6	60	16,7
III 3 000	30	100	100	500	600	6,0	120	16,7

на единицу продукции — третий, а по срокам окупаемости дополнительных вложений по сравнению с первым вариантом второй и третий вариант как будто равноценны. На каком же из них остановить свой выбор?

Ни одно из этих противоречивых показаний само по себе еще не решает вопроса о наивыгоднейшем из рассматриваемых вариантов. И меньше всего дает в этом отношении срок окупаемости, на который ориентируются обычно наши проектанты, как на решающий в этом сопоставлении показатель. В самом деле, какой из него можно сделать вывод? Что *дополнительные* вложения в последующие варианты по сравнению с первым обеспечивают 6% дохода в год и, стало быть, могут полностью «окупиться» еще один раз, помимо *полного погашения* их износа амортизационными отчислениями, уже за 17 лет. Но, во-первых, совершенно еще не ясно, почему именно капитальные вложения в процессе эксплуатации должны «окупаться» *дважды*: и в порядке амортизации, и в порядке дополнительного самовозрастания процентированием. Из того, что в прежние времена капитал праздновал свои именины, подобно гоголевскому городничему, и на Антона, и на Онуфрия, удваиваясь за то или иное число лет, вовсе еще не следует, что и в общественном хозяйстве СССР это столь же естественно и необходимо. Не является ли в наших условиях достаточной компенсацией за пользование средствами производства, помимо полного их восстановления в порядке амортизации, уже тот дополнительный продукт, который мы получаем в процессе их эксплуатации, или соответствующая экономия в труде по сравнению с условиями невооруженного, ручного труда? А если признать, что и в социалистическом обществе, помимо однократного возмещения в натуре износа средств производства, необходима какая-то дополнительная компенсация за их использование, то до определения масштабов этой компенсации нам

ничего не скажут и пресловутые «сроки окупаемости» наших проектантов.

Пусть дополнительные вложения в наши второй и третий вариант «окупаются» из 6% в 17 лет. Но, *много* ли это или *мало,* — мы не знаем. К тому же нам вовсе неизвестно, из скольких процентов или, говоря иначе, во сколько лет «окупаются» вложения первого варианта, поскольку мы оперируем лишь *себестоимостью* продукта сопоставляемых вариантов без соотношения с их *полной стоимостью* и отпускной ценой, которых проектанты и не могли бы определить из своих исходных данных, поскольку они устанавливаются для всей страны в совершенно ином порядке. А между тем от этой неизвестной величины зависит и сравнительная экономичность наших вариантов. Рентабельность разных вариантов ведь определяется не себестоимостью, а *разностью* между отпускной ценой и себестоимостью, отнесенной к величине капитальных вложений. И вот, если за меру экономической эффективности наших вариантов принять процент их рентабельности, то, меняя отпускные цены продукции в нашем примере в пределах всего от 7,5 до 8,1 единицы стоимости за единицу продукции, мы получили бы такие колебания рентабельности этих вариантов (см. табл. 2).

Таблица 2

Проектные варианты

Капитальные вложения	Количество продукции	Себестоимость продукции	Годовая прибыль при отпускных ценах за единицу			Рентабельность вложений в % при ценах			Сроки окупаемости вложений при ценах		
			8,1	7,8	7,5	8,1	7,8	7,5	8,1	7,8	7,5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I 1 000	100	720	90	60	30	9,0	6,0	3,0	11,1	16,7	33,3
II 2 000	100	660	150	120	90	7,5	6,0	4,5	13,3	16,7	22,2
III 3 000	100	600	210	180	150	7,0	6,0	5,0	14,3	16,7	20,0

Как видим, при снижении отпускных цен всего на 8% *наиболее* рентабельный из вариантов нашего примера становится уже *наименее* рентабельным и наоборот. Но ведь отпускные цены и их динамика находятся за пределами ведения и компетенции проектантов. Как же в таком случае можно положиться на исчисляемые ими сроки «окупаемости» и вытекающие из них выводы? В особенности если иметь в виду *неизбежное* в перспективе целых десятилетий *снижение* цен, столь благоприятствующее, кстати сказать, как видно из нашего примера, наиболее *капиталоемким* вариантам и *высокой* технике. Ведь игнорируя по условиям принятой ими методики расчетов «окупаемости» столь важное обсто-

ятельство, наши проектанты явно протежируют худшим вариантам с пониженным уровнем техники и тем самым *тормозят* возможные у нас темпы технического прогресса. Еще легче впасть в такую ошибку, когда нам на выбор предлагаются варианты *равной* «окупаемости». Если признать равноценными по своему экономическому эффекту такие варианты, с различными начальными вложениями, то, несомненно, во всех случаях выбор склонится в пользу варианта с *наименьшими* вложениями, а стало быть и с наименее совершенной техникой. А между тем в этом случае уже *малейшее* снижение цен покажет ошибочность такого выбора, даже исходя из позиций «окупаемости».

Коренным пороком этих позиций является заложенная в их основе ложная идея о *самовозрастании* стоимости капитальных вложений во времени. Только в предположении, что овеществленный в средствах производства прошлый труд обладает чудесным свойством давать постоянный приплод ценностей, как возрастающая функция фактора времени, можно обосновать требование компенсации за их использование по известной формуле $C_t = C_0 (1 + p)^t$, где C_0 — начальные вложения, p — процент годового приплода и t — время их использования. А между тем имеются все основания утверждать, что хотя действие фактора времени на стоимость вложений отрицать не приходится, но направлено оно как раз в обратную сторону. Апологетической идее самовозрастания капитала, унаследованной от прошлого, нужно противопоставить реальный факт хронического *обесценения* всех материальных фондов в меру возрастания производительности труда. Это позволяет и нам рассматривать стоимость всех продуктов овеществленного труда как величину *переменную* во времени. Только вопреки «теории» самовозрастания эта величина будет *убывающей*, а не возрастающей функцией времени. Фактор времени, впрочем, и в этом случае действует не сам по себе, а как экономический эффект протекающего во времени технического прогресса. Известно, что стоимость любого блага определяется не *фактическими* затратами труда на его производство в прошлом, а средними общественно необходимыми затратами на его *воспроизводство* в условиях момента оценки. А это величина, заведомо убывающая в условиях непрерывного роста производительности труда, и ее можно выразить в оценке наших фондов при известных допущениях формулой: $C_t = C_0 : (1 + p)^t$, где C_0 — начальная стоимость этих фондов, p — годовой прирост производительности труда в стране и t — время, протекшее с момента начальной их оценки.

Темпы роста производительности труда в разных странах и отраслях хозяйства весьма различны. В странах капитализма они много ниже, чем в СССР, в сельском хозяйстве ниже, чем в индустрии. Так, например, в США этот прирост даже

в индустрии не превышал за 1928 — 1955 гг. и 1,4% в год, а в СССР он достиг 7,35% [1]. В сельском хозяйстве ежегодный прирост производительности труда составлял около 6% [2].

Такой величиной нельзя, конечно, пренебрегать в народнохозяйственных расчетах вообще и в особенности в перспективных планах строительства, в котором на десятки лет предстоит завязать многие миллиарды. Куда бы мы их ни вложили в пределах единого социалистического хозяйства, нас не может удовлетворить лишь то, что в порядке нормального погашения износа наших фондов мы сможем полностью восстановить их в прежнем виде *в натуре,* ибо *стоимость* их при этом благодаря воздействию технического прогресса, независимо даже от так называемого «морального» устарения, будет уже не та. Потери этой *стоимости* прошлого труда в наших фондах мы должны полностью возместить за время их эксплуатации. И формула, определяющая степень обесценения продукции прошлого труда, на любой момент времени, давая нам меру экономической *соизмеримости* по стоимости продукта *прошлого* труда с тождественным продуктом труда будущего, вполне обеспечивает такую возможность.

Поясним это конкретнее. Формула $C_t = C_0 : (1 + p)^t$, как и равнозначная ей $C_0 = C_t (1 + p)^t$, вытекает непосредственно из закона стоимости, который сохраняет в этом отношении свое значение и в советской экономике. И у нас вновь построенная железная дорога или металлургический завод, если через t лет их можно будет построить с *вдвое* меньшими затратами труда, потеряет к этому моменту, даже при полной сохранности своей производственной мощности, т. е. *всей* своей потребительной стоимости, ровно *половину* своей трудовой стоимости. И с этим бесспорным фактом, столь убедительно подтверждающим действие закона стоимости в нашей стране, необходимо считаться не только при очередных переоценках наших основных фондов по так называемой *восстановительной* их стоимости. Факт совершенно закономерного их обесценения во времени, казалось бы, нельзя игнорировать и в наших проектных расчетах сравнительной эффективности потребных капитальных вложений при различных *сроках* их использования в разных масштабах, тем более что и сопоставление рентабельности новых вложений с более ранними и, стало быть, уже в известной степени обесцененными без учета этого факта едва ли закономерно. Отвергаемая нами формула *самовозрастания* капитала $C_t = C_0 (1 + p)^t$ и предлагаемая взамен ее формула *обесценения* основных фондов во времени

---

[1] См. «Страны социализма и капитализма в цифрах», Госполитиздат, 1957, стр. 57. Производительность труда в промышленности возросла за указанные годы в СССР до 679% (1928 г. — 100%), а в США — всего до 153% (см. там же).

[2] См. там же, стр. 80 (данные за 1929—1953 гг. за вычетом военных лет).

$C_t = C_0(1 + p)^{-t}$ весьма сходны по своему виду. Но вытекающие из них выводы в применении к выбору наиболее эффективных проектных вариантов расходятся весьма радикально.

В самом деле, посмотрим прежде всего, во что обращаются по той и другой формуле каждые 100 единиц стоимости основных фондов через равное число лет при *p*, равном 6 %. Вот что дает конкретное сравнение (см. табл. 3).

Таблица 3

Действие фактора времени при $p = 6\%$

Число лет (t)	Динамика функций		Изменения их	
	$100 (1 + p)^t$	$100: (1 + p)^t$	прирост	потери
1	2	3	4	5
0	100	100,0	0	0
1	106	94,3	6	5,7
5	134	74,6	34	25,4
10	180	55,7	80	44,3
15	241	41,5	141	58,5
20	322	31,0	222	69,0
25	431	23,2	331	76,8
30	578	17,3	478	82,7
40	1 038	9,6	938	90,4
50	1 860	5,4	1 760	94,6

Как видно из приведенной таблицы, капиталист уже за 25 лет использования своего капитала потребовал бы более чем *учетверения* его стоимости, в то время как реальные его потери при заданных темпах роста производительной силы труда в 6% годовых не превысили бы и 77% его начальных вложений, считая, что при нормальных условиях ремонта и возобновления изношенных частей производственная годность его основных фондов сохраняется полностью, а *по стоимости* они через 25 лет сохраняют еще в себе остальные 23% начальных его вложений. В сущности говоря, в графе 2 нашей таблицы отображены лишь темпы заданного по условию или ожидаемого по опыту прежних лет *технического прогресса*, и требования, чтобы и *накопления* страны возрастали по своей *стоимости* в той же головокружительной пропорции, ни с чем не сообразны. Дело в том, что и вся вновь создаваемая в стране стоимость продукции, возрастая *пропорционально затратам* труда, не может, стало быть, в темпах своего роста сколько-нибудь существенно обгонять естественные приросты *населения*. А эти приросты более чем скромны. Даже в СССР,

где они достигают максимальных норм, за 1926—1939 гг. они не превышали 1,23% в год, а в США за те же годы они едва достигали 0,67%, в Германии — 0,62, в Англии — 0,36, во Франции — 0,08% с определенной тенденцией во всех капиталистических странах к дальнейшему снижению этих приростов и даже прямому сокращению населения. Неоткуда, стало быть, здесь и народному доходу повышать свою стоимость выше этих скудных норм. А если темпы накопления в капиталистических странах все же значительно превышают темпы возможного у них прироста народного дохода, то это осуществляется там лишь за счет систематического, из года в год, сокращения доли *трудящихся классов* в этом доходе. В условиях СССР, где целью производства является общественное потребление, а не личная нажива предпринимателей, накопление не является самоцелью. И нас интересуют не столько масштабы и темпы накоплений, сколько производственный их эффект в натуре. Но и связанные с этим эффектом потери в стоимости продукции прошлого труда не могут быть забыты в наших калькуляциях эффективности тех или иных вложений.

В калькуляциях советских проектантов себестоимости продукта и рентабельности производства сопоставляемых ими вариантов в лучшем случае отображается правильно лишь начальный момент эксплуатации проектируемых предприятий, ибо, игнорируя темпы технического прогресса в стране, они ничего не могут сказать о дальнейших перспективах этой эксплуатации. А между тем наши предприятия строятся не на один год. И за десятки лет, в течение которых они подлежат эксплуатации, влияние технического прогресса весьма по-разному может сказаться и на себестоимости и на рентабельности сопоставляемых объектов проектирования. В самом деле, приведем следующий иллюстративный расчет изменений эффективности различных проектных вариантов в условиях технического прогресса в соответствии с требованиями закона стоимости.

Допустим, что стоимость воспроизводства определенной массы материальных благ в стране в связи с темпами технического прогресса ежегодно падает в среднем на 6% и что эти темпы в пределах нашего расчета можно принять за постоянные. И пусть нам даны на выбор три проектных варианта с вложениями в 1000, 1500 и 2000 единиц овеществленного труда, обеспечивающих ежегодный выпуск 100 единиц необходимого нам продукта в натуре. Пусть далее ежегодные затраты на поддерживающие начальную мощность запроектированных средств производства ремонты и замену изнашиваемых частей исчисляются по нашим вариантам из расчета сроков их службы соответственно в 20, 25 и 30 лет. Помимо этих текущих затрат на погашение физического износа наших фондов, учтем также потерю в их стоимости в связи с ежегодным повышением производительности труда на 6% по

формуле $C_t = C_0 : (1 + p)^t$. Возмещая эти потери путем включения их, как перенесенный труд, в издержки производства и цены продукта, мы можем ежегодно снова вкладывать их стоимость в строительство *новых* заводов без всякого ущерба для деятельности *старых*. Работа этих последних может ведь при желании быть продолжена и за счет одних лишь амортизационных сумм сколь угодно долго, во всяком случае гораздо дольше, чем это позволяет экономическая целесообразность. Возмещение обесценения прошлого труда, таким образом, ничем не связано с понятием погашения износа, назначение которого строго ограничивается задачами *простого* воспроизводства. Возмещение потерь в стоимости овеществленного труда, наоборот, служит ресурсом для *новых* вложений и *расширенного* воспроизводства, отличаясь в этом отношении от накоплений за счет прибавочного продукта только тем, что его источником является *перенесенная*, а *не вновь* созданная стоимость.

Прошлый труд обесценивается, однако, не только в основных фондах. Продукты его *удешевляются* во времени под влиянием того же технического прогресса и в составе оборотных средств производства, т. е. топлива и материалов всякого рода. Поэтому в дальнейшем анализе издержек производства мы должны строго различать затраты прошлого труда от труда живого. Затраты живого труда в процессе эксплуатации проектируемых объектов, поскольку в них не предусмотрена конкретная модернизация средств и методов производства, мы можем на весь срок этой эксплуатации считать постоянными. Обычно экономия живого труда в вариантах с повышенным уровнем техники *превышает* дополнительные затраты прошлого труда, связанные с более крупными капитальными вложениями. Но допустим в нашем случае, что эта экономия в *начальный момент* лишь полностью возмещает дополнительные затраты и по *сумме* затрат прошлого и живого труда все наши варианты дают равную себестоимость единицы продукта. Проектируя новые предприятия с учетом всех достижений передовой техники, мы по общему правилу обеспечиваем им более высокий уровень производительности труда и более низкую *индивидуальную* стоимость продукта, чем те *средние* для всех ранее построенных предприятий того же назначения нормы, которыми определяется *общественная* стоимость данного продукта. Несмотря на высокие темпы советских вложений, средний возраст оборудования в наши дни не может быть *ниже*, по нашим подсчетам, шести-семи лет. Поэтому *новые* предприятия, опережая этот средний возраст на шесть-семь лет, могут обеспечить благодаря техническому прогрессу за эти годы уровень производительности процентов до 50 выше среднего по всей стране с соответствующим повышением их рентабельности выше средней нормы.

Допустим далее, что в качестве средней нормы накопления в целях расширенного воспроизводства, усиления обороноспособности и прочих надобностей в нашей стране на известный период признается достаточным отчисление из народного дохода в пределах 25% вновь создаваемой стоимости. Следовательно, в фонд потребления может поступить только 75% стоимости создаваемого общественного продукта. Калькулируя в издержках производства и цене продукта полностью все затраты труда, но оплачивая при этом затраты живого труда лишь на 75%, мы тем самым автоматически извлечем необходимую обществу норму накопления как раз из тех отраслей и предприятий, где она создается. Но в силу неодинакового уровня техники и производительности труда в различных предприятиях наряду с этой средней нормой накопления придется иметь дело в тех или иных случаях и в разное время еще с дополнительными дифференциальными накоплениями и потерями, весьма существенно меняющимися во времени. Учитывая, однако, что накопления создаются только живым трудом, мы за меру сравнительной рентабельности сопоставляемых вариантов можем принять лишь общую сумму накоплений, выраженную в процентах ко всей вновь созданной стоимости в данном предприятии. Отклонения этого процента от средней нормы накопления в долях создаваемого трудом народного дохода отразят, в частности, и влияние разных уровней техники и масштабов вложений на величину этого показателя.

Важным показателем сравнительной ценности сопоставляемых вариантов может служить также обеспечиваемый ими относительный уровень производительности совокупного (живого и прошлого) труда.

Но всего прямее и полнее сравнительная их эффективность отражается величиной создаваемого в каждом варианте народного дохода на единицу *живого* труда. Как изменяются все эти показатели во времени, можно видеть из следующего примерного расчета (см. табл. 4).

Следуя закону стоимости, под влиянием технического прогресса последовательно падает из года в год и стоимость готовых изделий (гр. 9), и всех элементов прошлого труда, включаемых в издержки производства (гр. 5), и действующих основных фондов (гр. 2). Вместе с тем снижается и общая сумма затрат прошлого и живого труда на 100 единиц продукции в наших вариантах (гр. 6). Но это снижение идет лишь за счет одного из слагаемых данной суммы и потому неизбежно отстает в темпах от общих темпов технического прогресса по всему народному хозяйству. Факт вполне закономерный, ибо *народное хозяйство в целом непрерывно повышает свой уровень техники* за счет ежегодного включения новых, все более технически совершенных объектов и исключения наиболее устаревших, в то время как в каждом отдельном из

Таблица 4

Изменение эффективности вариантов во времени[1]

Показатели вариантов		Непогашенная стоимость вложений	Амортизационные сроки (в годах)	Затраты труда на 100 единиц продукта: живой труд	Затраты труда на 100 единиц продукта: овеществленный труд	Затраты труда на 100 единиц продукта: итого (гр. 4 + гр. 5)	В т. ч. обесценение вложений за год	Уровень производительности (гр. 9 : гр. 6)	Стоимость годовой продукции: всей	Стоимость годовой продукции: чистой (гр. 9 — гр. 5)	Накопления: по норме 25% от гр. 4	Накопления: сверх нормы (гр. 9—гр. 6)	Накопления: итого: гр. 11 + гр. 12	Накопления: итого: в % к гр. 10	Эффективность живого труда (гр. 10 : гр. 4)
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1-го года	I	943	20	400	300	700	57	143	1 000	700	100	300	400	57	175
	II	1 415	25	368	332	700	85	143	1 000	668	92	300	392	59	182
	III	1 887	30	336	364	700	113	143	1 000	636	84	300	384	60	189
10-го года	I	558	20	400	178	578	34	102	592	414	100	14	114	28	104
	II	836	25	368	197	565	50	105	592	395	92	27	119	30	107
	III	1 116	30	336	215	551	67	107	592	377	84	41	125	33	112
15-го года	I	416	20	400	132	532	25	83	442	310	100	—90	10	3,2	77
	II	624	25	368	147	515	37	86	442	295	92	—73	19	6,4	80
	III	834	30	336	161	497	50	89	442	281	84	—55	29	10,3	83
20-го года	I	310	20	400	98	498	19	66	328	230	100	—170	—70	—30	57
	II	464	25	368	109	477	28	69	328	219	92	—149	—57	—26	59
	III	618	30	336	119	455	37	72	328	209	84	—127	—43	—21	62
Последнего года	I	310	20	400	98	498	19	66	328	230	100	—170	— 70	— 30	57
	II	348	25	368	82	450	21	55	246	164	92	—204	—112	— 68	45
	III	345	30	336	67	403	21	45	183	116	84	—220	—136	—117	34

[1] Итоги граф 5 и 8 исчислены нами по формуле суммы геометрической прогрессии $S_n = \frac{a(1-q^n)}{1-q}$, где a — первый ее член, n — число членов прогрессии, а q — знаменатель ее, в данном случае $q = \frac{100}{106} = 0,9434$. Все расчеты сделаны приближенно.

действующих предприятий уровень техники остается *неизменным* до полного ее использования или модернизации за счет новых вложений. Из этого факта вытекают, однако, весьма важные последствия. А именно, все показатели сравнительной эффективности наших вариантов, в различной степени ухудшаясь с течением времени, дают весьма разноречивые оценки их сравнительной годности на разных этапах их эксплуатации.

Показатели первого года эксплуатации, в особенности если их расценивать по общепринятой ныне методике, свидетельствуют о немалых преимуществах первого варианта, который при равных с другими затратах совокупного труда требует меньше капитальных вложений, обеспечивая в то же время более высокую их рентабельность. Если вместо полных затрат труда, показанных в графе 4, учесть только оплачиваемую предприятием их часть, как это принято в *денежных* калькуляциях себестоимости, то итоги указанной графы снизятся на 25% и вывод о преимуществах первого варианта перед остальными покажется еще более убедительным. В самом деле, вот что дало бы такое сравнение вариантов:

Варианты вложений	Издержки за год	Стоимость продукции	Прибыль	
			абс.	в %
I 1 000	600	1 000	400	40
II 1 500	608	1 000	392	26
III 2 000	616	1 000	384	19

Здесь уже для первого варианта с минимальными вложениями получаются и минимальные издержки и максимальная рентабельность — одним словом, все основания, чтобы, следуя практике наших проектантов, признать этот вариант вне всякой конкуренции. К сожалению, такие прекрасные результаты получаются в пользу первого варианта только за первый год эксплуатации, а затем они все ухудшаются и уже на 10-й год первый вариант оказывается наименее выгодным, давая наиболее дорогую продукцию и минимальные накопления, а еще через пять лет, когда уже по всем вариантам потребуются дотации, первый вариант оказывается все же наиболее убыточным. Если же взять показатели «последнего» года эксплуатации, сопоставляя 20-й год работы по первому варианту с 25-м по второму и 30-м по третьему, то получим снова иную картину. Первый вариант, несмотря на более высокие издержки, окажется все же еще на относительно более высоком уровне производительности и в связи с этим будет менее убыточным, чем другие. При такой изменчивости показа-

телей сравнительной экономичности разных вариантов, очевидно, было бы совершенно недостаточным сопоставление их за какой-либо один год. Сопоставлению подлежат результаты производства по каждому варианту за весь предполагаемый период их эксплуатации. Кстати сказать, этот период вовсе не должен совпадать с теми сроками, по каким исчисляется амортизация. Для технически передовых предприятий этот период может быть и дольше таких сроков, для более отсталых — короче. Решается этот вопрос экономическим расчетом.

В условиях капитализма ни один предприниматель не захочет продолжать эксплуатацию своего предприятия, ставшего безнадежно бездоходным, и постарается ликвидировать его хотя бы на слом, тем более что и рыночная стоимость такого предприятия, определяемая путем капитализации его доходности, обратится к этому моменту в круглый нуль. В СССР эта граница экономической целесообразности использования наличных в стране производственных ресурсов значительно расширяется. При достаточных резервах рабочей силы здесь вполне целесообразно продолжать сколь угодно долго эксплуатацию и совершенно «бесприбыльных» предприятий, до тех пор пока они полностью окупают своей чистой продукцией содержание занятой в них рабочей силы. Можно допустить здесь в отдельных предприятиях на известный срок и требующее дотации производство, поскольку эти дотации не превышают еще суммы тех экстренных накоплений «сверх нормы», какие уже получены в данном предприятии за прежние годы. Но во всяком случае было бы явным расточительством живого труда, если бы мы мирились с такими дотациями, которые уже превышают весь выпуск чистой продукции данного предприятия за год. Именно такой случай показан в нашей таблице по третьему варианту за 30-й год эксплуатации, где вся вновь созданная стоимость определилась всего в 116 единиц при затрате живого труда в 336 единиц и дотации в 136 единиц. Этот случай лучше всего показывает, сколь важно предусмотреть в подобных расчетах и предельный срок рациональной эксплуатации по каждому варианту.

Ограничив этот предел требованием полной безубыточности эксплуатации, за все ее годы до последнего включительно, мы легко найдем, что первый вариант в наших условиях удовлетворит этому требованию в течение 15 лет, второй — 16 лет и третий — 17 лет. Но, не гоняясь за излишними накоплениями сверх установленной нормы и сводя их к такому минимуму, который покрыл бы только остаток непогашенных вложений, можно продлить эти сроки эксплуатации еще лет на шесть по всем вариантам. Подсчитав суммарные итоги эксплуатации проектируемого объекта по каждому варианту за указанные сроки, получим такое сопоставление (см. табл. 5).

Таблица 5

Эффективность вариантов за весь период эксплуатации

Непогашенная стоимость вложений	Период эксплуатации (в годах)	Продукция за весь период в натуре	Затраты труда			В т. ч. возмещение потерь по гр. 1	Стоимость продукции		Накопления за весь период				Уровень производительности	Эффективность живого труда (гр. 9 : гр. 4)
			живого	овеществленного	итого		всей	в т. ч. чистой (гр. 8 — гр. 5)	по норме 25% гр. 4	сверх нормы (гр. 8 — гр. 6)	итого: гр. 10 + гр. 11	итого: в % к гр. 9		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
А														
I 416	15	1 500	6 000	3 100	9 100	584	10 340	7 240	1 500	1 240	2 740	37,8	114	121
II 586	16	1 600	5 890	3 570	9 460	914	10 750	7 180	1 472	1 290	2 762	38,5	114	122
III 738	17	1 700	5 720	4 060	9 780	1 262	11 150	7 090	1 430	1 370	2 800	39,5	114	124
Б														
I 292	21	2 100	8 400	3 750	12 150	708	12 500	8 750	2 100	350	2 450	28	103	104
II 412	22	2 200	8 100	4 240	12 340	1 088	12 790	8 550	2 025	450	2 475	29	103	106
III 520	23	2 300	7 730	4 750	12 480	1 480	13 070	8 320	1 932	590	2 522	30	104	108

Итоги граф 5 и 8 в нашем примерном расчете дают (с некоторым округлением) суммы убывающих прогрессий за указанное число лет с учетом принятых темпов обесценения овеществленного труда. Как видим, более короткие сроки до конца «безубыточной» эксплуатации обещают в результате этого обесценения даже большие массы накоплений, чем значительно удлиненные, с гораздо более полным использованием капитальных вложений. Так, уже за вычетом неиспользованных вложений, разница накоплений в пользу более коротких сроков выразится в следующих цифрах:

Варианты	Разности
I.........	2 324 — 2 158 = 166
II.........	2 176 — 2 063 = 113
III.........	2 122 — 2 002 = 120

Но удлиненные сроки эксплуатации имеют для нас другие преимущества. И самым важным из них является то, что они позволяют при одном и том же количестве дефицитных еще у нас средств производства дать стране несравненно больше *потребительных* стоимостей. Так, например, если по сумме чистых накоплений наши варианты при удлинении сроков эксплуатации на шесть лет теряют не свыше 6—7%, то по выпуску натуральной продукции они выигрывают от 35 до 40%. Вместе с тем удлинение сроков повышает и всю вновь созданную стоимость на 17—20%, а дальнейшее снижение уровня цен в стране на 13—14% обеспечивает и дальнейший рост уровня жизни трудящихся, даже при неизменной их доле в народном доходе. Что же касается ресурсов для расширенного воспроизводства в стране, то при их учете нельзя забывать, помимо фонда *накопления*, и того дополнительного ресурса, какой представляет собой показанный нами в графе 7 фонд *возмещения* потерь в стоимости используемых средств производства. Не создавая собой никакой прибавки к стоимости народного имущества, текущие вложения за счет этого фонда в новые предприятия при непрекращающемся действии старых, откуда они извлекаются, несомненно, служат задачам расширенного воспроизводства, как бы удваивая собою действующие производственные мощности. А когда эти старые предприятия уже выбудут из строя, то сменившие их новые продолжат все ту же историю, перекачивая в течение всего срока их эксплуатации через фонд возмещения новые ресурсы для вложений в новейшие предприятия, с новым удвоением за их счет действующих мощностей и т. д. Если же к фондам накопления, за вычетом непогашенной доли вложений, прибавить и накопленные фонды возмещения, то общие ресурсы расширенного воспроизводства

по нашим вариантам таблицы 5 за разные сроки выразятся в таких итогах:

Варианты вложений	Фонд накопления и возмещения	
	А. За 15—17 лет	Б. За 21—23 года
I 1 000	2 324 + 584 = 2 908	2 158 + 708 = 2 866
II 1 500	2 176 + 914 = 3 090	2 063 + 1 088 = 3 151
III 2 000	2 122 + 1 262 = 3 384	2 002 + 1 480 = 3 482

Как видим, в этом сопоставлении укороченные сроки эксплуатации теряют и свое последнее преимущество — с точки зрения возможностей расширения производства. Лучшие варианты за 22—23 года эксплуатации запроектированного объекта обещают в этом отношении даже больше, чем за 16—17 лет.

Сопоставляя же между собой разные варианты вложений, мы можем легко убедиться, что вариант, требующий *бóльших* вложений, при заданных условиях является экономически *наивыгоднейшим*. При меньших затратах живого труда он дает бóльшую массу продукции в натуре и более значительные фонды расширенного воспроизводства. Устанавливая более длительные сроки эксплуатации для II и III вариантов по сравнению с первым, мы почти полностью уравняли их средний многолетний уровень производительности труда по отношению к среднему уровню по всей стране. Но эффективность живого труда и все остальные показатели и при этом условии всего благоприятнее для III варианта, причем с удлинением сроков эксплуатации преимущества этого варианта становятся лишь осязательнее.

В связи с Нордвикским месторождением каменной соли приходится решить несколько иную проблему. Обычно нам на выбор предлагается несколько различных в *техническом* отношении вариантов строительства на заданную его производственную мощность и требуется определить сравнительную *экономическую* эффективность этих решений. Так, ставится вопрос, когда выбор места строительства уже сделан, но в случае с нордвикской солью стоит еще предварительная проблема выбора и апробации *географического* пункта нового строительства. Географический фактор имеет здесь решающее значение. Соль для Арктики можно добывать и в районе Нордвика, но возможны и другие варианты географического размещения новых вложений для удовлетворения той же потребности. И требуется определить их сравнительную экономическую эффективность с учетом транспортной составляющей в стоимости той или иной соли *у потребителя*.

Как известно, советская рыбопромышленность требует завоза в Арктику больших количеств соли. Вероятная потребность в

ней здесь в перспективе ближайших десятилетий определяется в масштабах до 200 тыс. *т*. В районе Павлодара, откуда она завозилась доныне, соль очень дешева, и вложений для расширения здесь добычи до нужных масштабов потребовалось бы немного. Но, как говорится, за морем телушка — полушка, да рубль перевозу. И дешевая павлодарская соль за счет дальнего транспорта удорожается у берегов Камчатки уже раз в *двадцать* против фактических издержек на месте добычи. В районе Нордвика мы находим самое близкое к потребителям Севера из открытых доныне месторождений соли. Однако организация здесь добычи потребует громадных вложений, так как для добычи здесь соли нужно еще построить и рабочий поселок, и угольную шахту, и электростанцию, и морской порт, и многое другое. На месте добычи соль окажется здесь поэтому много дороже, чем в Павлодаре, но, с учетом издержек транспорта, *для потребителя* она все же будет дешевле павлодарской. Спрашивается, окупится ли излишек вложений по северному варианту, в Нордвике, по сравнению с южным, в Павлодаре, той экономией в издержках транспорта, какая определяется различием в географическом размещении названных пунктов по отношению к рынкам потребления. Проектанты рассчитали, что капитальные вложения по северному варианту на заданный масштаб добычи составят примерно 200 млн. руб., а по южному — всего 37 млн., но зато текущие затраты по северному варианту расцениваются ими всего в 42 млн. руб. за год, а по южному — не менее 60,4 млн. руб. Следуя обычному методу проектантов, можно заключить, что дополнительные вложения по Нордвикскому узлу в 163 млн. руб. имеют все шансы «окупиться» ежегодной экономией — до 18 млн. руб. в год — на текущих затратах уже за девять лет. Это срок небольшой. И в качестве первого приближения подобные расчеты можно признать весьма благоприятными для апробации северного варианта. Однако этот результат не мешает еще проверить с учетом действия закона стоимости во времени за весь период эксплуатации проектируемых объектов.

В целях уточнения необходимых подсчетов следует прежде всего учесть, что во всех калькуляциях проектантов мы обычно имеем дело с вложениями и затратами по их строительной и эксплуатационной «себестоимости» — в денежном выражении. Для перехода от «себестоимости» к *полной стоимости* проектируемых объектов и их продукции необходимо поэтому прежде всего прибавить к *оплаченной* доле живого труда и ту его долю, которая резервируется в порядке планового *накопления*. Так, например, если в сумме 200 млн. руб. капитальных вложений по Нордвикскому узлу входит до 60 млн. руб. на оплату труда строителей и если плановое накопление принять в среднем по всему народному доходу в размере 25% стоимости всего вновь создаваемого

продукта, то полную стоимость Нордвикского узла придется вместо 200 млн. оценить в 220 млн. руб., а к учтенным вложениям по южному варианту в 37 млн. прибавить еще не менее 3 млн., оценив созданные в этом варианте объекты по полной их стоимости в 40 млн. руб. Такая дооценка строительных объектов у нас в СССР, к сожалению, не практикуется, поскольку они у нас не подлежат купле и продаже. Но благодаря этому отчисления на погашение износа производятся с *заниженной* стоимости наших новостроек и могут оказаться недостаточными для указанной цели. Таким образом, забвение о законе стоимости чревато и в этом случае не совсем приятными последствиями.

Исчисленные проектантами текущие затраты для приближения их к полной стоимости создаваемого продукта тоже нуждаются в поправках. В части затрат живого труда эта поправка может быть осуществлена прибавкой к заработной плате планового накопления, а в части затрат прошлого труда — прибавкой к учтенным материальным затратам, включая погашение износа, и те потери в стоимости основных фондов, которые определяются по закону стоимости темпами технического прогресса в стране и которые по общему правилу вовсе не учитываются в наших калькуляциях. Применительно к нашим вариантам полная стоимость 200 тыс. *т* соли за первый год эксплуатации с указанными поправками выразится в следующих цифрах (с доставкой к потребителям).

Полная стоимость соли (в млн. руб.)

	Варианты	
	Павлодарский	Нордвикский
I. *Перенесенная стоимость*		
а) материальные затраты . . .	27,2	20,2
б) погашение потерь	2,3	12,6
Итого	29,5	32,8
II. *Добавленная стоимость*		
а) оплаченный труд (75%) . .	33,2	21,9
б) накопление (25%)	11,0	7,3
Итого	44,2	29,2
Всего	73,7	62,0
В т. ч. «себестоимость» .	60,4	42,1

Внесенные поправки, как видим, не в пользу северного варианта. Дополнительные вложения по Нордвику они повышают со 163 млн. до 180 млн. руб., а годовую экономию в затратах снижают с 18,4 млн. до 11,7 млн. руб. Факт весьма поучительный для всех проектантов, довольствующихся в своих расчетах оценками затрат по их «себестоимости», т. е. с заведомым недоучетом реальной их стоимости по затратам труда. Пресловутый срок «окупаемости» дополнительных вложений по Нордвику с учетом всех затрат возрастает с 9 лет до 15—16 [1], что уже далеко не столь соблазнительно. Но, продолжив наши расчеты на весь срок эксплуатации проектируемого промышленного узла, мы увидим, что *сравнительная* эффективность северного варианта *возрастает* с течением времени и становится совершенно бесспорной на протяжении двух-трех десятилетий.

Лучшим мерилом сравнительной годности различных вновь проектируемых предприятий является относительная стоимость в них единицы продукта в сравнении *со средней* его стоимостью по всему народному хозяйству. Достаточное представление об этой последней дают обычно отпускные цены советской торговли. Действующие цены на соль, по условиям момента, едва ли, однако, могут служить таким ориентиром, включая в себе элементы налогового порядка. Но, приняв условно за такой ориентир в нашем расчете и гораздо более низкий их уровень, мы снижаем в нем лишь общую *сумму* возможных накоплений, не изменяя их *разности* по сопоставляемым вариантам, которая и покажет относительные достоинства каждого из них в отдельности. Исходя из тех же предпосылок, что и в предшествующих примерах, и проделав необходимые подсчеты, мы получили следующую картину (см. табл. 6).

Как легко убедиться из таблицы (гр. 6), экономия в текущих затратах, составившая по северному варианту за первый год всего 11,7 млн., за десятый год уже возрастает до 13,1 млн., а за двадцатый поднимается еще выше — до 13,9 млн. руб. А в сумме за 25 лет она достигает уже 330 млн. руб., раза в полтора перекрывая всю сумму капитальных затрат по этому варианту. Вместе с тем Нордвикский узел за 30 лет службы должен дать при меньших затратах труда значительно бо̀льшую продукцию как в натуре, так и по стоимости, чем конкурирующий с ним южный вариант. Значительно больше и сумма накоплений за весь период действия по северному варианту даже за полным погашением всех капитальных затрат. Причем сумма накоплений по этому варианту достигает своего максимума при заданном уровне цен уже за первые 20 лет эксплуатации. Таким образом, наши расчеты

---

[1] 180 : 11,7 = 15,4 года.

Таблица 6

Варианты снабжения Арктики солью до 200 тыс. *т* в год

(I — павлодарский и II — нордвикский)

Показатели	Непогашенный остаток капитальных вложений	Сроки амортизации	Текущие затраты труда			В т. ч. обесценение вложений	Общественная стоимость продукции		Накопление		
			живого	овеществленного	итого		всей	чистой (гр. 8— гр. 5)	плановое (25% гр. 4)	сверх плана (гр. 8 — гр. 6)	общее (гр. 10 + гр. 11)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1-го года	I 37,7	25	44,2	29,5	73,7	2,3	100	70,5	11,0	26,3	37,3
	II 207,4	30	29,2	32,8	62,0	12,6	100	67,2	7,3	38,0	45,3
10-го года . . .	I 22,3	25	44,2	17,1	61,3	1,4	59,2	42,1	11,0	— 2,1	8,9
	II 122,5	30	29,2	19,0	48,2	7,4	59,2	40,2	7,3	11,0	18,3
20-го года . . .	I 12,4	25	44,2	9,7	53,9	0,8	32,8	23,1	11,0	—21,1	—10,1
	II 68,2	30	29,2	10,8	40,0	4,1	32,8	22,0	7,3	— 7,2	0,1
последнего года	I 9,3	25	44,2	7,2	51,4	0,6	24,6	17,4	11,0	—26,8	—15,8
	II 38,0	30	29,2	6,0	35,2	2,3	18,3	12,3	7,3	—16,9	— 9,6
за 25 лет	I 9,3	—	1 105	400	1 505	30,7	1 355	955	276	—150	126
за 30 »	II 38,0	—	876	478	1 354	182,0	1 460	982	219	106	325
за 25 »	II 51,0	—	730	445	1 175	169,0	1 355	910	182	180	362
за 20 »	II 68,2	—	584	400	984	151,8	1 220	820	146	236	382

полностью подтверждают экономические преимущества северного варианта.

До сих пор мы решали задачу в такой постановке: в проектных заданиях уже дано, на какую ежегодную продукцию нужно строить нужный стране объект, и требуется лишь определить, при каких начальных затратах и уровне техники он даст за весь срок предстоящей эксплуатации оптимальный экономический эффект. Обратимся к задаче иного типа, в которой не задан заранее и объем годовой продукции. Допустим, что мы стоим перед задачей эксплуатации горного месторождения с ограниченными запасами и дана только величина этих запасов, а требуется определить, за какой срок и с какими начальными вложениями можно извлечь эти запасы с наибольшим экономическим эффектом. Для того чтобы извлечь их в кратчайший срок, могут потребоваться слишком большие вложения, которые не окупятся полученной продукцией, тем более что неиспользованные за этот срок вложения пришлось бы полностью списать в убыток. При более длинных сроках эксплуатации вложения будут использованы полнее, но зато менее полно будет удовлетворяться наша текущая потребность в данном продукте. Кроме того, при более крупных вложениях можно организовать более дешевую добычу нужного продукта из расчета затрат живого и овеществленного труда на единицу добычи. Но, чтобы не осложнять задачу этим моментом, возьмем случай, когда экономия в затратах живого труда полностью перекрывается повышением затрат труда овеществленного, связанных с более крупными вложениями. Пусть нам даны, например, такие три варианта на выбор (см. табл. 7).

Ограничиваясь показателями одного лишь первого года эксплуатации, нам было бы очень трудно осуществить этот выбор. При равных затратах труда на единицу продукта и равной рентабельности всех трех вариантов последний предпочтительнее потому, что требует меньше вложений, а первый — потому, что дает с первого же года больше продукта. Что же выгоднее? Чтобы ответить на этот вопрос, учтем по вышеуказанной методике результаты производства по всем вариантам за весь период эксплуатации (см. табл. 8).

В условиях принятых нами допущений стоимость среднегодовой продукции нашего объекта за пять лет снижается до 89,5%, за 10-летний срок она падает до 77,2% и за 20 лет — до 61% первого члена соответствующей убывающей прогрессии. И потому при равной добыче за весь срок по всем вариантам по первому варианту мы получаем максимальную стоимость не только валовой, но и чистой продукции. Вместе с тем при меньших затратах живого труда первый вариант дает наибольшую массу накоплений. Однако по этому варианту приходится списать в убыток

Таблица 7

Показатели первого года эксплуатации

Варианты вложений	Сроки эксплуатации	Запасы месторождения	Годовая добыча в натуре	Эксплуатационные затраты				Стоимость продукции		Накопления	
				всего за год			на единицу добычи	за единицу	всего за год	абс. (гр. 10 — гр. 7)	в % к гр. 1
				живой труд	овеществленный труд	итого					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I 4 000	5	1 000	200	900	1 100	2 000	10	13	2 600	600	15
II 2 000	10	1 000	100	550	450	1 000	10	13	1 300	300	15
III 1 000	20	1 000	50	325	175	500	10	13	650	150	15

Таблица 8

Результаты за весь срок эксплуатации

Непогашенный остаток вложений	Срок эксплуатации	Добыча за весь период	Затраты труда			В т. ч. погашение вложений	Стоимость продукции		Валовое накопление			То же за вычетом непогашенных вложений
			живого	овеществленного	итого		всей	чистой (гр. 8 — гр. 5)	по норме	сверх нормы (гр. 8 — гр. 6)	итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I 2 980	5	1 000	4 500	4 930	9 430	1 020	11 670	6 740	1 125	2 240	3 365	385
II 1 144	10	1 000	5 500	3 520	9 020	856	10 170	6 650	1 375	1 150	2 525	1 381
III 310	20	1 000	6 500	2 135	8 635	690	7 930	5 795	1 625	— 705	920	610

и наибольшую сумму недоиспользованных вложений (по гр. 1). И, за вычетом этих списаний, накопления наших вариантов дают такие итоги:

Варианты	Накопления минус потери
I	3 365 — 2 980 = 385
II	2 525 — 1 144 = 1 381
III	920 — 310 = 610

В свете этих цифр первый вариант с пятилетним сроком эксплуатации явно отпадает. По натуральной продукции он дает столько же, сколько и другие. По стоимости чистой продукции он превышает второй всего на 90 единиц, а по сумме чистых накоплений дает *меньше* второго на 996 единиц, так что преимущества второго варианта по сравнению с первым очевидны. Они могут быть оценены разностью 996 — 90 = 906 единиц стоимости. Отпадает и третий вариант, связанный с потерей в стоимости чистой продукции 855 единиц и по чистым накоплениям 771 единицы, а в общем до 1626 единиц стоимости. Таким образом, при заданных предпосылках наивыгоднейшим пришлось бы признать второй вариант — с 10-летним сроком эксплуатации.

Такова в основном методика использования выводов, вытекающих из применения в советских условиях закона стоимости к проектированию наивыгоднейших строительных объектов с учетом влияния фактора времени на их сравнительную эффективность. В приведенном кратком очерке не получил еще, вероятно, достаточного освещения целый ряд дискуссионных вопросов. Далеко не исчерпаны в нем и все возможные применения предложенной нами новой методики. Но затронутая здесь весьма актуальная плановая проблема, даже в такой эскизной постановке, заслуживает, как нам кажется, все же общественного внимания и обсуждения.

IV. РОЛЬ НАУКИ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ*

1. ЧТО ТАКОЕ НАУКА?

Всеобъемлющее содержание многогранного понятия науки не укладывается в слишком сжатые определения. Говорят, например, и даже пишут в энциклопедиях, что наука — это совокупность *знаний* о реальной действительности. Такое определение весьма немногословно, но, к сожалению, совсем не верно, ибо попросту отождествляет всю науку, как *процесс познания,* с его продуктом — совокупностью знаний. Наука действительно дает нам знания, подобно тому как в металлургическом процессе выплавляется железо. Но смешно было бы сказать, что металлургия — это не весь процесс выплавки, а только выплавленный из металлургических печей их продукт — железо. Смешно потому, что эти печи совсем не похожи на свой продукт — железо, хотя именно в них этот ценный металл вместе с вовсе негодными шлаками воспроизводится из руд повседневно.

Правда, и *знания* в своем становлении и развитии входят в понятие науки, составляя не только цель, но и основное содержание процесса познания. Однако, подобно тому как в металлургии ее конечный продукт — железо — можно мыслить и вне процесса его выплавки, но самый этот процесс без получения в нем железа мыслить невозможно, так и в науке. Знания как готовый продукт науки можно мыслить и применять и вне процесса познания, но самый этот процесс, если он вместо знаний дает лишь плетение словес и пустые лжемудрствования, будет уже не наукой, а схоластикой или еще чем-нибудь столь же никчемным. Наука — это прежде всего *процесс* овладения истиной. При этом необходимо помнить, что пределы приближения наших знаний к объективной абсолютной истине исторически условны. В науке мы постоянно имеем дело с теориями и гипотезами, в которых относительная истина реализуется в ряде относительных

* См. «Вопросы философии» № 3, 1954.

заблуждений, причем критерием истины наших знаний нам служит лишь действенная их проверка в человеческой практике. Отсюда явствует, что наука, как процесс познания, находит свое логическое завершение лишь с момента внедрения ее теорий в практику, т. е. с момента *материализации* ее идей.

Если спросить себя, из какой «руды» воспроизводится наукой вырабатываемая ею совокупность знаний, то придется признать, что материалом науки послужил суммарный опыт всего человечества, на всем протяжении его истории. Опыт не только в идеологической области форм сознания — в пассивном восприятии всех отражений объективного мира и в активном претворении их в логически стройную систему суждений и умозаключений,— но и в материальной сфере собственной производственной практики людей, в которой эти суждения и умозаключения либо получали свое подтверждение и общественное признание, либо отбрасывались в сторону, как негодный шлак и шлам. Конечно, на заре истории, когда этот опыт был еще невелик, такой негодный шлак в форме наивной фантастики, жестоких заблуждений и вредных суеверий в большом изобилии и надолго застревал в мировоззрении людей. Но в своей умственной деятельности они всегда стремились не только объяснить себе окружающий мир, но и изменить его в лучшую для себя сторону, отметая, в частности, в повседневной практике все, что вредило ее успехам, и поощряя все содействовавшее этим успехам. Понятно, однако, что реально содействовать практике людей в их производственной деятельности могли только *истинные* знания, а не заблуждения и суеверия. Именно поэтому сама производственная практика в меру своего развития становилась все более надежным, объективным критерием истины и решающим фактором «естественного отбора» в золотой фонд науки всех действительно ценных научных знаний, с отсевом из него всего научного брака и наукообразной фальши.

Производственная практика служит в данном случае научной теории только тем оселком, на котором проверяется ее пригодность выполнять свое назначение. Но и само это назначение научных теорий определяется обычно вполне осязаемыми конкретными потребностями хозяйственной практики. Уже в древнейшую эпоху кочевого скотоводческого хозяйства эта практика выдвинула на очередь конкретную потребность пастушеских народов в подсчете состава своих многочисленных отар. И в ответ на эту потребность возникли зачатки арифметики. В дальнейшем потребности земледельческого хозяйства в переделах земли обусловили собою начало геометрии. Подобно этому, из потребностей торгового мореплавания в отдаленные земли получила свое начало звездная астрономия и т. д. Все это общеизвестно. Но, отвечая в своих разветвлениях на все такие частные запросы

различных отраслей труда, наука, взятая в целом, служит вместе с тем и самой важной, общей потребности всего народного хозяйства, потребности в общем подъеме его производительных сил.

Многие полагают, что *основной* общей задачей всех наук является открытие и исследование объективных закономерностей, управляющих миром, независимо от всякого утилитарного использования этих закономерностей, которого обычно нельзя даже предвидеть. Бескорыстное стремление подлинных ученых к такого рода открытиям делает только честь этим ученым, ибо продвигает вперед науку. Однако те из них, кто рассматривает при этом науку как самоцель, культивируя науку для науки, явно недооценивают общественное ее значение. Современная наука вообще, а у нас, на службе социалистического строительства, в СССР, в особенности таит в себе неисчерпаемые возможности. И открываемые ею объективные закономерности в развитии природы и общества, при всей их научной ценности, являются лишь вернейшим *средством* к тому, чтобы, овладев силами природы, поставить их на службу обществу. Это еще недостаточно осознано и в рядах ученых. И, в частности, нам уже много лет назад пришлось, обращаясь к ним, высказать следующее соображение [1].

Можно заниматься наукой для науки, из одного лишь познавательного интереса к знанию. Можно превратить научную деятельность и в своего рода любительский спорт без призов, ради постановки лишь все новых и новых познавательных «рекордов» в избранной отрасли науки. Можно даже рассматривать ее как простую игру ума от избытка творческих сил. И все же если в результате этой своеобразной «игры ума» получаются новые истины, а не пустопорожние софизмы, то, совершенно независимо от субъективного отношения к этому делу самих ученых, объективным результатом их достижений в наших условиях плановой концентрации всех усилий на очередных задачах будет народнохозяйственное использование этих достижений. Острое оружие науки будет повернуто в надлежащую сторону и в последнем счете даст либо новый подъем уровня культуры, т. е. квалификации трудящихся масс, либо повышение энерготехнической их вооруженности. И в том, и в другом случае повышается уровень производительных сил страны, растет производительность труда в социалистическом строительстве и тем самым осуществляются наши исторические задачи. Но, конечно, при *сознательной* целеустремленности всех научных сил к разрешению этих задач, мы разрешим их еще успешнее.

---

[1] См. *С. Г. Струмилин*, Наука и производительность труда. Доклад на Чрезвычайной сессии Академии наук СССР 21—27 июня 1931 г., Соцэкгиз М.—Л., 1931, стр. 3.

Было бы грубым заблуждением рассматривать научную мысль в качестве *первоисточника* технического прогресса и последовательного роста производительных сил человечества. В исторической смене причин и следствий не наука определяла начальные пути хозяйственного процесса, а как раз наоборот, этот последний не только ставил перед ней очередные задачи, но и создавал *материальные предпосылки* для успешного их разрешения. Однако исторический процесс представляет собою непрерывную цепь, в которой причины и следствия постоянно меняются местами и вчерашние следствия становятся завтра причиной в следующем звене той же цепи. Можно сказать, что люди науки и сами были всегда пионерами новых путей развития, представляя собой передовой отряд великой армии труда. Они всегда избирали в своих исканиях непроезжие дорожки и непроторенные пути. Но, оставаясь лишь слабым авангардом этой армии, они не могли безнаказанно отрываться от нее далеко в своем неудержимом движении вперед. Забежавшие далеко вперед светочи науки безвременно угасали подчас и сами на дымных кострах обскурантов, но еще чаще проторенные ими новые тропы просто зарастали надолго бурьяном забвения до тех пор, пока не оказывались — уже в новых условиях — на столбовой дороге хозяйственного развития.

Исторический опыт убеждает нас в том, что даже плодотворнейшие научные идеи и технические домыслы оказываются надолго обреченными на бесплодие, пребывая как бы в состоянии анабиоза, если для широкого их восприятия, признания и освоения не созрели еще все материальные и социальные предпосылки. Известно, например, что гениальное открытие Коперником вращения земли вокруг солнца в течение многих веков отвергалось всем христианским миром средневековья как запрещенная богопротивная ересь. Можно напомнить и другие примеры. В крепостной России первая в мире паровая машина *непрерывного* действия была создана механиком-самородком И. И. Ползуновым в 1765 г., т. е. на 20 лет раньше, чем в промышленной Англии, а первый токарный станок с *суппортом* Андрея Нартова был закончен не позже 1729 г., т. е. на 68 лет раньше, чем в Англии. Однако в условиях подневольного труда феодальной России эти машины остались без всякого применения, в то время как в тогдашних условиях Англии те же машины, заново сконструированные Джемсом Уаттом и Генри Маудслеем, отвечая запросам своего времени, завершили собой целую промышленную революцию.

Вполне плодотворной научная идея становится не с той минуты, когда она озарила своим сиянием отдельного ученого, а с той лишь, когда она вошла в обращение — от первого научного оформления через печать, школу, заводские лаборатории и т. д. вплоть до практических применений в труде и производстве,—

становясь в меру этого уже не индивидуальным, а *общественным* продуктом и достоянием. И потому обычно все величие и значимость достижений науки определяются в последнем счете не столько их внутренней глубиной и оригинальностью, сколько широтой и мощью того *хозяйственного базиса,* на котором они ожидают своего применения.

Так, например, на узкой базе рабского античного хозяйства идея движущей силы пара, открытая греческим ученым Героном еще за 120 лет до нашей эры, не получила никакого признания. Даровой труд рабов в замкнутом натуральном хозяйстве той эпохи исключал всякую потребность в паровых двигателях, предполагающих *массовое* производство на широкий рынок и сравнительно высоко оплачиваемый *наемный* труд. Ученый мир игнорировал двигатель Герона в течение долгих 16 столетий, как совершенно не стоящую внимания детскую игрушку. Лишь в XV веке гениальный итальянец Леонардо да Винчи снова серьезно ставит перед собой эту задачу. Но и его усилия остались безрезультатными. В 1630 г. английский ученый Рамсей, а затем в 1690 г. французский физик Папен предложили новые варианты паровых двигателей, но на отсталой базе мелкого ремесла цеховых мастеров феодальной эпохи и они не привлекли к себе общественного внимания.

Лишь в XVIII в. в промышленной Англии развивается *крупное* мануфактурное производство на широкий рынок, породившее настоятельную потребность в мощных механических двигателях. И тогда за их создание здесь взялись уже не цеховые ученые, а гораздо более близкие к производству люди. Кузнец Ньюкомен и стекольщик Коллей строят в 1711 г. первую паровую машину, годную лишь для подъема воды из шахт. Механик-самоучка Джемс Уатт упорно совершенствует ее с 1769 по 1785 г. Другой такой же механик, Роберт Фултон, применяет ее на первом пароходе в 1807 г. Еще один рабочий, бывший кочегар Джордж Стефенсон, использует ее в 1825 г. на первом паровозе. Таким образом, блестящая научная идея Герона обрела под собой подходящую почву для своей реализации лишь 19 веков спустя после своего зарождения, т. е. уже на заре эпохи *капитализма.*

Из приведенного примера видно, что иной раз научная инициатива ученых на много веков опережает реальную в ней потребность. И тогда о всей ее потенциальной значимости можно только догадываться. Но и в условиях созревшей уже народнохозяйственной потребности научная мысль обнаруживает всю свою мощь лишь в сочетании с трудом больших коллективов, в практике широкой производственной материализации науки и труда. И тогда в качестве уже коллективного продукта науки, техники и труда научная мысль, овеществленная, скажем, в паровой машине, становится одним из самых мощных производственных

факторов. И вместе с тем и сама наука, позволившая нам овладеть энергией пара, становится движущей вперед производительной силой, которая, положив начало новой великой эре паросилового механического производства, обусловила тем самым огромный подъем мирового капиталистического хозяйства, а вслед за тем и новый, еще небывалый в истории расцвет науки.

Кое-кем из недалеких критиков такая высокая оценка науки в ее важнейшей роли мощного производственного фактора отвергается в качестве идеалистической ереси, подобной известному афоризму: «*Идеи* правят миром». Но эти критики — плохие марксисты, если они забывают, что и теория становится *материальной* силой, как только она овладевает массами. А к тому же они не имеют никаких оснований трактовать науку как простую совокупность идей. Мы уже отмечали, почему науку как *производственный процесс* по добыче знаний и исследованию закономерностей природы и общества нельзя попросту отождествлять с теми или иными идейными *продуктами* этого производства.

В числе последних можно, конечно, назвать и те голые научные *идеи,* которые только еще *бродят* в головах ученых людей. Но это еще *незавершенная* продукция научного труда или полуфабрикат, получаемый лишь в самой начальной стадии производственного процесса, именуемого наукой. На дальнейших его стадиях плоды науки всегда появляются уже в *овеществленном виде,* в виде рукописей и книг, астрономических фотоснимков небосвода и геологических буровых скважин, химических анализов и бактериологических культур, ботанических гербариев и зоологических коллекций, в виде почвенных разрезов и археологических раскопок, архитектурных макетов зданий и механических моделей машин, инженерных проектов великих строек коммунизма и экономических расчетов их эффективности, всеобъемлющих материалов статистических переписей и все охватывающих перспективных планов народнохозяйственного развития.

Все это несомненно входит в состав научной продукции, хотя в своем *вещном* оформлении не влезло бы в башку ни одного идеалиста. Однако современная наука не ограничивает своих задач таким половинчатым овеществлением своих теоретических достижений. Она жаждет практического их *внедрения* в окружающую нас действительность, всемерно содействует этому внедрению и усматривает окончательное овеществление плодов науки не в одних лишь макетах и моделях того, что *может* быть реализовано по последнему слову науки, а и во всех достижениях общественного производства, в которых *фактически* реализуются требования науки. И с этой более широкой точки зрения плодами науки следует признать, например, не только те или иные физические теории, но и такие чудесные их воплощения, как кинофильмы и люминесцентное дневное освещение,

радиоприемники и телевизоры в нашем повседневном быту. Или скажем, плодами науки становятся, в той же мере не только сухие формулы механики в инженерных проектах, но и все наши машины и орудия, домны и шахты, фабрики и заводы, построенные по этим формулам и облегчающие наш труд в общественном производстве.

Таково вкратце содержание понятия современной науки.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАУКИ

Величественное здание современной науки, подобно высотному сооружению, которое своей вершиной упирается в небо самых отвлеченных обобщений и тощих, а порой и пустых абстракций, но, опускаясь вниз, наполняется все более конкретным содержанием специальных дисциплин и, врастая в землю прикладным основанием технических применений, оплодотворяет ими все отрасли общественного труда. Но эта наука не всегда была такой. Ее становление — длительный процесс, уходящий своими корнями в далекое прошлое.

Как известно, зачатки науки возникли много раньше, чем появились первые магистры и доктора наук в пышных средневековых мантиях и диковинных головных уборах, доживших кое-где в буржуазных храмах науки и до наших дней. Несколько лет тому назад, когда мне впервые удалось увидеть эти красочные, как боевое оперение петухов, традиционные одеяния жрецов науки на ученых Лондонского королевского общества, прибывших к нам во всем параде в Москву, на юбилей Советской Академии наук, то, каюсь, мне невольно пришли на память не менее причудливые жреческие одеяния шаманов при исполнении ими своих профессиональных функций. По-видимому, жрецы всех культов, от самых захудалых шаманов до самых влиятельных магов и волшебников, чародеев и чудотворцев, оракулов и пророков, египетских жрецов и христианских иерархов, для успеха своих действий первым долгом стремились поразить воображение профанов уже внешним блеском своей необычайной одежды.

В нашей стране такого эффекта добиваются лишь *цирковые* маги и чародеи. Да и те после каждого сеанса умопомрачительных чудес и превращений готовы тут же чистосердечно заверить публику, что во всей их магии — «одно лишь проворство рук и никакого мошенства». Профессиональные шаманы всех культов в отличие от профессиональных фокусников наших дней не способны были бы на такие признания, ибо они *кормились* своим обманом. Собирая дань с простодушной паствы якобы в жертву своим богам, они обманывали не только эту паству, но и самих

«богов», обращая все жертвы *богам* в собственную жратву. Не даром же народ грубо, но метко назвал их жрецами, по основному их занятию — от слова *жрать*.

Однако голым обманом долго не проживешь. К жрецам обращаются за помощью в болезнях и повседневных нуждах. А нужда — мать всех поисков истинного познания. От оракулов ждут предсказаний об удаче или неудаче предстоящей охоты или затеваемой войны. Но, чтобы успешно врачевать болезни, недостаточно симулировать общение с богами в бесноватой пляске у ложа больного и заклинаниях с пеной у рта мнимых злых духов покинуть страдальца. А для того, чтобы предугадать будущее, недостаточно гаданий по полету птиц и внутренностям животных или даже на бобах и кофейной гуще. Для предвидения требуются знания, а не гадания, а для врачевания — действующие лекарства, а не бесплодные заклинания и завывания. Вот почему шаманы всех времен и рангов, основной профессией которых была эксплуатация богатейших рудников человеческого невежества путем самого грубого и низкого обмана, не прочь были в порядке совмещения профессий монополизировать в своей узкой касте и все доступные им зачатки научных знаний. Монополизировать на первых порах не ради самих знаний, а потому что в их руках и монополия знаний становилась надежнейшим средством обмана и эксплуатации профанов.

Уже древнейшие знахари и знахарки, ведуны и ведьмы, как это видно даже из их прозвищ от корня знать и ведать, промышляли не только волхвованием да шаманством, заклинаниями и заговорами, опрыскиванием водицей с уголька и приворотными зельями, но и *лекарственными травами* народной медицины. И только знание их позволяло опытным ведунам действительно излечить или отравить за приличную мзду человека, в зависимости от того, какое из этих действий лучше оплачивалось. Очень долго пользовались для своих шаманских целей научными достижениями, строго засекречивая их в своем узком кругу, и профессиональные *жрецы* самых различных культов. Именно в этой среде получил свое начало и тот ныне основательно забытый цикл особо таинственных, оккультных «наук» Востока, который не прочь бы возродить у себя кой-где и ныне в новом влечении к мистике закатная мысль буржуазного Запада. С течением времени, однако, все труднее становилось удержать подлинную науку в замкнутом кругу прислужников теологии.

Оставаясь секретным достоянием немногих жрецов, без широкого применения, она не могла развиваться, а развиваясь, неизбежно теряла свою секретность. Ускользая из рук теологов, она становилась все более мирской, светской, независимой от церкви. Уже в средние века обнаружилось к тому же, что

подлинная наука не мирится с догмами теологии, начисто отвергает все ее мистерии и таинства. Из монастырских келий наука перебралась в университеты. Вместо «святых отцов» ее стали изучать и двигать вперед целые коллективы светских ученых. Правда, и эта средневековая университетская наука еще недалеко ушла от всех пройденных уже этапов знахарства и шаманства. Философия, едва вылезая из-под башмака теологии, все еще занималась столь существенными проблемами, как вопрос о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы. Астрономия еще не вполне вылупилась из астрологии. Коперник, как известно, совмещал свои занятия астрономией с обязанностями католического священника, а Галилей, преследуемый церковью за правду о вращении земли, все еще составлял астрологические гороскопы своей клиентуре. И, таким образом, они оба поддерживали на практике ту самую ложь и суеверия, с которыми боролись в теории. Химические науки еще не поднялись над уровнем алхимии, бьющейся над призрачными проблемами о жизненном эликсире и философском камне, способном все превращать в чистое золото.

Чего было больше во всех подобных исканиях — сознательного обмана или наивных заблуждений, — сказать теперь трудно. Но наука стала уже ареной открытой борьбы истины с заблуждениями. И в этом соревновании все шансы были на стороне истины. Однако это соревнование, протекающее и доныне еще в области мировоззренческих наук в форме самой острой борьбы суровой правды материализма против всех миражей идеализма и реакционной мистики, не дается даром. Освобождение наук от *внутренних* противоречий и привносимой *со стороны* фальши требует много времени и труда. Наука долго еще витала в абстракциях, и *производственные* эффекты ее на этом этапе развития были еще ничтожны.

Лишь в буржуазном обществе, с внедрением машин, когда, по выражению Маркса, и самый процесс производства превращается в *технологическое приложение науки* [1], и сама наука стала столь же неотъемлемым фактором производства, как все машины и орудия труда, в которых эта наука находит ныне свое реальное воплощение. Здесь, в непосредственном окружении трудящихся масс, она соприкасается с ними в трудовом процессе без каких-либо мистических покрывал. И теперь ее уже не скроешь от этих масс, засекретив под философским колпаком даже самого жуликоватого из современных жрецов науки. Но «науку» в лице инженеров, изобретателей и профессоров общества, в котором все продажно, можно еще купить, запатентовать и присвоить, обратив таким образом и ее наряду со всеми средствами

---

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 629—630.

производства в монопольную собственность буржуазии и орудие классовой эксплуатации ею чужого труда.

Понятно, однако, что в обществе, где хозяином науки становится буржуазия, все продажные носители и жрецы этой «науки», сменив своих богов на бога Маммону, и в этой новой своей роли приказчиков господина Капитала не могли еще отрешиться от всех прежних своих навыков и приемов шаманства. Правда, им уже не нужно, подобно шаманам, вертеться юлой, кривляться в изнурительной пляске, чтобы, так сказать, в поте лица своего вылгать свой хлеб насущный. В качестве жрецов *науки* они в основном и с еще большим успехом торгуют «истиной». Но, сделав для себя из науки кормушку и изготовляя свой товар на потребу буржуазии, они не могут, считаясь с запросами этого потребителя и потрафляя ему, не прилгнуть при случае в меру его потребностей. И вот, изворачиваясь перед ним и кривляясь уже не физически, а духовно, они препарируют и подают ему свою «науку» с такой философской приправой апологетической лжи и обмана, какая вполне достаточна для классового ее использования *против* трудящихся.

Таким образом, рассматривая содержание науки за весь период ее развития в классовом обществе, мы видим в ней постоянный симбиоз противоборствующих начал истины и заблуждений с изрядной дозой прямого обмана и корыстной лжи. Можно сказать при этом, что сама научная *истина* в своем развитии вытекает из обильнейших источников человеческих *заблуждений* и, лишь постепенно очищаясь в русле науки от мутных осадков невежества, приближает нас к абсолютному познанию объективного мира. Но все модификации лжи и обмана, от самого наивного шаманства до самой тонкой апологетики капитализма, по самому существу их совершенно чужеродны науке. Они привносятся в классовую науку лишь в корыстных интересах господства привилегированного меньшинства над большинством человечества. И с ликвидацией классов за ненадобностью они полностью изгоняются из коммунистической науки.

На том же рубеже с наукой происходит, однако, и другая, еще более существенная метаморфоза. Наукообразная ложь лишь прикрывает и приукрашивает собой современные процессы эксплуатации труда. Настоящей же основой самой возможности этой эксплуатации становится, как известно, *монополия* собственности буржуазии на все средства производства вообще, а поскольку процесс производства превращается ныне в технологическое применение науки, то и на такой производственный фактор, как наука, в частности. Орудия труда в этом процессе отделяются капиталом от труда и противостоят ему, как орудия его эксплуатации. То же, по свидетельству Маркса, происходит с наукой в капиталистической промышленности, «которая

отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, *от труда* и заставляет ее служить капиталу»[1]. Ликвидация антагонистических классов в корне меняет это положение.

И орудия труда, и наука в социалистическом обществе становятся уже *общим* достоянием всех трудящихся и служат всему обществу. Наука внедряется здесь в производство уже не *чужими* руками приказчиков буржуазии, а дружными усилиями своей собственной *рабочей* интеллигенции, своих собственных строителей и конструкторов, инженеров и агрономов. Но еще важнее то, что здесь и все трудящиеся вообще, у станков и за тракторами, становятся такой же рабочей интеллигенцией, уверенно продвигаясь вперед через среднюю школу к общему уровню инженерно-технического образования. Все результаты, какие обещает нам эта протекающая на наших глазах культурная революция, неисчислимы. Однако уместно все же будет напомнить следующий факт. Еще в самом начале первой пятилетки наши плановики установили, что производительность труда, а вместе с тем и сдельный заработок рядовых рабочих у станка, окончивших семилетку, при всех прочих равных условиях и тех же орудиях труда, т. е. за счет лишь лучшего их использования, повышается в среднем на 67% по сравнению с рабочими того же возраста и стажа, но без всякого образовательного ценза. Элементарный расчет показал при этом, что каждый миллиард рублей, расходуемый на школьное образование в СССР, повышает объем народного дохода страны за счет указанного прироста производительности примерно на *6* млрд. руб.

Таков эффект даже первых азов школьной науки, внедряемых в рабочей среде. Мы не говорим уже о том, что без расширенного воспроизводства таких азов общеобразовательных дисциплин в головах трудящихся невозможно было бы и успешное внедрение в производство всех новых и неизмеримо более продуктивных достижений творческой науки и техники, вплоть до электронной лампочки и полупроводников в приборах современной автоматики и телемеханики, исключающих невежественное с ними обращение. В оплодотворении труда наукой, во всех технологических ее применениях, мы уже теперь открываем возможность повышать производительную силу труда не только на десятки процентов, но и в десятки раз. И в социалистическом обществе мы не видим перед наукой никаких пределов ее применениям.

В капиталистическом обществе с его коммерческими *тайнами* и производственными *секретами*, из которых важнейшим является секрет извлечения прибавочной стоимости из неоплаченного труда рабочих, было совсем не так. Там приобщение широких рабо-

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 369. Курсив наш. — *С. С.*

чих масс ко всем достижениям подлинной науки представляет уже само по себе смертельную угрозу существованию буржуазии. И она уже поэтому тормозит развитие науки, подменяя ее лживой апологетикой или скрывая ее только для себя и таким образом превращая даже научные *истины* в средства обмана всех непосвященных в подобные секреты, ибо всякое сознательное сокрытие истины в ущерб всем заинтересованным в ней есть уже прямой их обман. Однако даже при капитализме можно только притормозить рост науки, задерживая ее от проникновения в широкие массы, но невозможно остановить ее стихийное движение вперед. Практика общего производственного процесса в своем развитии повелительно требовала и сама содействовала росту соответствующих отраслей знания. И *производственный процесс* научного познания проходил на своем историческом пути те же ступени развития, какие прошли и все другие важнейшие отрасли общественного труда.

Всего дольше, в частности, наука задержалась на самой примитивной стадии своего развития, когда каждый жрец науки, подобно кустарю-одиночке, создавал за свой собственный страх и риск из клочков и обрывков знаний целую систему крайне абстрактной и далекой от практики, но зато «всеобъемлющей» философии, отвергающей все другие. Сталкиваясь друг с другом, такие взаимно противоречивые системы, конечно, обнаруживали свою несостоятельность и сходили со сцены. Весьма отдаленное приближение таких абстрактных систем к конкретной истине делало их к тому же мало пригодными и для практического использования, сохраняя за ними в основном лишь чисто идеологический интерес — истории идей и человеческих заблуждений.

С гораздо большим успехом развивалась наука уже на следующей, «мануфактурной» стадии своего развития в больших коллективах буржуазных университетов с разделением труда и сложной кооперацией факультетов и кафедр. На этой стадии крупные успехи отдельных дисциплин все теснее сближали их с материальным производством родственных отраслей труда. А затем, в последнее время, монополистический капитал, мобилизовав на свою потребу современную буржуазную науку, вооружил ее в своих трестовских институтах и заводских лабораториях таким оборудованием и аппаратурой, что здесь можно уже говорить о «фабричном» производстве научных открытий и изобретений — от спасительных пенициллина и микромицина до смертоубийственных атомных бомб и чумных препаратов.

Совсем иначе, но еще теснее связана с общественным производством материальных благ наиболее высоко организованная и технически оснащенная советская наука. Ее связи с производством завязываются не в *частнохозяйственных* интересах

отдельных монополий, а в принципиально ином народнохозяйственном плане *всей* страны. Основной задачей и отдельных так называемых прикладных дисциплин, и всей системы наук в целом становится разработка проблем, связанных со строительством коммунизма в СССР и других социалистических странах. Но в планах научно-исследовательских работ Академии наук Советского Союза находят свое отражение и все другие производственные проблемы социалистического хозяйства.

В частности, для подготовки очередных хозяйственных мероприятий и планов Академия наук ежегодно организует ряд научных экспедиций в целях комплексного изучения и использования производительных сил и природных ресурсов нашей страны. А из академических планов *внедрения* текущих исследований советских ученых легко убедиться, что *законченными* работами в этом плане считаются лишь такие, которые уже вполне пригодны к внедрению в *производство.*

Советские ученые, не ограничиваясь своими кабинетами и лабораториями, принимают живое участие в полевых исследованиях и геологических разведках, организуют пробное обогащение бедных руд и выплавку из них в полузаводских условиях металлов, осуществляют научную экспертизу целесообразности и экономической эффективности проектируемых в стране крупнейших строительств. Не говоря уже о том, что в действующих производственных предприятиях научный — конструкторский и инженерно-технический — труд занимает ведущее по своему значению место. А в общем в СССР связи науки с производством так тесны и непосредственны, что многие из наших научных учреждений уже теперь можно рассматривать как отраслевые «подготовительные отделения» к заводскому производству, а такой научный штаб, как Академия наук, становится чем-то вроде всесоюзного конструкторского бюро для всего народного хозяйства СССР, взятого в целом.

В конце концов из орудия обмана и эксплуатации труда в досоциалистических формациях наука при социализме, пробуждая классовое самосознание трудящихся, превращается в орудие их освобождения от эксплуатации и вместе с тем становится все более полноценным фактором общественного производства и неиссякаемым источником роста производительной силы труда. Таков наиболее общий итог исторического развития науки на службе обществу.

3. НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО

Многогранная наука, взятая в целом, как стройная *система* наук, изучает конкретно в своих подразделениях самые различные объекты, весьма многоразличными специальными методами

для разрешения очень различных теоретических и частных, прикладных задач. Ее огромную роль невозможно, однако, ограничить даже всей суммой таких специальных задач. Над специальными задачами отдельных наук возвышаются и общие, присущие всей системе их, взятой в целом. В области теории такой наиболее общей задачей является задача познания всех объективных закономерностей вселенной, а в области практики — использование этих закономерностей и в идеологической борьбе с духовной реакцией за лучшие идеалы социальной правды, и в культурном строительстве народов, и в материальном *производстве* всего общества. Но последняя задача самая важная, ибо, воздействуя на производство, наука подводит *новый* базис и под все надстройки.

Принято думать, что производство связано только с так называемыми *прикладными* науками, а «чистая» наука витает где-то в облаках абстракций, в полном отрыве от всего земного, благодаря чему ей, очевидно, и приписывается эта пресловутая стерильная «чистота». Однако это глубокое заблуждение. Всякая стерилизация обрекает лишь на бесплодие. Теория в отрыве от практики, как цветок, вырванный из почвы, увядает и засыхает. Но социалистической науке не угрожает такая участь. Несмотря на возрастающую специализацию, наши науки все теснее кооперируются, взаимно обогащаясь, на общей службе социалистическому хозяйству. Организационно эта кооперация нашла уже свое отражение и в системе учреждений Академии наук СССР. Напомним, что в дореволюционной Академии имелись только гуманитарное и естественноисторическое отделения и только за советский период в ее стенах впервые появилось и выросло огромное Отделение наук технических. И если еще не так давно эти прикладные науки третировались кое-кем из «теоретиков», как науки *второго* сорта, то ныне их ведущая роль в той кооперации труда, в которой техника является важнейшим *приводом* от научной теории к хозяйственной практике, становится все очевидней.

В свое время наряду с Академией наук, у нас возникла было еще одна *Социалистическая* академия, в рамках которой замыкались одни лишь общественные науки. Однако такой их отрыв от всех других наук не благоприятствовал взаимному их сближению и обогащению. И особая Социалистическая академия разделила судьбу особого Пролеткульта. О них мы уже начали забывать. А общественные науки, подкрепив собой общий фронт наук в единой Академии, все теснее объединяют свои усилия со всеми другими науками в общем плане научно-исследовательских работ всей Академии наук СССР. План этот, как известно, составляют сами ученые. Но, согласованный с текущими потребностями отдельных отраслей производства и ведомств и

скорректированный в связи с общими требованиями народного хозяйства в Госплане, этот план по утверждении правительством, несомненно, служит задачам всего народнохозяйственного плана страны, взятого в целом. И, таким образом, не одни лишь прикладные дисциплины, но и вся наука в целом становится у нас на службу хозяйству.

Но, может быть, верно другое ходячее представление, по которому только прикладные, технические науки воздействуют на производство *непосредственно,* а все остальные — лишь посредственно, *теоретически* воздействуя на уровень прикладных дисциплин и самой техники? Такое представление не подтверждается фактами. Жестких границ между теоретическими и прикладными науками нет. Любая наука может в том или ином случае непосредственно включиться в производство, получив хозяйственное использование. Например, задачам *разведки* полезных ископаемых ныне служит не только геология с ее буровыми скважинами, но и биохимия, анализируя золу растений, покрывающих почву, и геофизика своими приборами высоко над землей, с самолетов. Микробиология культурами азотобактера удобряет землю. Химия создала всю химическую промышленность. Физика обеспечила производство всеми видами энергии, до внутриатомной включительно. А ныне даже такой теоретически тонкий ее раздел, как электроника, включается непосредственно в производство в качестве регулятора автоматики всей промышленности грядущего коммунизма.

И еще важно отметить, что ныне на службу социалистическому хозяйству привлекаются не отдельные науки (здесь — геология, там — почвоведение), а комплексы наук, целые коллективы ученых различных специальностей, достаточные для *всестороннего* освещения изучаемого объекта. Разумеется, различные хозяйственные объекты требуют различной комбинации в составе научных дисциплин и коллективов ученых. Но Академия наук СССР располагает широкими возможностями почти любых комбинаций. И в организуемых ею комплексных экспедициях «Совета по изучению производительных сил» и в академических бригадах содействия великим стройкам коммунизма можно увидеть ученых весьма различного рода оружия. Такие комплексные научные работы больших и разносторонних коллективов еще не получили у нас широкого развития. Но, несомненно, что ими прокладываются *новые* пути планомерно организованной, коллективной научной деятельности советских ученых.

Рассматривая тот или иной раздел науки в отрыве от всех других, не всегда можно предугадать возможности производительных его применений. От первых наблюдений расщепления атома до овладения внутриатомной энергией — не близкий ведь путь. Но в системе наук из замкнутого их круга нельзя вырвать

ни одного звена без ущерба для всей системы. И в полной мере оценить роль науки в производстве мы сумеем лишь тогда, когда мобилизуем на производственные задачи *планомерно* и *комплексно* всю систему наук и двинем ее вперед не мелкими партизанскими отрядами, а единым фронтом всех частей и родов научного оружия, действующих в тесной взаимной кооперации.

В составе этого фронта обычно различают общественные науки от наук естественных (о природе). Однако при такой систематике из цикла наук вовсе выпали бы, например, все философские и математические науки, охватывающие в своем круге ведения одновременно и общество и природу. Но и науки о природе слишком многообразны, чтобы можно было вместить их все в одну рубрику, пренебрегая даже такими качественными их различиями, как грань между живой и мертвой природой. А с учетом и других скачков от простейшего к сложному *система наук* в самой сжатой схеме представляется нам в таком цикле крупнейших своих разделов (см. диаграмму).



Предмет изучения в этом круге наук существенно меняется — от самых абстрактных понятий и простейших элементов, как величина, движение, атомы и молекулы, до наиболее конкретных и сложных тел, организмов и сообществ. Но общества

слагаются из отдельных лиц, организмы и тела — из молекул и атомов, движение неотделимо от вещества, а без понятия «величины» и логики суждений и умозаключений вообще не обошлась бы ни одна из наук. Этим утверждается их внутренняя цепная связь. А для уяснения их связи с производством проведем более детальное расчленение общего цикла наук по важнейшим их подразделениям.

Вот самый краткий их перечень.

I. Математические науки

(о величинах)

1. Арифметика
2. Алгебра
3. Геометрия
4. Тригонометрия
5. Аналитическая геометрия
6. Теория вероятностей
7. Дифференциальное исчисление
8. Интегральное исчисление
9. Вариационное исчисление
10. Векторное исчисление
11. Тензорное исчисление
12. Теория множеств и пр.

Математика наиболее абстрактная из наук. Ее формулы в своих буквенных выражениях обнимают любые величины: и сколь угодно большие, и бесконечно малые, и постоянные, и переменные, и реальные, и мнимые. Располагая значительным выбором представлений о пространстве, математика вполне последовательно изложит Вам и геометрию Эвклида, и геометрию Лобачевского, и геометрию Римана. В первом случае Вам придется признать при этом, что сумма углов треугольника всегда равна 2d, т. е. 180°, во втором — что она всегда *меньше* 2d, в третьем — что она всегда *больше* 2d. И какое бы из этих пространств не оказалось реальностью в нашем мире, это не изменит формул и формальных выводов математики. Вселенная во всяком случае уложится в ее формулы, как одна из математических возможностей. Этот формализм представляет известную опасность скатиться в объятия идеализма, о чем уже писал в свое время В. И. Ленин, имея в виду зарубежные физико-математические течения. Но это отнюдь не умаляет огромной роли математики во всех технических применениях науки в производстве, и не только высшей, но и самой элементарной. Ведь без арифметики на заводе и геометрии в поле не только инженер и агроном, но и рядовой производственник ныне никак не обойдутся.

II. Механические науки

(о движении и силах)

1. Механика классическая
2. Квантовая механика
3. Теория относительности
4. Теория упругости
5. Сопротивление материалов
6. Гидромеханика
7. Гидравлика
8. Аэродинамика
9. Строительная механика
10. Механическая технология
11. Машиноведение
12. Телемеханика и пр.

Связь этого раздела наук с соседними — математикой и физикой — очень тесна и неразрывна. Но еще теснее она непосредственно с производством. И она настолько здесь *очевидна*, что не требует никаких пояснений.

III. Физико-химические науки

(о веществе)

1. Физика
2. Энергетика
3. Теплотехника
4. Светотехника
5. Электротехника
6. Радиотехника
7. Химия (классическая)
8. Квантовая химия
9. Термохимия
10. Фотохимия
11. Электрохимия
12. Химическая технология и пр.

Физику и химию объединяет общий предмет изучения — вещество, хотя физика в основном изучает только различные *состояния* вещества, а химия — более глубокие процессы его *превращения*. Но сближение этих наук видно уже из появления таких новых дисциплин, как физическая химия и химическая физика, заведомо гибридного происхождения. С механикой этот раздел наук связывается через физику, с астрономическими науками — через астрофизику и астрохимию. Но всего теснее связан он многими узами непосредственно с производством.

IV. Астрономические науки

(о телах небесных)

1. Космогония
2. Астрономия теоретическая
3. Астрометрия
4. Небесная механика
5. Астрофизика
6. Астрохимия
7. Космография
8. Актинометрия
9. Метеоритика
10. Навигация
11. Аэронавигация
12. Служба времени и пр.

Тела небесные, казалось бы, слишком удалены от нас, чтобы непосредственно служить нашему общественному производству. И все же наука заставляет их служить ему и в сельском хозяйстве, где так важен учет поступления солнечной энергии (актинометрия), и в мореплавании, и в аэронавигации, и повсюду, где работа регулируется временем и необходима ориентировка в пространстве.

V. Геологические науки

(о земле)

1. Геофизика
2. Геохимия
3. Геология
4. Минералогия
5. Гидрогеология
6. Аэрология
7. География (физическая)
8. Почвоведение
9. Мерзлотоведение
10. Гидротехника
11. Геодезия
12. Топография и пр.

Поверхность и недра нашей планеты много ближе небесных тел и доступнее нам для использования. В связи с этим науки о земле раскрывают перед нами все ее богатства: в недрах — несметные запасы полезных ископаемых, на поверхности — все ресурсы плодородия почвы, ее обводнения и орошения; изучая атмосферу, они обслуживают своими прогнозами погоды и сельское хозяйство и воздушный транспорт.

VI. Биологические науки
(о жизни)

1. Биология
2. Биохимия
3. Палеонтология
4. Микробиология
5. Ботаника
6. Зоология
7. Агрономия
8. Агрохимия
9. Агротехника
10. Лесоводство
11. Зоотехника
12. Ветеринария и пр.

Науки о живой природе служат самым непосредственным образом в каждом совхозе и колхозе и земледелию, и животноводству, радикально повышая их продуктивность. Служат они и промышленности, освещая процессы брожения в виноделии и винокурении (микробиология), улучшая выпечку хлеба своими ферментами и энзимами (биохимия) и т. д. И даже такая, казалось бы, далекая от производства наука, как палеонтология, изучающая жизнь давно вымерших организмов, помогает геологическим поискам полезных ископаемых.

VII. Антропологические науки
(о человеке)

1. Антропология
2. Эмбриология
3. Анатомия
4. Патология
5. Физиология
6. Психология
7. Гигиена и санитария
8. Терапия
9. Хирургия
10. Психиатрия
11. Гинекология
12. Фармакология и пр.

Науки о человеке прежде всего служат ему самому. Но, сокращая заболеваемость и смертность людей, они вместе с тем значительно повышают и эффективность этой важнейшей части производительных сил общества. Достаточно напомнить, что широкое внедрение у нас этого раздела наук за советский период уже ознаменовано такими показательными фактами, как сокращение смертности в СССР по меньшей мере *вдвое* и увеличение средней продолжительности жизни и труда наших сограждан тоже минимум в 2 раза. По сравнению с нормами 1913 г. у нас ежегодно избегает преждевременной смерти до 3 млн. граждан. Правда, для этого нам пришлось раз в десять умножить свой врачебный персонал. Но все же, учитывая, что на каждого врача при этом ежегодно приходится до 15 спасенных жизней, а за

всю его практику — хотя бы лет за 20 — на его долю выпадает и до 300 таких спасенных жизней, мало будет сказать, что его профессиональный труд окупается сторицей.

VIII. Общественно-исторические науки

а) Социально-исторические

1. Этнография и этногенез
2. Археология и история материальной культуры
3. История стран и народов
4. Правоведение и история права
5. Языковедение
6. Литературоведение
7. Искусствоведение
8. Военные науки
9. Педагогические науки

б) Общественно-экономические

1. Политическая экономия
2. История экономических учений
3. История народного хозяйства
4. Экономгеография
5. Народнохозяйственное планирование
6. Экономика отраслей труда
7. Наука о финансах
8. Статистика
9. Бухгалтерия.

Науки о базисе и надстройках общества многочисленнее других и далеко не исчерпываются приведенным перечнем. Все они весьма далеки от техники производства, но тем более значительна их воспитательная роль и организующее воздействие на самих *производителей*, начиная со школьной скамьи и кончая всеми моментами *общественного* их бытия в повседневном труде и быте. Одни из них еще в школе дисциплинируют и развивают мозги будущих производителей, не позволяя никаким шаблонным навыкам их мышления надолго сохранять инерцию застойной рутины. Другие, например, в учениях о государстве и праве служат при социализме организации и охране общественного труда. Третьи в науках о планировании и финансах, в статистике и бухгалтерии служат распределению и учету трудовых ресурсов по всей стране и хозяйственному расчету в каждой производственной ячейке, взятой в отдельности.

Особое место, наконец, в системе наук принадлежит таким философским дисциплинам, как история философии, логика, диалектический материализм и исторический материализм. Их можно поставить и во главе всей системы наук, и в заключительном их звене, обобщающем и венчающем всю эту систему. Рассматривая все явления в процессе их развития и неразрывной внутренней взаимосвязи, они связывают в высшем единстве не только всю систему наук между собою, но и всю их совокупность с тем производственным основанием, возвышаясь над которым наука тем успешнее и сама развивается, чем последовательнее ему служит всеми своими рычагами. Оплодотворяя своим диалектическим методом познания все науки, философия марксизма обслуживает, однако, и *непосредственно* все производственные процессы, требующие хотя бы *элементарной логики* суждений и умозаключений. Без нее ведь не наладишь

никакого производства. А широкое внедрение навыков *диалектического* мышления в нашей стране служит неиссякаемым источником новых творческих достижений не только в научной теории, но и в производственной практике новаторского труда.

Итак, даже самый беглый обзор организации, объектов изучения и текущих задач всей системы наук в СССР убеждает нас в том, что не отдельными лишь своими разделами и не между прочим, а вся целиком и по основной своей роли социалистическая наука служит одним из важнейших факторов общественного производства в нашей стране.

4. НАУКА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

О том, что наука является важным фактором производства, теперь уже нет спора. Но вот вопрос о том, можно ли назвать науку производительной силой общества и если можно, то *при каких условиях* и с *какими оговорками*, остается еще открытым.

Попытка его *закрыть* простой ссылкой на известное определение категории «производительных сил» в работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», где вовсе не упомянута в их числе наука, представляется нам совсем не убедительной уже потому, что одной цитатой вообще невозможно исчерпать все содержание даже догматического марксизма, не говоря уже о творческом. В этой работе сказано: «*Орудия производства*, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному *производственному опыту* и *навыкам к труду*, — все эти элементы вместе составляют *производительные силы* общества» [1]. В этом определении действительно названы и подчеркнуты в качестве элементов производительных сил только орудия труда и люди с их производственным опытом и навыками к труду. Но, конечно, такое сжатое определение далеко не исчерпывает всего сказанного классиками марксизма о производительных силах.

Однако попробуем прежде всего расшифровать содержание тех двух основных элементов — орудия труда и люди, — из которых складывается понятие производительных сил, согласно цитированному выше определению. Не скрывается ли уже в них забытая на первый взгляд наука?

Что такое орудия труда? Это прежде всего вся наша техника— машины и инструменты. Однако «природа не строит машин,

---

[1] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, 1953, стр. 589.

паровозов, железных дорог», — говорит Маркс. «Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга;* овеществленная сила знания». И даже самый процесс производства Маркс называет «*экспериментальной наукой*, материально-творческой и предметновоплощающейся наукой». С развитием крупной индустрии в ней наряду с машинами участвует все больше таких мощных агентов, как пар и электричество, производительность которых сама, по Марксу, «зависит от общего состояния науки и от степени развития технологии или от применения этой науки к производству». Вот почему, вслед за Марксом, можно сказать, что степень развития основного капитала или, говоря иначе, орудий труда, вместе с тем «является показателем того, до какой степени общественные знания, вообще наука, превратились в *непосредственную производительную силу*» [1].

А теперь напомним, как определяли классики производительную силу «людей», т. е. живого человеческого труда. «Производительная сила труда, — писал Маркс в «Капитале», — определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства и, наконец, природными условиями» [2]. Весьма показательно, что в этом перечне факторов, определяющих собой производительную силу труда, названы уже не только средства производства, включая сюда, конечно, и орудия труда, но и *уровень науки*, причем эта *потенция производства* поставлена даже впереди вещественных фондов производства, со включением орудий труда. Приведенные здесь «обстоятельства», однако, не исчерпывают всех факторов, определяющих производительную силу труда людей. В другом месте в числе факторов и условий, от которых «производительная сила труда должна зависеть главным образом», Маркс называет и плодородие земли, и приобретенные навыки, и разделение труда, и укрупнение производства, и концентрацию капитала, и машины, и всякие другие изобретения, «посредством которых *наука* заставляет силы природы служить труду» [3].

Таким образом, даже исходя только от орудий труда и людей с их опытом и навыками, мы должны будем признать, что в числе *составляющих* эти элементы производительных сил — и не между прочим, а «главным образом» — приходится назвать «общее состояние науки», или «уровень развития науки», и все ее

[1] *К. Маркс*, Из неопубликованных рукописей. «Большевик» № 11—12, 1939 г., стр. 61, 63, 65.

[2] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 46.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 122. Курсив наш. — *С. С.*

применения, посредством которых она *заставляет* силы природы служить труду. Очень важно при этом отметить, что наука не только *содействует* росту производительных сил, а и сама при известных условиях превращается в «непосредственную производительную силу».

Можно даже сказать, при каких условиях происходит это превращение. В процессе производства научной продукции необходимо различать следующие три стадии ее готовности. В первой из них, самой зачаточной, научные идеи, не вышедшие еще за рамки чисто идеологических форм сознания, могут служить лишь *оружием идейной борьбы* соревнующихся мировоззрений и классов. Во второй, подготовительной, стадии эти идеи получают уже свое *предметное* опосредствование — от учебных пособий, схем и моделей до лабораторной и полузаводской их проверки в действии — и уже становятся признанной *потенцией производства.* И только в третьей, заключительной, стадии их реализации, *внедренные в производство*, т. е. воплощенные уже в орудиях труда и опыте производителей, они в этой практике получают окончательное подтверждение своей истинности и из потенциальной силы превращаются в действующую производительную силу общества.

Нам могут возразить, что наука, использованная для построения новых машин, — это уже не наука, а орудия труда. Но ведь металл, из которого строятся эти машины, не перестает быть металлом и в составе орудий труда. Точно так же и научные идеи, без которых не сконструируешь машину, не перестают быть научными в результате своей реализации в составе тех или иных орудий труда. Если бы наука переставала существовать как раз с момента внедрения ее в производство, она не выполняла бы своего основного назначения. Однако, анализируя *элементы*, образующие собой орудия труда, мы легко обнаружим среди них и материальную слагаемую, и живой труд рабочих, и научные идеи, заложенные в их конструкции. Но, если материалы и труд рабочих, овеществленные в машине, лишь воспроизводят себя в стоимости продукции этой машины, то заложенные в ней творческие идеи науки создают еще дополнительный эффект: они умножают количество продукта на единицу труда, позволяя использовать и *даровые* силы природы.

Еще менее позволительно было бы забыть об участии в общественном производстве тех элементов науки, какие суммируются в форме навыков мышления и профессионального искусства уже не в орудиях труда, а непосредственно в головах самих производителей. Напомним хотя бы следующее высказывание Маркса: «Степень искусства наличного населения составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно, главное накопление богатства; самый важный сохраненный результат

прежнего труда, который, однако, существует *только в живом труде*» [1]. Сокровища науки, накопленные трудом несчетных поколений исследователей всех времен, становятся общим и все более доступным достоянием человечества. Каждое достижение науки стоит своим первооткрывателям многих лет труда при полном напряжении творческих сил. Но открытие гения могут затем легко усвоить даже тупицы. И, конечно, те истины, над обоснованием которых такие умы, как Эвклид, Коперник или Дарвин бились целую жизнь, усваиваются ныне миллионами наших школьников в тысячи раз скорее и легче. Но школьники — это будущие производители. И та несравненная легкость, с которой осваиваются все ранее добытые с величайшим трудом достижения творческой науки, позволяет нам и ее рассматривать как *даровую силу* в производстве. Она может быть реализована в производстве только в соединении с трудом и сама по себе как даровая сила не повышает *стоимости* его продукции, но умножает ее количество. И именно поэтому является основным источником, за счет которого растет производительная сила вооруженного наукой труда.

Воздействуя одновременно и на орудия труда, и на обслуживающих их людей, наука уже обеспечила нам своим внедрением в производство огромную экономию живого труда. В самом деле, приведем несколько примеров.

В производстве хлебов в нашей стране с заменой примитивной сохи плугом и лошадок тракторами, а серпа и цепа — комбайнами затраты живого труда на тонну зерна составляли около 1850 г. 117 человеко-дней, к 1913 г. — 71 и в 1937 г. в колхозах — 10,2, а в совхозах — не свыше 7—7,5 человеко-дней [2]. Таким образом, менее чем за одну сотню лет затраты труда на каждую тонну хлеба сократились не менее чем на 107 человеко-дней, т. е. раз в 10—12. Но сельское хозяйство это не только производство хлебов. Технические и прочие пропашные культуры еще более трудоемки. Судя по энергетическим затратам в сельском хозяйстве, в нем уже в 1955 г. тяговая мощность одних лишь тракторов (гусеничных — 16,5, дизельных — 12 и пропашных — 2,5) достигала 31 млн. *л. с.*, а с учетом автомобилей и прочих механических двигателей общая их мощность была не менее 90 млн. *л. с.* [3] При этом можно считать, что каждая механическая сила замещает собою 10—12 человек в общем балансе потребного

---

[1] *К. Маркс*, Теории прибавочной ценности, Л., 1924, т. III, стр. 245. Курсив наш. — *С. С.*

[2] См. *С. Струмилин*, К истории земледельческого труда. «Вопросы экономики» № 2, 1949, стр. 58—61.

[3] См. «Народное хозяйство СССР», Статистический сборник, М., 1956, стр. 144, 150.

мускульного труда людей. Правда, в условиях сезонного характера земледельческого труда вся эта его механизация используется полностью лишь в летние месяцы. Тем не менее, высвобождая в самый напряженный пиковый летний сезон машинами минимум 90 × 10 = 900 млн. работников тяжелого мускульного труда, эта механизация экономит нам и в расчете за год не менее 900 : 4 = 225 млн. человеко-лет труда нашей деревни. Для сравнения отметим, что фактически за 1955 г. у нас занято было в ней не свыше 33,2 млн. работников в переводе на годовых [1].

В промышленности наука и техника тоже не стояли на месте. В частности, в черной металлургии затраты живого труда на тонну чугуна за последние 100 лет сократились уже раз в 50, а по стали и прокату — еще больше. В производстве пряжи и тканей благодаря современной машинной технике затраты труда по сравнению с ручным производством снизились у нас уже к 1940 г.: по ткачеству — раз в 80, в прядении — в 100 с лишком раз, а в среднем — в 93 раза. По другим производствам у нас нет аналогичных расчетов. Но известно, что одной лишь электрической энергии, не считая автомоторного парка, экскаваторов и других видов механических двигателей, используемых в промышленности и строительстве, у нас расходуется до 170 млрд. *квт-ч*. Каждый киловатт-час механической энергии замещает собою от 14 до 16 час. человеческого мускульного труда. Значит, 170 млрд. *квт-ч* электроэнергии высвобождают у нас не менее 300 млрд. 8-часовых человеко-дней, или 300 : 265 = 1,132 млн. человеко-лет, физического труда, в то время как весь фактический персонал промышленности и строительства у нас в 1955 г. не превышал 20,5 млн. человек [2].

Очень значительную экономию труда обеспечивает нам и механизация транспорта. На колесах возчик с одной лошадью перевозил не свыше 30 пудов на 20 *км*, т. е. 10 *т/км* в день, или до 2650 *т/км* в год. А вот работа советских железных дорог за 1955 г. по перевозкам грузов и пассажиров дала 970,9 + + 141,4 = 1112,3 млрд. приведенных тоннокилометров. Чтобы выполнить такую же работу *конной* тягой, потребовалось бы минимум 420 млн. годовых работников и столько же лошадей. А между тем фактически весь персонал наших железных дорог в 1955 г. не превышал 2301 тыс., т. е. был в 183 раза меньше, не говоря уже о выигрыше в скорости перевозок по железным дорогам раз в пять по сравнению с гужевыми обозами.

---

[1] В совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях — 2832 тыс. человек, в МТС — 3120 тыс. человек и в колхозах — 10 850 млн. трудодней, или 10 850 : 1,5 = 7220 млн. человеко-дней, или, считая по 265 рабочих дней на год, около 27 245 тыс. годовых работников (см. «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 135, 138, 129).

[2] См. «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 190.

Общий эффект механизации производства в СССР в 1955 г. только по трем вышеуказанным отраслям хозяйства может быть выражен такими итогами экономии живого труда (в млн. человеко-лет):

Отрасли хозяйства	Затраты труда	Экономия труда	Итого
1. Сельское хозяйство	32,2	225	257,2
2. Промышленность и строительство	20,5	1 130	1 150,5
3. Железнодорожный транспорт	2,3	418	420,3
Итого	55,0	1 773	1 828,0

Наши иллюстративные расчеты не претендуют на особую точность. В частности, они отражают в себе далеко не весь прирост затрат *прошлого* труда в процессе его механизации и потому преувеличивают учтенный ее эффект. Однако они показывают, сколь *различен* достигнутый у нас уровень механизации труда в разных его отраслях. В сельском хозяйстве за весь период механизации труда годовая выработка работника поднялась всего в 8 раз, в то время как в промышленности она выросла со времен безмашинного труда в 56 раз, а на железнодорожном транспорте — в 183 раза. И если этот уровень в условиях невооруженного конно-ручного труда принять за равный во всех этих отраслях, то на нынешнем уровне механизации производительность живого труда в промышленности придется признать раз в 7, а на железнодорожном транспорте даже в 23 раза выше, чем в сельском хозяйстве.

Однако нас в данный момент интересует лишь общий эффект механизации труда в нашем народном хозяйстве за весь период внедрения машин и механической энергии. Он тоже очень велик. Экономия в живом труде, достигнутая за этот счет, уже превзошла 1800 млн. работников и в 9 раз превышает все наличное население нашей страны. В среднем по всему хозяйству это дает повышение производительности живого труда в 33 раза. Ясно, что без механизации и энерговооруженности труда такой эффект был бы совершенно недосягаем.

Конечно, мы им обязаны *не только* науке и технике, воплощенной в механизмах и освоенных методах производства. Содействовал этому во многом и наш общественный строй, и другие обстоятельства. Но не следует забывать, что «машина, —

по свидетельству Маркса, — является *наиболее могущественным* средством увеличения производительности труда, т. е. сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров» [1]. А в каждой машине как раз наиболее осязательно отражается творческая роль и даровая сила *науки*.

Необходимо также помнить, что эта даровая сила науки реализуется только в полном и неразрывном единении с трудом. Это значит, что в полной мере мы овладеем ею только в коммунистическом обществе, где с подъемом культурно-технического уровня всего рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда и ликвидацией противоположности между умственным и физическим трудом и такая мощная потенция производства, как наука, станет, наконец, общим достоянием всего трудящегося человечества. В рамках всех досоциалистических классовых формаций наука, оставаясь привилегией и объектом спекуляций верхушки шаманствующих жрецов науки и их хозяев, не могла рассчитывать на широкое внедрение и всенародное распространение. На Западе она и доныне пребывает в узком тупике. А между тем эффективность науки в качестве производительной силы как раз прямо пропорциональна объему внедряемых знаний, умноженному на глубину их усвоения и широту распространения в трудящихся массах.

Все выводы из этой, казалось бы, весьма элементарной истины способно сделать только социалистическое плановое хозяйство.

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 408. Курсив наш. — *С. С.*

V. БАЛАНС НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ОРУДИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ *

1. СХЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА МАРКСА

Как известно, схемы воспроизводства К. Маркса служили задачам теоретического анализа условий воспроизводства *капитала*, т. е. *капиталистических* общественных отношений. А баланс народного хозяйства, самое понятие которого возникло лишь в условиях социализма, призван прежде всего служить практическим задачам народнохозяйственного планирования в интересах расширенного воспроизводства *социалистических* общественных отношений. И тем не менее еще В. И. Ленин отметил мимоходом на полях книги Бухарина, что схемы Маркса сохраняют кой в чем свое значение и для *нашего* времени.

Прежде всего эти схемы могут послужить нам даже *исходным пунктом* для построений *баланса народного хозяйства*.

Чем же именно и в каком качестве схемы Маркса, обобщающие условия *капитализма*, могут послужить анализу *социалистических* отношений в нынешних балансах народного хозяйства, несмотря на все коренные качественные различия между капитализмом и социализмом?

Абстрактную схему воспроизводства Маркса, как известно, можно представить в виде следующей элементарной системы равенств, отображающей «воспроизводство и обращение общественного капитала в целом».

$$\begin{array}{c} \mathrm{I}\,(c_1 + v_1 + m_1) = P_1 \\ \underline{\mathrm{II}\,(c_2 + v_2 + m_2) = P_2} \\ (\mathrm{I} + \mathrm{II})\,(c + v + m) = P \end{array}$$

Символами c и v в этой схеме обозначены соответственно постоянный и переменный капитал общества, символом m — прибавочная стоимость, создаваемая трудом без эквивалента, и символом P — общая стоимость всего совокупного продукта общества, которая складывается из стоимости продукта *первого*

---

* См. «Вопросы экономики» № 11, 1954.

подразделения — средств производства = P_1 и *второго* — предметов потребления = P_2. Таким образом, в сумме по обоим основным подразделениям сферы материального производства получаем $P_1 + P_2 = P = c + v + m$, где P, обозначая собою величину общественного *продукта*, представляет вместе с тем, по Марксу, и весь воспроизведенный за данный период производства *капитал* общества. Напомним, что *товарный капитал*, выпускаемый из производства в качестве товарного продукта ($T + т$), содержит как постоянную и переменную капитальную стоимость, так и прибавочную стоимость [1]. Таким образом, в том кругообороте превращений, анализируемых в схемах Маркса, в которых начальный капитал $c + v$ к концу производства превращается в $c + v + m$, движение *капитала* есть исходный и конечный пункт всего процесса его воспроизводства [2].

Само собою понятно, что такие экономические категории, как авансированный *капитал* в процессе его самовозрастания ($c + v$), *органический его состав* ($c : v$), *норма прибавочной стоимости* ($m : v$) и т. п. соотношения и пропорции схем *воспроизводства капитала*, совершенно чужды социалистическим общественным отношениям и не могли бы получить никакого применения в балансах народного хозяйства СССР. Но нельзя забывать, что все элементы и пропорции вышеуказанных схем, утратив в новых общественных условиях свое прежнее *классовое* содержание, сохранили все же за собой другое, техно-экономическое значение и приобрели новый социальный и большой производственный интерес, не падающий, а даже растущий в новых условиях планового хозяйства.

Заостряя свое внимание на социальных отношениях своего времени и классовой подоплеке капитала, К. Маркс отвлекался на время в своих схемах от целого ряда конкретных обстоятельств, даже столь существенных, как различие в оборачиваемости основной и оборотной частей постоянного капитала. Объединяя их в едином символе — c и допуская, что весь этот постоянный капитал совершает полный оборот и реализуется целиком уже в *годовом* продукте общества, Маркс, несомненно, отвлекался от условий времени, необходимого для полного оборота основного капитала. Но он никогда не забывал о *двойственном* значении своих символов $c + v + m = P$. В частности, постоянный капитал — c он рассматривал в своих схемах не только как социальное *орудие классовой эксплуатации* пролетариата в руках буржуазии, но и в вещном его составе *средств производства*, как результат прошлого труда и мощный производственный фактор, вооружающий живой труд, повышающий его

---

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. II, стр. 392.
[2] См. там же, стр. 392—393.

производительность и тем самым умножающий общественный продукт в его потребительном значении. Подобно этому, переменный капитал — v в качестве эквивалента стоимости рабочей силы, занятой в производстве, служил одновременно мерой труда и потребления пролетариата. А отношение $c:v$ выражало собою не только строение, или органический состав капиталов буржуазии $(c+v)$, но и меру *вооруженности труда* в общественном производстве.

Этому показателю *вооруженности живого труда* средствами производства, т. е. уже ранее *овеществленным* в них, *прошлым* трудом, Маркс придавал особое значение. «Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже, в зависимости от того, насколько велико количество *средств производства*, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих» [1]. Таким образом, строение капитала, измеряемое отношением $(c:v)$, рассматривается здесь вместе с тем и как возможное мерило сравнительной *производительной силы труда* на разные моменты, в различных сферах производства общественного продукта — P. А отсюда вытекает и необходимость вышеуказанного расчленения всего общественного производства и его продукта — P по всем его элементам $(c+v+m)$, даже в самых сжатых схемах его воспроизводства, *по меньшей мере на два подразделения*, или группы, производства: первое подразделение — производство средств производства и второе подразделение — производство предметов потребления.

Впрочем, элементы такого расчленения образуют производственно-трудовые пропорции, представляющие большой интерес и в других отношениях. Прежде всего среди них заслуживает анализа соотношение элементов I $(v+m)$, т. е. *живого* труда в *первом* подразделении с II c, т. е. с *прошлым* трудом в составе *второго* подразделения. Как известно, равенство этих величин обеспечивает лишь *простое* воспроизводство авансированного капитала и общественного продукта. В случае если I $(v+m)$ меньше II c, то за недостатком вновь созданных в первом подразделении средств производства даже для возмещения израсходованных во втором неизбежно получится «проедание» капитала и *суженное* воспроизводство продукта. И только если I$(v+m)$ превысит II c, станет возможным *расширенное* воспроизводство капитала и общественного продукта — P на величину I $(v+m)$—II c.

После ликвидации *капиталистических* отношений в результате *обобществления* средств производства последние,

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955, стр. 170. Курсив наш. — *С. С.*

разумеется, перестали функционировать у нас в роли капитала, сохраняя лишь прежнее производственное свое назначение. В связи с этим изменилась трактовка и всех остальных элементов, определяющих воспроизводство общественного продукта в схемах Маркса. И в этой *новой* их трактовке эти схемы оказались вполне пригодными и для анализа условий расширенного воспроизводства *социалистических* отношений. Но такой анализ его схем составляет одну из важнейших задач и гораздо более развернутых балансов народного хозяйства наших дней. Именно поэтому схемы воспроизводства Маркса можно рассматривать как зачаточную, *исходную* форму или начальный, самый сжатый вариант построений, получивших дальнейшее свое развитие в теории социалистических балансов народного хозяйства, которые представляют собой уже вполне развернутую форму тех же схем. И об этой *преемственности* следует твердо помнить, ибо иные «непомнящие родства» авторы новейших балансов упускают в своих развернутых схемах нередко самые существенные элементы даже из того их минимума, какой содержался уже в начальных схемах Маркса [1].

Новейшие балансы народного хозяйства СССР отличаются от своих исходных прообразов в схемах Маркса, конечно, не только иной трактовкой значения их элементов, но и структурой, иными конкретными производственно-трудовыми *пропорциями* и *темпами*, отображенными в этих элементах в условиях социализма по сравнению с эпохой капитализма. Но из тех же новых условий социализма вытекает и другое существенное отличие балансовых схем Маркса от нынешних балансов народного хозяйства.

Схемы Маркса, обслуживая теоретическую потребность в анализе народнохозяйственных пропорций воспроизводства, вовсе не могли служить делу *сознательного регулирования* этих пропорций на практике. Да это и не требовалось, ибо в условиях капитализма ими управлял, независимо от сознания и воли людей, объективный *закон стоимости*, через стихию рыночного товарообмена. Но в плановом хозяйстве, где эта стихия в основном уже обуздана, а борьба с диспропорциями в интересах бесперебойного хозяйственного роста становится поэтому еще более настоятельной *объективной потребностью* социалистического общества, мы можем ее удовлетворять только сознательным, плановым регулированием необходимых для этого производственных пропорций. Иными словами, объективный закон

---

[1] В частности, в схемах «Баланса народного хозяйства СССР», запроектированных в «Теории статистики» ЦСУ 1953 г., отсутствует даже расчленение общественного продукта на $c + v + m$, несмотря на прямое указание В. И. Ленина о том, что отношение I $(v + m)$: IIc *сохраняет* свое значение и в условиях социализма.

стоимости, регулировавший при капитализме производственные пропорции *стихийно,* отступает в этой своей функции перед столь же *объективной необходимостью,* именуемой в социалистической экономике законом планомерно-пропорционального развития и требующей выполнения той же функции уже вполне *сознательно,* в порядке *планирования* соответствующих мероприятий. И эта практическая потребность планирования ставит перед балансом народного хозяйства новые задачи. Чтобы стать одним из важнейших орудий планирования, он не может, подобно схемам Маркса, ограничиться одним лишь абстрактно-экономическим анализом закономерностей воспроизводства. Практика требует конкретного отображения в балансе *реальных* уровней, пропорций и темпов воспроизводства. Говоря иначе, провизорно-плановые балансы должны строиться на твердой базе *отчетно-статистических* балансов народного хозяйства.

Однако построение такого *развернутого* статистического баланса невозможно без предварительного изучения тех самых начальных его форм и элементов, которые подлежат *дальнейшему* развертыванию и которые содержатся уже в абстрактно-экономических схемах Маркса. Конкретным объектом изучения является здесь самый *процесс* расширенного воспроизводства *общественного продукта* в основных его подразделениях и превращениях, которые *по своей форме* — в качестве целой системы *равенств* по горизонтальным и вертикальным направлениям, — легко укладываются в балансовую статистическую таблицу. Внутренним же *содержанием* последней приходится считать те незримые в таблице экономические взаимосвязи, которые организуют в процессе воспроизводства все образующие его элементы и *частные балансы* в такую *единую систему* производственно-трудовых пропорций, всякое нарушение которых неизбежно мстит за себя всему обществу. Выявление таких взаимосвязей всех элементов, из которых складывается общественное воспроизводство и вновь распадается на различных стадиях производственного цикла, и составляет основную задачу *экономического* анализа в статистических балансах народного хозяйства СССР.

В схемах Маркса мы уже видели образчик такого экономического анализа в сопоставлениях элементов $(v_1 + m_1)$ и c_2, соотношения которых определяют самую возможность и темпы расширенного воспроизводства. Но то или иное соотношение тех же величин весьма показательно и в других отношениях. Так, например, если в равенствах 1) $c_1 + v_1 + m_1 = P_1$ и 2) $c_2 + v_2 + m_2 = P_2$ можно установить, что $v_1 + m_1 = c_2$ (это соответствует условиям *простого* воспроизводства), то, подставив во второе равенство вместо c_2 равную ему величину $(v_1 + m_1)$, получим $(v_1 + m_1) + (v_2 + m_2) = P_2$. Но $v_1 + v_2 = v$, а $m_1 +$

$+ m_2 = m$, значит $P_2 = v + m$, т. е. продукт второго подразделения, состоящий из одних лишь предметов потребления, в условиях простого воспроизводства *равен по стоимости* всему *национальному доходу,* или, в *вещном* выражении, всему вновь созданному *нетто-продукту* страны.

Напомним, что весь общественный продукт как продукт не единичного, а всего общественного капитала в составе $c + v + m$ Маркс назвал *брутто-продуктом* [1]. В таком случае тот же продукт, за вычетом из него части, возмещающей вложенный в производство и потребленный в нем постоянный капитал — c, можно назвать *нетто-продуктом.* Но, поскольку по стоимости элементы $v + m$ составляют *национальный доход,* то *нетто-продукт* наций можно обозначить и термином «национальный продукт». Впрочем, для такой *многонациональной* державы, как СССР, термин «*национальный* доход» (или продукт) совсем не подходит. И вообще для стран социализма, где весь доход наций $(v + m)$ служит интересам народа, предпочтительнее его именовать *народным* доходом, чтобы тем самым подчеркнуть его *качественное* отличие от национального дохода стран капитализма, где буржуазия использует его *против* интересов народа.

Обращаясь к формуле продукта первого подразделения в схемах Маркса $(c_1 + v_1 + m_1 = P_1)$ и подставив в ней вместо $v_1 + m_1$ равную им величину c_2, получим $c_1 + c_2 = P_1$. Но $c_1 + c_2 = c$ и, значит, $P_1 = c$, т. е. весь продукт первого подразделения, возмещает собой в условиях простого воспроизводства только прошлый труд или постоянный капитал — c, целиком потребленный в производстве брутто-продукта обоих подразделений $P_1 + P_2 = P$. Но если $P_1 = c$, а $P_2 = v + m$, то отношение $c : (v + m) = P_1 : P_2$, являясь показателем вооруженности живого труда средствами производства, определяет собою то самое «количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда», которое, по Марксу, может служить мерой *развития,* а стало быть, и достигнутого уровня общественной *производительной силы труда* в стране. И с этой точки зрения точное расчленение всего общественного брутто-продукта $(P_1 + P_2)$ представляет особо важную задачу. А если еще принять вместе с Марксом отношение $m : v$ за *постоянную* величину, равную для исследуемого момента, скажем, 100%, то пропорция $c : (v + m) = P_1 : P_2$ обратится, за исключением из нее m, в другую — $c : 2v = P_1 : P_2$, откуда $c : v = 2 \times P_1 : P_2$. Но отношение $c : v$ как отношение потребленного в производстве постоянного капитала к переменному, именуемое Марксом *строением,* или *органическим составом капитала,* является тоже одним из важнейших объектов наблюдения и экономического

---

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 853—854.

анализа в процессе воспроизводства, тем более что в условиях социализма из элементов $c + v$ складывается вся *себестоимость* продукции любого предприятия.

В расширенном воспроизводстве, где I $(v + m) > \text{II}c$, в стоимость годового нетто-продукта входит, помимо всех предметов потребления P_2, и та доля средств производства в размере I $(v + m)$ — II $c = r$, которая, превышая собой необходимый фонд возмещения материальных затрат в производстве, может быть обращена на его расширение. Но и в этом случае величина всего годового нетто-продукта, как и в простом воспроизводстве, будет равна по стоимости национальному доходу — $Д = v + m$[1]. А фонд возмещения — c выразится разностью $P—Д$ или, что то же, $P — (v + m)$. Конечно, и в условиях расширенного воспроизводства отношения $c : v$ и $c : (v + m)$ сохраняют все свое значение для экономического анализа взаимосвязей общественного брутто-продукта в его основных подразделениях и элементах. Но здесь отношение $c : (v + m)$ выразится уже иной величиной, чем в простом воспроизводстве. Здесь мы получим следующее равенство: $c : (v + m) = (P_1 — r) : (P_2 + r)$, где r, как мы условились, представляет собой разность величин I $(v + m)$ — II c, равную фонду возможного расширения средств производства в последующем году.

Однако все эти соотношения становятся достаточно точными и определенными в экономическом своем значении лишь при столь же определенной и четкой трактовке содержания основного понятия «общественный продукт» в схемах Маркса. И во всяком случае *экономическую* категорию совокупного брутто-продукта обоих подразделений в этих схемах не рекомендуется смешивать со *статистическим* понятием валовой продукции, как это делают некоторые статистики в своих построениях советского баланса народного хозяйства. Правда, брутто-продукт, или «валовой продукт», Маркса по созвучию слов как будто ничем не отличается от «валовой продукции» статистиков. Но это не свидетельствует о их тождестве или равнозначности. Нужно сказать, что «валовая продукция» статистики, включая в себя *повторный счет* фонда возмещения материальных затрат в производстве, к сожалению, не однозначна в своем составе даже сама себе в различных подразделениях производства.

Дело в том, что во втором подразделении — предметов потребления P_2, не поступающих в дальнейшее производство, — повторный счет материальных затрат в производстве вообще невозможен. Но зато в первом подразделении — средств производства P_1, где каждый продукт, переходя из одного производства в другое,

---

[1] $P_2 + r = \text{II}\ (c + v + m) + \text{I}(v + m) - \text{II}c = \text{I}(v + m) + \text{II}(v + m) = v + m.$

становится материалом или полуфабрикатом и подсчитывается снова под рубрикой элементов c, общая сумма этой продукции всецело будет зависеть от возможных способов ее подсчета: 1) по каждому цеху в отдельности, 2) по каждому заводу в целом, 3) по каждому тресту, объединяющему ряд однородных заводов, 4) по каждой отрасли труда в отдельности, или, наконец, 5) по всему подразделению средств производства в целом. При этом цеховая сумма продукции даст максимальный итог, заводская, за вычетом внутрицехового оборота, — меньший, трестовская — еще меньший, а по всему подразделению, очищенная от повторных переходов и подсчетов ее по всем ступеням воспроизводства, — минимальный. Понятно, что каждый из этих статистических подсчетов дает совершенно неоднозначные и несопоставимые с другими результаты. Какой же из них наиболее соответствует экономической трактовке общественного продукта $P_1 + P_2 = P$ в схемах Маркса?

Полагаем, что экономическая трактовка общественного брутто-продукта в народнохозяйственных его масштабах прежде всего требует полной *сопоставимости* его в обоих подразделениях ($P_1 + P_2 = P$). И если продукт P_2 дается нам без повторного счета элементов c_2, то и в подсчете P_1 должна быть обеспечена полная его очистка от повторного счета тех же элементов c_1. Только в этом случае и отношение $P_1 : P_2$ и показатели $c : (v + m)$ или $c : v$ отобразят собой вполне точно и однозначно реальные взаимосвязи элементов воспроизводства, а не статистические их аберрации. Напомним еще, что символом c Маркс обозначал в своих схемах *реальную* сумму постоянных капиталов общества, потребленных во всех подразделениях воспроизводства. Следовательно, в подсчетах общественных *капиталов* недопустимо никакое их дублирование. А это значит, и равный им фонд возмещения материальных затрат в тех же схемах мыслился Марксом без всякого повторного их счета или дублирования. Отсюда заключаем, что валовая продукция статистиков — P_c больше общественного брутто-продукта — P в схемах Маркса как раз на всю сумму *внутренних оборотов* валовой продукции в пределах первого подразделения.

Маркс сознательно отвлекался от этих внутренних оборотов, несмотря на то что они составляли содержание реального *товарооборота* между различными группами капиталистов первого подразделения, тем более это осуществимо в наших балансах народного хозяйства, где все производство средств производства сосредоточено в руках одного хозяина и для своего внутреннего обращения в пределах первого подразделения вообще не нуждается в рыночном товарообороте. Таким образом, если мы внутренний оборот средств производства в качестве повторного счета их стоимости обозначим буквой «R» и учтем, что в производстве предметов потребления *повторный* счет конечной их продукции вообще исклю-

чен, то получим вполне определенное равенство: $P_c - P = R$, в точности отображающее соотношение величин валовой продукции — P_c и общественного продукта — P в схемах Маркса.

2. ОТ ИСХОДНЫХ СХЕМ К РАЗВЕРНУТОМУ БАЛАНСУ

Свои схемы воспроизводства Маркс иллюстрировал многочисленными цифровыми примерами, не ограничиваясь исходными равенствами и прослеживая дальнейшие их превращения за ряд лет в процессе расширенного воспроизводства общественного продукта, его потребления и накопления. Его цифры можно уложить в таблицу. И если в их трактовке исходить из нынешних условий, то можно представить их в нижеследующем балансовом построении (см. табл. 1).

Соотношение исходных элементов в использованном нами цифровом примере Маркса, по-видимому, в известной части отображают *реальные* пропорции его времени. В частности, принятая им норма эксплуатации труда $m : v = 100\%$ подтверждается в основном для того времени и статистическими расчетами. Вполне правдоподобно и принятое им допущение, что на долю *непроизводительного* потребления буржуазии, включая сюда, конечно, и содержание государственного аппарата, обслуживающего ее господство, и оплату всех прочих ее идеологических апологетов и прихлебателей, приходится не менее 50% от всей суммы валовых накоплений m. Кстати сказать, и Ленин в своих более расчлененных схемах воспроизводства, разделяя «сверхстоимость» — m на части, потребляемую и накопляемую, исходил из той же пропорции: «половина сверхстоимости накопляется и половина потребляется лично»[1]. Вполне закономерно также допущение Маркса, по которому органический состав капитала ($c : v$) в исходных цифрах первого подразделения вдвое превышает его величину во втором. Но совершенно неожиданным является его допущение, что все элементы обоих подразделений в расширенном воспроизводстве возрастают столь равномерно, что и на пятом году отношение $P_1 : P_2 = 2{,}06$ и среднее строение капитала ($c : v = 3{,}16$) остаются такими же, какими мы их получаем уже в первом году воспроизводства исходных пропорций.

В этом случае Маркс отвлекается в своих схемах даже от того «*закона*, что постоянный капитал имеет тенденцию возрастать быстрее переменного». Это обстоятельство не ускользнуло от внимания В. И. Ленина, и, отмечая его еще в одной из самых ранних своих работ 1893 г., он поясняет: «положение о быстрейшем

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 69.

Схемы расширенного

Годы воспроизводства	Подразделения	Общественные издержки воспроизводства			
		c	*v*	*m*	*P*
1	2	3	4	5	6
Исходные цифры	I	4 000	1 000	1 000	6 000
	II	1 500	750	750	3 000
	I + II	5 500	1 750	1 750	9 000
Воспроизводство 1-й год	I	4 400	1 100	1 100	6 600
	II	1 600	800	800	3 200
	I + II	6 000	1 900	1 900	9 800
2-й год	I	4 840	1 210	1 210	7 260
	II	1 760	880	880	3 520
	I + II	6 600	2 090	2 090	10 780
3-й год	I	5 324	1 331	1 331	7 986
	II	1 936	968	968	3 872
	I + II	7 260	2 299	2 299	11 858
4-й год	I	5 856	1 464	1 464	8 784
	II	2 129	1 065	1 065	4 259
	I + II	7 985	2 529	2 529	13 043
5-й год	I	6 442	1 610	1 610	9 662
	II	2 342	1 172	1 172	4 686
	I + II	8 784	2 782	2 782	14 348

[1] Приведенные цифры см. *К. Маркс*, Капитал, т. II, стр. 511—515.

Таблица 1

воспроизводства [1]

Распределение национального дохода $(P - c)$			
фонд потребления		фонд расширения (m_2)	итого $(P - c = Д)$
рабочих (v)	буржуазии (m_1)		
7	8	9	10
1 000 750	500 600	500 150	2 000 1 500
1 750	1 100	650	3 500
1 100 800	550 560	550 240	2 200 1 600
1 900	1 110	790	3 800
1 210 880	605 616	605 264	2 420 1 760
2 090	1 221	869	4 180
1 331 968	665 678	666 290	2 662 1 936
2 299	1 343	956	4 598
1 464 1 065	732 745	732 320	2928 2 130
2 529	1 477	1 052	5 058
1 610 1 172	805 820	805 352	3 220 2 344
2 782	1 625	1 157	5 564

возрастании средств производства есть простая перефразировка этого закона применительно ко всему общественному производству» [1].

С своей стороны В. И. Ленин, развивая схемы воспроизводства Маркса, применил в них дополнительное расчленение первого подразделения общественного производства на две подгруппы, производящие средства производства: 1) для производства средств производства и 2) для производства предметов потребления. Воспользовавшись исходными цифрами Маркса, но с учетом воздействия на отношение $c : v$ условий технического прогресса, Ленин показал, что в условиях расширенного воспроизводства «всего быстрее возрастает производство средств производства для средств производства, затем производство средств производства для средств потребления и всего медленнее производство средств потребления» [2]. Этот последний вывод имеет для нас в условиях планового хозяйства особо важное *практическое* значение. Однако для практического использования его в планировании нам недостаточно одних лишь теоретических схем и иллюстративных расчетов. Основной задачей в условиях социализма является создание и приумножение изобилия *предметов потребления* — P_2. И если нам задано умножить их за определенный срок, скажем, на 10%, то мы должны заблаговременно предусмотреть, во что нам это обойдется с учетом всех дополнительных вложений в необходимые для указанной цели фонды средств и предметов труда первого подразделения. А для такого учета необходимо исходить из вполне *реальных пропорций* в структуре народнохозяйственного баланса, свободного от всяких искажающих их абстракций и упрощений.

Так, например, в схемах Маркса, в элементе общественных издержек — c объединены «ради простоты» затраты и средств и предметов труда, исходя из допущения, «что постоянный капитал везде одинаково входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов» [3].

Но если в анализе Маркса такое абстрагирование от реальных условий оборачиваемости средств труда и не имело значения, то в наших плановых расчетах подобные упрощения совершенно недопустимы. Включение в состав текущих издержек — c вместо одного лишь годового *снашивания* средств труда *всей* их *суммы* существенно искажает и реальную величину и всю структуру фактических издержек производства, оставляя в то же время вовсе без специального анализа воспроизводство основных и оборотных ресурсов всего народного богатства страны. Вот почему, расширяя схемы Маркса в систему народнохозяйственных балансов, необходимо прежде всего предусмотреть в ней и расчленение средств про-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 71.
[2] Там же, стр. 71.
[3] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 161.

изводства — c во всех подразделениях на средства труда — c_1 и предметы труда — c_2 и особый учет основных и оборотных материальных фондов страны в полном их объеме.

С указанными уточнениями в схеме баланса мы получили бы уже совсем иную и притом гораздо более реальную картину закономерностей расширенного воспроизводства по сравнению с данными таблицы 1. Исходные пропорции величин, приведенных в нижеследующей таблице, примерно соответствуют конкретной структуре советской промышленности к концу восстановительного периода. Сохранили мы для сопоставимости с примером Маркса и допущения, по которым отношение $m : v = 100\%$, а соотношение элементов $c : v$ в каждом из подразделений остается неизменным по сравнению с исходным. Допуская затем, что в исходном году мы имели простое воспроизводство, а в последующие годы расширяли производство предметов потребления на 10, 20 и 30% по отношению к исходной цифре, мы получили бы такую картину сдвигов в общей структуре общественного продукта (см. табл. 2).

В исходных цифрах таблицы принято, что оборотные фонды оборачиваются в составе общественного продукта всего один раз в год, и потому итоги графы 4 повторяются и в графе 7, в которой увеличиваются текущие затраты предметов труда (без повторного их учета)[1]. При ускорении оборота этих фондов или замедлении итоги 4-й и 7-й граф баланса, уже не совпадая, своим соотношением показали бы меру оборачиваемости материальных фондов страны в каждом подразделении. В абстрактных схемах Маркса, где показатель $c : v$ мыслится как отношение всего постоянного капитала к переменному, этот показатель органического состава капитала принимается за меру вооруженности труда и сравнительного уровня его производительной силы. Но конкретно элемент c содержит лишь *малую долю* основных средств труда, реально повышающих его производительность, и потому в нашей схеме это отношение такой мерой служить не может. В частности, сравнивая отношения $(c : v)$, исчисленные из данных 1-й и 2-й таблиц, мы получим такие отношения:

Величина $(c : v)$ по таблице	1-й	2-й
В I подразделении . . .	4,0	2,33
Во II » . . .	2,0	3,0
Итого (I + II)	3,14	2,6

[1] По отношению к *валовому* обороту предметов труда в производстве оборотные фонды совершают ныне не менее трех-четырех оборотов за год.

Таблица 2

Схемы воспроизводства общественного продукта СССР

Виды и годы воспроизводства	Подразделения	Материальные фонды и резервы			Общественные издержки воспроизводства					Общественный продукт ($c+v+m=P$)	Народный доход ($v+m=Д$)
		основной ($Ф_1$)	оборотный ($Ф_2$)	итого ($Ф_1+Ф_2=Ф$)	материальные затраты			живой труд			
					средств труда (c_1)	предметов труда (c_2)	итого ($c_1+c_2=c$)	для себя (v)	для общества (m)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Простое	I	1 800	950	2 750	100	950	1 050	450	450	1 950	900
	II	700	850	1 550	50	850	900	300	300	1 500	600
	I + II	2 500	1 800	4 300	150	1 800	1 950	750	750	3 450	1 500
Расширенное 1-й год	I	2 120	1 119	3 239	118	1 119	1 237	530	530	2 297	1 060
	II	770	935	1 705	55	935	990	330	330	1 650	660
	I + II	2 890	2 054	4 944	173	2 054	2 227	860	860	3 947	1 720
2-й год	I	2 440	1 288	3 728	136	1 288	1 424	610	610	2 644	1 220
	II	840	1 020	1 860	60	1 020	1 080	360	360	1 800	720
	I + II	3 280	2 308	5 588	196	2 308	2 504	970	970	4 444	1 940
3-й год	I	2 760	1 457	4 217	153	1 457	1 610	690	690	2 990	1 380
	II	910	1 105	2 015	65	1 105	1 170	390	390	1 950	780
	I + II	3 670	2 562	6 232	218	2 562	2 780	1 080	1 080	4 940	2 160

По таблице 1 получается более высокое строение для первого подразделения, по таблице 2 — для второго. И это вполне понятно, ибо во второй схеме в отношении $c : v$ решает величина *не средств*, а предметов труда, которых во втором подразделении требуется много больше. Если же за меру вооруженности труда по таблице 2 вместо $c : v$ принять более подходящий показатель ($\Phi_1 : v$), то и здесь для первого подразделения мы получили бы его величину 1800 : 450 = 4,0, для второго — 700 : 300 = 2,33, а в среднем по обоим подразделениям — 2500 : 750 = 3,33. Но самое важное отличие 2-й таблицы от 1-й заключается в том, что структура общественного продукта ($P_1 : P_2$) в ней, как видно из нашей таблицы, вполне закономерно *возрастает* с ростом этого продукта. Притом P_1 опережает в своем росте P_2 на вполне определенную величину. Опираясь на данную закономерность, выведенную из отчетных балансов, плановые органы, в частности, получают возможность запроектировать в нужной мере и то *опережение* в росте средств производства, какое необходимо для заданного прироста предметов потребления.

В исходных пропорциях таблицы 2-й I ($v + m$) = II c. И, стало быть, никакого накопления средств труда для расширения наличных масштабов воспроизводства не запроектировано. Спрашивается, однако, сколько же дополнительных ресурсов пришлось бы изыскать для того, чтобы расширить продукцию предметов потребления — P_2, скажем, на 10%, т. е. с 1500 до 1650 единиц? При сохранении в основном тех же соотношений элементов ($c : v : m$) в данном подразделении они возрастут на те же 10%. В частности, и II c возрастет на 10% — с 900 до 990 единиц, — в том числе снашивание *средств труда* — c_1 возрастет всего на 5 единиц. Но, для того чтобы обеспечить такой прирост P_2, необходимы, помимо текущих издержек, и новые капитальные вложения в размере 70 единиц, или 10% сверх исходной цифры. А в общем, кроме дополнительных затрат живого труда во втором подразделении, потребуется еще 90 + 70 = 160 единиц прироста *средств производства* в первом подразделении, которые могут быть получены только за счет прироста в нем народного дохода ($v + m$) на эту сумму. Но прирост I ($v + m$) в 160 единиц на 900 составляет 17,8%; на эту величину следует увеличить и все остальные элементы первого подразделения, не исключая и необходимых для такого роста продукции капитальных вложений — P_1. Проделав такие же расчеты потребных ресурсов и для каждого дальнейшего расширения продукции предметов потребления на 10%, мы получим такие темпы роста продукции обоих подразделений P_1 и P_2 от исходного их уровня:

P_2 — 100; 110; 120; 130 и т. д.
P_1 — 100; 117,8; 135,6; 153,4 и т. д.

Такова при данной структуре общественного продукта *конкретная мера* опережения средствами производства предметов потребления в расширенном воспроизводстве. В той же мере и основные фонды первого подразделения опережают по своей стоимости рост их во втором подразделении.

Но вложение *новых* средств труда, как это уже учитывал в своих схемах В. И. Ленин, не обходится без их обновления в связи с требованиями технического прогресса и вытекающего отсюда роста производительности труда. А поскольку фонды первого подразделения опережают в своем росте фонды второго подразделения, то и производительность труда в первом подразделении должна расти быстрее, чем во втором. Значит, в *натуральном выражении* опережение в темпах роста продукции P_1 по сравнению с P_2 будет еще значительнее, чем *по стоимости*. И объективная *необходимость* такого *опережения,* вытекая, как естественный закон, из самих условий расширенного воспроизводства, не может быть отменена или ослаблена по произволу участвующих в нем людей.

Однако здесь возможен такой вопрос. Насколько оправдывается результатами такая необходимость, если только для того, чтобы поднять продукцию предметов потребления всего на 10%, или 150 единиц, приходится весь общественный продукт увеличивать на 14,4% с дополнительными затратами одного лишь живого труда на 220 единиц, не считая даже дополнительных вложений в основные фонды в сумме 390 единиц? [1]

На первый взгляд подобная картина представляется весьма парадоксальной. Ведь накопление средств труда, поскольку оно не оправдывается умножением предметов потребления, само по себе в условиях социализма никакого интереса не представляет. А воспроизводство 150 единиц нужного продукта с затратой в нем 220 + 390 = 610 эквивалентных им единиц труда было бы прямым его расточительством. Однако этот парадокс разрешается довольно просто. Из 220 единиц новых затрат живого труда во втором подразделении реализовано в виде предметов *потребления* только 150 потому, что 70 единиц потребовалось реализовать в виде *средств труда* для пополнения основных фондов второго подразделения. Но их нельзя прибавлять к издержкам данного года, так как они будут снашиваться постепенно в течение ряда последующих лет. То же самое следует сказать о 320 единицах вложений из накоплений прошлых лет в основные фонды первого подразделения, подлежащих снашиванию и воспроизводству в ряде лет. Их производственный эффект скажется полностью только в эти последующие годы. И скажется он в том, что производство *предметов потребления* ока-

[1] От необходимого прироста *оборотных* средств на 254 единицы, поскольку он целиком воспроизводится в гр. 7 нашего баланса, составляя внутренний оборот в общей сумме общественного продукта, можно пока отвлечься.

жется возможным в расширенных объемах по стоимости и с повышенной производительностью труда.

Не трудно, конечно, представить себе и такие условия, в которых этот эффект растущих средств труда, направленный на подъем обороноспособности страны, помощь другим братским народам или иные задачи, не полностью реализуется в приросте *предметов потребления*. Но, даже отложенный на время, этот эффект опережения в росте средств труда в стране социализма может быть снова в любой момент обращен по своему прямому назначению. И чем больше было при этом достигнутое *опережение* средств производства, тем больше скажется и этот отложенный его эффект в росте изобилия предметов потребления, когда станет возможной его реализация.

Наращивание темпов опережения второго подразделения первым *не может быть постоянной* нашей задачей, ибо рост отношения $P_1 : P_2$ возможен лишь за счет возрастания общей суммы вложений в производство по отношению к продукции предметов потребления — P_2, т. е. за счет *падения* этого важнейшего для нас их эффекта. И чтобы не допускать *излишнего отставания* второго подразделения от первого, его приходится в плановом хозяйстве своевременно *подтягивать* к первому в подходящих для этого условиях, не нарушая, однако, самой этой закономерности. Поясним это примером. Допустим, что в результате длительного форсирования индустриализации страны со значительным опережением в росте средств производства мы уже достаточно гарантированы от всяких внешних случайностей и сможем заняться вплотную важнейшими внутренними проблемами. И пусть структура нашего общественного продукта может быть представлена в следующих пропорциях:

Подразделения	Основные фонды	Издержки производства ($c + v + m = P$)	Народный доход
I *Производство средств производства*			
Iа — для средств производства	3 625	1 770 + 815 + 815 = 3 400	1 630
Iб — для предметов потребления	1 375	1 160 + 445 + 445 = 2 050	890
Итого по I	5 000	2 930 + 1 260 + 1 260 = 5 450	2 520
II *Производство предметов потребления*	1 400	1 800 + 600 + 600 = 3 000	1 200
Всего по I + II	6 400	4 730 + 1 860 + 1 860 = 8 450	3 720

В приведенном цифровом примере I $(v + m) >$ II c и разность этих величин $r = 2520 - 1800 = 720$ представляет собою возможный *фонд расширения*. По отношению к общей величине $P = 8450$ этот фонд равен всего 8,5%, а по отношению к тем основным и оборотным фондам $6400 + 4730 = 11\,130$, какие подлежат за счет него расширению, еще меньше — около 6,5%. Если же еще учесть нормальное опережение в расширении фондов первого подразделения, то на долю второго выпала бы еще более скромная цифра прироста. Но плановое хозяйство обладает возможностью довольно широкого маневрирования своими ресурсами. И, умерив на время рост первого подразделения, может заметно ускорить расширенное воспроизводство средств потребления. Нужно лишь твердо помнить, что эта возможность строго *ограничена* объективными условиями воспроизводства. И эти границы определяются прежде всего соотношением конкретных величин I $(v + m)$ — II $c = r$. Даже направляя весь фонд расширения — r на рост одних лишь средств потребления — P_2, мы не смогли бы повысить их больше, чем на величину, равную r : II c или в нашем случае 720 : 1800 = = 40%. В самом деле, повысив все элементы второго подразделения на 40% при неизменной величине первого, получим такие соотношения:

Подразделения	Основные фонды	Издержки производства $(c + v + m = P)_i$	Народный доход
I	5 000	2 930 + 1 260 + 1 260 = 5450	2 520
II	1 960	2 520 + 840 + 840 = 4 200	1 680
I + II	6 960	5 450 + 2 100 + 2 100 = 9 650	4 200

Подтянув, таким образом, второе подразделение к первому настолько, что I $(v + m)$ уже полностью сравнялось с II c (1260 + + 1260 = 2520), т. е. восстановив условия *простого* воспроизводства, мы убеждаемся, что дальнейший рост P_2 стал бы уже невозможен без нового возрастания P_1, с новым *опережением* в темпах его роста по сравнению с P_2, как это было показано в таблице 2. В этом случае новый цикл расширенного воспроизводства начался бы уже с более высокого исходного уровня.

Что же дает нам такой плановый маневр? Каков его производственный эффект?

Мы уже видели, что обычное использование фонда расширения в *обоих* подразделениях могло бы повысить наличные материальные фонды, а вместе с тем и общий их продукт — P всего на 6—7%, в том числе продукт — P_2 — на еще более низкий процент. А между тем возможность направить весь фонд расширения хотя бы за

один год целиком в наиболее отстающие отрасли труда повышает в нашем примере их продукцию — P_2 на 40% и даже общий продукт обоих подразделений — вместо 6—7 на 14% (с 8450 до 9650 единиц). Это и есть реализация *отложенного* эффекта того все нарастающего за ряд лет *опережения* в расширении средств производства по сравнению с предметами потребления, которое измеряется отношением $P_1 : P_2$ и без которого вообще немыслимо расширенное воспроизводство.

Конечно, реализация подобных плановых маневров на практике гораздо сложнее, чем это представляется в чисто теоретических расчетах. Чтобы переадресовать ожидаемый фонд расширения из одного подразделения в другое, недостаточно, разумеется, перераспределения одних лишь бюджетных ассигнований. Необходимо предусмотреть уже в провизорных балансах производства и *реальное покрытие в натуре* этих ассигнований в соответствии с их назначением. В частности, это предполагает расширение производственной программы отраслей, производящих «средства производства для производства предметов потребления», — $I_Б$ за счет соответствующего ограничения продукции «средств производства для производства средств производства» — $I_А$. Но, скажем, на Уралмаше, где строятся блюминги и прочие гиганты машиностроения, не наладишь вместо них производство швейных машинок и тому подобного мелкого оборудования. Однако, располагая избытком блюмингов и прочего машинного оборудования для *первого* подразделения (по группе $I_А$), можно с успехом вооружить им своих добрых соседей, получая от них взамен эквивалентное количество шерсти, хлопка, кожи и другого сырья для ускоренного расширения производства *предметов потребления*. Говоря иначе, каждый плановый маневр в области отечественного производства должен быть подкреплен в договорном порядке соответствующими маневрами и в области *международного* разделения труда и товарообмена в пределах всех миролюбивых стран мира и прежде всего социалистических стран.

Нельзя забывать также в практике планирования об объектах крупного строительства, рассчитанных на вложение в них средств труда в течение ряда лет. Затягивать такое строительство даже в *составе первого подразделения* (по группе $I_А$) ради усиления вложений в отстающие производства (по $I_Б$ и II) нецелесообразно. Но можно на год или два задержать приступ к стройке *новых* объектов этого рода. В связи с этим могут затянуться и сроки возможного подтягивания второго подразделения к первому, тем более что ничто ведь и не вынуждает нас завершить этот маневр непременно за один лишь год. Повышение уровня потребления трудящихся на 30—40% и *за несколько лет* можно было бы считать тем бо̀льшим достижением, что оно не потребовало бы значительной задержки и в общем росте средств производства, при непременной, однако, передвижке их в известной части из группы $I_А$ в группу $I_Б$.

3. БАЛАНС НА СЛУЖБЕ ПЛАНИРОВАНИЯ

В моменты подобных экономических маневров, требующих сознательной перестройки ряда важнейших народнохозяйственных пропорций, баланс народного хозяйства, отражающий в своем построении все эти пропорции и их перестройки, становится особо актуальным инструментом народнохозяйственного планирования. Только постоянная балансовая увязка планируемых мероприятий между собою и с ожидаемыми их результатами, с учетом всех объективных закономерностей расширенного воспроизводства, может предостеречь Госплан от проектировок заведомо нежелательных и вредных диспропорций. И Госплан, как известно, широко пользуется балансовым методом в своих проектировках. Но в его практике доныне использовались чаще всего *частные* балансы всякого рода, вплоть до материальных балансов производства и потребления отдельных продуктов (руды, угля, железа, электроэнергии и т. п.), гораздо реже экономические балансы такого типа, как баланс потребления и накопления народного дохода или баланс доходов и расходов населения, и, по-видимому, вовсе не были в ходу *общие* балансы народного хозяйства, с охватом *всех* элементов и ступеней расширенного воспроизводства в их систематическом расчленении и связном *единстве*.

Впрочем, таких балансов не дает нам еще советская статистика. И это отнюдь не содействует успехам планирования. Так, например, наша балансовая практика доныне расчленяла общественное воспроизводство только на два основные подразделения, явно недооценивая даже ценнейшие замечания В. И. Ленина о выделении в особую подгруппу производства средств производства для воспроизводства средств производства. А между тем вся трудность каждого планового маневра в таких случаях, как перестройка мирной экономики на военную и обратно или подтягивание второго подразделения к первому, заключается как раз в том, что начинать все такие маневры приходится именно с этой забываемой нами подгруппы.

В вышеприведенном числовом примере мы ограничились лишь показом возможного расширения второго подразделения без увеличения *общих итогов* первого. Но *пропорции* и внутри первого подразделения потребуют при этом существенной перестройки. Это не трудно показать на том же примере (см. табл. 3).

Мы уже отмечали, что исходные пропорции в данном примере обеспечивали фонд расширения средств производства — r в размере $\text{I}\,(v + m) - \text{II}\,c = 2520 - 1800 = 720$. Но по своему вещному составу большая их часть годилась лишь для расширения фондов *первого подразделения*. Эту величину легко получить вычитанием из всей продукции подгруппы $\text{I}_{\text{A}} = 3400$ той ее доли, какая

Таблица 3

Маневр подтягивания производства предметов потребления

Показатели	Подразделения	Основные фонды	Элементы издержек воспроизводства: прошлый труд	живой труд: для себя	живой труд: для общества	Общественный продукт—P $(v+m+c)$	Народный доход—$Д$ $(v+m)$
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Пропорции исходные							
Средства производства	Iа	3 625	1 770	815	815	3 400	1 630
» »	Iб	1 375	1 160	445	445	2 050	890
Итого . .	I	5 000	2 930	1 260	1 260	5 450	2 520
Предметы потребления	II	1 400	1 800	600	600	3 000	1 200
Всего . .	I + II	6 400	4 730	1 860	1 860	8 450	3 720
2. Пропорции заключительные							
Средства производства	Iа	3 330	1 520	705	705	2 930	1 410
» »	Iб	1 670	1 410	555	555	2 520	1 110
Итого . .	I	5 000	2 930	1 260	1 260	5 450	2 520
Предметы потребления	II	1 960	2 520	840	840	4 200	1 680
Всего . .	I + II	6 960	5 450	2 100	2 100	9 650	4 200

служит *возмещению* всего прошлого труда в первом подразделении, т. е. 2930 единиц, и, значит, она равна 3400 — 2930 = 470 единиц. Тот же результат, конечно, дает и разность Iа $(v + m)$ — Iб c, т. е. (815 + 815) — 1160 = 470. И, чтобы использовать этот фонд для расширения предметов *потребления*, нужно прежде всего, сократив продукцию Iа на 470, расширить на столько же продукцию Iб, т. е. средства производства для предметов потребления. Эта именно операция с соблюдением всех других необходимых пропорций и показана в приведенной таблице.

Как видим, указанный маневр требует наиболее существенной перестройки производственных программ как раз в группе $I_А$, в которой целому ряду предприятий и рабочих пришлось бы перестраиваться на новые виды продукции. В нашем примере такая перестройка потребовала бы переброски из этой группы на производство иных видов продукции до 13,5% рабочих, помимо увеличения общего числа рабочих по всем подразделениям на 12,9%. Правда, этой ценой продукция предметов потребления сделала бы целый *скачок* в 40%, но в результате его мы вступили бы в условия простого воспроизводства. При этом вся продукция $I_А = 2930$ только возмещает собой материальные затраты I *c*, продукция $I_Б = 2520$ возмещает II *c*, а общая продукция $I_А + I_Б = 5450$ тоже лишь возмещает общую сумму затрат прошлого труда в обоих подразделениях. И все возможное накопление сосредоточивается только в одном втором подразделении. Однако скачок в росте изобилия уже сам по себе обусловливает соответствующий подъем производительности труда, за счет которого начинается новый цикл расширенного воспроизводства с новым опережением в росте средств производства.

Схемы Маркса в интересах планирования должны быть расширены в балансах народного хозяйства СССР и во многих других направлениях. Например, в эпоху войн и революций наряду с нормальными подразделениями *средств производства* и *предметов потребления* особое к себе внимание привлекает еще одно важнейшее подразделение, которое следовало бы назвать производством *средств обороны*. Даже в странах социализма, которым угрожают враждебные силы воинствующего империализма, это подразделение, к сожалению, составляет пока неизбежное звено в народном хозяйстве, не увеличивая, а расточая его производительные силы. А заботы о наибольшей маневренности этого подразделения на случай необходимости общих перестроек всех производственных пропорций на порогах войны и мира составляют одну из ответственнейших задач планового хозяйства, о которой нельзя забывать ни на минуту.

Вместе с тем нельзя забывать и о столь существенных расчленениях средств производства в общественном продукте, как расчленение их на *средства труда* — орудия и машины — и *предметы труда*, включая сюда все виды энергии и материалов. План должен твердо предусмотреть не только, в каких именно количествах и где именно они производятся, но и куда будут направлены для потребления и накопления. Это центральная часть плана. А так как они расходуются не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания общегосударственных нужд и бытовых потребностей населения, то в балансах социалистического хозяйства от *сферы обслуживания* никак нельзя отвлечься, ограничившись одними лишь задачами производства и реализации общественного про-

дукта. Это было бы равносильно забвению о самой *цели производства* в условиях социализма, т. е. о самом обществе и основном экономическом законе его развития, о людях, их потребностях и их благосостоянии.

Учитывая все эти обстоятельства, а также классовую структуру современного общества, баланс народного хозяйства даже в самой сжатой его схеме должен содержать, на наш взгляд, следующие рубрики и подразделения (см. табл. 4).

Не располагая отчетными данными, мы не могли отобразить в приведенных цифрах баланса *конкретных* соотношений и пропорций нашего народного хозяйства на какую-либо дату. Наши цифры показывают лишь, в каких направлениях они балансируются в плановом хозяйстве.

Отношение $m : v$ в нашей таблице принимаем равным 100%. Допускаем также, что из валовых накоплений — m только половина обращается в фонды расширения производства, а вторая используется на общественное потребление. Такое распределение народного дохода, при котором личное и общественное потребление населения охватывает до трех четвертей всего народного дохода, соответствует, как известно, и нашей плановой практике. В частности, в нашей таблице из 2 тыс. единиц народного дохода только 500 единиц направлено в производственный фонд расширения, 500 ассигнуется в фонд общественного потребления и 1000 в качестве фонда заработной платы работников производственной сферы поступает в фонды личного потребления населения. Туда же переносятся 390 единиц *оплаченного* труда (продукт для себя) общественных учреждений, сокращая в общем итоге на ту же величину сумму в графе труда *обобществленного* (продукт для общества).

В сфере обслуживания эти фонды потребления подвергаются и дальнейшему перераспределению. Здесь часть из них обращается на хозяйственные, эксплуатационные расходы и необходимое расширение материальных фондов сферы обслуживания, а остальная доля предметов потребления используется уже непосредственно населением в его личном потреблении. В этом более тесном смысле масштабы потребления трудящихся суживаются с 1500 до 1125 единиц, но и остальные 375 — расходуются ли они на ремонт квартир, покупку мебели, холодильников, радиоприемников или на расширение парков отдыха, школ и амбулаторий, — умножая число удобств и услуг, приобретаемых населением, служат прямо или косвенно повышению общего их уровня благосостояния и культуры. Все это, служа общим задачам расширенного воспроизводства рабочей силы, не выходит за рамки личного и общественного потребления трудящихся.

Однако различные потребности сферы обслуживания трудящихся требуют столь же много различных способов и предметов их

Примерная схема баланса

Рубрики баланса / Подразделения народного хозяйства	Материальные фонды и резервы к началу года		Общественные издержки воспроизводства			
			прошлый труд (c)		живой труд	
	основные	оборотные	износ средств труда (c_1)	предметы труда (c_2)	для себя (v)	для общества (m)
1	2	3	4	5	6	7
Сфера производства						
I — средств производства						
Iа — для средств производства	1 200	380	70	380	450	450
Iб — для предметов потребления	600	770	30	770	300	300
Итого по I	1 800	1 150	100	1 150	750	750
II — предметов потребления	700	950	50	950	250	250
Итого (I + II)	2 500	2 100	150	2 100	1 000	1 000
Сфера обслуживания						
а) Общественных учреждений:						
1. Социально-культурных	150	22	3	22	150	— 150
2. Жилищно-коммунальных	250	38	5	38	130	— 130
3. Управления и обороны	100	15	2	15	110	— 110
Итого по «а»	500	75	10	75	390	— 390
б) В домашнем быту:						
1. Рабочих и служащих	150	100	12	100	—	—
2. Колхозников	330	90	26	90	—	—
3. Единоличников	20	10	2	10	—	—
Итого по «б»	500	200	40	200	—	—
Итого (а + б)	1 000	275	50	275	390	— 390
Всего по народному хозяйству	3 500	2 375	200	2 375	1 390	610
В т. ч. за границей						

Таблица 4

народного хозяйства СССР

Общественный продукт (брутто)				Народный доход ($v + m = Д$)		Перераспределение (+ —)	Использование общественного продукта					Материальные фонды и резервы к концу года	
средства труда	предметы труда	предметы потребления	итого P	по месту производства	по месту назначения (распределение)		фонд возмещения (гр. 4 + гр. 5)	фонд потребления (личного)	фонд расширения — r	в т. ч. основных средств	в т. ч. оборотных средств	основные	оборотные
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
340	1 010	—	1 350	900	225	—	450	—	225	171	54	1 371	434
100	1 300	—	1 400	600	150	—	800	—	150	66	84	666	854
440	2 310	—	2 750	1 500	375	—	1 250	—	375	237	138	2 037	1 288
—	—	1 500	1 500	500	125	—	1 000	—	125	53	72	753	1 022
440	2 310	1 500	4 250	2 000	500	—	2 250	—	500	290	210	2 790	2 310
—	—	—	—	—	183	—147	25	—	11	9	2	159	32
—	—	—	—	—	185	—132	43	—	10	8	2	258	52
—	—	—	—	—	132	—111	17	—	4	3	1	103	21
—	—	—	—	—	500	—390	85	—	25	20	5	520	105
—	—	—	—	—	500	+390	112	760	18	10	8	160	108
—	—	—	—	—	465	—	116	340	9	6	3	336	93
—	—	—	—	—	35	—	12	25	—2	—1	—1	19	9
—	—	—	—	—	1 000	+390	240	1 125	25	15	10	515	210
—	—	—	—	—	1 500	0	325	1 125	50	35	15	1 035	315
440	2 310	1 500	4 250	2 000	2 000	0	2 575	1 125	550	325	225	3 825	2 625

удовлетворения. И совершенно недостаточно сбалансировать их по общей стоимости в производственном плане второго подразделения. Необходимо запланировать нужное количество предметов потребления и в *надлежащем* их *ассортименте*, тем более что потребные пропорции этого ассортимента благ в условиях социализма служат *исходным* началом планирования и *производственных* пропорций первого, а затем и второго подразделения всей материальной сферы производства. Уже из этого ясно, что в составе балансов социалистического народного хозяйства в отличие от схем воспроизводства капитала нельзя обойтись без всей сферы обслуживания.

Особенно важным разделом баланса является, до тех пор пока сохраняются классовые различия, *классовое* расчленение в области распределения и потребления народного дохода. Пропорции классового *потребления* рабочих и крестьян в нашей стране являются важнейшей проверкой соблюдения социалистического принципа *распределения по труду* в данной области, а вместе с тем и той ненарушимой *смычки рабочих и крестьян*, которая является *основой* нашей партийной политики и нашего государственного могущества.

В этих пропорциях, где экономика всего теснее переплетается с политикой, всякий экономический просчет в плане, угрожая срывом рабоче-крестьянской смычки, граничит уже с тяжким политическим преступлением. И потому необходимость строжайшего *соблюдения* этих *пропорций* в соответствии с требованиями социалистического распределения предполагает постоянное их наблюдение и изучение.

Предложенная выше схема баланса намечает лишь круг важнейших показателей и расчленений, необходимых в интересах планирования. Они могут быть представлены и в других вариантах схемы. Но каждая схема подлежит еще дальнейшей расшифровке в специальных балансовых таблицах. Например, *продукция* — по производствам и социальным секторам хозяйства; *обращение* — во внутренней и внешней торговле, денежное и безналичное, по товарным группам и странам; *перераспределение* — по ценам, через бюджет и через кредит, по социальным секторам и в межотраслевом разрезе; *оплата труда* — в связи с его затратами в общем балансе труда, в отраслевом и классовом разрезах; *потоварное потребление* — в связи с уровнем оплаты труда и благосостояния трудящихся; *производственное накопление* — в отраслевой и секториальной группировках; *производительность труда* — в отраслевом и общенациональном уровнях, в связи с ростом вооруженности труда, структурой издержек и другими моментами и т. д.

Возможность всех таких расчленений и группировок в наших народнохозяйственных балансах в качестве мощного орудия планирования не подлежит сомнению. В них заложена одна из важнейших предпосылок вполне сознательного, *научного* планирования,

не ощупью и наугад, с риском крупных и опасных просчетов, а с полной уверенностью в достижении намеченных результатов. К сожалению, наша статистика далеко еще не обеспечивает советских плановиков таким вооружением. Мы до сих пор не имеем еще достаточно проверенных и надлежаще апробированных работ по балансу народного хозяйства. Келейные опыты их построений в ЦСУ мало кому известны, и, казалось бы, пора уже эти опыты подвергнуть более широкому изучению и обсуждению. Прошло уже около 40 лет с начала работ ЦСУ над балансом народного хозяйства СССР. Это уже весьма великовозрастный младенец. И если он все еще не вышел из утробного состояния, то, очевидно, требуется неотложная помощь со стороны для появления, наконец, на свет божий этого очень нужного нашему плановому хозяйству младенца.

Думается, что организация широкой дискуссии с участием плановиков, экономистов и статистиков по докладу ЦСУ о балансе народного дохода и его использовании в практике планирования сильно продвинула бы вперед разрешение этой большой и важной, но почему-то на много лет застывшей в анабиозе проблемы.

VI. ФИЗИЧЕСКИЙ И «МОРАЛЬНЫЙ» ИЗНОС СРЕДСТВ ТРУДА *

В процессе производственного использования со временем стареют и приходят в состояние физической *негодности* или экономической *невыгодности* дальнейшей их службы по своему назначению все известные нам орудия и прочие средства труда, существенно различаясь лишь *сроками* целесообразного их использования в этом процессе. Например, железнодорожные шпалы, подвергаясь гниению, служат бессменно не свыше 6—7 лет; стальные рельсы, истираясь с поверхности трением колес, могут все же безаварийно служить лет 25, а паровозы по своей технической годности могли бы служить и вдвое дольше. Но появление наряду с ними гораздо более экономичных тепловозов и электровозов приводит к *досрочному* вытеснению даже новых паровозов из эксплуатации, резко сокращая, таким образом, средние сроки фактической их службы.

Износ орудий труда, ограниченный лишь сроками физической их годности, называют *физическим износом*. А там, где сроки использования орудий труда определяются не ветхостью, а лишь досрочным *устарением* их по экономическим соображениям, т. е. относительной их невыгодностью по сравнению с новейшими, более прогрессивными орудиями труда, это устарение именуется весьма устаревшим термином — *«моральный» износ*. Устарение орудий труда определяется не годами их службы, а темпами технического прогресса и поэтому вовсе не зависит от степени физического износа этих орудий. Еще меньше оснований именовать его «моральным» или «аморальным». Лишь в обществе, где категорическим императивом поведения было, по Щедрину, правило: «В карман норови, в карман!» — понятия экономических потерь и морального ущерба представлялись неразличимыми. В наше время правильнее было бы противопоставить понятию «физический износ» термин *«эко-*

* См. «Вопросы экономики» № 8, 1956.

номическое устарение», а явно устаревший термин «моральный» износ как один из многих пережитков капитализма в сознании людей изгнать из употребления. Однако эта терминологическая проблема не должна заслонять другую, гораздо более важную. Дело не в словах, а в действиях.

До сих пор в течение многих лет некоторые экономисты пытались признать чуждым советской экономике не термин «моральный» износ, а самое явление, обозначаемое этим термином. Это было, конечно, ошибкой. Можно и нужно бороться против завышения норм амортизации средств труда под предлогом «морального» их износа. «Но значит ли это, что с «моральным» износом можно вовсе не считаться?» — спрашивали мы еще в годы планирования первой пятилетки. И отвечали: «Конечно, нет. Разве мы можем не считаться с техническим прогрессом, обусловливающим собою понятие «морального» обесценения всякого рода устаревших конструкций и сооружений?» [1]. Отрицать действие «морального» износа в СССР было тем более нелепо, что технический прогресс, являющийся повсюду его причиной, протекает в СССР намного быстрее, чем в странах капитализма. А там, где энергичнее внедряется новая техника и обнаруживаются в действии все ее преимущества, неизбежно, с силой объективно действующего экономического закона, все учащаются случаи досрочной замены устаревшей техники, и она в конечном счете вытесняется в процессе расширенного воспроизводства все более прогрессивной *новой* техникой. В этих условиях отрицание явлений «морального» износа в СССР свидетельствовало о серьезном отставании теории от практики, ибо до тех пор, пока отрицался самый факт реальности «морального» износа в СССР, не могло возникнуть и научной проблемы: как именно, с какими особенностями это явление протекает в советской экономике, в какой мере оно ускоряет досрочный вывод из производства устаревшей техники и как это ускорение должно отразиться на действующих нормах амортизации в нашей практике.

После XX съезда нашей партии все эти вопросы встают перед нами с новой силой и настоятельно требуют ответа.

Мы уже можем не спорить о слишком очевидных вещах. С экономическим устарением действующих средств труда в условиях внедрения новой техники мы сталкиваемся в нашей практике на каждом шагу. Это бесспорно. Но в обновлении своей техники при расширенном воспроизводстве плановое хозяйство может на разных этапах своего развития ставить перед собой различные задачи, от которых будут зависеть и *темпы* обновления наличной техники. Можно, например, в известных условиях задаться целью догнать и перегнать опередившие нас страны прежде всего *по объему* создаваемой в стране продукции. В этом случае, до тех пор по крайней мере

[1] *С. Г. Струмилин*, Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, М.—Л., 1930, стр. 112.

пока это позволяет наличие рабочей силы, можно использовать *всю* — и новую и старую — технику, вовсе не вытесняя старую технику новой до полного физического ее износа. На такой именно стадии как раз легче всего и вовсе забыть на время о «моральном» износе. Это обеспечивает максимально возможные темпы роста *объема* продукции за счет соответствующего *замедления* темпов роста производительности труда.

Но возможна и другая политика. Можно поставить перед собой задачу прежде всего в кратчайший срок ликвидировать свое отставание от опередивших нас стран по уровню *производительности труда*, чтобы уже затем, опираясь на рост своих кадров, разрешать все другие задачи. В этом случае пришлось бы *весь* ежегодный прирост новой техники обращать лишь на досрочное замещение наиболее устаревших средств производства. Это обеспечило бы наиболее высокие темпы технического перевооружения труда за счет соответствующего замедления роста продукции. Вместе с тем благодаря этой политике были бы расширены — в размерах, предельно допустимых лишь в условиях *простого* воспроизводства, — границы подлежащего ликвидации «морального» износа.

Конечно, практически наиболее осуществимым был некий *средний* между этими крайними линиями путь. Но плановая политика в СССР могла на разных этапах значительно отклонять его в желательном направлении. И такие отклонения действительно имели место в нашем прошлом. На первых этапах развития советской экономики в условиях избытка рабочей силы они были направлены в сторону максимального *количественного* роста продукции, а затем в меру исчерпания избытка рабочей силы — в сторону максимально возможного улучшения *качественных* ее показателей, в том числе прежде всего по линии производительности труда. А отсюда вытекает возрастающее значение проблемы «морального» износа в наши дни.

Границы допустимости использования экономически устаревшей техники зависят от многих обстоятельств, в том числе и от целевых установок плана, т. е. от воплощенной в нем *технической политики* на заданный отрезок времени. Так, например, на транспорте эта политика до сих пор довольствовалась в основном только вытеснением одних, более устаревших паровозов другими, менее устаревшими, с небольшой выгодой в их эффективности, но зато без малейших задержек расширенного воспроизводства в паровозостроении. Однако, учитывая, что умножение числа даже самых лучших паровозов по сравнению с возможностями тепловозной или еще более эффективной электровозной тяги является в сущности расширенным воспроизводством *отсталой техники* и ведет не к опережению, а к отставанию в технике от таких, например, стран, как США, где тепловозная тяга за последние годы уже в основном вытеснила паровозную, XX съезд нашей партии наметил опреде-

ленный поворот в этой политике. Отныне паровозная тяга лишь донашивается до полного вытеснения ее тепловозами и электровозами. В связи с этим выпуск новых паровозов вовсе прекращается, а паровозостроительные заводы переоборудуются на расширенное воспроизводство тепловозов и электровозов. В таком же направлении происходит поворот и в других областях техники.

В отличие от стран капитализма плановое, социалистическое хозяйство в своей технической политике руководствуется не частными интересами тех или иных определяющих ее лиц или кругов, а потребностями всего общества в целом с трезвым учетом всех требований объективно действующих экономических факторов и законов. В числе этих факторов в условиях соревнования различных экономических систем особого внимания заслуживает учет воздействия на экономику объективного фактора времени. Во времени разными темпами на различных участках хозяйственного фронта протекает технический прогресс. Временем же определяется и степень относительного устарения, или «морального» износа, средств труда на отстающих участках этого фронта. Временем же, наконец, определяются и *сроки службы* средств труда до полного физического их износа и соответствующие этим срокам *нормы погашения* учтенного износа. *Досрочная* замена устаревшего оборудования новым, более эффективным сопряжена обычно с некоторыми потерями овеществленного в нем труда, но по общему правилу эти потери с выгодой окупаются получаемой в результате такой замены экономией *живого* труда. И хозяйственный расчет настоятельно требует от нас сопоставления этих плюсов и минусов для трезвой оценки экономических результатов осуществляемой технической политики.

Эта политика должна быть достаточно трезвой, чтобы не ставить перед собой заведомо непосильных задач. Известно, например, что кратчайшим путем к повышению производительности труда является путь максимального технического и энергетического его перевооружения. Известно также, что гидроэлектрические станции по экономии труда в несколько раз эффективнее тепловых. Но если бы мы решили по аналогии с устаревшими паровозами вовсе не строить впредь «устаревших» тепловых станций ради скорейшей замены их продукции гидроэлектрической или внутриатомной энергией, то такой максимализм очень дорого обошелся бы нашему народному хозяйству. Строительство крупных гидростанций, помимо больших капитальных затрат, требует в несколько раз больше *времени* по сравнению с тепловыми. И, прекратив совсем строительство тепловых станций, мы могли бы этим резко затормозить на ряд лет всякий прирост электроэнергии, создавая серьезнейшие диспропорции и тормозя развитие всех других отраслей хозяйства. А между тем производство

электроэнергии в плановом хозяйстве должно *опережать* темпы роста всего народного хозяйства[1].

Проблема «морального» износа теснейшим образом связана со всей технической политикой страны и уже поэтому много сложнее, чем это представляется с первого взгляда. Многим кажется, что признание «морального» износа обязывает нас лишь к пересмотру норм амортизации в связи с *фактическими* сроками службы разных видов оборудования. Но задача осложняется тем, что «фактические» сроки службы в отличие от максимально возможных по условиям физического износа зависят от темпов технического прогресса, а эти темпы в плановом хозяйстве в свою очередь находятся в немалой зависимости от заданной планом технической политики, требующей обновления устаревшей техники в те или иные сроки. Получается в некотором роде заколдованный круг взаимозависимостей. В условиях анархии производства сроки замены устаревшего оборудования новым диктуются стихийным законом конкуренции: кто отстает в обновлении устаревшей техники, выбывает вместе с ней из строя в качестве банкрота. А в плановом хозяйстве имеется возможность строить техническую политику на разных этапах его соревнования с системой капитализма на базе сознательного хозяйственного расчета.

На чем же следует базировать этот расчет?

Известно, что средства труда в отличие от предметов труда потребляются и переносят свою стоимость на производимый продукт не целиком, а постепенно, в течение всего срока их годности к выполнению своих производственных функций. Конечно, средства труда, как и все другие продукты труда, обладают не только *стоимостью*, но и *потребительной стоимостью*, которая как раз определяется их физической годностью давать в течение своего срока службы известный производственный эффект, например такое-то число плавок мартеновской стали, или такое-то количество миллионов тонн проката, или столько-то тысяч паровозокилометров пробега. Предполагается, что эта потребительная стоимость средств труда мало меняется в течение срока их службы в условиях достаточного текущего — восстановительного и планово-предупредительного — ремонта. И поэтому физический износ и погашающие его нормы амортизации обычно распределяются равными долями, в процентах к начальной стоимости средств труда на все годы полного срока их службы. Но такая практика оправдывается лишь при стабильном во времени или очень медленном росте уровня производительности труда.

---

[1] Семилетний план предусматривает наращивание электроэнергетических мощностей главным образом за счет строительства тепловых электростанций.

В условиях технического прогресса *стоимость* воспроизводства одних и тех же средств труда, даже при совершенно неизменной технической их годности и равной *потребительной* стоимости, меняется весьма существенно, и воспроизводство их по стоимости и в натуре измеряется по-разному. Поясним это примером. Допустим, что начальная стоимость некоего предприятия равна 1000 единиц и по средним нормам физического износа оно могло бы нормально работать лет 30, а с учетом капитального ремонта этот срок службы можно продлить до 36 лет. Если стоимость капитального ремонта при этом принять, скажем, в 20%, а цену лома при ликвидации предприятия в 5% к начальной его стоимости, то норма амортизации, потребная для погашения физического износа, в среднем за год составит (100 + 20 — 5) : 36 = 3,2% начальной стоимости. Но реальная стоимость годового износа при той же начальной стоимости в разных странах в зависимости от различных темпов технического прогресса выразится совсем иными величинами. Возьмем, например, две страны с ростом производительности труда в одной не свыше 2%, а в другой — не ниже 6% в среднем за год. В этом случае получим такие нормы физического износа по объему, т. е. в неизменных ценах и по стоимости изношенных средств труда (см. табл. 1).

Как известно, стоимость продуктов определяется не фактическими затратами труда в момент их производства, а общественно необходимыми издержками их *воспроизводства* в различные моменты времени. И если цены подчиняются закону стоимости, то средства труда в условиях технического прогресса *обесцениваются* в течение всего их срока службы, хотя это обнаруживается лишь в случае необходимости досрочной их ликвидации на рынке. В нашем примере это обесценение, независимо от физического износа, составило за 36 лет по первому варианту 52%, а по второму — даже 87,7% от начальной стоимости средств труда. Эти потери объясняются воздействием технического прогресса. И на первый взгляд получается парадоксальный вывод, что, чем выше темпы технического прогресса, тем выше причиняемые им потери хозяйству; прогресс становится бедствием. Но это мнимое бедствие полностью окупается той экономией в затратах *на погашение износа*, которая достигается за весь срок службы предприятия [1]. Причем потери в *стоимости* средств труда при стабильном их *объеме* в натуре никак не отражаются на производстве и потому являются мнимым бедствием, а экономия на погашении износа является вполне *реальной*, ибо она означает *сокращение* реальных затрат труда на воспроизводство изношенных средств труда и снижает издержки производства

[1] В нашем расчете износ средств труда и его погашение достигают 115% начальной их стоимости, ибо погашению подлежат и затраты на капитальный ремонт минус стоимость лома (100 + 20 — 5 = 115).

за весь срок службы по статье «амортизация» в первом варианте на 598, а во втором — на 1009 единиц стоимости. И здесь уже ясно, что, чем выше темпы технического прогресса, тем выше эта экономия в затратах труда.

Таблица 1

Нормы физического износа

Сроки службы (в годах)	Производительность труда (в %)	Средства труда			Физический износ		Экономия (гр. 6— гр. 7)
		начальная оценка	восстановительная стоимость	потери в стоимости (гр. 3 — гр. 4)	по объему (3,2%)	по стоимости (гр. 6 : гр. 2)	
1	2	3	4	5	6	7	8
I вариант							
0	100,0	1 000	1 000	—	—	—	—
1	102,0	1 000	980	20	32	31	1
5	110,8	1 000	903	97	160	144	16
10	122,7	1 000	815	185	320	261	59
15	136,0	1 000	735	265	480	353	127
20	150,7	1 000	664	336	640	425	215
30	184,9	1 000	541	459	960	519	441
36	208,3	1 000	480	520	1 150	552	598
II вариант							
0	100,0	1 000	1 000	—	—	—	—
1	106,0	1 000	943	57	32	30	2
5	133,8	1 000	747	253	160	120	40
10	179,1	1 000	558	442	320	179	141
15	239,7	1 000	417	583	480	200	280
20	320,7	1 000	312	688	640	200	440
30	574,3	1 000	174	826	960	167	793
36	814,7	1 000	123	877	1 150	141	1 009

Однако здесь может возникнуть такой вопрос. Теория утверждает, что *стоимость* средств труда в размере фактической доли их износа *целиком* переносится в издержки производства и стоимость текущей продукции предприятия. Но та же теория, определяя стоимость продукции по издержкам ее *воспроизводства*, предполагает, что *начальная* стоимость средств труда в определенной ее части *теряется* с повышением общественной производительности труда. Мы не видим никакого противоречия в этих положениях теории. Нужно лишь различать понятия «стоимость» и «начальная стоимость». Поэтому в нашей таблице величина

износа определяется в двух измерениях: по начальной и по реальной их стоимости. Спрашивается: какая же из них подлежит погашению с перенесением полностью в стоимость текущей продукции?

Нам кажется, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Износ, измеряемый в долях начальной величины средств труда или, что то же, в неизменных ценах, служит лишь мерой их *объема* в натуре или *потребительной* стоимости (гр. 6). Мерой же их *стоимости* может служить только необходимое для их воспроизводства количество труда, *падающее* в условиях роста его производительности (гр. 7). И, очевидно, только эта величина *стоимости* — настоящей, а не бывшей или будущей — и подлежит переносу целиком в издержки производства текущей продукции. В связи с этим *стоимость* годового износа средств труда, выраженная в процентах к *начальной* их стоимости, снижается в нашем примере с 3,2 до 1,53% в первом варианте (552 : 36) и даже до 0,39% — во втором (141,2 : 36).

А как же быть в таком случае с той долей начальной стоимости средств труда или капитальных вложений, которую предприятие не возместит за время их использования в стоимости продукции?

В течение *полных* сроков физического износа эти потери, как видно из таблицы 1, полностью возмещаются удешевлением подлежащих замене средств труда. Но практика наших дней не допускает столь длительных сроков их службы. В сущности говоря, при неизменном уровне производительности труда сроки службы предприятий путем постепенной *замены* всех изнашиваемых частей и целых машин можно было бы продлить и сверх обычных 30—40 лет на любой иной срок. Однако технический прогресс исключает такую возможность, вытесняя устаревшую технику более совершенной и производительной, а потому и более рентабельной и тем самым сокращая фактические сроки службы установленного оборудования. Конечно, всякое сокращение физических сроков службы средств труда будет при этом сопровождаться уже реальной потерей их стоимости при нормах амортизации, рассчитанных на более длительные сроки погашения. Говоря иначе, часть их стоимости в результате досрочной замены еще годных средств труда останется неиспользованной, и эта потеря окажется экономически оправданной лишь в той мере, в какой новая техника, вытесняя устаревшую, обеспечит *не меньшую* экономию в затратах труда за счет повышения его производительности и соответствующего удешевления новой техники на единицу ее производственной мощности.

Конечно, всякое ускорение технического прогресса повышает выгоды от досрочного обновления устаревшей техники, а вместе с тем возможное сокращение сроков этого обновления уже

само по себе ускоряет темпы технического прогресса. Но в капиталистическом обществе эти темпы сильно тормозятся свойственной ему анархией производства и периодическими кризисами. Однако и там условия рыночной конкуренции подстегивают заводовладельцев к досрочной ликвидации устаревшей техники каждый раз, когда это диктуется их собственной выгодой, т. е. возможностью за счет повышенной рентабельности в условиях обновленной техники перекрыть с избытком неизбежные потери или по меньшей мере избежать убытков, связанных с использованием отсталой техники.

Тем не менее потери за счет досрочной ликвидации еще годного оборудования, как бы их ни называть, *подлежат учету* уже потому, что, лишь сопоставляя эти потери с ожидаемыми выгодами от обновления техники, можно определить наивыгоднейшие сроки переоборудования тех или иных предприятий. Капиталистическая практика присвоила этим потерям наименование «*морального*» износа оборудования, объединив их в общих нормах амортизации с реальным износом. Правда, моральные факторы труднее всего поддаются бухгалтерскому учету. Но именно поэтому «моральный» износ открывает возможность почти бесконтрольно умножать амортизационные вычеты из прибылей миллиардеров и помогает им под этим моральным предлогом укрывать от подоходного обложения изрядную долю своих накоплений. Впрочем, в этом, очевидно, и находит свое наиболее яркое отражение подлинный дух буржуазной морали.

Анализ отчетности акционерных предприятий дореволюционной России показывает, что средняя реальная норма их накопления не превышала 6% на основной капитал (без земли), а нормы амортизации колебались от 4 до 5% начальной стоимости средств труда. Однако из амортизационных фондов на капитальное переоборудование промышленных предприятий, т. е. за счет их физического износа, расходовалось не свыше 60%, откуда можно заключить, что указанные нормы амортизации значительно *превышали* действительную потребность в погашении текущего износа.

Это подтверждается и теоретическими расчетами. Нормы физического износа по различным типам строений и оборудования неоднократно определялись на основе экспертных оценок и отчетных данных о сроках их службы до списания за ветхостью и негодностью. В частности, такие сроки и нормы, намеченные Госпланом, были опубликованы в 1924 г. По этим данным, средний срок службы имущества фабрик и заводов России к 1913 г. определился в 35 лет с колебаниями для разных видов оборудования от 20 до 30 лет, для строений и сооружений — до 80 лет; средняя норма погашения физического износа для 1913 г. составила не свыше 2,84%, а фактические изъятия амортизацион-

ных отчислений — не ниже 4% от учтенных нами фондов [1]. Отсюда заключаем, что на долю «морального» устарения в этих отчислениях приходилось не менее 1,2% (4,0—2,8) от стоимости фондов, или до 30% от суммы всех отчислений. Эта последняя цифра подтверждается и расчетами проф. Н. Ф. Чарновского, который отмечает, что собственно на физический износ в общей доле годового обесценения разного рода оборудования до 1913 г. падало от 10 до 95%, в том числе в строениях его доля достигала 75%, в станках падала до 50%, моторах — до 40—30% и т. д., составляя в среднем около 70%. Говоря иначе, на долю *экономического устарения* в этом обесценении приходилось в оценке строений не свыше 25%, но в станках его доля возросла уже вдвое — до 50%, а в моторах еще выше — до 60—70% общего итога [2].

Нет никакого сомнения, что отмеченная разница в нормах «морального» устарения разных видов оборудования является результатом различных темпов технического прогресса в соответствующих областях техники. В строительстве этот прогресс, по-видимому, всего медленнее, в станкостроении — быстрее, в мотостроении — еще быстрее, а в современном авиастроении, как показывает наша и мировая практика, он особенно стремителен. А в зависимости от этого неизбежно должны возрастать те фонды, какие должны быть предусмотрены планом для своевременной ликвидации возрастающего устарения средств труда в разных областях техники. Только эти фонды не следовало бы смешивать с амортизационными, погашающими износ средств труда в пределах требований *простого* лишь их воспроизводства. Фонды, погашающие так называемый «моральный» износ орудий труда, или, говоря точнее, *экономическое* их *устарение* от допускаемого планом уровня, правильнее было бы назвать в плановом хозяйстве фондами *планово-предупредительной модернизации* отстающей техники на определенном уровне ее относительной годности. И по своему целевому назначению и по экономической природе фонды модернизации существенно отличаются от фондов амортизации текущего износа. Во-первых, возмещая полностью только *обесценение* начальной стоимости средств труда, они призваны путем модернизации устаревшей техники *повышать* ее производственную мощность и таким образом служат уже *расширенному воспроизводству* средств труда по их объему, без превышения, однако, *начальной* их стоимости. Второе, не менее существенное отличие фондов модернизации от амортизационных отчислений заключается в том, что, образуясь по своей экономической при-

---

[1] См. *С. Г. Струмилин*, Очерки советской экономики, стр. 103, 109.

[2] См. *Н. Ф. Чарновский*, Организация промышленных предприятий по обработке металлов, М., 1919, стр. 338.

роде *за счет накоплений*, они не подлежат включению в счет издержек текущего производства.

Сроки *фактической* службы средств труда (до полного возмещения начальной их стоимости путем накопления целевых фондов модернизации) могут быть при этом значительно сокращены. Конечно, возможность накопления фондов модернизации расширяется с ускорением темпов роста производительности труда, а сокращение за их счет сроков физической службы устаревшей техники в свою очередь является одним из методов ускорения технического прогресса. Для цифровой иллюстрации указанной взаимозависимости вернемся к данным таблицы 1, дополнив ее расчетом отчислений в фонд модернизации, соответствующих масштабам «морального» износа основных фондов при различных темпах роста производительности труда (см. табл. 2).

В этом расчете потери средств труда в размере их обесценения, или так называемого «морального» износа, ежегодно полностью возмещаются отчислениями в целевой фонд модернизации. Это позволяет, с учетом снижения цен при заданных темпах производительности труда, досрочно накопить достаточные фонды для погашения всей остаточной стоимости действующих средств труда и приступить к модернизации их путем замены новыми, более экономичными, без дальнейших промедлений. В первом варианте это сокращает средние сроки службы средств труда до их обновления с 36 до 18 лет, т. е. ровно вдвое, а во втором — примерно до 9 лет, или раза в четыре.

В каждом частном случае обновление устаревших орудий труда более совершенными не терпит ограничения никакими сроками службы, если его выгоды уже превышают остаточную стоимость досрочно сменяемого оборудования. Но плановая предусмотрительность требует накопления достаточных фондов для этой цели в зависимости от намеченных планом *средних сроков обновления* устаревшей техники при заданных темпах производительности труда. И для этой именно цели образуются фонды модернизации.

Достаточные нормы отчислений в фонды модернизации в условиях указанных темпов технического прогресса по первому варианту не превышают за год 2%, а по второму они возрастают до 5,7% от начальной оценки всех средств труда. Но это верхний предел отчислений, который может потребоваться лишь в исключительных случаях, когда на слом обращаются не только устаревшие машины и орудия, но и все рабочие помещения и сооружения устаревшего предприятия. Однако для обновления техники за счет фондов модернизации обычно этого вовсе не требуется. Такие элементы средств труда, как производственные здания, шахты и плотины, мосты и туннели и другие долговременные сооружения, устаревают медленнее других и могут

Таблица 2

Нормы погашения физического и «морального» износа

Сроки службы (в годах)	Производительность труда (в %)	Средства труда			Отчисления в фонды				Итого целевых фондов		Экономия за счет снижения цен (гр. 11 — гр. 10)
					амортизации		модернизации				
		начальная оценка	восстановительная стоимость	потери в стоимости (гр. 3 — гр. 4)	по объему (3,2%)	по стоимости (гр. 6 : гр. 2)	по объему (гр. 5 × × гр. 2)	по стоимости (гр. 5)	по объему (гр. 6 + + гр. 8)	по стоимости (гр. 7 + + гр. 9)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I вариант											
0	100,0	1 000	1 000	—	—	—	—	—	—	—	—
1	102,0	1 000	980	20	32	31	20	20	52	51	1
5	110,8	1 000	903	97	160	144	107	97	267	241	26
10	122,7	1 000	815	185	320	261	227	185	547	446	101
15	136,0	1 000	735	265	480	353	360	265	840	618	222
18	144,8	1 000	691	309	576	398	447	309	1 023	707	316
II вариант											
0	100,0	1 000	1 000	—	—	—	—	—	—	—	—
1	106,0	1 000	943	57	32	30	60	57	92	87	5
5	133,8	1 000	747	253	160	120	339	253	499	373	126
9	169,0	1 000	592	408	288	170	690	408	978	578	400
10	179,1	1 000	558	442	320	179	792	442	1 112	621	491

без всякой смены пережить несколько модернизаций прочего оборудования. А между тем на долю зданий и сооружений падает свыше 50% стоимости всех средств труда. Уже поэтому для своевременного обновления техники можно примерно *вдвое* снизить вышеуказанные предельные нормы отчислений в фонды модернизации. Кроме того, в тех случаях, когда полное обновление устаревшей техники повторяется в сроки не свыше 10 лет, отпадает вовсе потребность в капитальных ремонтах ликвидируемого оборудования. И, стало быть, если капитальный ремонт отпадает, то норма отчислений в фонд амортизации снижается с 3,2% по меньшей мере до 2,8% от начальной стоимости соответствующих средств труда. А в общей сумме на возмещение физического и «морального» износа, в зависимости от темпов обновления старой техники, потребовались бы такие отчисления (в %):

В фонды	Амортизации	Модернизации	Итого
По I варианту	3,2	1,0	4,2
По II варианту	2,8	2,9	5,7

Этот примерный расчет подтверждает, что фактические нормы «амортизации» акционерных предприятий дореволюционной России — от 4 до 5% — включали в себя возмещение не только физического, но и «морального» износа средств труда. Однако не надо все же забывать, что эти отчисления преследуют весьма различные цели, и объединять их в едином показателе никак не следует.

Задачи амортизации средств труда теоретически предполагают текущее их воспроизводство на достигнутом уровне техники, в меру их выбывания за ветхостью и негодностью, т. е. не раньше истечения нормальных сроков их службы. И поэтому воспроизводство их полностью возмещается перенесенной стоимостью в ценах реализуемого общественного продукта. А задачи специальных фондов модернизации устаревших средств труда предполагают *досрочную* их ликвидацию и обновление в интересах *ускорения* технического прогресса. Для этого требуются, однако, уже дополнительные вложения за счет текущих накоплений. Эти дополнительные затраты из фонда накоплений могут быть оправданы, конечно, лишь в той мере, в какой они достаточно возмещаются производственным эффектом, за счет обновленной ими техники. И уже поэтому, чтобы иметь возможность соизмерить затраты по досрочному обновлению техники с их резуль-

татами, целевые фонды модернизации не следует смешивать с амортизационными фондами.

Правда, в повседневной практике капиталистических предприятий такое смешение в интересах сокрытия прибылей от подоходного обложения все же охотно допускается. Но такая практика не заслуживает подражания.

В условиях капитализма каждый владелец завода, особенно нового, создав фонд модернизации, вынужден был бы необходимые для этого фонда средства накапливать в *денежной* форме очень долго, десятки лет, маринуя их без должного использования по прямому назначению. В социалистическом хозяйстве, где все предприятия принадлежат одному хозяину, оснащены самой различной по степени устарения техникой и обладают в связи с этим разной нормой рентабельности, этому хозяину нет нужды замораживать свои фонды модернизации в состоянии длительного анабиоза. В любой момент он может их направить по назначению с наибольшим эффектом, адресуя на замену самой отсталой техники в наименее производительных отраслях труда. И эта возможность является огромным преимуществом планового хозяйства. Оно может свободно избирать в своих планах наиболее эффективные пути технической политики.

Одним из важнейших рычагов этой политики в плановом хозяйстве является то или иное распределение капитальных вложений с направлением их в отличие от капиталистической практики не в наиболее рентабельные, а в наиболее *отсталые* отрасли труда и предприятия. Причем в межотраслевом разрезе этой цели в основном служат вложения в *новое* строительство, а внутри каждой отрасли — прежде всего *реконструкция* наиболее отсталых предприятий с подтягиванием их по уровню техники к передовым за счет внутреннего перераспределения накопляемых специально для этого в каждой отрасли целевых *фондов модернизации*. Реконструкция устаревших предприятий по сравнению с новым строительством требует по общему правилу меньше времени и меньше вложений на единицу продукта. И уже поэтому выделение для этой цели в достаточном количестве специальных фондов модернизации из общей суммы накоплений вполне оправдано, так как *повышает* общую эффективность всех вложений.

Именно в связи с этой повышенной эффективностью использования фондов модернизации по сравнению с другими приобретают особый интерес специальный их учет — под названием «морального» износа или любым иным, — а также методы наиболее рационального их перераспределения для использования по назначению в плановом хозяйстве.

Распределение новых вложений в любом перспективном плане определяется прежде всего заверстанными в нем *произ-*

водственными пропорциями. «Разумеется... общество, — как предусматривали еще классики марксизма, — должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства... Полезные действия различных предметов потребления, сопоставленные друг с другом и с необходимыми для их изготовления количествами труда, определяют окончательно этот план» [1]. А вместе с тем сопоставлением запланированных средств труда с наличным их количеством определится, в какие наиболее отставшие по этому наличию от потребности отрасли труда надлежит направить больше всего *новых* вложений, чтобы получить за их счет необходимый прирост продукции. Но значительный прирост объема продукции можно получить и за счет реконструкции уже действующих предприятий в каждой отрасли труда — за счет перераспределения между ними наличных целевых фондов модернизации.

Для этого необходимо располагать группировкой наличных предприятий каждой отрасли по уровню их технического оборудования, за меру которого можно принять либо достигнутый ими уровень производительности труда, либо, еще проще, бухгалтерский показатель сравнительной их рентабельности, отражающей как раз самым непосредственным образом (в рублях) экономическое устарение техники и падающий вместе с тем уровень производительности труда.

Между прочим, такая группировка предприятий по убывающей рентабельности могла бы помочь определению и той границы, которая отделяет рентабельные предприятия от убыточных и которая может служить пределом допустимого срока их эксплуатации в связи с возрастающей физической их изношенностью и экономической устарелостью. В условиях капитализма таким пределом является известная норма прибыли. И, скажем, с прибылью ниже банковской нормы процента на капитал ни один предприниматель продолжать эксплуатацию своего предприятия не пожелает. В условиях социализма этот предел меняется. Здесь таким пределом может быть в некоторых случаях лишь возмещение затрат на производство данной продукции.

Это же следовало бы учитывать в политике цен при каждом их *снижении* в условиях растущей производительности труда. Если объем производства в различных отраслях труда, установленный планом, соответствует выявленным пропорциям потребностей общества и ни одно предприятие, даже наименее рентабельное из намеченных к эксплуатации, не может быть ликвидировано досрочно без ущерба для удовлетворения одной из

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 293.

этих потребностей, то тем самым определится и уровень плановых цен до следующего их пересмотра. Они должны *снижаться* только до такого уровня, при котором даже наименее совершенные по уровню техники или иным причинам предприятия оставались бы *безубыточными*, не принося прибыли, но и не требуя дотаций. Эта политика цен не всегда соблюдалась в нашей плановой практике, но требования хозрасчета за последнее время все более приближают нас к последовательному проведению в жизнь такой *бездотационной* политики отпускных цен в государственной промышленности. Конечно, уровень этих цен следует выравнивать по уровню предприятий не в худших, а в *средних* условиях производства, но и для худших предприятий эти цены должны быть *безубыточными*, а убыточные предприятия подлежат либо модернизации, либо ликвидации. Еще больше необходима ориентировка цен на *безубыточность* производства даже в *худших* условиях для оздоровления сельского хозяйства, с его еще более резкой дифференцированной рентабельностью. Нужно обеспечивать соответствующие условия труда даже в объективно наихудших условиях производства, чтобы, лучше стимулируя труд, выявить все его преимущества на более передовых по природным условиям и технике предприятиях и тем самым повысить общий их эффект в народном хозяйстве. Но эта истина, к сожалению, не пользуется еще общим признанием.

В группировке однородных предприятий по убывающей их рентабельности — от высшей (по *новым* предприятиям) до нулевой, — кроме этих крайних групп, особого внимания заслуживает деление их на «образцовые» — с наиболее высокой нормой рентабельности, — «передовые» — с рентабельностью выше средней, — «рядовые» — со средней рентабельностью при охвате в этой группе, скажем, до 40% всей занятой рабочей силы, — «отстающие» — с более низкой рентабельностью — и вовсе «устаревшие» — без всякой прибыли. Убыточные предприятия, как подлежащие ликвидации или долговременной *мелиорации* (в сельском хозяйстве), в эту группировку на годы перспективного эксплуатационного плана включать не следует. За меру рентабельности можно принять отношение прибыли к стоимости вложений — начальной или восстановительной — или величину прибыли на 100 единиц продукции в натуре или на 100 занятых в производстве работников. Первый показатель удобней для сравнения с зарубежными, последний — для межотраслевых сопоставлений в нашем плановом хозяйстве.

Пользуясь такими группировками, можно было бы желательную на тот или иной период техническую политику отразить в очень ясных и конкретных установках и общеобязательных директивах. В нижеследующем расчете мы исходим, например, из таких установок: обеспечить ежегодный прирост выработки

рабочих не менее 6%. Для этой цели установить общую норму накоплений $m : v = 75\%$ с изъятием из них авансом через бюджет в фонд общественного потребления до 40%; остальные 60% обратить на цели расширенного воспроизводства с выделением из них прежде всего фонда модернизации в размере годового обесценения наличных средств труда и направлением остальных ресурсов в фонд новостроек; фонд модернизации обращать на цели текущей реконструкции «отстающих» предприятий данной отрасли; фонд нового строительства использовать в тех отраслях, какие наиболее в этом нуждаются, независимо от того, где они накопляются; амортизационные фонды, за вычетом затрат на капитальный ремонт внутри каждого предприятия, обращать на погашение восстановительной стоимости *ликвидируемых* предприятий данной отрасли, а если они превышают текущую потребность этой отрасли, то направлять их для той же цели и в другие. Результаты нашего примерного расчета представлены в таблице 3.

Как видим, фонды накоплений в зависимости от различного срока службы и уровня техники эксплуатируемых предприятий распределяются между ними весьма неравномерно. В наиболее устаревших предприятиях, где потребность в обновлении наличного оборудования особенно велика, никаких ресурсов для этого не остается, а в новейших предприятиях, модернизация которых преждевременна, накопляется огромный избыток таких ресурсов. Конечно, этот избыток можно было бы направлять в фонды *нового* строительства, но в таком случае необходимо было бы не только обновлять устаревшие *орудия* труда, но и строить заново все производственные здания и жилища рабочих, а также, завязывая в строительстве надолго большие материальные ресурсы, нести до их использования немалые потери в результате их обесценения (скажем, за пять лет до 25%). Все это удорожает новое строительство на единицу продукции по сравнению с реконструкцией по меньшей мере в 2 раза. Отсюда и возникает требование хозрасчета выделять из общих накоплений достаточные фонды модернизации для наиболее целесообразного их использования в процессе реконструкции наиболее устаревших предприятий.

В нашем примере из народного дохода $(v + m)$ в 7980 единиц на потребление выделяется 5929 единиц, или 74% вновь созданной стоимости, а на расширенное воспроизводство общественного продукта направляется 2051 единица, или 26% народного дохода. Годовая потребность в фондах модернизации для погашения так называемого «морального» износа, при заданных темпах роста производительности труда в 6%, определилась в 674 единицы, что достигает почти 8,5% народного дохода. Это величина немалая. Но, чтобы ее использовать по назначению, требуется

Таблица 3

Группировка предприятий по их рентабельности
(цифры условные)

Показатели \ Типы предприятий	Образцовые	Передовые	Рядовые	Отстающие	Уставшие	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Число рабочих . . . . (N)	1 000	2 000	4 000	2 000	1 000	10 000
Выработка рабочих . . . . (p)	1,34	1,15	1,00	0,87	0,75	1,0
Продукция в натуре . . . . . . (P)	1 338	2 300	4 000	1 740	750	10 128
Начальные вложения . . . . . (F_0)	1 680	3 180	6 000	2 890	1 000	14 750
Сроки их службы в годах . . . (t)	1,0	2,5	5,0	7,5	10,0	1—10
Обесценение вложений	96	432	1 518	1 023	442	3 511
Восстановительная их стоимость . . . . (F_1)	1 584	2 748	4 482	1 867	558	11 239
Издержки производства						
Материалы и энергия . . . . (C_2)	871	1 497	2 603	1 132	637	6 740
Физический износ (3,2% F_0) . (C_1)	54	102	192	92	32	472
Оплата труда . . . . (v)	456	912	1 824	912	456	4 560
Итого ($C + v$)	1 381	2 511	4 619	2 136	1 125	11 772
Прибыль фактическая . . . . . (m)	626	939	1 381	474	—	3 420
Продукция по отпускным ценам . . . . (W_1)	2 007	3 450	6 000	2 610	1 125	15 192
Прибыль в % к F_0	37,3	29,5	23,0	16,4	—	23,2
Прибыль в % к F_1	39,5	34,2	30,8	25,4	—	30,4
Средняя норма накоплений (75% v) . . . . (m_1)	342	684	1 368	684	342	3420
Продукция по расчетным ценам . . . . (W_2)	1 723	3 195	5 987	2 820	1 467	15 192
Назначение накоплений						
1. Фонд общественного потребления (40% m_1)	137	274	547	274	137	1 369
2. Фонд модернизации (6% F_1) .	95	165	269	112	33	674
3. Фонд новостроек	110	245	552	298	172	1 377
Итого (1 + 2 + 3)	342	684	1 368	684	342	3 420
Избыток или недостаток (+, —) .	+ 284	+255	+ 13	— 210	— 342	0
Использование фонда модернизации	—	—	—	232	442	674

перераспределение накоплений между предприятиями. Если эту задачу возложить на центральные органы планирования, то возникает опасность излишней централизации таких планов реконструкции отдельных предприятий [1]. Но возможен и другой путь. В действующей практике давно уже применяются, помимо отпускных, и так называемые *расчетные* цены с предприятиями, которые, несомненно, могут служить орудием более целесообразного распределения между ними фондов модернизации, чем то, какое получается автоматически рычагами рыночных цен. Это тоже одна из особенностей советской экономики, не имеющая аналогии в зарубежной коммерции. А между тем с развитием нашей экономики, подведя финансовую базу под местные возможности технической модернизации там, где она особенно необходима, мы сможем максимально использовать местную инициативу, изобретательность и самодеятельность новаторов в этой области. Кстати сказать, во многих случаях модернизация устаревшей техники освободит нас от необходимости капитальных ее ремонтов, сокращая таким образом соответствующую долю расходов за счет фондов физического износа.

В таблице 3 сопоставляется продукция в двух выражениях: по отпускным ценам реализации и по расчетным, или сдаточным, ценам, по которым — в интересах хозрасчета и требований социалистического соревнования — необходимо рассчитываться с отдельными предприятиями за сдаваемую ими продукцию. Для этого расчетные цены должны возмещать каждому отдельному предприятию *полные* издержки производства, включая и ту долю затрат труда, которая не оплачивается в текущих расчетах предприятия каждый раз непосредственно производителям, ибо подлежит обращению на нужды общественного потребления и накопления. В сумме по всем предприятиям, как видно из таблицы, стоимость продукции и по отпускным и по расчетным ценам выражается при этом в одной и той же величине — 15 192, поскольку *общественные* издержки производства складываются здесь из *индивидуальных* по каждому отдельному предприятию. Но по каждой отдельной группе, в зависимости от уровня техники и других условий производства, эти величины расходятся на десятки процентов. А между тем изъятия из накоплений в госбюджет производятся по ходу реализации продукции в *авансовом* порядке, независимо от реальности этих накоплений. Точно так же потребность в текущей модернизации тех или иных средств труда возникает прежде всего в наименее рентабельных предприятиях. И если бы эти потребности не *предусматривались* планом в расчетных ценах за продукцию, то пришлось бы от-

---

[1] Проведенная ныне реформа управления по территориальному принципу, конечно, в значительной степени ликвидирует эту опасность.

стающим предприятиям бесхозяйственно расходовать свои оборотные средства и банковские кредиты, а затем задерживать очередные платежи по заработной плате и по отпущенным им кредитам, т. е. становиться «банкротами», что совершенно несовместимо с понятием *планового* хозяйства вообще и требованиями социалистического соревнования в особенности.

Таким образом, расчетные цены, предусматривающие в каждом предприятии нормальные фонды общественного потребления, модернизации и нового строительства по *средней* норме их накопления в стране, являются весьма целесообразным и совершенно необходимым в плановом хозяйстве методом распределения общественных накоплений между всеми создающими их трудовыми коллективами в соответствии с принципом «каждому — по его труду». Но это не исключает, а даже предполагает дальнейшее перераспределение этих фондов *общественного* назначения соразмерно с уже *назревшей* в них потребностью на том или ином участке хозяйственного фронта в данный момент. Так, например, фонд модернизации, создаваемый всеми трудовыми коллективами за год в размере 674 единиц, в нашем примере для наиболее эффективного его использования в интересах *всего* общества направляется целиком прежде всего в наиболее устаревшие предприятия. И лишь за полным возмещением накопившихся в них устарелых средств труда — 442 единицы — он обращается на модернизацию других, менее отстающих участков.

Подводя самый общий итог сказанному, можно лишь повторить, что «моральный» износ, или экономическое устарение, средств труда в нашем хозяйстве имеет место и даже возрастает в своем значении. Его учет и образование соответствующих специальных фондов для своевременной его ликвидации весьма целесообразны. Однако предназначенные для этой цели фонды модернизации отличаются от фондов амортизации в том отношении, что, являясь орудием прогрессивной технической политики, они служат задачам *расширенного* воспроизводства. И, стало быть, образование этих фондов специального назначения в числе других фондов накопления отнюдь не снижает общих норм накопления в нашей стране.

VII. О НАЛОГЕ С ОБОРОТА *

Изживая пережитки капитализма в *сознании* людей, нельзя забывать, что эти пережитки весьма живучи не только в сознании советских людей, но и в их словаре, научной терминологии и повседневной практике советских бухгалтеров, плановиков, финансистов и экономистов. И чтобы изжить эти пережитки капитализма, необходимо прежде всего ликвидировать практику их повседневного воспроизводства.

Так, например, еще в 1923 г., через шесть лет после Великой Октябрьской революции, советские экономисты требовали на партийном съезде создания у нас в государственной промышленности «прибавочной стоимости» [1]. Вполне понятно, что и тогда уже этот термин ни в какой мере не соответствовал условиям социалистического накопления в нашей стране. Могут, конечно, возразить, что одни и те же слова в разных условиях *меняют* свое значение, и, употребляя устаревшие термины, мы иной раз даже не замечаем того, что вкладываем в них совершенно новое содержание. Что верно, то верно. Но этот термин — «прибавочная стоимость» — слишком резал ухо советского слушателя, и в применении к условиям социалистической экономики он раньше других бесследно выпал из употребления. Много дольше, до конца первой пятилетки, т. е. в течение целых 15 лет после упразднения капитализма в СССР, все советские бухгалтеры в своих отчетах социалистические фонды страны совершенно безмятежно, по инерции, именовали «капиталами». Отказавшись от термина «прибавочная стоимость» в применении к социалистическим накоплениям, советские экономисты заменили его не менее сомнительным понятием — «прибавочный продукт». Но продукт, стоимость которого в качестве *прибавочной* отчуждается капиталом, заведомо предполагает эксплуатацию труда.

---

* См. «К вопросу об учете стоимости». «Вопросы экономики» № 12, 1956.

[1] См. «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, 17—25 апреля 1923 г.», стр. 624.

И в этом качестве такое словосочетание становится уже *пережитком* в условиях социализма.

Впрочем, у нас остается еще немало аналогичных пережитков в теории и практике, мимо которых мы ежедневно проходим, вовсе не реагируя и даже не замечая их чужеродности новым, социалистическим условиям. Таковы, например, понятия прибыли, себестоимости, налога с оборота...

Наши бухгалтеры, отказавшись в конце концов в своем учете от чуждого нам понятия «капитал», бережно, как зеницу ока, сохраняют в нем и доныне вот уже более 40 лет теснейшим образом связанное с капиталом понятие «прибыль». Капитал и прибыль — это основные категории капиталистического общества, отражающие в себе отношения эксплуатации труда. Прибыль исчислялась на капитал как прямое ее порождение. Марксизм всегда усматривал в ней наряду с рентой основной элемент прибавочной стоимости, являющейся результатом эксплуатации. Капитал и прибыль, неразлучные, как сиамские близнецы, в условиях капитализма не способны пережить друг друга. Капитал, не приносящий прибыли, — это уже не капитал. Прибыль, не образующая капитала, — это уже только доход. И в условиях СССР, где уже нет капитала, понятие прибыли становится явным пережитком. Здесь сохраняются, на наш взгляд, лишь различные *трудовые* доходы, в том числе «продукт для себя» работников *всей* сферы *материального* производства, и чистый доход предприятий, как часть «продукта для общества», назначением которой является расширенное воспроизводство социалистического народного хозяйства.

Наши плановики и прочие хозяйственники в своих заботах о снижении так называемой *себестоимости* продукции тоже все еще не могут отрешиться от использования этой в наших условиях явно чужеродной категории буржуазной экономики. Когда каждый буржуа, подсчитывая *себестоимость* своей продукции, ограничивает состав включаемых сюда затрат только издержками прошлого труда и *оплаченной* долей живого труда в своем обособленном частном хозяйстве, то это с точки зрения его частнохозяйственных интересов вполне логично. Ему нет никакого дела до *общественных* издержек производства соответствующих товаров. Его интересует лишь рыночная их цена и разница между этой ценой и себестоимостью, определяющая размер его прибылей или убытков. Но когда на *социалистических* предприятиях, хозяином которых является *все* общество, вместо *общественных* издержек производства ограничиваются учетом только такой урезанной частнохозяйственной «себестоимости» производства в отдельных предприятиях, по аналогии с буржуазным хозяйством, то здесь логика начинает уже явно хромать.

Общество в целом в отличие от его отдельных хозрасчетных предприятий заинтересовано в снижении *всех* общественных издержек производства, т. е. полной стоимости своей продукции — по затратам и прошлого, и живого труда, — независимо от тех пропорций, в каких общественный продукт распадается на продукт «для себя» и «для общества». А для того, чтобы такую полную экономию труда знать, ее надо полностью учитывать, что вовсе не обеспечивается учетом так называемой себестоимости. Вместе с тем если капиталист в своем частном хозяйстве ориентировался на известные ему цены стихийного рынка, то в плановом хозяйстве, за ликвидацией такого рынка, приходится и цены определять, ориентируясь на *общественные* издержки производства. А поскольку унаследованные из прошлого калькуляции себестоимости не дают нам такого ориентира, то и практика нашего планового ценообразования нередко хромает.

Наши финансисты тоже очень долго сохраняют и лелеют в своей практике некоторые заведомо чужеродные нам формы и понятия. Элементы такой чужеродности чувствуются, в частности, уже в самом наименовании «налог с оборота» — этой важной опоры советского бюджета. Налог с оборота, как известно, возник у нас более четверти века тому назад, объединив в себе всю сумму унаследованных нами еще от старого режима акцизов на водку, табак и прочие объекты косвенного обложения. Косвенные налоги, как и прибыль, ссудные проценты на капитал и рента, входят в состав общей прибавочной стоимости, извлекаемой в буржуазном обществе господствующими классами из продукта трудящихся. С одной лишь, впрочем, разницей. Косвенные налоги в отличие от прибылей, извлекаемых непосредственно в *производстве*, являясь надбавкой сверх нормальных цен производства облагаемых ими продуктов массового потребления, извлекаются уже в *процессе обращения* и, перелагаясь полностью на массового потребителя, служат очень удобным для фиска рычагом перераспределения общественного продукта Вместе с тем, падая в основном на трудящихся, косвенные налоги являются особенно жесткой формой их *эксплуатации*. Поражая частично заработную плату, а, стало быть, и *прожиточный минимум*, они ухудшают условия существования трудящихся и особенно наиболее низко оплачиваемых их категорий.

Само собой разумеется, что в СССР, за ликвидацией класса эксплуататоров, налог с оборота, даже сохраняя свою внешнюю форму, коренным образом изменил свою экономическую природу. Это ясно уже из того, что собираемые налогом с оборота сотни миллиардов рублей немедленно же через бюджет снова возвращаются народу, обслуживая его важнейшие оборонные, социально-культурные и другие нужды и обеспечивая всем необходимым его мирный творческий труд. Но если уж столь существенно

изменилось содержание данного понятия, то во избежание неприятных ассоциаций и нежелательных недоразумений не лучше ли отказаться и от заведомо устаревшего и одиозного для наших условий наименования?

В советской печати уже раздавались голоса в пользу такого предложения. «Учитывая указанные обстоятельства, — писал, например, еще в 1954 г. т. А. Бачурин, — следовало бы отказаться от существующего названия «налог с оборота», которое не отвечает его действительной природе и характеру социалистических производственных отношений» [1]. Однако дело не только в названии. Устарели и формы взимания этой важнейшей в нашем государственном бюджете статьи дохода. Источником всех наших доходов является производственный труд. И всего естественнее в наших условиях оттуда и извлекать в бюджет все подлежащие дальнейшему распределению государственные доходы, где они создаются, т. е. по месту их *производства*. Это позволит нам избрать и более правильный принцип определения сумм, подлежащих отчислению в государственные доходы из каждой данной отрасли труда и по каждому предприятию в отдельности.

Социалистический принцип распределения («каждому — по его труду») требует, чтобы в любой отрасли производства «продукт для себя» занятых в ней работников составлял такую же долю от *всего* создаваемого здесь вновь продукта, как и во всех других отраслях. Говоря иначе, соотношение между «продуктом для себя» и «продуктом для общества», устанавливаемое планом, должно быть равным для всех трудящихся. Известно, что «продукт для общества» в экономике СССР в качестве общегосударственного источника социалистических накоплений в стране поглощает у нас не менее 25% народного дохода. Из того же источника, ибо других нет, нам ежегодно приходится возмещать издержки управления, социально-культурные и прочие непроизводственные расходы государственного бюджета. Таким образом, уже в *производственном* плане социалистического хозяйства должен быть предусмотрен, помимо обычных издержек производства по фонду возмещения и фондам оплаты труда, и весь *«продукт для общества»* в качестве твердо установленных *отчислений* в фонд общественного потребления и фонды накоплений. Эти целевые отчисления в определенных процентах к «продукту для себя», т. е. к фондам зарплаты всей производственной сферы, стали бы при этом обязательным элементом всех производственных калькуляций. И, обеспечивая полностью регулярное поступление в бюджет необходимых ему ресурсов в установленные сроки, такая практика вместе с тем наладила бы и полный

---

[1] *А. Бачурин*, К вопросу о прибыли и налоге с оборота в СССР. «Вопросы экономики» № 3, 1954, стр. 38.

учет всех общественно необходимых издержек социалистического народного хозяйства, включаемых в стоимость общественного продукта и за счет его полностью возмещаемых.

Вместо нынешнего «налога с оборота» мы получили бы при этом «отчисления в фонд общественного потребления», или просто «отчисления», вместо «прибылей» — «фонд накоплений», или просто «накопления» предприятий и таким образом избавились бы от явно чужеродных нашей экономике терминов и понятий.

Необходимо подчеркнуть одну особенность предлагаемого решения в отличие от действующей практики в определении размеров налога с оборота и прибылей в различных производствах. Исходной позицией в этой практике является установление отпускных цен в соответствии с учтенной себестоимостью. Затем, исходя из разницы между ценой и себестоимостью, проектируется «нормальная» рентабельность в процентах к себестоимости, а весь избыток накоплений сверх такой «нормы», исчисляемый в процентах к отпускным ценам, изымается в сбытовых органах торговой сети в качестве налога с оборота. Цены на средства производства назначаются ниже их стоимости, и потому налог с оборота сосредоточивается в производствах предметов широкого потребления. В этой практике много произвола и субъективности так называемых экспертных оценок и определений. Но самым произвольным можно считать утверждаемую этой практикой *пропорциональность* вновь создаваемого «продукта для общества» затратам *прошлого* и живого труда.

Выравнивая рентабельность различных отраслей труда в процентах к себестоимости, т. е. к $(c + v)$, эта практика явно допускает, что прибыль советских предприятий создается не только живым, но и овеществленным трудом. Точно так же, устанавливая ставки налога с оборота в процентах к отпускным ценам промышленности, она исходит из того же допущения. Но овеществленный труд только *переносит* собственную стоимость на изготовляемые продукты и не создает новой. А соотношения в разных производствах прошлого и живого труда очень различны. И *равные* для таких *разных* производств и продуктов ставки налога в процентах от оборота и *равные* нормы прибыли в процентах к себестоимости означают на деле *перераспределение* стоимости с определенной переоценкой предметов потребления и особенным удорожанием тех из них, в которых живой труд содержится в наименьшей доле. А такие *отклонения* цен от стоимости по различным группам товаров в свою очередь по-разному меняют реальное значение оплаты труда различных групп рабочих и тем самым нарушают принцип социалистического распределения *по труду*.

Этой опасности при вполне уже назревшей, как нам кажется, реформе налога с оборота следует особенно остерегаться. Но

предложенная выше схема включения всего «продукта для общества» уже в самую калькуляцию стоимости общественного продукта в равном для всех производств проценте к фондам зарплаты — примерно до 45% в фонд накоплений и до 30% в фонд общественного потребления — при всей простоте такого решения позволяла бы избежать и этой опасности.

Конечно, эти проценты целевых отчислений пришлось бы уточнять в соответствии с требованиями текущих планов и расходных назначений бюджетов.

Совершенно ясно, что новые *формы* изъятия продукта для общества из производства не должны привести к хотя бы временному ущербу советскому бюджету ни по масштабам, ни по срокам и обеспеченности необходимых в него отчислений. Но простота и ясность принципа, по которому они подлежат реализации в каждом предприятии в меру реализации его фондов накопления, позволяют надеяться, что эта задача может быть разрешена даже успешнее, чем при действующей системе обложения оборота. Содействовать успеху этой реформы сможет каждый бухгалтер на своем участке. Она будет понятна всем производственникам страны. Понятно также, что соответствующая реформа в области финансов потребовала бы ряд мероприятий и в других областях экономики. Весьма вероятно, что более полный и точный учет общественных издержек производства и обращения в различных отраслях народного хозяйства потребует пересмотра и всей действующей ныне системы цен и ценообразования, хотя отклонения цен от стоимости не исключаются в любых условиях ценообразования, а активная политика цен даже прямо их предполагает в наших условиях.

Конечно, пересмотр всей системы ценообразования дело сложное и потребует много времени. Но нет никакой необходимости в сколько-нибудь серьезной ломке и ныне действующих *цен у потребителя* на ближайшие годы. Для успеха реформы на первых порах достаточно было бы упорядочить лишь так называемые расчетные цены при расплате сбытовых организаций с предприятиями. Действующая практика не исключает возможности слишком пестрой рентабельности различных предприятий в зависимости от разного в них уровня техники и энерговооруженности труда. И при изъятии в бюджет вместо налога с оборота соответствующих отчислений *непосредственно* из дохода хозрасчетных предприятий эти доходы в одних из них могли бы оказаться *недостаточными*, а в других — заведомо *избыточными* по сравнению с *едиными* нормами изъятий из «продукта для общества» по вышеуказанной схеме. Такая опасная для устойчивости государственного бюджета возможность сохраняется при любом уровне цен у потребителя. Но правильно организованные *расчетные* цены, дифференцированные для разных пред-

приятий в соответствии с их плановыми издержками, полностью ликвидировали бы всякую в этом отношении опасность. При таких расчетных ценах каждое предприятие, выполняя план, получало бы в этих ценах не только полное возмещение всех своих материальных затрат и оплаты труда, но и «продукт для общества», достаточный для всех отчислений и накоплений, предусмотренных планом, совершенно независимо от тех цен, по которым его продукция достанется ее потребителям.

Вместе с тем все предприятия уравняли бы свои шансы в общем их соревновании за возможное снижение установленных планом издержек производства. Всякий *перерасход* этих издержек явился бы при этом чувствительным вычетом из накоплений, предоставляемых планом для внутренних нужд предприятия. А всякая *экономия* в издержках производства и обращения могла бы рассматриваться как премия за успешную работу коллектива и дополнительный стимул к повышению требований хозяйственного расчета.

Методы взимания плановых отчислений и накоплений могут быть различными. Например, можно представить себе, что в каждой платежной ведомости по заработной плате определяется за итогом, сколько именно причитается начислить по ней: 1) текущих отчислений в бюджет из расчета, скажем, в размере 30% от заработной платы и 2) годовых накоплений, скажем, в размере 45% от заработной платы. Узаконив одновременно перечисление текущих отчислений в бюджет, скажем, в трехдневный срок по выплате заработной платы, а изъятие накоплений — наполовину поквартально, а в остальной части — по утверждении годового отчета, можно было бы в достаточной мере обеспечить и интересы государственного бюджета и всех планов капитального строительства в стране.

Конечно, при более конкретном рассмотрении всей проблемы в целом могут быть предложены и другие, более приемлемые ее решения, а также возникнут новые проблемы. В частности, вслед за упорядочением расчетных цен и накоплением отчетных калькуляций *полной* стоимости обращающихся в стране товаров возникнет, несомненно, возможность и даже необходимость в периодических пересмотрах и всех цен *у потребителя*, оптовых и розничных, в соответствии с меняющимися издержками производства товаров и требованиями других объективных экономических законов. Однако одновременное решение всех таких взаимно связанных между собой проблем едва ли возможно и необходимо. И потому, не осложняя ближайших задач всеми другими, терпящими отлагательство, придется, по-видимому, все же начать с реформы налога с оборота.

Эта проблема давно уже ждет своего разрешения.

VIII. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА *

1. АВТОМАТИЗАЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДСТВА

Автоматизацию производственных процессов мы рассматриваем как одно из главнейших направлений в развитии технического прогресса в условиях современной мировой экономики. Она стала возможной в широких масштабах только теперь, на базе высокого уровня *механизации* индустриального труда и последних достижений *мировой науки* в области энергетики, гидравлики, электроники, телемеханики и радиотехники. XX съезд КПСС поставил перед нами проблему автоматизации во весь рост. В резолюциях съезда указывается: «В целях обеспечения дальнейшего технического прогресса, повышения производительности и облегчения условий труда *резко усилить* темпы механизации работ и внедрить в промышленность в широких масштабах *автоматизацию производственных процессов*». А в связи с этим съезд требует «перейти от автоматизации отдельных агрегатов и операций к автоматизации цехов, технологических процессов и созданию *полностью автоматизированных предприятий*» [1]. И нужно сразу сказать, что это не только труднейшая техническая задача, но и важнейшая социально-политическая проблема наших дней. Успешное ее решение позволит нам и обогнать в кратчайшие исторические сроки самые передовые форпосты капитализма, и, обеспечив невиданное еще изобилие производимых благ, приблизиться уже вплотную к вершинам коммунизма.

Советский Союз вступил ныне в новый период своего развития — в период *развернутого строительства коммунистического общества*. «Главные задачи этого периода, указывается в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде партии, — создание материаль-

---

* См. *С. Г. Струмилин*, Экономические проблемы автоматизации производства, М., 1957.

[1] «Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1956, стр. 52. Курсив наш. — *С. С.*

но-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР и одновременно все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа. Практически должна быть решена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения» [1].

Решающий шаг в реализации этих задач должен быть сделан в предстоящем семилетии, в связи с чем в контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. предусматривается «*более широкая автоматизация* производства, которая должна коренным образом облегчить и улучшить условия труда и резко поднять его производительность» [2].

Конечно, такие грандиозные задачи не решаются без соответствующего напряжения усилий и планомерной их целеустремленности в нужном направлении. Но уже теперь можно предвидеть, что дальнейшее развитие автоматизации производства, начало которой мы наблюдаем уже сегодня, обещает как новый фактор экономии труда *новое ускорение* роста производительных сил современного общества. Ясно также уже ныне, что возможные пределы автоматизации производства в зависимости от ее народнохозяйственной эффективности или частнохозяйственной рентабельности в различных экономических условиях — социализма и капитализма — будут весьма различны. И эти различия в условиях *экономического соревнования* различных мировых систем приобретают серьезнейшее значение. А между тем они еще очень мало изучены. Конкретной меры эффективности автоматизации производства в различных его условиях мы не знаем. И в этой области перед экономической наукой возникают немаловажные задачи.

Анализируя процесс общественного производства на различных ступенях его развития и наблюдая в нем все более успешное вытеснение живого ручного труда гораздо более дешевой работой неодушевленных механизмов и неограниченных источников природной энергии, мы различаем в этом историческом процессе прежде всего следующие стадии.

На первой, и древнейшей, стадии (кончая эпохой феодализма), характерной решающим преобладанием ручного ремесленного производства, труд человека универсален. Его живой ручной труд в производстве совмещает в себе трoякие функции: это, во-первых, функции непосредственного *исполнителя* ручным инструментом всех трудовых движений, во-вторых, функции

[1] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 15—16.

[2] Там же, стр. 31. Курсив наш. — *С. С.*

основного *источника энергии* в производстве и, в-третьих, функции *управления* всеми процессами и орудиями труда.

В дальнейшем в эпоху капитализма, как известно, машина прежде всего овладевает непосредственным инструментом труда, освобождая рабочего от его исполнительных функций и навыков ремесленного труда, а затем, вооружая его все более мощными источниками механической энергии, высвобождает из производства все большую долю рабочих, занятых наиболее тяжелым трудом в неблагодарной роли живых двигателей. Но с умножением машинного и энергетического оборудования в результате механизации производственных процессов произошли существенные сдвиги в структуре занятой в производстве рабочей силы. А именно при общем сокращении ее затрат на единицу продукции доля ручного труда резко сократилась, но зато доля труда, используемого в обслуживании машин и управлении механизированным производством, существенно возросла за последние сто-полтораста лет машинной индустрии.

И это поставило на очередь новую проблему радикального высвобождения из производства и этой столь возрастающей на стадии механизации армии функционеров в области обслуживания механизмов и управления всей системой машинного производства.

Эта задача технически уже давно назрела в странах с высоким уровнем развития науки и техники. Решается она в основном методами автоматизации машинного производства. Являясь высшей стадией и завершением *комплексной механизации* производства, автоматизация подготовлялась на всем протяжении капиталистической эпохи массового производства на быстро расширяющийся мировой рынок. А зачатки автоматики в отдельных ее элементах восходят еще к временам феодализма, например в часовых механизмах или водяных мельницах средневековья. Накопляясь в своем развитии от таких элементарных машин, как ручная «самопрялка», которую рабочий обслуживает еще и двигательной энергией, и подачей материала, и непосредственным участием в его обработке, до все более совершенных станков — полуавтоматов и автоматов, полностью освобождающих рабочего от всех исполнительных функций у машин, мы все же умножаем только *элементы* автоматики в процессе механизации труда. Но все такие элементы автоматики, пока они появляются лишь на отдельных, изолированных участках производства, не образуют еще *автоматической системы машин*, которая, как предвидел уже Маркс, «выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего» [1].

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 387.

Потребности рынка в *массовом* производстве толкают, однако, технический прогресс в направлении к *непрерывности* производственного потока, что уже само по себе, логикой вещей, при наличии детальной специализации механизмов и многосложного разделения механизированного труда в производстве требует объединения этих механизмов, включая все элементы питающих их транспортеров и конвейеров, в единую, синхронно действующую систему.

Пока мы имеем дело с отдельными станками-автоматами, с достаточно стабильным рабочим режимом, задача управления ими ограничивается лишь пуском и своевременной остановкой действия такого отдельного агрегата. Но, чем сложнее система синхронно действующих агрегатов, тем ответственнее становятся и задачи управления этой системой. Как бы ни был стабилен при этом рабочий процесс, через некоторое время различные случайные помехи и возмущения выводят динамическое равновесие всех элементов системы за допустимые пределы. И поэтому в задачу управления таким процессом входят уже, помимо пуска и остановки, «выбор желательного хода процесса, контроль хода процесса и воздействие на систему, обеспечивающее желательный ход» [1]. А между тем с прогрессом техники требования к точности соблюдения необходимых режимов настолько возрастают, что органы чувств человека и его реакции уже не справляются со всеми задачами управления автоматическим производством и их уже в силу необходимости приходится заменять автоматическими устройствами. На долю коллективного разума людей остается при этом лишь творческая работа по изобретению этих устройств, их наладке и контролю за регулярностью их действия в производстве.

Вместе с тем технический прогресс в области энергетики, отвечая той же потребности рынка, позволяет все более наращивать производственные емкости сосудистой системы агрегатов, а также мощности и скорости рабочих механизмов. Высокие скорости и громадные мощности таких механизмов, как современные бумагоделательные машины, блюминги и тому подобные гиганты индустрии, не дают возможности осуществить ручное управление ими. Еще в большей степени необходимо автоматическое управление и регулирование скоростей во всех случаях, когда в непрерывный поток производства включаются уже целые блоки и автоматические линии механизмов и когда зачастую промежутки между вступлением в действие отдельных рабочих органов этих блоков измеряются секундами и долями секунды. Но, когда, таким образом, в силу вещей мы от отдельных

---

[1] *В. А. Трапезников,* Задачи технических наук в развитии автоматического управления и технических средств автоматизации, АН СССР, М., 1956, стр. 4.

элементов автоматики переходим уже к автоматическим линиям или целым автоматическим заводам, количество переходит в качество — мы вступаем в область автоматической системы машин.

Это не исключает дальнейшей механизации труда методами все более высокой его энерговооруженности, но открывает вместе с тем новые возможности ускорения технического прогресса методами автоматизации непрерывных потоков производства. Эти возможности, по-видимому, очень значительны даже по сравнению с тем, что дают рост энерговооруженности труда и высокие темпы электрификации и химизации производства. Непрерывность производства надо рассматривать при этом не только как одну из важнейших *предпосылок* автоматизации производства, но и в качестве важнейшего ее *результата*. *Непрерывность* и *автоматическое* действие машины — это в автоматизации производства два начала, или, по выражению Маркса, «два великих принципа», обусловливающих исключительную успешность совокупного их действия. Рассматривая в качестве образца такого действия бумагоделательную машину, этот удивительный автомат, в котором «сполна воплощены» эти великие принципы успешности труда, Маркс замечает: «Одним из наиболее важных факторов во всех отраслях индустрии является *непрерывность производства*. Наиболее совершенной и наиболее производительной машиной является та, которая способна к *беспрерывной* производительности»[1]. Это ценное качество *непрерывности* приобретают, однако, в условиях автоматического обслуживания не только механические производства, но даже в еще большей мере химические реакции и химические производства. Именно поэтому раньше и легче других поддаются автоматизации такие отрасли промышленности, как химическая, нефтяная, металлургическая и др. Таким образом, и химизацию производства не в меньшей мере, чем комплексную его механизацию, следует рассматривать как подготовительные стадии к последующей, завершающей их стадии — автоматизации крупного производства.

2. ЭФФЕКТИВНОСТЬ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ СССР

О высокой эффективности автоматизации в области экономии живого труда, повышения точности производства, улучшения качества продукции и резкого сокращения производственного цикла свидетельствуют очень многие общеизвестные примеры

---

[1] *К. Маркс*, Тетради по вопросам техники. Цит. «Большевик» № 1—2, 1932 г., стр. 18.

и неоспоримые факты. Так, в машиностроении замена обычных токарных станков автоматами увеличивает выработку рабочих в 3—4 раза и больше. Вот, например, несколько показателей сравнительной их эффективности при выполнении одного и того же объема работ:

Виды станков	Число станков	Число рабочих	Выработка 1 рабочего (в %)	Производственная площадь (в *кв. м*)
1. Токарные	30	30	100	250
2. Револьверные	20	23	130	180
3. Токарные автоматы:				
одношпиндельные	16	7	428	140
многошпиндельные	4	2	1 500	60

Автоматические поточные линии позволяют уменьшить примерно в 5—10 раз количество рабочих и в такой же степени сократить рабочее время на обработку изделий. Автоматизация гидроэлектростанций позволяет уменьшить численность дежурного персонала по меньшей мере в 2—3 раза. Персонал Днепровской гидроэлектростанции насчитывал до 1941 г. 290 человек, а ныне она обслуживается лишь 6 дежурными в смену.

О высокой эффективности автоматизации свидетельствуют такие конкретные расчеты по отдельным предприятиям. Например, на комплексную автоматизацию Уральского алюминиевого завода требуется затратить около 27 млн. руб. при годовой экономии текущих затрат в 20 млн. руб. Комплексная автоматизация Днепропетровского электродного завода потребует 4,5 млн. руб., а годовая экономия за этот счет исчисляется в 3 млн. руб. Автоматизация одной доменной печи требует 0,5 млн. руб. и повышает выпуск продукции на 8%. Таким образом, затратив всего 6 млн. руб. на автоматизацию 12 старых домен, можно заменить этим постройку одной новой домны, стоящей около 100 млн. руб. На лучших мартеновских печах в результате частичной их автоматизации съем стали с 1 $м^2$ пода печи повышается до 10,8 *т* в сутки (для сравнения можно указать, что в США этот показатель исчисляется в 7,8 *т*). Автоматизация производства синтетического спирта на Сумгаитском заводе позволила повысить суточную выработку спирта на 70% и сократить число рабочих вдвое. В производстве искусственного волокна автоматизация сокращает расход сырья на 7%, потребность в рабочих — на 26%, значительно повышая качество и сортность продукции. В сахарной промышленности автоматизация повышает выпуск сахарного песка на 7%, сокращая

рабочую силу на 23%. В машиностроении на лучших автоматических линиях производительность возрастает в 10—30 раз, а издержки снижаются на 20—30% [1].

3. СТЕПЕНЬ АВТОМАТИЗАЦИИ В СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Однако все эти преимущества автоматики реализованы в нашей стране пока еще в самой ограниченной степени, с большим отставанием от того уровня новейшей техники, который достигнут, например, в США. В самом деле, самыми крупными по числу занятых рабочих отраслями труда в советской индустрии являются машиностроение (свыше 31%) и текстильная промышленность (17% всего числа рабочих) [2]. И внедрение автоматики в оборудование этих отраслей обещает нам особенно значительную экономию в рабочей силе и рост производительности труда. А между тем, скажем, в составе металлорежущего оборудования наиболее прогрессивные виды станков в СССР к 1955 г. составляли всего 33,4% [3], а в США уже в 1953 г. — 44,2% от всего станочного парка. Еще более отстало по линии автоматики наше ткацкое оборудование. В шерстоткацком производстве станки-автоматы составляли в СССР в 1955 г. едва 21% всех шерстоткацких станков, а в США в 1954 г. — не менее 89%; в бумаготкацком производстве у нас станков-автоматов насчитывается не свыше 38%, а в США — уже 97% от общего числа бумаготкацких станков. Как известно, один рабочий-ткач обслуживает обычно не свыше 6—12 ткацких станков-полуавтоматов (Плятта) и раз в пять больше станков-автоматов (Нортропа). А это означает, что американский ткач при данном соотношении станков только за счет более высокого уровня их автоматики может почти *удвоить* свою выработку по сравнению с производительностью советских ткачей.

На железнодорожном транспорте наиболее прогрессивными достижениями новой техники являются электрификация и вытеснение устаревшей паровозной тяги тепловозами и электровозами. Но удельный вес такой наиболее прогрессивной тяги на транспорте в 1955 г. составлял в СССР всего 13%, в то время как в США он достигает уже 85%.

---

[1] См. «Коммунист» № 16, 1956, стр. 58—61.

[2] См. «Экономика промышленности СССР». Учебник, Госполитиздат, 1956, стр. 353. Данные 1954 г.

[3] Автоматы и полуавтоматы, револьверные, фрезерные, шлифовальные и др.; в том числе на автоматы и полуавтоматы падает всего 2,8% всех станков.

Электрификация производства и сама по себе является одной из самых важных предпосылок и надежных методов автоматизации производственных процессов в любой отрасли труда. К тому же уровень автоматизации электростанций — тепловых и гидравлических, — несомненно, выше, чем уровень автоматизации любой другой отрасли. В частности, первая автоматическая электростанция, работающая совершенно без рабочих, с дистанционным управлением, пущена у нас в системе канала имени Москвы в 1937 г., а в 1956 г. телемеханизация действовала уже на 46 гидроэлектростанциях с 46% общей их мощности. На тепловых электростанциях автоматизировано регулирование процессов горения в 805 котельных агрегатах с 80% общей паропроизводительности всех котельных; автоматизация регулирования питания котельных охватывает 1053 агрегата — 97% всей паропроизводительности тепловых электростанций [1]. И все же нужно признать без всякого зазнайства, что и в этой области мы еще очень отстаем от США, и не только по масштабам продукции электроэнергии (в СССР за 1957 г. — 210 млрд. *квт-ч*, а в США — 716 млрд., т. е. в 3,4 раза больше), но и по общей энерговооруженности индустриального труда. В частности, по данным зарубежной статистики, энерговооруженность индустриального труда в США измерялась в 1953 г. показателем 8 *л. с.* на одного рабочего (против 6,4 *л. с.* в 1939 г.), в Англии — 3—4 *л. с.*, а в среднем по Западной Европе — 2,5 *л. с.* С учетом сменности из расчета на одного рабочего первой смены эти показатели для США повысятся, по-видимому, раза в полтора, если не больше, т. е. примерно до 12 механических лошадиных сил на одного рабочего. Наши данные не вполне сравнимы с зарубежными. По электровооруженности труда СССР идет впереди Англии, но еще значительно отстает от США. Что же касается уровня автоматизации электростанций, если не прямой, то косвенной мерой его может, пожалуй, послужить такой показатель: на электростанциях СССР в 1956 г. на 1000 *квт* установленной мощности насчитывалось около *пяти* рабочих, а в США, по данным американской статистики, — *вдвое* меньше. При наличии полной автоматизации электростанций и американская норма оказалась бы, конечно, слишком высокой.

Но хуже всего, пожалуй, то, что на автоматизацию производства даже столь важных отраслей промышленности, как химическая, нефтяная, металлургическая, по расчетам специалистов Гостехники [2], в СССР выделялось всего 3—4% вложений, в то время как в США — от 15 до 25%. Конечно, и в плановом

---

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1956 году». Статистический ежегодник, М., 1957, стр. 80.

[2] Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике.

хозяйстве не обходится без известных просчетов. Но, поскольку они обнаруживаются, их легче всего здесь исправить. И кое-что в этом отношении удается исправить уже в плановых заданиях текущей семилетки.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В СССР

Кстати сказать, вложений на автоматизацию, по-видимому, потребуется в ближайшие годы гораздо меньше, чем на комплексную механизацию и энерговооружение труда, без которых не даст своих плодов и завершающая их автоматизация производства. Но есть и много других моментов, тормозящих ее развитие. И они уже неоднократно отмечались в нашей печати. В частности, особого внимания заслуживают выступления на эту тему академика В. И. Дикушина и других ученых на сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам автоматизации (15—20 октября 1956 г.).

«Выбор первоочередных объектов автоматизации, — отмечал, например, В. И. Дикушин, — должен прежде всего определяться экономическим расчетом, величиной возможной экономии общественного труда» [1]. А это далеко не всегда у нас удается. В частности, первоочередными для успехов автоматизации являются задачи расширения приборостроения и производства прочих средств автоматизации. Однако наши промышленные министерства в 1956 г. получали едва 60% необходимых им приборов, 50% счетных машин и лишь 15% электронных математических устройств. «Представляется просто странным при современном высоком уровне развития электронной техники, — удивляется т. Дикушин, — что необходимое для машинного привода преобразование переменного тока в постоянный осуществляется еще громоздкими, дорогими и шумными мотор-генераторными установками. Необходимо развить работы по созданию комплектных полупроводниковых выпрямителей» [2].

В станкостроении, по расчетам Дикушина, предстоит в несколько раз увеличить выпуск автоматических и полуавтоматических линий и оборудования для автоматических цехов и заводов. В тяжелом машиностроении необходимо создать средства автоматизации многих процессов обогащения, выплавки и первичной обработки металлов для заводов черной и цветной металлургии. Следует увеличить выпуск автоматического оборудования для

[1] *В. И. Дикушин,* Автоматизация в машиностроении. «Правда», 21 декабря 1956 г.

[2] *В. И. Дикушин,* Проблемы автоматизации в машиностроении. «Промышленно-экономическая газета», 3 октября 1956 г.

химической промышленности, электростанций и других отраслей народного хозяйства.

Конечно, автоматизация производства привлекает нас не только своей экономической эффективностью, но и возможностью *облегчить* с ее помощью наиболее тяжелые и вредные виды труда. Именно поэтому, например, один из цехов Ефремовского завода синтетического каучука, где применение ртути создавало опасные для здоровья условия труда, был полностью автоматизирован, что позволило весь персонал полностью вывести из этого цеха. Используя удачный опыт Горьковского автозавода, необходимо в кратчайшее время завершить механизацию и автоматизацию наиболее трудоемких и тяжелых операций — по выбивке земли, зачистке и обрубке отливок — и в других литейных цехах и заводах. Такая забота об оздоровлении и облегчении труда особенно отличает нашу страну от буржуазного Запада с его потогонной практикой поточного и конвейерного методов интенсификации труда.

Уже из приведенных фактов видно, что в области автоматизации производства и вообще в области внедрения новой и новейшей техники перед нами стоят еще очень большие задачи. Но для решения их в условиях социалистического хозяйства имеются и соответствующие этим задачам поистине неисчерпаемые возможности. Они таятся уже в самой системе планового хозяйства, обеспечивающей странам социализма совершенно недосягаемые в капиталистическом мире темпы развития. Достаточно сказать, что в странах капитализма за 1950—1955 гг. промышленная продукция поднялась всего на 31%, в то время как в странах социализма она за те же 5 лет почти удвоилась, дав *втрое* более высокий прирост. Еще показательнее факт, что, по американским данным, среднегодовой темп роста всего «национального дохода» США (в неизменных ценах) с 1929 по 1955 г. не превышал 3% в год, в то время как в СССР он ежегодно возрастал в среднем на 9%, т. е. *втрое* быстрее. Важнее всего, однако, то, что производительность индустриального труда — этот решающий показатель — повышалась в США за тот же период всего на 1,75—2% в год, тогда как у нас за последние 25 лет она росла примерно в *четыре* раза более высоким темпом.

Такие темпы роста социалистической экономики — яркое свидетельство ее ценнейшего преимущества. Это преимущество целеустремленного плана в действии над самотеком слепой стихии. Оно позволяет, сосредоточив планомерно максимум усилий на важнейшем в данный момент направлении, достигать даже с меньшими, чем у других, материальными ресурсами лучших результатов. Одним из важнейших направлений нашей экономической политики на ближайшие годы становится борьба за ликвидацию отставания в области новейшей техники, борьба за самую

передовую энергетику и наиболее эффективное ее применение методами возможно более полной автоматизации производственных процессов повсюду, где это уже ныне экономически целесообразно. На очередь, в частности у нас, становится использование в мирных целях самой мощной, *атомной*, энергии, которую в интересах безопасности труда можно широко использовать *только в условиях самой полной автоматизации производства*. И в этой связи перед нашей наукой и техникой в области автоматики и телемеханики стоят особо ответственные и неотложные задачи. Однако нет никаких оснований сомневаться, что советская наука справится с этими задачами, и мы с уверенностью можем смотреть вперед.

5. АВТОМАТИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Конечно, и в странах капитала наука и техника не стоят на месте. В частности, в США за последние годы можно отметить серьезные достижения в области электрификации и автоматизации производства. Очень характерно, однако, что наряду с дифирамбами по поводу этих успехов и успокоительными призывами к рабочим — «Пусть рабочий смотрит на это с надеждой в сердце, а не с тревогой. Автоматизация — это магический ключ... в сказочный мир будущего...» — успехи эти уже порождают и известную тревогу в буржуазных кругах. Так, например, в американском журнале «Нью рипаблик» была опубликована статья о новом автоматизированном магниевом заводе в Медисоне, который один может давать больше продукции, чем до него давала вся магниевая промышленность США. Автор этой статьи, учитывая «гипотетические возможности автоматизации в создании безработицы», приходит к весьма неутешительным выводам. По его расчетам, автоматизация *всей* американской промышленности сократила бы ее потребность в рабочей силе до полутора миллионов рабочих, т. е. *более чем в 10 раз*, что привело бы к «депрессии во всей экономике». И буржуазный журнал, исходя уже «из нынешнего опыта автоматизации», заключает, что «безработица, к которой ведет автоматизация, будет, учитывая наше нынешнее экономическое положение, *очень значительной, постоянной и совершенно беспрецедентной по своим последствиям*».

Вот какой воистину устрашающей своей стороной обращаются уже ныне ближайшие перспективы технического прогресса в стране самой «передовой» *капиталистической* экономики!

Но, умножая армию безработных, автоматизация в условиях капитализма обращается и к работающим своей наименее привлекательной стороной. Получив наибольшее распространение

в своих первичных формах фордизма — поточного производства с принудительным ритмом и применением конвейера, автоматика служит здесь орудием тягчайшей эксплуатации труда. Рабочая пресса США полна сообщений о том, какого напряжения физических и духовных сил требует от рабочего *усиление потогонной системы*, связанное с внедрением новейшей техники непрерывного действия. В газете «Дейли уоркер» рабочие пишут: «Нигде больше в мире рабочие не ощущают на себе такой ужасной потогонной системы, как в наших Соединенных Штатах... С каждым годом потогонная система становится все хуже. К концу дня рабочий становится, как выжатый лимон. Он едва может дойти на улице до автобуса. Не удивительно, что рабочий сегодня страдает от истощения нервной системы, что он физически быстро выходит из строя и что в США наивысший процент психических заболеваний в мире». А в другом письме рабочего из Детройта читаем: «Тысячи рабочих-автомобилестроителей, ныне уволенные (а многие из них с большим стажем), с отчаянием думают о том, что им никогда снова не получить работу, даже при высоком уровне производства автомобилей, поскольку усиливаются автоматизация, потогонная система и децентрализация производства».

Немудрено, что такие последствия автоматизации вызывают энергичное противодействие ее внедрению со стороны рабочих организаций, принимающее форму широкого забастовочного движения. Примером крупнейшей «стачки против автоматизации» может, в частности, служить упорная забастовка 55 тыс. рабочих-электриков на 40 заводах компании Вестингауз, длившаяся целых пять месяцев. Не случайно с расширением автоматизации растут и общие масштабы забастовочного рабочего движения в США. Весьма поучительно, например, следующее сопоставление. За довоенное десятилетие, 1931—1940 гг., в США, по официальным данным, имела место 22 021 стачка с 9,5 млн. участников, потерявших 145,3 млн. рабочих дней, а за 10 послевоенных лет, 1946—1955 гг., число стачек возросло уже до 43 159, число участников в них — до 26,6 млн., а потерянное страной рабочее время — до 434,3 млн. человеко-дней [1]. Это значит, что за последние годы в США *ежедневно* возникает не менее дюжины новых стачек и в этих классовых боях *ежегодно* принимают участие миллионные армии трудящихся, а потери, которые в этих боях терпят обе стороны, оцениваются уже сотнями миллионов долларов. Конечно, трудно сказать, какая доля этих потерь связана непосредственно с борьбой против автоматизации, но несомненно, что она непрерывно возрастает. И если, несмотря на это,

---

[1] См. *Т. Тимофеев*, Миф о «классовой гармонии» и американская действительность. «Правда», 24 февраля 1957 г.

в США все же растут успехи автоматизации, то и противодействие ее внедрению усиливается также весьма энергично.

Технические возможности автоматизации производства в этой стране значительнее, чем в любой иной. Но экономические предпосылки выглядят совсем иначе, и во всяком случае они здесь гораздо менее благоприятны, чем в любой из стран социализма, которым отнюдь не угрожают бедствия безработицы.

И в Англии, как видно из откликов международной печати, автоматизация «не встречает восторженного приема», к ней относятся «со страхом и недоверием». Так, например, в английском парламенте уже прозвучало такое заявление одного из его членов — Чарльза Паннела: «Если автоматизация будет внедрена с той скоростью, которую предсказывают в некоторых комментариях американской печати, то забастовки докеров, железнодорожников и моряков окажутся детской игрой по сравнению с тем бременем, которое ляжет на плечи министра труда».

«Сказочный мир будущего», обещанный рабочим Национальной ассоциацией промышленников США в результате автоматизации производства прежде всего, вовсе не улыбается никому из рабочих, изведавших уже и без автоматизации все прелести хронической безработицы в странах капитализма. И потому автоматизации в этих странах обеспечено активное сопротивление всех рабочих организаций. Английские рабочие, ощутив по-настоящему, какие опасности несет им автоматизация производства, осуществляемая предпринимателями не за счет своих прибылей, а за счет роста безработных, выдвигали на конгрессе британских тред-юнионов в Брайтоне, в сентябре 1956 г., уже такие требования: «Автоматизация, — заявил член союза транспортного машиностроения Эдвардс, — должна контролироваться трудящимися, она должна гарантировать повышение, а не снижение их жизненного уровня». «Единственное возможное решение вопроса, — добавил к этому член союза машиностроителей Диннинг, — заключается в том, чтобы рабочие сами владели промышленностью»[1].

Можно еще отметить и резолюцию VIII сессии Генерального Совета Всемирной федерации профсоюзов, в которой указывается на необходимость борьбы против *пагубных последствий автоматизации* для условий жизни и труда и, в частности, против безработицы и увольнений в условиях капиталистического хозяйства, где все выгоды автоматизации присваиваются лишь капиталистами.

Но, и помимо противодействия рабочих, экономика капитализма ставит перед автоматизацией довольно узкие границы реализации. Еще Маркс отмечал, что *для капитала* применение

---

[1] «Правда», 5 сентября 1956 г.

машин «целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы»[1]. Говоря иначе, для капитала вся экономия от замещения рабочего машиной ограничивается выигрышем только за счет оплаченной доли труда, т. е. за счет заработной платы этого рабочего, в то время как общество в действительности экономит при этом *весь* замещенный машиной труд. «Поэтому, — читаем мы в «Капитале» Маркса, — в коммунистическом обществе машины нашли бы совершенно иную арену, чем в буржуазном обществе»[2]. И это замечание Маркса ныне, на стадии автоматизации производства, в эпоху общего кризиса всей капиталистической системы хозяйства становится еще более актуальным, чем на первых ступенях механизации труда.

Нужно сказать, что и на первых ступенях механизации ее успехи в странах капитализма ограничивались в наибольшей мере не техническими трудностями, а прежде всего экономическими условиями эксплуатации труда. Высокий уровень техники наталкивался здесь на еще более высокие нормы эксплуатации труда и все чаще в бессилии отступал перед этим растущим барьером. Капиталист всегда находил для себя выгодным замещать ручной труд машинами лишь в той мере, в какой это окупалось ему с избытком экономией на оплате наемного труда в издержках производства изготовляемого машинами товара. Но доля заработной платы в *стоимости*, вновь создаваемой трудом, с ростом норм эксплуатации при этом падала. И если еще в условиях свободной конкуренции она не превышала 50% этой стоимости, то ныне, в условиях монополистического капитализма, она уже значительно ниже, а вместе с тем в той же мере снижаются и возможности экономии за счет заработной платы, и, стало быть, сужаются границы «рентабельности» внедрения новой техники за счет этой экономии. Но сокращение доли заработной платы в создаваемом общественном продукте в эпоху империализма означает одновременное увеличение в нем доли прибавочной стоимости. И если реализация созданной товарной продукции в доле необходимого рабочим продукта вполне обеспечена уже на внутреннем рынке фондами выплаченной им заработной платы, то сбыт всего остального *прибавочного* продукта каждой империалистической страны с расширением его доли требует и соответствующего расширения его *внешних* рынков. И это создает новую ситуацию и новые трудности в условиях империализма.

Механизация труда вообще предполагает *массовое* производство на широкий рынок, но автоматизация, производственные

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 398.
[2] Там же, стр. 399.

возможности которой неизмеримо шире, требует уже *непрерывного массового производственного потока*. Вместе с тем автоматизация производства, требуя немалых новых вложений на модернизацию и реконструкцию действующей техники, может стать достаточно рентабельной в условиях империализма лишь в том случае, если будет обеспечен верный сбыт непрерывно возрастающему потоку новой продукции, что потребует, несомненно, небывалого еще *расширения мирового рынка*. А между тем современный империализм, растерявший большую часть своих внешних рынков, не может избежать и сокращения *внутренних* рынков в связи с новым сокращением рабочей силы в результате автоматизации предприятий и с ростом безработицы. Странам социализма не страшна такая угроза. Сокращение потребности в рабочей силе здесь будет использовано для сокращения рабочего дня, рост производительности — для повышения заработной платы, а изобилие продуктов — для скорейшего построения коммунизма.

Вот почему можно сказать, что если капитализм был классической эпохой механизации труда, то только коммунизм откроет собой новую эру полной автоматизации производства.

6. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Процесс автоматизации производства можно рассматривать как высшую и завершающую ступень механизации труда, когда не только тяжелый ручной труд, но и всякий иной физический труд по обслуживанию машин, кроме наблюдения за их действием и регулирования самодействующей электронной аппаратуры, контроля и управления ими, становится уже излишним и малоцелесообразным. Но установить точные границы, где кончаются задачи комплексной механизации и начинается подлинная автоматизация производства, было бы очень трудно. Теоретически эту границу следовало бы искать по линии, отделяющей механизмы, которые вытесняют исполнительный *физический* труд человека, от аппаратуры, облегчающей или заменяющей собой его организующий *умственный* труд в производстве. На первой из этих ступеней физический труд человека полностью возмещается затратами энергии моторов. На второй — таких затрат по общему правилу вообще не требуется, так как автоматическое регулирование производственных процессов в непрерывном действии механизмов повышает коэффициент полезного действия их и тем самым даже *сокращает* необходимые затраты энергии двигателей. Но зато вместо сберегаемого в управлении производством умственного труда требуются дополнительные затраты

его в области конструкторского изобретательства и в сфере питающего технику *научного* творчества. Однако в нашей практике границы между умственным и физическим трудом все более стираются, а вместе с тем и комплексная механизация труда, все более насыщаясь элементами автоматики и телемеханики, приближается к нашему представлению о полной автоматизации производства.

Можно думать, что при различении специальных задач автоматизации в области экономии умственного труда от задач механизации физического труда в производстве эффективность автоматизации в экономике производства окажется даже много значительнее, чем вся та экономия, какая достигалась в нем доныне методами механизации менее квалифицированного физического труда. Правда, автоматизация производства в еще большей мере, чем его механизация, базируется на достижениях всей мировой науки. Но эти вековые достижения науки в меру их освоения в производстве становятся общедоступными, как вода и воздух, и наравне со всеми даровыми силами природы, не зная износа, не нуждаются даже в текущей их амортизации. Энергетические же затраты в производственном применении всех элементов электроники, автоматики, телемеханики и прочих достижений науки в области автоматизации совершенно ничтожны по сравнению с затратами по энерговооружению физического труда. Однако эти априорные соображения требуют еще проверки. Экономическая наука еще не знает конкретной меры сравнительной эффективности различных методов механизации и автоматизации труда. И в этой области перед нею стоит еще немало неразрешенных проблем.

Впрочем, уже теперь можно отметить показательный факт, неоднократно приводившийся в американской прессе и у нас. В США после жестокого кризиса 1929 г. происходит явный перелом в эффективности капитальных вложений. Если до этого кризиса она оставалась стабильной или даже снижалась, то за последние десятилетия — определенно возрастает. Из расчета на каждые 100 долл. (в ценах 1929 г.), вложенных в средства производства, национальный продукт страны с 1929 по 1949 г. возрос с 34,5 до 45,7 долл. (в тех же неизменных ценах), т. е. на целых 33%. Этот чреватый последствиями перелом, на наш взгляд, объясняется прежде всего новым, *более эффективным* направлением технического прогресса — внедрением элементов автоматики в производственные процессы. Открывая собой перспективы нового подъема в странах социализма, этот перелом лишь усиливает и без того серьезную угрозу очередного кризиса перепроизводства в странах империализма. Но, прибегая под угрозой кризиса к дальнейшему усилению «холодной войны» и бесплодной гонки вооружений, они все ярче обнаруживают

в этой трагедии расточительства всю бесперспективность своего развития в условиях мирного соревнования с экономикой социалистических стран, не знающих кризисов перепроизводства.

Уровень механизации различных производств наша статистика измеряет долей продукции тех или иных участков механизированного, машинного труда во всей продукции данного вида. Например, валка леса в лесной промышленности СССР была механизирована в 1955 г. на 86,1%, доставка руд черных металлов из забоя — на 93,6, зарубка и отбойка угля — на 98,7, погрузка угля в железнодорожные вагоны — на 99,9%; экскавация торфа в торфодобыче уже в 1954 г. была механизирована на все 100% и т. д. Однако наряду с такими высокими показателями механизации на одних работах на других преобладает вовсе немеханизированный ручной труд. Комплексная механизация всех трудовых процессов представляет собой редкое исключение. И даже там, где полностью механизированы целые автоматические линии, они нередко вовсе не обеспечены для непрерывности своей работы механической подачей материалов и прочим обслуживанием на смежных с ними производственных участках. И это самым печальным образом отражается на экономической эффективности такой незавершенной автоматизации. Обобщающего эти отдельные сведения общего показателя механизации, скажем хотя бы в целом по всей тяжелой промышленности, у нас нет.

Если обратиться к составу рабочих различных отраслей, то доля ручного труда — не у машин, — по переписи на 5 мая 1954 г., достигала: в черной металлургии — 34,6%, в угольной промышленности — 44,1, в машиностроении — 48, на лесозаготовках — 67,8, в строительстве — 69%. И даже в среднем по всем этим отраслям труда, охватывавшим по 15 министерствам свыше 7,2 млн. рабочих, ручным трудом — вне обслуживания машин — было занято не менее 55% общего числа рабочих. Но и это не все. На ремонте и обслуживании машин ручной труд тоже являлся преобладающим. И только труд около 23% рабочих, занятых «управлением механизмами», можно отнести целиком к категории труда, механизированного в полном смысле этого слова.

О чем же это говорит?

Как видно, по объему машинной продукции в основных отраслях промышленности мы уже очень близки к завершению первой стадии механизации. Но это еще не комплексная механизация. И хотя не охваченные ею участки вспомогательного ручного труда невелики, но труд этот малопроизводителен и именно поэтому занимает еще очень большую часть общей армии индустриальных рабочих. Тем не менее экономия труда в СССР, достигнутая в период плановых пятилеток (с 1928 по 1955 г.)

за счет механизации, очень велика. По данным ЦСУ, выработка рабочих за эти 28 лет, а с вычетом лет войны и восстановления народного хозяйства (1941—1948 гг.) всего за 20 лет, выросла на 579%. Значит, если бы мы остались на уровне механизации 1928 г., то для производства продукции 1955 г. нам потребовалось бы использовать в промышленности до 96,3 млн. рабочих вместо фактического их числа в 14 275 тыс. Таким образом, можно сказать, что годовая экономия, достигнутая за этот период, составляет около 82 млн. рабочих лет, или 85% от всей потребности в живом труде, считая по уровню его производительности в 1928 г.

К сожалению, наша статистика по непонятным причинам прекратила исчисление показателей полной энерговооруженности труда, хотя они крайне необходимы для анализа факторов его производительности.

Правда, мы располагаем общими данными о росте электровооруженности труда в советской промышленности (в *квт-ч* на 1 отработанный человеко-час):

Годы	*квт-ч*	%	Годы	*квт-ч*	%
1913	0,28	100	1937	2,64	943
1928	0,68	243	1948	4,20	1 500
1932	1,28	457	1950	(4,80)[1]	1 714
1936	2,19	782	1955	(8,00)	2 857

Но показатели *электровооруженности* без учета затрат других видов энергии, достигавших в 1928 г. до 50% всей расходуемой в промышленности энергии, явно недостаточны для этой цели. Однако прирост одной лишь электроэнергии с 1928 по 1955 г. из расчета на каждый человеко-час живого труда повышает энерговооруженность труда в промышленности СССР в 6 раз [2]. И уже поэтому один рабочий в 1955 г. смог давать продукцию *за шестерых*. Таким образом, *почти вся* экономия живого труда, достигнутая за весь этот период, может быть объяснена одним лишь фактором *механизации труда* — в основном электрификацией производства.

Что же остается в нашей стране на долю автоматизации и всех других факторов технического прогресса? Пока, по-видимому, весьма немного. И это объясняется, конечно, тем, что

---

[1] В скобках приводятся расчетные данные.

[2] Энерговооруженность труда составляла в 1928 г. примерно 1,3 *квт-ч* на 1 отработанный человеко-час.

в стадию автоматизации производства мы только еще вступаем. В частности, наш парк металлорежущих орудий в 1955 г. насчитывал уже 1760 тыс. станков, но *автоматических линий* в этом огромном парке было всего 54. Поточных линий у нас, конечно, гораздо больше. Только за один 1955 г. их было внедрено в производство не менее 200. Но все же это еще очень скромное начало, если учесть, что на поточных линиях тоже используется не в малых дозах весьма напряженный ручной труд сверх той огромной его доли (свыше 50%), какая у нас еще ждет своего замещения машинами на разных *подсобных* работах вне машинного производства. Такие задачи не решаются в 2—3 года, для них не слишком велик и срок в 2—3 плановые пятилетки. Проблема автоматизации производства в СССР, несомненно, займет почетное место и в перспективном плане развития народного хозяйства Союза на 15 лет.

В этом плане придется решать и вопрос о масштабах возможных капитальных вложений на модернизацию устаревшей техники и автоматизацию производства, и вопрос о сравнительной их эффективности в различных отраслях труда, и проблему новых кадров в условиях автоматизации производства, и целый ряд других не менее сложных экономических вопросов.

Доныне некоторые из этих вопросов решаются слишком примитивно, а потому и не без ущерба народному хозяйству. Например, наряду с высокоэффективными автоматическими линиями, дающими большой рост производительности труда и соответствующее снижение стоимости продукции, строятся и такие агрегаты, которые удорожают эту продукцию. Примеры таких неудач уже приводились в печати.

Так, например, себестоимость заготовок напильников, изготовляемых на автоматической линии, оказалась в 2 раза выше, чем до автоматизации; на Ульяновском заводе малолитражных двигателей в автоматизированном производстве поршней вместо непрерывного производства на первых порах имели место штурмовщина, громадные простои и значительное недоиспользование мощностей [1]. «Переход от погрузочно-разгрузочных работ вручную к механизированному выполнению их с помощью тельфера или кошки, снижая трудоемкость работ на 41%, ведет к повышению себестоимости работ на 20%, переход к выполнению тех же работ с помощью крана «ДИП» или «Пионер», снижая трудоемкость работ на 43%, ведет к повышению себестоимости работ на 24%» [2].

Спрашивается, чем же объясняется возможность такого рода просчетов? Разве наши инженеры не умеют считать? Или еще

---

[1] См. «Коммунист» № 16, 1956, стр. 56, 57.

[2] «Экономика промышленности СССР», 1956, стр. 123.

не всем механизаторам ясно, что экономия в затратах живого труда за счет механизации и автоматизации всегда покупается лишь ценой дополнительных затрат труда овеществленного и что реальным выигрышем при этом можно считать лишь *разность* между этой экономией живого и перерасходом прошлого труда? Ведь это азбучная истина.

Да, это, бесспорно, азбука науки. Но, к сожалению, в нашей статистической практике вопреки этой азбуке и доныне еще господствует требование в учете производительности труда считаться *только с затратами живого труда,* совершенно не учитывая ни экономию, ни перерасход в издержках труда прошлого. А производительность труда, как известно, — это самое главное. И при такой трактовке этого понятия статистиками и экономистами нетрудно и инженерам заблудиться в своих расчетах. Подсчитав, что, скажем, машина марки «ДИП» повышает производительность труда грузчиков на целых 43%, они спешат поскорее внедрить ее в производство как одно из пионерных орудий технического прогресса. Кстати сказать, марка «ДИП» расшифровывается в лозунге «догнать и перегнать». Но, делая при этом заведомо лишь шаг вперед и два назад, такие пионеры технического прогресса никого никогда не догонят.

7. О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АВТОМАТИЗАЦИИ

С проблемой определения эффективности новой техники у нас вообще не все благополучно. Во второй половине 1956 г. с участием всех заинтересованных ведомств была разработана специальная «Временная типовая методика определения эффективности внедрения техники», включая в это понятие все современные способы механизации и автоматизации производства и организации труда. В самом начале этой «Методики» дается такое вполне правильное исходное определение: «Под эффективностью внедрения нового технического мероприятия понимается степень повышения производительности труда и соответственно степень снижения затрат общественного труда на удовлетворение какой-либо потребности общества. Чем выше эта степень, тем выше и эффективность мероприятия».

На первый взгляд может показаться, что в данном определении предлагается не один, а два различных критерия эффективности: 1) рост производительности труда и 2) экономия общественных затрат труда или снижение трудовой стоимости продукции. Однако из политической экономии нам известно, что стоимость изменяется *обратно пропорционально* производительной силе труда. И поэтому «степень *повышения*» производительности

труда $\frac{p}{t}$ и «степень *снижения*» затрат общественного труда, т. е. стоимости продукта, $\frac{t}{p}$ — равнозначные понятия, ибо всякое увеличение первой из этих дробей уменьшает вторую ровно во столько же раз. И, в сущности, при правильной трактовке данных понятий «Методика» предлагает нам не два, а один и тот же критерий эффективности внедрения новых мероприятий по механизации и автоматизации производства. И потому его достаточно измерять экономией труда на единицу продукции в натуре, выраженной, скажем, в человеко-часах или иной эквивалентной мере труда. Но всякая экономия текущих затрат в производстве не дается нам даром. Она требует, по общему правилу, тех или иных предварительных затрат труда и капитальных вложений. И это усложняет все расчеты эффективности мероприятий в области обновления нашей техники и организации труда.

Основная трудность в решении этой задачи заключается в том, что предварительные затраты в виде капитальных вложений приходится расходовать единовременно, завязывая их в производстве сразу на много лет, а эффект этих вложений в виде экономии текущих затрат отсрочивается на ряд разновременных поступлений в течение целых десятилетий. Но эффект *разновременных* затрат труда в условиях технического прогресса не вполне сопоставим без значительных поправок во времени, ибо создавая всегда при прочих равных условиях *равную стоимость*, например за час труда, мы вместе с тем повышаем его продуктивность и создаем за тот же час труда все *бóльшую массу потребительных благ.*

Конечно, в более грубых расчетах можно и пренебречь в первом приближении этими поправками на фактор времени. И наша практика обычно довольствуется в качестве меры эффективности новой техники отношением $E : C$, где E — годовая экономия текущих затрат, а C — сумма соответствующих начальных вложений, или обратной дробью $C : E$, которой определяется число лет, в течение которых добавочные вложения в новую технику могут полностью «окупиться» добавочной экономией в текущих затратах по сравнению с нормами капитальных вложений и текущих затрат в предприятиях с более отсталой техникой, используемых проектировщиками для своих сопоставлений.

Но при этом в нашей практике допускается еще одна систематическая погрешность. Исчисляя годовую экономию текущих затрат в денежном выражении, по так называемой «себестоимости», наши практики систематически занижают реальную экономию, учитывая лишь экономию на оплате труда, а не весь сбереженный при этом живой труд. Поясним это конкретным примером. Допустим, что в целях автоматизации предприятия нам пришлось

дополнительно вложить в него 300 тыс. руб., и мы получили при том же объеме продукции такое снижение общественных издержек производства:

	Предприятия		
	старое	новое	разница
1. Продукция (в тыс. *т*)	10 000	10 000	—
2. Капитальные вложения (в тыс. руб.)	1 000	1 300	300
3. Издержки производства			
а) амортизация, материалы и энергия (c)[1]	350	340	10
б) заработная плата (v)	200	120	80
в) продукт для общества (m) . . .	150	90	60
Всего (по стоимости)			
в тыс. руб.	700	550	150
в %	100	78,6	21,4
в т. ч. себестоимость			
в тыс. руб.	550	460	90
в %	100	83,6	16,4

Как видим, прежняя стоимость продукции в 700 тыс. руб. *снизилась* на 150 тыс. руб., или на 21,4%, а общественная производительность труда с учетом экономии на живом и прошлом труде *поднялась* на ту же величину «экономии» — 150 тыс. руб., — деленную на 550 тыс. руб., или на 27,3%. И эффективность наших дополнительных затрат на автоматизацию ($E : C$) определится в $150 : 300 = 0{,}5$, или 50%, а «срок окупаемости» ($C : E = 300 : 150$) — в 2 года. Но наша практика, учитывая лишь экономию в себестоимости, т. е. в нашем случае лишь 90 тыс. руб., определила бы эффективность вложений $90 : 300 = 0{,}3$, а срок окупаемости — в 3,33 года, с ошибкой в 67%. И эту ошибку надо считать принципиальной, ибо она воспроизводит буржуазную практику, занижая общественную эффективность новой техники и тем самым тормозя возможные темпы ее внедрения в наших социалистических условиях.

Что же рекомендует в этом отношении новая «типовая методика»?

Она полностью воспроизводит старую рецептуру нашей повседневной практики, не делая от нее ни шагу вперед.

---

[1] Конечно, символы *c*, *v* и *m*, применявшиеся Марксом при анализе капиталистической экономики, в условиях социализма приобретают совершенно иное значение.

В пункте 13 «Методики» читаем: «Для установления эффективности внедрения нового технического мероприятия необходимо потребные для его внедрения капитальные затраты разделить на годовую экономию от снижения *себестоимости* и определить срок, за который капитальные затраты будут компенсированы экономией от снижения *себестоимости*». Дважды подчеркиваем, что речь идет здесь об экономии за счет снижения одной лишь себестоимости, т. е. за счет заведомо заниженной общественной экономии труда. И авторы вступают здесь в противоречие не только с некоторыми высказываниями Маркса, но и с самими собою, ибо в пункте 3 той же «Методики» они требовали измерять эффективность тех же мероприятий снижением «затрат *общественного труда*», куда входит не только оплаченный, но и *весь* овеществленный — живой и прошлый — труд.

При обсуждении этой «Методики» на октябрьской сессии Академии наук СССР (1956 г.) один из ответственных представителей Гостехники — И. Кураков понял мои замечания по пункту 13 «Методики» как отрицание «необходимости определения степени снижения себестоимости продукции». Это — явное недоразумение. Я не отрицаю этой необходимости, а лишь отмечаю *недостаточность* учета одной только «себестоимости» вместо полного учета *всей стоимости*, а стало быть, и *всей экономии* за счет ее снижения в социалистическом обществе в результате внедрения новой техники и организации труда.

В условиях расширенного воспроизводства растет и стоимость, и объем общественного продукта, причем объем его в своем росте неуклонно обгоняет рост стоимости. Обращаясь к факторам этого роста, мы твердо знаем, что по своей стоимости продукт растет только за счет роста овеществляемого в нем труда. Возрастает количество труда или его качество (квалификация, интенсивность) — растет и стоимость, не возрастают затраты труда — не увеличивается и стоимость продукта. А вот количество, или объем, продукта в его потребительном значении, обгоняя рост стоимости, возрастает, стало быть, и за счет других факторов, не зависящих уже от количества и *индивидуальных* качеств применяемого труда. Какие же это факторы? Это как раз те общественные мероприятия в области механизации, автоматизации и научной организации труда, осуществление которых ставит своей задачей Гостехника.

Они требуют от нас определенных первичных вложений из накоплений прошлого труда, экономическая эффективность которых и подлежит прежде всего внимательному изучению в плановом хозяйстве. Эффектом этих добавочных вложений можно считать весь тот *добавочный продукт*, который мы получаем сверх его прироста за счет расширения затрат труда, или всю *экономию* в издержках производства, на весь его объем, оценивая его по

стоимости базисного периода. Учитывая эту годовую экономию издержек в рублях и выражая ее в процентах на 100 руб. соответствующих капитальных вложений, мы уже в этом показателе без дальнейших его уточнений получаем известную меру эффективности тех или иных из наших рационализаторских мероприятий. Сопоставляя затем такие показатели по вложениям на механизацию или автоматизацию производства, легко будет, кстати сказать, определить какое из этих направлений в реконструкции нашей техники и в какой именно мере эффективнее другого в различных отраслях труда на данном уровне его производительности.

Такие показатели эффективности капитальных вложений очень похожи на обычные в капиталистической практике показатели текущей рентабельности предприятий в процентах на вложенный в них капитал. Однако сходство здесь только внешнее. Напомним общеизвестный факт, что рентабельность различных предприятий определяется прежде всего разностью между *ценой* и *себестоимостью* продукции. А конкуренция предпринимателей в условиях капитализма *выравнивает* эти показатели рентабельности в предприятиях разного уровня техники. И уже поэтому нормы рентабельности не могут служить надежной мерой для сравнения этого уровня в различных условиях труда. Не мог бы служить мерой эффективности вложений процент рентабельности и в советских условиях ценообразования, где накопления в порядке перераспределения сосредоточиваются в одних отраслях труда за счет других. Именно поэтому за меру эффективности новой техники следует принимать те показатели, какие исходят не из рентабельности, а из сравнительной производительности труда и не из цены и себестоимости, а из *стоимости* продукции, исключающей все моменты перераспределения, и *объемного* ее роста во времени.

Основной порок теории эффективности капитальных вложений, усматривающей ее в сравнительной их рентабельности, в поисках наибольшего «удельного» накопления на рубль вложений, заключается в том, что между вложениями и накоплениями нет прямой связи. Накопления m, измеряемые всегда в единицах *стоимости*, создаются только живым трудом $(v + m)$ и определяются в пределах этой суммы лишь отношением $(m : v)$, т. е. «нормой прибавочной стоимости» в условиях капитализма или «нормой планового накопления» в наших условиях. Прошлый труд *вовсе не участвует* в создании новой *стоимости* $(v + m)$, а стало быть, и накоплений m. Но вложения прошлого труда, вооружающие живой труд, повышают его производительность, т. е. количество *потребительных* благ, создаваемых в единицу времени. Вот почему *прямым* эффектом капитальных вложений, повышающих вооруженность труда и технический уровень про-

изводства, можно считать только массу создаваемых в нем *потребительных* благ, независимо от их стоимости и «норм» удельного накопления этой стоимости. Но, создавая большее количество благ в единицу времени, мы тем самым экономим *время* из расчета на единицу этих благ. А поэтому и эффект новой техники за счет вложений прошлого труда можем измерять масштабами сбереженного таким образом рабочего времени.

Это, по-видимому, труднее всего усваивается нашими практиками. Само понятие «стоимости» трактуется ими по-разному. Так, например, т. Кураков в своем письменном обращении в Академию наук СССР от 17 октября 1956 г., ссылаясь на материалы Гостехники, утверждал, что «при установлении указанной выше методики *стоимость* продукции понималась как *сумма из трех основных элементов* затрат: себестоимости, капитальных затрат в год, приходящихся на единицу продукции, и общегосударственных расходов (налогов)», а «для определения эффективности внедрения новой техники принималось два основных элемента затрат, а именно: себестоимость и капитальные затраты на единицу продукции». Впрочем, в том же обращении т. Кураков допускает, что «стоимость продукции» можно считать и проще, «как сумму эксплуатационных и капитальных затрат на тонну продукции». Ему и невдомек, по-видимому, что капитальные затраты полностью никак не могут войти в стоимость годовой продукции, а в эксплуатационные затраты $(c + v)$ не входит такой основной элемент стоимости, как накопление m.

Не ясно ли, что в этих определениях гораздо больше тумана, чем подлинной стоимости?

Впрочем, в Гостехнике, по-видимому, уже чувствуют, что на одной «себестоимости» в нашей практике внедрения новой техники далеко не уедешь. Это подтверждается и официальным признанием со стороны Гостехники «*острой необходимости внесения ясности* в вопрос о методах определения *стоимости* изготовления продукции в социалистическом народном хозяйстве», и предложением «безотлагательно» включить эту тему в план работы Академии наук СССР. Тема, конечно, важная. Не ясно, однако, стоит ли привлекать к ее разработке весь этот большой коллектив ученых — от астрономов до микробиологов и исследователей атомного ядра? Ведь заранее известно, что ни в микромире протонов, ни в живой клетке, ни даже в собрании всех галактик вселенной экономические категории не обретаются. Гораздо хуже, что для категории стоимости не нашлось места там, где она особенно необходима. Характерно, что даже термин «*стоимость*» ни разу не встречается во всей «Методике» по определению эффективности новой техники. И такой отрыв практики от теории типичен не только для этого документа, именуемого «*типовой* методикой». А между тем, казалось бы, каждый марксист и без

Академии наук мог бы справиться с проблемами категории стоимости, располагая для этого неисчерпаемым богатством всех трех томов «Капитала».

В «типовой методике» вместо научного термина «стоимость» используется менее определенное бытовое понятие — «*трудоемкость*» продукции, которую рекомендуется определять в часах труда. Но и для этой цели предлагается слишком упрощенный рецепт. «Расчет в человеко-часах, — гласит «Методика», — должен производиться путем деления затрат в рублях на среднечасовую зарплату рабочего, занятого в данной отрасли» (стр. 4 «типовой методики»). Приводится в ней и конкретный пример такого расчета: «Допустим, что среднечасовая зарплата рабочего в данной отрасли составляет 4 руб., удельные капитальные затраты на тонну цемента — 200 руб., а себестоимость — 70 руб. тонна, тогда соответствующие цифры в человеко-часах будут — для удельных капитальных вложений 200 : 4 = 50 человеко-часов и для себестоимости изготовления тонны цемента 70 : 4 = = 17,5 человеко-часа».

Расчет действительно простой, но неверный. Авторы его забывают, что «себестоимость» продукта складывается из двух весьма различных элементов ($c + v$). Правда, делением всей суммы заработной платы, потраченной на тонну цемента, на часовую плату мы действительно получим проработанное время в часах. Но в стоимость *материальных* затрат на ту же тонну цемента входит не только заработная плата, но и накопление. И если рабочий за час труда создает новой стоимости, включая продукт для общества, уже не 4, а, скажем, 7—8 руб., то делением этой стоимости продукта на одну лишь часовую зарплату мы можем раза в два преувеличить его трудоемкость в часах труда. Во избежание таких просчетов нужно и здесь исходить не из себестоимости, а из полной стоимости тонны цемента и делить ее на полную оценку элементов ($v + m$), создаваемых за час труда, и не только рабочих, а вообще всего персонала, учитываемого в издержках производства, и не только в пределах данной отрасли, а в средней величине за час труда по всей сфере материального производства.

В противном случае ошибки неизбежны, элементарные, но тем более досадные, что их можно и должно избегать в нашей практике. Экономическая наука, приходя на помощь хозяйственной практике, должна бы на корню ликвидировать такие ошибки. Да и статистика, пристальнее изучая нашу практику в области автоматизации производства, могла бы во многом ей помочь.

У нас нет, в частности, ни одной специальной работы по изучению сравнительной производительности автоматических линий или цехов с аналогичными производствами без автомати-

зации. В учебнике по экономике промышленности [1] можно найти лишь несколько строк на эту тему. А между тем сравнительный анализ издержек производства таких цехов мог бы оказаться весьма поучительным для нашей практики в этой области.

Большой интерес в этом отношении представляет опытный автоматический цех на Первом подшипниковом заводе (Москва) [2]. В нем функционируют две автоматические линии — для производства шарикоподшипников и для выпуска конических роликоподшипников. В цехе автоматизирован весь процесс производства: от обработки заготовок, токарной и термической обработки деталей, шлифовки их и полировки, мойки и сушки до сборки, контроля и упаковки подшипников. Автоматизация обработки и контроля прежде всего обеспечила здесь резкое улучшение качества продукции. Вместе с тем удвоилась производительность труда, сберегается труд свыше 100 рабочих и, что очень важно, изменился самый характер труда. В частности, ликвидирован наиболее монотонный и утомительный труд станочников-операторов и сборщиц. Цикл производства на этих линиях сократился с 45 до 3 суток. Программа производства, намеченная в 1,5 млн. подшипников за год, значительно перевыполняется. Об этом цехе имеется отзыв американского специалиста, посетившего СССР. В беседе с редактором журнала «Мэшинери» этот эксперт, Невиль Л. Бин, заявил: «Любая техническая организация может проникнуться уважением к автоматизации, применяемой на этой линии, так как эта конструкция исключительно совершенна» [3]. Однако об издержках производства по этому цеху его конструкторы Людмирский и Власов никаких конкретных данных в своей статье не привели.

Приведем поэтому еще один поучительный пример из английской практики. В опубликованном в 1956 г. в Лондоне докладе «Управления научных и промышленных исследований» об автоматизации мы находим любопытные указания на то, что за последние годы в Англии «много говорилось о сопротивлении со стороны рабочих и административного персонала техническим новшествам», о том, что «все труднее становится приводить в соответствие предложение и спрос», о недостаточности квалифицированной рабочей силы и о других препятствиях на путях к автоматизации производства. Но наряду с этим в докладе приводится нижеследующее сопоставление затрат по одной автоматической линии в 13 станков, на которой компания «Остин мотор»

---

[1] См. «Экономика промышленности СССР». Учебник, Госполитиздат, 1956.

[2] См. *Д. Людмирский* и *С. Власов,* Автоматизация — путь к повышению производительности и облегчению труда рабочих. «Правда», 16 декабря 1956 г.

[3] См. «Коммунист» № 16, 1956, стр. 53.

обрабатывает блоки цилиндров, с издержками таких же станков, работающих без автоматической их связи. Автоматическую линию обслуживают всего 2 человека (один — для загрузки, другой — для разгрузки линии) с оплатой 11 шиллингов за час. Оплата рабочих на 13 «стандартных» станках в 5,2 раза больше. Остальные показатели приведены в следующей таблице.

Сравнительная экономичность автоматической линии (13 станков) в Англии

Показатели за 240 дней работы по 8,5 час.	Стандартные станки	Автоматическая линия	Экономия	
			абс.	в %
1	2	3	4	5
I. Стоимость оборудования по ценам 1955 г. (в ф. ст.)	30 850	25 903	4 947	16
II. Занимаемая станками площадь (в кв. фут.)	500	390	110	22
III. Общая мощность моторов (в *л. с.*)	127	90	37	29
IV. Издержки по обработке блоков цилиндров (в ф. ст.)				
1. Заработная плата рабочим	5 831	1 122	4 709	81
2. Энергия по 1 пенсу за силу за час	1 069	765	304	28
3. Амортизация — 12,5%	3 849	3 238	611	16
4. Ремонт — 5%	1 542	1 295	247	16
5. Вспомогательные материалы — 2%	617	518	99	16
6. Страхование	76	65	11	14
7. Рента за помещение — по 15 шилл. за 1 кв. фут.	371	292	79	21
8. Процент на капитал — 5%	1 542	1 295	247	16
Итого за год (п. IV)	14 897	8 590	6 307	42
V. Продукция — число блоков в неделю (в шт.)	2 500	3 000	500	20

Очень любопытно, что автоматика, обеспечивая непрерывность работы станков, только за этот счет повышает их производительность на 20%. А вместе с тем снижаются и затраты по всем статьям. Существенно (на 22%) сокращается и площадь под станками, собранными в автоматическую линию. Значит, сокращаются и вложения в строительство, и оплата заводских помещений. Еще любопытнее, что и оборудование автоматической линии обходится на 16% дешевле, чем при раздельной эксплуатации такого

же числа станков. Объясняется это, по-видимому, тем, что на 13 станков в автоматической линии потребовалось меньшее число моторов (общей мощностью 90 *л. с.* вместо 127) с экономией по мощности в 29%. И эта экономия с избытком перекрыла дополнительные затраты на автоматизацию линии.

Еще значительнее экономия в эксплуатационных затратах на этой линии. По рабочей силе она достигает 81%, по расходу энергии — 28, по остальным статьям — около 16%, а по всем учтенным статьям, включая и 5% прибыли на капитал, эта экономия достигает 6307 ф. ст., или 42%. Очень поучительно, что из расчета на единицу продукции затраты начальных вложений при этом падают на 30%, а расход энергии — даже на 40%.

Но в связи с сокращением затрат живого труда строение капитала резко повышается, и при возрастании энерговооруженности труда на 266% капиталовооруженность его сразу поднимается на 336%, т. е. в 4 с лишним раза. Полные затраты труда — прошлого и живого — падают при этом за счет автоматики на 52%, и, стало быть, производительность труда возрастает на 108%, т. е. более чем в 2 раза.

Если же учитывать в затратах только живой труд, то рост продукции на 25% при сокращении затрат рабочей силы в 5,2 раза означает повышение индустриальной выработки рабочего в 6,5 раза (5,2 × 1,25), или на 550%. И это не предел. На Харьковском тракторном заводе имеется автоматическая линия для обработки головки блока цилиндров. Линия состоит из 14 станков, обслуживаемых 2 рабочими. Но она заменила собой работу 80 универсальных станков с 58 рабочими, повысив их суточную продукцию на 91% и сократив время обработки одной головки блока со 195 до 3,5 мин., т. е. уже не в 6,5 раза, а почти в 56 раз!

Таковы намечающиеся уже ныне в тенденции ближайшие экономические перспективы автоматизации производства.

8. АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И КАДРЫ

В связи с автоматизацией большие структурные сдвиги потребуются в составе и уровне квалификации трудящихся масс. Особенно сильно должна возрасти армия инженерно-конструкторского труда. У нас по данным 1955 г. на каждую сотню рабочих насчитывалось 22 служащих и инженерно-технических работника, а в США — 27. И эта прослойка быстро растет. Но по числу инженеров мы превзошли США. В СССР их числилось, как известно, уже в 1955 г. 586 тыс., в то время как в США число инженеров не превышало 550 тыс., а в Англии и Франции, даже вместе взятых, — не свыше 222 тыс. И это преимущество

социалистической системы хозяйства, стремящейся весь рабочий класс поднять до уровня инженерно-технического персонала, будет с каждым годом у нас возрастать.

Но дело не только в количественном, но и в качественном росте инженерно-технических кадров в нашей стране. Вступая в эпоху автоматизации производства, нужно воспитать и кадры, соответствующие задачам этой эпохи. Не всякий, даже вполне грамотный в своей узкой специальности, инженер готов к творческой, новаторской деятельности в области техники. Наши инженеры, технологи и путейцы очень хорошо обучались паровозной технике и эксплуатации, но, может быть, именно их долголетние навыки в этой устаревшей технике и инерция паровозных традиций мешали нам так долго осуществлять даже скромнейшие планы *электрификации* железных дорог. Для инженеров нового профиля по автоматизации нужно создавать новые программы, новые учебники, а может быть, и новые специальные школы. Это уже вполне назревшая задача.

Неумеренные скептики полагают, что с развитием полной автоматизации производства и в нем могут укорениться весьма косные навыки и традиции мышления. К этому располагают и монотонные ритмы автоматических линий, и навязанные ими темпы работы, и стандартный состав всегда одной и той же, шаблонной, продукции, и крайне ограниченная роль людей в этом потоке — роль *пассивных наблюдателей* за движением стрелок контрольной аппаратуры. Целый завод работает как часы, дни и годы без перемен, а значит, и без улучшения. Остановить в нем хоть одно колесико — значит остановить с большими потерями весь завод. Все эти особенности полной автоматизации могут показаться даже угрозой техническому прогрессу в его непрерывном продвижении вперед. Но такие опасения не имеют под собой оснований. Не следует забывать, что автоматизация производства — это процесс, в котором всегда наряду с массовыми производствами, созревшими уже для автоматизации и сокращающими свои рабочие кадры, всегда будут оставаться и вновь возникать новые потребности и новые производства, требующие новой техники и нового увеличения рабочих кадров. Вместе с тем неизбежно дальнейшее расширение высококвалифицированных кадров и за пределами собственно производства, в области науки и культуры. В этом росте — наилучшая гарантия того, что *шаблонная* продукция машин на одном полюсе будет освобождать все большие силы для *творческих достижений* на другом. А все растущая пробивная сила науки, оплодотворяя технику, в свою очередь позволит поднимать на новый технический уровень не только самые отсталые, но и наиболее передовые автоматические линии и заводы, по мере их физического износа и «морального» устарения.

* *
*

Мы коснулись немногих проблем, связанных с внедрением новой техники, механизацией труда и завершением ее в процессах автоматизации производства. Все эти проблемы, тесно связанные между собой и с общей проблемой повышения производительности труда, весьма актуальны, но совершенно недостаточно освещены экономической наукой. Особенно слабо изучены у нас конкретная практика внедрения автоматизации в СССР и за границей и экономическая эффективность ее в различных условиях производства и разных отраслях труда. Недостаточно разработана и сама методика определения эффективности и капитальных вложений в новую технику в различных ее применениях. В связи с этим затруднено и рациональное планирование масштабов автоматизации производства, а также достаточных для этой цели вложений. Все эти задачи и являются, на наш взгляд, первоочередными на ближайшие годы в области *экономического* изучения процессов автоматизации производства.

Важность этих задач можно усмотреть уже из того, что автоматизация производства в сочетании с мирным использованием атомной энергии ознаменует собой в нашей стране, несомненно, целый промышленный переворот на подступах к коммунизму.

IX. К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕРЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА *

По вопросу об учете и планировании себестоимости продукции и производительности труда было уже высказано в печати не мало ценных критических замечаний и рационализаторских предложений. Правда, в критике действующей практики все имевшие место высказывания оказались гораздо единодушнее и убедительнее, чем в рецептах ликвидации выявленных уже недочетов этой практики. И это вполне естественно. Обсуждаемые проблемы очень сложны, и к решению их можно подходить с разных сторон, а без светоча теории нетрудно и вовсе сбиться с пути.

В сущности говоря, такие важные качественные показатели, как общественная производительность труда и издержки производства, теснейшим образом связаны и между собой и с экономической категорией *стоимости*. А между тем, как известно, наличие этой категории в СССР сначала вовсе отрицалось, а затем, когда эта категория получила у нас некоторое признание *в теории*, с нею все же, по инерции, вовсе еще не считается наша *практика* ни в ценообразовании, ни даже в учете стоимости, подменяя его учетом себестоимости продукции, т. е. пренебрегая той истиной, что часть всегда меньше целого. И такой разлад между теорией и практикой не приводит к добру.

Теория нас учит, что «стоимость товара определяется *всем* рабочим временем, прошлым и живым, которое входит в этот товар» [1]. Стало быть, в денежной оценке в нее входит у нас не только себестоимость хозрасчетного предприятия ($c + v$), но и весь продукт для общества (m). И производительность труда также измеряется *общей* суммой затрат прошлого и живого труда на единицу товара, т. е. величиной обратной его *стоимости*. Значит, если бы мы калькулировали на наших предприятиях не

* См. «Промышленно-экономическая газета», 23 декабря 1956 г.

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 271. Курсив наш. — С. С.

себестоимость, а полную *стоимость* продукции, то тем самым получили бы в этом показателе и меру изменений общественной производительности труда во времени. Например, если стоимость чугуна снизилась за год с 300 до 277 руб. за тонну, то, значит, производительность труда поднялась в 300 : 277 раз, или на 8%.

Иными словами, если величина стоимости какого-либо продукта измеряется дробью $t : p$, где t — все овеществленное в продукте рабочее время среднего качества, а p — величина продукта в его потребительном значении, то мерой производительной силы труда в изготовлении этого продукта будет обратная величина той же дроби $p : t$. Это отношение между величиной стоимости и производительной силой труда заслуживает особого внимания. Дело в том, что если закон повышающейся производительной силы труда по общему признанию приобретает для нас в условиях социализма еще более важное значение, чем при капитализме, то категорию *стоимости* большинство советских экономистов склонно рассматривать лишь как некий пережиток прошлой эпохи со все более ограниченным кругом своего действия. А между тем это равносильно тому, как если бы мы стали «ограничивать» в условиях социализма действие закона повышающейся производительной силы труда, т. е. самое важное, самое главное условие для победы нового общественного строя.

Нельзя забывать, что даже во второй фазе коммунизма отпадает вместе с обменом лишь *меновая* стоимость, т. е. лишь одна из *форм проявления* стоимости трудовой, которая определяется *общественными* издержками воспроизводства или овеществленными в продуктах затратами труда. Обмен товаров может отпасть, но издержки производства и различная *трудоемкость* производимых благ, как бы мы их ни называли, остаются. И если производительность труда должна и впредь неуклонно расти, то трудоемкость продукции столь же неуклонно по этому закону должна падать. Напомним, что Маркс закон, «по которому издержки производства *постоянно падают*», называл всеобщим экономическим законом. Выражая собой требование закона экономии времени, к которой, по Марксу, в последнем счете сводится вся экономия, этот закон не только остается и при социализме, но становится еще «в гораздо более высокой степени законом».

Указанная взаимосвязь между величиной стоимости и производительностью труда может быть с успехом использована и в измерении этих величин. Когда мы подходим к учету динамики производительности труда по формуле $p : t$, основной трудностью является несоизмеримость величин числителя и знаменателя этой дроби. Числитель ее представляет собой суммы потребительных благ, а знаменатель — затраты рабочего времени. Но разнокачественные блага даже между собой непосредственно несоиз-

меримы, а с рабочим временем их тем более мудрено соизмерить. Правда, продукцию разного качества мы пытаемся соизмерить и в так называемых «сопоставимых» ценах валовой, или чистой, продукции, и в нормо-часах затрат, и пропорционально фондам оплаченного живого труда на разных участках производства, и в иных разного рода условных «учетных единицах». Каждый из этих суррогатных методов обеспечивает, однако, лишь известное приближение к искомым величинам. При этом каждый из таких рецептов, предлагаемых практиками без достаточной увязки с требованиями теории, дает весьма различные результаты. А какой из них ближе к истине, сказать невозможно, ибо все они в связи с условностью предложенных методов и сами весьма условны.

Но если верно, что общественную производительность труда можно рассматривать как величину, обратную стоимости, то тем самым открывается еще один путь измерения производительности труда, исходя из учета снижения *стоимости*. Учет снижения издержек производства, или так называемой себестоимости, ведется у нас и ныне в каждом предприятии в порядке текущей бухгалтерской отчетности. И нужно было бы в этой области учета только подняться еще на одну ступеньку — от учета экономии в издержках производства *данного* предприятия к учету *общественных* издержек производства и полной экономии этих издержек на каждом предприятии, а затем—по целым отраслям труда и по всему народному хозяйству в целом.

Чего не достает в действующем учете для указанной цели?

В нем недостает лишь учета одной статьи общественных издержек, именуемой ныне «*продуктом для общества*». В соединении с «продуктом для себя» «продукт для общества» составляют в сумме всю вновь создаваемую в стране стоимость ($v + m$). Она создается только *живым* трудом, а потому измеряется во времени и пространстве на каждом предприятии пропорционально количеству и качеству труда. Продукт для себя, т. е. оплата труда (v), тоже распределяется у нас в той же пропорции:

$$(v_1 + m_1) : v_1 = (v_2 + m_2) : v_2 = (v_3 + m_3) : v_3 \ldots \text{ и т. д.}$$

А если вычесть из этих равных величин по единице, то получим новое равенство:

$$m_1 : v_1 = m_2 : v_2 = m_3 : v_3 \ldots = q \,\mathrm{const}.$$

Иными словами, «продукт для общества» в плановом хозяйстве, исходя из принципа социалистического распределения по количеству и качеству труда, должен определяться по стоимости в любом производстве в той же пропорции, в какой распределяется между ними и «продукт для себя», или фонды заработной платы. Отношение это полностью определяется действующими планами

общественного потребления и расширения производства. И если в общем по всему государственному хозяйству на данный отрезок времени эти целевые фонды составляют, скажем, 75% всего запланированного фонда зарплаты, то достаточно дать соответствующую директиву всем бухгалтерам, чтобы они включили в текущих калькуляциях продукции отчисления на зарплату в указанном проценте, обеспечивая этим необходимую норму накоплений продукта для общества и вместе с тем исчисляя вместо себестоимости уже полную стоимость текущей продукции.

Для отдельных предприятий это будет, конечно, только их индивидуальная, или локальная, стоимость данной продукции с большими или меньшими отклонениями от общественной их стоимости по всему кругу предприятий данной отрасли труда, в зависимости от различного уровня их техники и других локальных условий. Но и такая *локальная* стоимость может послужить более рациональному планированию тоже локальных сдаточных цен в расчетах с каждым из таких предприятий, а также многим другим задачам и прежде всего важной задаче учета *экономии* за счет снижения стоимости в каждом из таких предприятий в отдельности и в общей сумме по любой отрасли труда. Эта экономия — $Э$ в сопоставлении со всей стоимостью — W, полученной за отчетный период, и покажет достигнутое повышение производительности труда, измеряемое дробью $Э : W$. Так, например, если экономия $Э = 23$ млн. руб., а вся стоимость $W = 277$ млн., то повышение производительности труда $Э : W = 23 : 277$, или +8%.

Преимущество этого метода перед другими заключается в том, что для использования его вовсе не требуется исчислять объем произведенной продукции в потребительном ее значении, вместе с тем отпадают и все связанные с этим подсчетом условности. И числитель, и знаменатель нашей дроби $Э/W$ выражен в полностью соизмеримых величинах — в рублях общественных издержек производства на данный объем продукции.

Правда, то же отношение можно было бы выразить и в соответствующих затратах труда, например в днях или часах. Но учет стоимости в трудовом измерении наталкивается на ряд других трудностей. Например, экономия затрат живого труда, подсчитанная непосредственно в часах, если на одном участке его сберегается высококвалифицированный, а на другом, наоборот, — только самый рядовой, подсобный труд, далеко несравнимы по своему экономическому эффекту. А в учете издержек по оплате труда приведение сложного труда к простому уже предусмотрено тарифными расценками различных категорий труда и не требует никаких условных пересчетов. Не менее трудностей возникает при трудовом учете экономии в материальных издержках производства.

Выразить непосредственно в днях или часах стоимость сбереженных в производстве энергии, материалов и прочих элементов прошлого труда невозможно без тех или иных условных допущений. И, например, в учете производительности по валовой выработке на рабочего, рекомендуемой ЦСУ, экономия или перерасход элементов прошлого труда вообще не находят себе никакого отражения. А между тем при таком учете вполне возможны случаи, когда в погоне за высокими показателями производительности планируются такие мероприятия, при которых экономия в *живом* труде с излишком перекрывается дополнительными затратами труда, *овеществленного* в материальных издержках производства. Выработка на рабочего при этом возрастает, а производительность труда, исчисленная правильно, по суммарным его затратам, падает. И это наиболее осязательно обнаруживает недостаточность даже для самых практических нужд планирования тех индексов производительности, какими ныне располагает наша статистическая практика. В самом деле, представим себе нелепое положение директора, который, по показателям статистики, должен *премировать* свой персонал за повышение производительности труда, а, по показаниям бухгалтерии, вынужден *штрафовать* его за общее повышение издержек производства на единицу выпускаемой продукции!..

Возможность такого расхождения этих показателей на практике является прямым свидетельством наличия теоретической неувязки в их построении. А возможность в условиях хозрасчета *контролировать рублем* реальность любых показателей подтверждает, что за повышением издержек вполне закономерно снижаются и накопления предприятия и специальные фонды премирования, а стало быть, и возможность премирования за такое «повышение производительности», показатели которого сами обнаруживают в этом случае свою нереальность. Таким образом, за показателями бухгалтерии в этой специфической области учета приходится признать явное превосходство перед статистическими индексами нашей практики. А там, где статистика обобщает итоги бухгалтерии, оперируя в масштабах целых отраслей труда и всего народного хозяйства, она во всяком случае не должна расходиться в реальности своих выводов по сравнению с данными бухгалтерии.

Возможно, однако, и такое сочетание статистики с бухгалтерией, в котором они без всяких расхождений лишь подкрепляют и взаимно обогащают свои выводы, позволяя целесообразной группировкой своих данных облегчить их анализ и повысить научное значение. В частности, в таком тесном сочетании этих данных, начиная с самых низовых калькуляций общественных издержек производства в пределах каждого предприятия, а затем в группировках этих калькуляций по группам предприятий

различного уровня производительности и рентабельности, мы усматриваем большие возможности улучшений в области *планирования* этих важнейших для нас качественных показателей. А, между прочим, в том же сочетании данных бухгалтерии и статистики, на мой взгляд, открывается и наиболее прямой путь перехода от денежного к трудовому учету всех издержек производства.

Некоторым практикам такой переход рисуется в слишком упрощенном виде. Достаточно, утверждают они, разделить стоимость материальных затрат в производстве на среднюю заработную плату за час в рублях, и тем самым мы определим уже эту стоимость в часах труда средней квалификации. А с прибавкой к этой сумме человеко-часов живого труда, фактически затраченных на обработку соответствующих предметов труда, мы получили бы, значит, и общую сумму затрат труда на данную продукцию. Это действительно очень просто, но не верно. Практики забыли, что в любом производстве за каждый человеко-час живого труда к стоимости материалов — c прибавляется не только оплата этого часа — v, но и вновь созданный за этот час продукт для общества — m. Значит, если, скажем, $v = 4$ руб., а $m = 3$ руб., то вся вновь созданная стоимость за час труда $v + m = 7$ руб. И если допускается, что и в предметах прошлого труда овеществлялась за каждый час равная стоимость, то для перевода денежной стоимости c в трудовую надо ее делить не на 4, а на 7 руб., на *полную стоимость*, создаваемую за час. В противном же случае мы преувеличим оценку прошлого труда на 75%, что едва ли допустимо даже в самых непритязательных глазомерных прикидках.

Однако никто не обязывает нас к допущению столь грубых погрешностей. Труднее избежать тех ошибок, которые вытекают из различий в отклонении цен от стоимости в разных отраслях труда. Но, наладив учет стоимости по всем отраслям труда и сопоставляя ее с ценами соответствующей продукции, возможно будет учесть и величину этих отклонений для каждой отрасли при переходе от денежных оценок к трудовым.

Конечно, для определения сдвигов в уровне общественной производительной силы по всему народному хозяйству в целом отраслевые отклонения цен от стоимости не имеют для нас особо существенного значения, поскольку они взаимно погашаются в общей оценке всего общественного продукта. Кроме того, в масштабе всего народного хозяйства облегчаются и трудности учета всего «прошлого» труда, ибо, подсчитав живой труд по всей производственной сфере за год, мы тем самым подсчитываем и весь прошлый труд, овеществленный за год в народном доходе на всех ступенях его производства. А поскольку наша статистика дает нам и динамику объемного роста этого дохода («в сопостави-

мых ценах») за все годы, то рост общественной производительности труда в целом по СССР может быть измерен примерно такими показателями:

Показатели	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1957 г.
1. Рабочая сила				
в млн. человеко-лет . . .	66,5	69,2	66,5	75,9
в %	100	104	108	114
2. Народный доход				
в млрд. руб. 1926/27 г.	128,3	210	(361)[1]	(427)[1]
в %	100	164	281	333
3. Доход на 1 работника				
в руб.	1 929	3 035	5 028	5 626
в %	100	157	261	292

Конечно, в приведенном расчете имеются условности, требующие оговорок. В общем итоге рабочей силы производственной сферы колхозники учтены весьма приблизительно по числу отработанных ими трудодней, считая на человеко-день полтора трудодня и в году 265 рабочих дней. Еще менее точен учет труда единоличников и колхозников на приусадебных участках. Едва ли вполне сравнимы и данные об объеме народного дохода ЦСУ за все годы, поскольку были изменения за это время в методике его исчисления. Весьма условны и цены 1926/27 г. в применении к продукции 1940—1950 гг. Лучше было бы потребительную стоимость чистой продукции страны измерять не в рублях, а числом пайков определенного состава продуктов потребления, какое соответствует по *текущим* ценам всей стоимости народного дохода. Но в динамике ряда все такого рода условности и дефекты слабо сказываются. И внушительный прирост производительности по всему народному хозяйству почти в *три раза* всего за 17 лет, по-видимому, не далек от истины. Еще внушительнее этот результат выражается в достигнутой *экономии* труда. Для производства народного дохода СССР в объеме 1957 г. по нормам затрат 1940 г. потребовалось бы до 221 млн. работников, и, значит, экономия времени за один лишь 1957 г. составляла до 145 млн. человеко-лет труда.

Гораздо чаще в повседневной практике нам требуется, однако, учитывать экономию затрат в производительности труда не в таком всеобъемлющем, народнохозяйственном охвате, а в гораздо более узких *локальных* масштабах каждого завода, каждой отдельной из соревнующихся бригад или даже каждого рабочего

[1] Здесь и далее в скобках даны расчетные данные автора.

за его станком в отдельности. В таких ограниченных местных масштабах к учету стоимости и производительности труда предъявляются особые требования и нужен особый подход. Вместо *общественной* стоимости продукта с учетом всех ступеней его производства, здесь получается лишь *индивидуальная* их стоимость, в данных конкретных условиях производства. Вместо *общественной* производительности труда, с учетом его затрат на всех ступенях производства, — только *локальная* производительность данного коллектива работников, на данном конкретном участке их труда. Однако и такая локальная успешность их труда определяется не только достигнутой экономией в затратах живого труда, но и той экономией или перерасходом материальных затрат на данном участке, какие можно получить только из сравнительной калькуляции всех издержек производства на этом участке труда за два смежных производственных цикла или периода.

Для иллюстрации таких калькуляций приведем следующий примерный расчет (см. табл. 1).

В приведенном расчете мы и прошлый труд переводим из рублей в часы по той же расценке (6 руб. за 1 час труда), какая вытекает из оценок *чистой* продукции базисного периода, т. е. исходит из допущения, что отклонением цен от стоимости в данном случае можно пренебречь и что эти цены еще не пересматривались в отчетном периоде. Но эти данные в человеко-часах мы рассматриваем лишь как контрольные к отчетным цифрам достигнутой экономии по издержкам прошлого труда в денежном их исчислении. С такой калькуляцией издержек справились бы, как мне кажется, на любом заводе. А между тем она дает не только итог достигнутой экономии затрат, но и все существенные элементы, из которых эта экономия складывается.

Как видим, наиболее значительная экономия получается за счет элементов живого труда. Причем, учитывая только долю труда «для себя» по так называемой себестоимости продукции, мы очень значительно снижаем общий итог экономии, получаемой за счет повышения производительности труда. Экономия затрат по издержкам на оплату труда за этот счет в нашем случае равна 300 тыс. руб., а вся экономия по вновь созданному продукту достигает 525 тыс. руб., т. е. в 1,75 раза больше. И это очень серьезный аргумент против нынешней практики калькуляции одной лишь себестоимости производимой продукции, при которой прирост «продукта для общества» вообще выпадает из учета.

Сопоставляя экономию затрат с общей суммой чистой продукции завода, легко убедиться, что экономия, исчисленная в рублях по нашей таблице, составляет всего 525 : 25 179 = 2,09%, в то время как та же экономия, выраженная в часах, достигает 204 : 4080 = 5%. Это расхождение объясняется тем, что труд

Заводские издержки

Статьи издержек	1955 г.	
	количество	на сумму
1	2	3
I. *Овеществленный труд (с)*		
1. Износ средств труда (в тыс. руб.)	—	3 000
2. Энергия (в *квт-ч* и тыс. руб.)	... [1]	3 600
3. Материалы (в *т* и тыс. руб.)	...	26 400
4. Услуги (в тыс. руб.)	—	3 000
Итого (в тыс. час. и тыс. руб.)	(6 000)	36 000
(в % итога)	60,0	60,0
II. *Живой труд* (в тыс. час. и тыс. руб.)		
А) Труд для себя (v)		
1. Производственный		
а) нормированный	2 560	8 960
б) ненормированный	640	1 920
2. Обслуживающий		
а) ИТР и служащих	600	2 334
б) МОП и пр.	200	500
Итого — продукт для себя (v)	4 000	13 714
Б. Труд для общества ($m = 75\%\ v$)	—	10 286
Итого ($v + m$) в тыс. час. и тыс. руб.	4 000	24 000
в % итога	40,0	40,0
Всего издержек ($c + v + m$) (в тыс. час. и тыс. руб.)	10 000	60 000
То же на 1 час труда (в тыс. руб.)	—	6,00

[1] Здесь и далее многоточие означает отсутствие данных у автора.

Таблица 1

производства

1956 г.				Экономия (+, —)	
по нормам 1955 г.		по отчету		в тыс. руб.	в тыс. час.
количество	на сумму	количество	на сумму		
4	5	6	7	8	9
—	3 213	—	3 300	— 87	—
. . .	3 856	. . .	3 960	— 104	—
. . .	28 274	. . .	28 132	+ 142	—
—	3 213	—	3 213	0	—
(6 426)	38 556	(6 434)	38 605	— 49	— 8
60,0	60,0	61,2	60,5	—	—
2 742	9 597	2 627	9 597	0	+ 115
685	2 056	653	1 958	+ 98	+ 32
643	2 500	600	2 333	+ 167	+ 43
214	535	200	500	+ 35	+ 14
4 284	14 688	4 080	14 388	+ 300	+ 204
—	11 016	—	10 791	+ 225	—
4 284	25 704	4 080	25 179	+ 525	+ 204
40,0	40,0	38,8	39,5	—	—
10 710	64 260	10 514	63 784	+ 476	+ 196
—	6,00	—	6,07	—	—

различных категорий оплачивается по-разному. И, скажем, при *сдельной* оплате, по одним и тем же нормам выработки, не получается никакой экономии, хотя за счет фактического перевыполнения этих норм на 5% эта экономия в нашей таблице достигает 115 тыс. человеко-часов. В этом случае контрольный учет часов дает более правильную картину. Он обнаруживает, что фактическая оплата труда в отчетном периоде была *повышена* на 399 тыс. руб., или 2,9%, за счет чего снизилась учтенная экономия в денежном выражении. Без этого повышения фонд заработной платы составил бы, значит, 14388 тыс. руб. — 399 тыс. руб. = 13989 тыс. руб., продукт для общества (75% от v) — 10492 тыс., а всего $v+m=24481$ тыс. руб. И вся экономия по чистой продукции за счет производительности труда в денежном выражении составила бы 1223 тыс. руб., или те же 5%, как это получается и по данным о затратах труда.

Однако экономия в затратах живого труда не исключает, а даже прямо предполагает дополнительные затраты энергии и орудий труда, обусловливающих повышенную эффективность живого труда. А вместе с тем наряду с повышением затрат по таким элементам, как износ орудий и расход энергии, обычно достигается известная экономия в предметах труда, подвергающихся обработке. В нашем примере суммарные затраты овеществленного труда возрастают быстрее затрат живого труда, снижая общую экономию по всем затратам, что, конечно, должно сказаться и на показателях локальной производительности рабочих, занятых на данном участке труда.

В приведенной калькуляции вся валовая продукция в неизменных ценах возрастает за год из расчета на час живого труда с 15 руб. до 15 р. 75 к., т. е. на 5%. Тот же результат получается, если мы попросту экономию живого труда 204 тыс. час. отнесем к общему итогу его затрат (4080), независимо от размеров валовой продукции. Этот показатель обычно и принимается у нас за меру прироста производительности данной группы рабочих. Но если учесть, что экономия в живом труде в 204 тыс. час. потребовала *перерасхода* средств труда, созданных *на другом* участке труда или позаимствованных из запасов *прошлых* лет, на сумму 49 тыс. руб., или около 8 тыс. час., то реальная экономия труда на данном его участке составит только около 196 тыс. час. при общей их затрате в 4080 тыс. час., т. е. не свыше 4,8%. В случае *экономии* на средствах труда мы получили бы прирост производительности выше 5%. Но в том и другом случае мы получаем более точное представление о достигаемой экономии рабочего времени, с учетом и прошлых и текущих его затрат, по сравнению с общепринятым ныне методом валовой выработки.

Мы не сомневаемся, конечно, что для разных специальных задач и в различных отраслях труда могут быть использованы и

другие методы. В дискуссиях последнего времени было затронуто слишком много экономических проблем, по которым нет еще необходимой договоренности. А между тем она необходима. Было время, когда казалось, что одна творческая голова может за всех разрешить все проблемы. И лишенный доверия коллективный разум, оставаясь за ненадобностью без работы, почивал на покое. Но органы и функции без повседневного упражнения, как известно, атрофируются. И на экономическом фронте очень многие головы старшего возраста разучились, а более молодые не успели научиться думать самостоятельно, без затасканных цитат и повторов. Но с этим печальным наследием недавнего прошлого, к счастью, уже покончено.

Нерешенных старых и повседневно возникающих новых вопросов накопилось у нас очень много. Над ними задумывается немало людей. Затеваются публичные дискуссии. Созываются совещания. Коллективный разум вступает в свои права. Но для достаточной авторитетности его решений требуется и коллектив достаточно широкий. Много лет тому назад созывались не только совещания, но и большие съезды. Был, например, очень плодотворный съезд электриков. Были и съезды плановиков. Может быть, назрело уже время подготовить и созвать Всесоюзный съезд экономистов? Думаю, что для обсуждения на нем нашлось бы достаточно вполне назревших конкретных проблем.

Коллективный разум в наши дни не должен дремать!

X. ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОВОЙ ТЕХНИКИ *

Вопрос об эффективности новой техники — это один из важнейших частных вопросов, вытекающих из самой общей проблемы народнохозяйственного планирования. Как можно с *наименьшими* затратами добиться в *кратчайший* срок *максимальных* народнохозяйственных достижений? Эта самая общая экономическая задача на максимум и минимум не может быть, однако, решена в общем виде без разложения ее на ряд более частных и гораздо более конкретных. Например, если за максимум достижений мы примем максимальный объем продукции в ее потребительном значении, то немедленно встанет задача, при каких пропорциях распределения этой продукции будет достигнут *максимальный* эффект в удовлетворении всех общественных потребностей. И в каких пропорциях следует распределить при этом наличные ресурсы прошлого и живого труда для удовлетворения выявленного оптимума потребностей с *минимальными* затратами этих ресурсов. И какое распределение этих ресурсов между производством средств производства и предметов потребления решает поставленные перед нами задачи без излишнего напряжения наличных сил в *кратчайшие* сроки?

Решая последнюю из этих задач, мы как раз и сталкиваемся с проблемами новой техники. Никакая экономия времени, а стало быть, и никакое ускорение в развитии хозяйства невозможно без повышения уровня техники, а обновление техники неизбежно предполагает дополнительные вложения в отрасли тяжелой индустрии. Средства производства должны обгонять в своем росте увеличение предметов потребления и численность армии трудящихся, ибо без этого немыслим рост вооруженности труда, а стало быть, и его производительности.

Лишь в меру удешевления и расширения средств и предметов труда в первом подразделении возможно также и удешевление и

* Написано в августе 1957 г. Публикуется впервые.

расширение производства средств существования трудящихся.

Все это обусловливает обязательное, как объективный *закон* экономики, опережение в развитии первым подразделением второго. Трудной проблемой является здесь лишь та *мера опережения* вложений в первое подразделение, которая может быть признана достаточной и необходимой в конкретных общественно-исторических условиях, и соответствующее распределение капиталовложений. Дело в том, что, чем быстрее растут вложения в средства труда, тем медленнее повышается уровень благосостояния, и, наоборот, чем больше вложений будет использовано непосредственно на рост благосостояния, тем медленнее будет возрастать уровень техники на данном этапе ее развития. А задача заключается в том, чтобы найти *оптимальный* план распределения этих вложений, который обеспечил бы максимально достижимый уровень и техники и благосостояния трудящихся за счет планомерного опережения в росте первой на заданном отрезке времени.

Генеральный план хозяйственного строительства и должен быть прежде всего таким планом размещения капитальных вложений во времени и пространстве.

1. О КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В процессе непрерывного технического прогресса все средства труда — машины и орудия — постоянно обновляются. Одни из них, отслужив свой срок, заменяются за ветхостью и негодностью новыми машинами и орудиями того же образца или равной производственной мощности, другие же вытесняются из производства даже досрочно, если им на смену поступают новые, технически более совершенные и *экономически более производительные*. При этом мы сталкиваемся с понятием «новая техника». В это понятие мы включаем не все машины и орудия, *заново* внедряемые в производство, а лишь те из них, которые технически наиболее совершенны и *производительнее* всех других средств труда того же назначения и представляют собой в этом смысле, на данный момент, последнее слово науки и техники. Таким образом, понятие «новой» техники весьма *динамично*, ибо то, что еще вчера было *новой* техникой, в результате дальнейших ее успехов назавтра становится уже техникой *устарелой*.

В чем же сказывается эффект новой техники?

Как видно уже из самого понятия новой техники, основным экономическим эффектом обновления устарелой техники является использование технического прогресса в качестве решающего фактора *повышения производительности труда*. Это значит, что новая техника должна обеспечить либо увеличение количества продукта на единицу затрат труда, либо снижение этих затрат

на единицу продукта, либо и тот и другой эффект одновременно, что во всех этих случаях означает *удешевление* создаваемой продукции, т. е. снижение ее *стоимости*. Таков *основной* эффект внедрения новой техники.

Побочными эффектами внедрения ее в условиях социализма можно считать также облегчение труда, повышение его безопасности и оздоровление условий работы. Однако и эти побочные эффекты, даже такие элементарные, как улучшение освещения производственных цехов или кондиционирование воздуха, не только улучшают самочувствие рабочих, но и заметно повышают их *производительность*. Поэтому рост производительности труда, или, что то же, соответствующее *снижение стоимости* создаваемой *продукции*, во всех случаях может служить вполне объективной *мерой эффективности* внедряемой нами новой техники.

Снижение стоимости продукции всегда содействует расширению производства в меру достигнутой экономии затрат общественного труда. Следовательно, эффект внедрения новой техники можно измерить и *приростом продукции* — $\Delta П$ (в натуре или в неизменных ценах) в результате такого внедрения при *неизменном* количестве и качестве использованной при этом рабочей силы. Однако такой эффект не дается задаром. Расширение производства, даже без соответствующего прироста рабочей силы, как правило, предполагает затрату дополнительных капитальных фондов — $\Delta Ф$ на полное обновление или частичную модернизацию действующей техники. И потому, лишь сопоставляя ожидаемый эффект внедрения новой техники — $\Delta П$ с необходимыми для этой цели затратами — $\Delta Ф$, мы получаем вполне пригодный измеритель эффективности такого внедрения. Полученный показатель эффективности, в котором измеряемый эффект, скажем, прирост продукции, обусловленный внедряемой техникой, исчисляется на единицу соответствующих вложений — $\Delta П : \Delta Ф$, можно назвать мерой *удельной* эффективности новой техники различного рода и назначения. При достаточной сопоставимости таких измерителей они могли бы стать ценнейшим показателем планового внедрения наиболее прогрессивных видов техники.

Нужно лишь помнить, что не всякое расширение производства происходит в результате внедрения новой техники. Расширенное воспроизводство материальных благ возможно и на базе давно уже *освоенной* техники и технологии труда. Можно сказать даже больше. Доля новой и новейшей техники в общей сумме ежегодных вложений в средства производства занимает обычно далеко не первенствующее место. Большинство новых предприятий обычно по инерции массового производства строится в основном по старым типовым проектам, образцам и шаблонам. И в этом случае, если даже эти шаблоны и образцы еще не устарели, воспроизводство их в расширенном объеме потребует и расширения затрат

труда и вложений в *том же объеме*, т. е. не обеспечит никакого *повышения* производительности труда за счет технического перевооружения, а стало быть, не даст и никакого эффекта, измеряемого приростом продукта на единицу вложений.

В более общем случае, поскольку вложения в старую и новую технику практически неотделимы, мы сможем измерить этим выигрышем в продукции лишь *суммарную* эффективность *всех* вложений, независимо от их назначения. Хотя, конечно, чем большую долю в общих вложениях, в том или ином их сочетании, займут вложения в *новую*, более прогрессивную технику, тем значительнее будет и эффект этих общих вложений.

Отсюда заключаем, что понятие «эффективность новой техники» можно рассматривать лишь как частный случай эффективности капитальных вложений в средства производства вообще. И в том и в другом случае эффект определяется новой техникой и исчисляется приростом продукции на единицу вложений. Но во втором случае (эффективность *всех* вложений) величина вложений — $\Delta \Phi$, в знаменателе дроби — $\Delta П/\Delta \Phi$, охватывая вложения и в новую и в старую технику, превышает числитель ее — прирост продукции $\Delta П$, а, стало быть, общая величина показателя меньше, чем в первом случае.

Мы знаем, что производительность труда определяется не только уровнем техники, но и различным *качеством* труда, применяемого в тех или иных случаях. Но различия в квалификации, или интенсивности, труда, в среднем по целым отраслям производства, невелики. К тому же такие различия в качестве труда легко учесть и устранить из расчета путем приведения более ценного для нас сложного труда к простому при помощи различной их тарифной расценки. Стоит лишь для этого учет затрат труда *по времени* заменить учетом их в более сопоставимых *фондах зарплаты*. И тогда мерой эффективности новой техники можно будет уже безусловно признать *весь* учтенный нами прирост продукции на единицу такого приведенного к простому труда.

В понятие внедряемой новой техники мы включаем не только новые машины и прочие средства труда, но и *новые методы* их использования, позволяющие осуществить более высокий уровень механизации труда и автоматизации производства и более прогрессивную технологию всех трудовых процессов. Конечно, новая техника всегда внедряется и функционирует наряду со старой. В связи с этим и ее эффективность может быть измерена лишь в сопоставлении с нормами эффективности этой старой, уже ранее освоенной техники и технологии. Но для этого требуется прежде всего найти меру сравнимости всех видов уже внедренной и вновь внедряемой техники и самых многообразных технических мероприятий. Общим для них всех признаком является лишь то, что все они стоят труда, т. е. обладают большей

или меньшей *стоимостью*. А потому и соизмерить сравнительную их значимость мы можем только теми затратами труда, которые требуются для их внедрения в производство. Это облегчает и сопоставимость таких затрат с их эффектом, т. е. с той экономией в затратах, какая ожидается от внедрения новой техники (в трудовом или в денежном выражении).

«Производительность машины, — по Марксу, — измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу» [1]. Распространяя это определение на всю совокупность машин и орудий, входящих в состав внедряемой новой техники, можно сказать, что и совокупная производительность этих средств труда измеряется тем же эффектом от их внедрения, т. е. той степенью, в которой они *экономят* человеческую рабочую силу, замещая ее собою. В этом случае эффект новой техники, измеряемый экономией человеческого труда, и по названию отождествляется с понятием *производительности машин* и прочих средств труда.

Заслуживает, однако, внимания и следующее высказывание Маркса: «Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже, в зависимости от того, насколько велико количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих; другими словами, оно выше или ниже, в зависимости от того, насколько мало количество труда, требуемое определенным количеством средств производства» [2].

В отличие от органического состава капитала, где отношение $C : v$ означает отношение постоянного капитала к переменному — *по стоимости*, в данном случае Маркс имеет в виду технический состав тех же элементов, т. е. отношение их *в натуре* (*количества* средств производства *к числу* рабочих). Этот показатель *технической вооруженности* труда (обозначим его дробью *Фн*/*Тж*, где *Фн* — основной производственный фонд в натуре или в неизменных ценах, а *Тж* — приводящая этот сам по себе мертвый фонд *в движение* живая рабочая сила) в условиях социализма приобретает особо важное значение. Органический состав наших фондов $C : v$, где символу v соответствует переменный фонд одной лишь *индивидуальной* оплаты труда, без все возрастающих добавок по фондам общественного потребления, уже теперь теряет всю свою определенность, а со временем, в условиях коммунистического принципа распределения, и вообще утратит всякий смысл. Но значение показателя технической вооруженности труда как

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 397.
[2] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 170.

наиболее объективного мерила уровня техники и темпов роста его производительности в стране будет непрерывно возрастать.

В приведенной трактовке производительной силы труда, последняя рассматривается Марксом как прямая функция средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда. Правда, в понятие средств производства входят, помимо средств труда, и предметы труда, и даже инертные стены, вмещающие весь процесс производства. Однако труд в этом процессе вовсе не приводит в движение стены; совершенно пассивную роль выполняют в нем и подвергаемые обработке предметы труда. И, стало быть, самую активную роль в процессе производства выполняют лишь приводимые в движение рабочей силой *средства труда*, поскольку, вооружая живой труд все более мощными генераторами дешевой механической энергии и все более совершенными орудиями труда, эта новая техника *повышает* его производительность. Вот почему во всех случаях, когда новая техника внедряется в порядке *модернизации* устарелой, без расширения рабочих помещений и прочих пассивных элементов производственного процесса, удельная ее эффективность, по формуле $Э = \Delta П : \Delta Ф$, будет при прочих равных условиях много выше, чем в случаях *нового строительства*, ибо, при неизмененных числителях, знаменатель этой дроби $\Delta Ф$ будет значительно меньше, включая дополнительные вложения только на новое оборудование — этот наиболее активный элемент средств производства.

2. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Уяснив себе основные понятия удельной эффективности новой техники на единицу вложений и самого эффекта, за меру которого можно принять достигаемую за счет внедрения новой техники экономию затрат или соответствующий этой экономии выигрыш в продукции, мы тем самым как будто приобретаем уже вполне надежные критерии и предпосылки для измерения этой эффективности на практике. Но, к сожалению, наша практика и доныне не располагает еще общепризнанной методологией таких измерений, пробавляясь в затянувшейся дискуссии на эту тему лишь теми или иными «временными» методиками и прочими суррогатами недостающих решений.

Спорным оказался прежде всего вопрос об *исчислении экономии текущих затрат*. Как ее исчислять? По так называемой себестоимости или по полной стоимости изготовляемой продукции? А если по стоимости, то в каких именно модификациях она проявляется у нас, в условиях социализма? И как ее можно определять в этих условиях?

В обоснованиях экономической целесообразности проектируемых строительных объектов наши практики обычно исходят из сравнительной *себестоимости* продукции в сопоставляемых вариантах, по разности текущих затрат определяют возможную их экономию на заданный объем продукции и затем исчисляют сроки окупаемости потребных вложений по каждому из сопоставляемых вариантов. Срок окупаемости определяется при этом очень простой формулой:

$$(C_1 - C_0) : (S_0 - S_1) = t \text{ лет} \; . \; . \; . \; . \; . \; (1),$$

где в делителе учтена годовая экономия текущих затрат, а в делимом — разность начальных вложений. Варианты с кратчайшими сроками окупаемости таких вложений объявляются наиболее эффективными, и, без дальнейшего анализа получаемого эффекта, задача отбора лучших вариантов считается решенной. Однако в таком решении скрываются весьма существенные дефекты.

Один из них давно уж отмечен критикой. Снижая себестоимость продукции на $(S_0 - S_1)$ за счет новых вложений $(C_1 - C_0)$, мы, несомненно, получаем положительный эффект, ибо при данном уровне цен как раз на эту сумму повышаем *прибыль* данного предприятия. А если при этом срок окупаемости снижается, то, значит, повышается и *норма* рентабельности, измеряемая величиной этой добавочной прибыли на единицу добавляемых вложений. В данном случае эта норма выразится величиной $n = (S_0 - S_1) : (C_1 - C_0)$. Не трудно заметить, что эта величина $n = {}^1/_t$ в формуле наших практиков. Иными словами, предлагаемый ими показатель эффективности вложений ровно ничем не отличается от давно известной капиталистическому миру нормы прибыли, несмотря на то что ныне она стыдливо выступает перед нами в совсем необычном виде — вверх ногами, вниз головой, — и *повышение* рентабельности поэтому именуется *понижением* сроков окупаемости.

В чем же дефект такого подхода?

И в условиях социализма расширенное воспроизводство не мыслится без соответствующих норм накопления. Вполне целесообразно для сопоставлений с уровнем рентабельности капиталистических предприятий использование и таких показателей их рентабельности, как норма прибыли. И незачем даже прятаться при этом за сроки окупаемости. Нужно лишь помнить принципиальное различие в основных законах социализма и капитализма. Лишь в условиях капитализма высшим законом поведения и критерием всех оценок является устремление к наиболее высоким нормам прибыли. Социалистическое общество в интересах всех трудящихся ставит своей задачей обеспечить им возможно полное удовлетворение всех их потребностей. А этому в наиболь-

шей мере соответствует не самая высокая рентабельность производства, а наиболее высокая мера производительности труда при минимальных его затратах. Это весьма различные критерии оценок. А потому и эффект вложений в новую технику с применением того или иного из этих критериев может оказаться весьма различным.

Впрочем, рентабельность не могла бы стать надежной мерой эффективности новой техники и по другой причине. Та или иная норма прибыли определяется не только уровнем техники, но и уровнем цен, которые в условиях капитализма под влиянием конкуренции капиталов разного органического состава следуют закону средней нормы прибыли. А это значит, что, отклоняясь от стоимости, эти так называемые цены производства в отраслях труда с высоким уровнем техники повышаются сравнительно с индивидуальной стоимостью и падают в отраслях с низким уровнем как раз в такой степени, что все они становятся *равно* рентабельными, и тем самым показатели рентабельности теряют всю свою ценность в качестве меры эффективности технического прогресса.

Не могли бы служить этой задаче нормы рентабельности и в условиях нынешнего ценообразования в СССР, хотя и по другой причине. У нас, как известно, накопления перераспределяются через цены из тяжелой промышленности в легкую, из отраслей с высшим уровнем техники — в отрасли с более низким ее уровнем, т. е. в обратном направлении по сравнению с требованиями закона цен производства. И тому, кто вздумал бы у нас по уровню рентабельности судить об эффективности больших вложений в технику, пришлось бы заключить, что наиболее эффективным является низкий уровень техники.

Вот почему там, где цены являются рычагом значительного перераспределения стоимости в межотраслевом разделении труда, рентабельность разных отраслей не может служить мерилом эффективности вложений в них вообще и эффекта новой техники в частности и в особенности. Но и в условиях полного совпадения цен со стоимостью продуктов теория, усматривающая меру сравнительной эффективности вложений в нормах их рентабельности, не выдерживает даже снисходительной критики. Дело в том, что между вложениями и накоплениями нет непосредственной функциональной зависимости.

Разлагая стоимость любого продукта на ее элементы ($c + v + m$), где c — перенесенный *прошлый* труд, величина которого зависит только от размеров вложений в средства труда и сроков их службы, а ($v + m$) представляет собой совокупность оплаты труда — v и накопления — m, т. е. новую стоимость, создаваемую только *живым* трудом, убеждаемся, что вложения *прошлого* труда вовсе не участвуют в создании *новой* стоимости,

а стало быть, и всех накоплений. Это азбука марксизма. Но, вооружая живой труд достижениями новой техники, такие вложения прошлого труда могут повысить его производительность, т. е. количество *потребительных* благ, создаваемых трудом в единицу времени, совершенно независимо от полученных при этом *накоплений* за счет вновь созданной стоимости. Именно поэтому прямым эффектом новой техники нужно считать не рентабельность соответствующих ей дополнительных вложений, а только тот добавочный прирост продукции в потребительном ее значении, который определяется этой новой техникой и ничем иным. При ином подходе, с ориентировкой на рентабельность вложений или пресловутые сроки их окупаемости могут получиться и совсем иные, а подчас заведомо неверные оценки в определении их эффективности.

Поясним это примером такой калькуляции по двум вариантам проектировки на один и тот же объем продукции, исходящей из уже достигнутых в данной отрасли производства норм и пропорций (см. табл. 1).

Как видим, в обоих вариантах вложения в новую технику сокращают текущие затраты живого труда, по первому варианту — на 2,5%, а по второму — даже на 7%. И это дает преимущество второму варианту. Если же судить по их сравнительной рентабельности, то первый вариант, требуя меньше вложений, определенно рентабельнее второго. Но и первый и второй варианты в этом отношении стоят ниже отправной нормы. И если руководствоваться нормами рентабельности или сроками окупаемости дополнительных вложений, исходя из калькуляций *себестоимости*, как это принято в нашей практике, то оба варианта пришлось бы сразу же забраковать. Дело в том, что в первом варианте снижение заработной платы на 2,5% только возмещает возросшие затраты на амортизацию дополнительных капитальных вложений. Никакого *снижения* себестоимости этот вариант предприятию не сулит. И, конечно, с точки зрения частного предпринимателя, такие вложения, не обещающие ему при данном уровне цен никакой дополнительной прибыли, ничем не могут быть оправданы. Не устроит его никак и перспектива окупить, по второму варианту, свои вложения за 50 лет, если средняя норма прибыли в стране значительно выше 2%. И новая техника, не обещающая ему более значительных эффектов, в условиях *частного* предпринимательства внедрена не будет.

Карл Маркс уже в первом томе «Капитала» отмечал, что для *капитала* применение машин «целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы» [1]. Но с точки зрения интересов всего общества

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 398.

Таблица 1

Эффективность дополнительных вложений в новую технику (цифры условные)

Показатели на 1 млн. *т* продукта	Норма	Варианты	
		I	II
1	2	3	4
Основные фонды — Φ (в тыс. руб.)	1 000	1 100	1 200
В т. ч. дополнительные вложения — $\Delta\Phi$		100	200
Издержки производства (в тыс. руб.)			
1. Амортизация (5% от Φ) . . . c_1	50	55	60
2. Энергия и материалы . . . c_2	950	950	950
Итого прошлого труда . . . c	1 000	1 005	1 010
3. Заработная плата . . . v	200	195	186
Итого по себестоимости . . $(c+v)$	1 200	1 200	1 193
4. Накопление (75% от v) . . . m	150	146,3	139,5
Всего по стоимости $(c+v+m)$	1 350	1 346,3	1 335,5
Экономия издержек и срок окупаемости			
1. По себестоимости:			
в тыс. руб.	—	0	4
в % от $\Delta\Phi$	—	0	2,0
Срок окупаемости (в годах)	—		50
2. по стоимости			
в тыс. руб.	—	3,75	14,5
в % от $\Delta\Phi$	—	3,75	7,25
Срок окупаемости (в годах)	—	26,5	13,8
Рабочая сила (в % от нормы)	100	97,5	93

внедрение новой техники целесообразно в значительно более широких пределах, а именно в пределах *всей экономии* по затратам труда, независимо от размеров экономии по оплате труда. А, как видно из приведенного расчета, она значительно выше и в абсолютных цифрах и по срокам окупаемости соответствующих вложений.

Практика, которая суживает эти пределы, считаясь в своих расчетах эффективности новой техники только с экономией по себестоимости и вовсе игнорируя таким образом весь *продукт для общества*, несомненно, отражает опыт уже пройденной ступени, опыт капиталистического прошлого. В ней ясно отражается

один из многих еще в нашем быту пережитков капитализма в сознании людей. С ним пора, однако, покончить, ибо он может стать тормозом технического прогресса в СССР.

В наших условиях в отличие от капиталистических устремлений максимум вложений направляется не в те отрасли производства, какие обеспечивают максимальную норму прибыли, например не в легкую и пищевую промышленность, а в такие, как машиностроение и энергетика, которые даже при минимальной рентабельности обещают нам максимальный рост вооруженности и производительности труда во всем народном хозяйстве. В плановом хозяйстве капитальные вложения распределяются прежде всего в той пропорции между разными отраслями труда, какая вытекает из заранее учтенной *потребности* общества в продукции разного назначения. На этой стадии планирования соображения о различной рентабельности разных отраслей труда, таким образом, никакой роли не играют, тем более что сравнительная рентабельность разных отраслей в последнем счете определяется уровнем плановых цен, устанавливаемых по калькуляции на те или иные продукты, и, стало быть, с изменением уровня техники может заметно меняться. И лишь с той минуты, когда планом уже определены объекты необходимого нового строительства или модернизации устаревших заводов заданной производственной мощности, возникает новая задача: спроектировать эти объекты с учетом всех достижений новейшей техники в данной отрасли труда и, стало быть, с максимальной удельной эффективностью потребных вложений.

Эта задача обычно и решается нашими проектантами методом вариантных приближений к оптимальному эффекту. Для решения такой задачи в общем виде нет еще общепризнанной методики и готовых шаблонов, пользуясь которыми можно было бы загрузить электронно-счетную машину нужным количеством заданных параметров, чтобы извлечь из нее через известное число секунд *оптимальное* решение. Задача в каждом отдельном случае решается конкретно и с большим числом допусков, требуя от проектантов очень разносторонних конкретных знаний и очень сложной *творческой* работы по комбинированию этих знаний в завершенных проектных решениях. Это не всегда по силам даже большим коллективам. И потому в каждом частном случае такая задача должна быть ограничена строго определенными лимитами. Одним из таких лимитов обычно является производственная программа строительного объекта, другим — масштаб допустимых вложений на заданную программу. И тогда на долю творческих усилий проектантов остается такое техническое решение, которое обеспечит наиболее *дешевую* продукцию при заданных вложениях, что и определит основной экономический эффект этого решения.

В таком простейшем случае, при равенстве и продукции и вложений в сопоставляемых вариантах, выбор лучшего из них, исходя из текущих затрат на единицу продукции или по суммарной экономии в стоимости всей продукции заданного объекта, не представляет никаких трудностей. Однако гораздо чаще приходится сопоставлять варианты, в которых удешевление продукции получается за счет возрастающих вложений. Например, сопоставляя первый и второй варианты приведенной выше таблицы, мы усматриваем, что годовая экономия в стоимости продукции по второму варианту по сравнению с первым достигает 14,5 тыс. руб. — 3,75 тыс. руб. = 10,75 тыс. руб., но зато по первому варианту экономится 100 тыс. руб. капитальных вложений. Непосредственно эти величины несопоставимы, ибо капитальные вложения служат не один, а десятки лет. Спрашивается, как же их привести к сопоставимому виду?

В качестве первого приближения можно бы рекомендовать такой, например, подход. Сберегая по первому варианту по сравнению со вторым из наличных ресурсов средств труда фонд в 100 тыс. руб. в данной отрасли труда, мы тем самым сохраняем за собой возможность использовать его эффективно в любой другой. Но поскольку нам еще неизвестно, куда именно придется направить этот фонд, и вероятности использования его в любой из отраслей труда можно считать равными, то и эффективность вложений из этого фонда можно принять лишь по *средней норме* для всего народного хозяйства. Допустим, что такая средняя норма нам уже известна. Допустим, что при наличном темпе обновления техники производительность труда в стране ежегодно возрастает на 6%, а экономия в производстве на каждую сотню рублей новых вложений при этом может составить, скажем, 5 р. 70 к. Тогда весь годовой эффект по первому варианту, с учетом вложенных в данный объект средств труда и сбереженных фондов — для вложений в другие объекты, — определяется в 3750 + 5700 = 9450 руб. из расчета на 200 тыс. руб. возможных вложений. По второму варианту соответствующий эффект, при равной сумме вложений, составит 14 500 руб. и, стало быть, при прочих равных условиях заслуживает предпочтения.

Однако тот или иной вариант можно считать оптимальным лишь в том случае, если в нем учтены все лучшие технические решения и другие привходящие обстоятельства, в связи с чем возникают новые проблемы.

3. О ЗАМОРАЖИВАНИИ НОВОЙ ТЕХНИКИ

Некоторые авторы готовы эффективность новой техники измерять не достигаемой *за счет этой техники* экономией в труде или за счет соответствующей *доли прироста* валовой продукции,

а *общим ее приростом* за определенный период, независимо от тех факторов, какие его обусловили, или, что то же, общим *темпом расширенного воспроизводства* этой продукции при заданном объеме вложений.

С такой концепцией, в частности, выступал в Гостехнике в январе 1957 г. известный теплотехник З. Ф. Чуханов. Резюмируя свой доклад «Об эффективности новой техники», он говорил: «Единственно правильным методом сравнения эффективности различных способов производства в условиях социалистического хозяйства является сравнение при одинаковых условиях коэффициента расширенного воспроизводства P, или, что в принципе одно и то же, построение «графика эффективности» производства, то есть графика увеличения выпуска ежегодной продукции».

К сожалению, т. Чуханов не приводит в своем докладе такого графика. Но, утверждая, что ежегодный прирост продукции за последние две пятилетки составлял около 15%, не считая фондов амортизации на «простое воспроизводство» изношенного оборудования в 5%, он заключает: «Таким образом, при нормальном функционировании каждые 100 млн. капиталовложений дают государству не менее 20 млн. рублей средств на воспроизводство». И это дает известное представление о рекомендуемой им методике исчислений коэффициента расширения, который должен служить мерой эффективности новой техники. Для определения этой меры ему вполне достаточно знать динамику капиталовложений и ежегодные приросты объема валовой продукции. Количество рабочей силы, необходимой для этих приростов, его не интересует. Как будто техника может создать что-либо и без затрат труда. И в этом первый порок этой концепции.

Второй порок ее заключается в том, что за меру эффективности вложений принимается динамика *валовой* продукции, без учета сдвигов в ее составе, а между тем эти сдвиги весьма существенны. Так, например, структура издержек производства советской промышленности с 1932 по 1955 г. изменилась следующим образом[1]: (см. табл. на стр. 235).

Как видим, доля затрат прошлого труда возрастает значительно быстрее затрат труда живого. Отношение $c : v$ за 23 года возросло с 215 до 398 руб. материальных затрат на 100 руб. заработной платы, или на 85%. Это очень серьезный сдвиг, которым нельзя пренебрегать. Он означает, что чистая продукция, или народный доход, как и следовало ожидать, растет у нас, как и везде, медленнее валовой продукции[2]. Но затраты про-

[1] См. «Социалистическое строительство СССР», М., 1936, стр. 32; «Народное хозяйство СССР в 1956 году», 1957, стр. 100.

[2] Валовая продукция растет по преимуществу в результате *повторного счета* материальных ее элементов, в то время как износ средств труда и зарплата учитываются лишь однажды, и потому удельный вес их падает в итоге издержек по сравнению с материалами.

Элементы издержек	1932 г.	1955 г.
1. Материалы	47,5	66,1
2. Топливо и энергия	6,0	6,2
3. Денежные расходы (услуги)	7,4	3,1
Итого (1—3)	60,9	75,4
4. Амортизация	3,5	3,4
Всего материальных затрат . . . (c)	64,4	78,8
5. Заработная плата . . . (v)	30,0	19,8
6. Начисления на зарплату	5,6	1,4
Всего издержек ($c + v$)	100,0	100,0

шлого труда, требуя полного возмещения в производстве, не создают никакого дополнительного эффекта сверх того, что дает прирост *чистой* продукции, и потому темпы роста валовой продукции, как *заведомо преувеличенные* по сравнению с *реальным ростом* народного дохода (и по стоимости и по объему), не могут служить мерой эффективности вложений в новую технику.

Переходя в расчетах от себестоимости к полной стоимости продукции, с учетом «продукта для общества» по нормам 1955 г. и считая $m = 0{,}75\,v$, найдем, что доля чистой продукции в 1955 г. составит около 30,6% от валовой, а для 1932 г. она будет не меньше 44,8%. Исходя из этих соотношений, можно определить и темпы роста чистой продукции. Основные производственные фонды промышленности, учтенные на 1 октября 1928 г., составляли, включая электростанции, 10,7 млрд. черв. руб. по тогдашним ценам. К 1932 г. они возросли в неизменных ценах в 2,42 раза [1]. Известны масштабы и дальнейшего их роста — по полной стоимости, без вычета износа, в сопоставимых ценах [2]. Пользуясь этими данными в сопоставлении с итогами численности рабочих и служащих и динамикой их продукции, получаем такую картину (см. табл. 2).

Фонды и продукция приведены здесь к уровню цен 1926/27 г. по итогам первой и второй пятилеток. Допуская, что чистая

[1] См. «Социалистическое строительство СССР», М., 1934, стр. 36.
[2] См. «Промышленность СССР», М., 1957, стр. 16; «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 38.

Таблица 2

Показатели объемного роста промышленности[1]

Годы	Основные фонды (в млрд. руб.)		Рабочая сила (в тыс.)		Продукция в млрд. руб. (в расчете на уровень цен 1926/27 г.)			
					валовая		чистая	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	по объему	по стоимости
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1928	10,7	100	(5 600)	100	21,5	100	10,1	10,1
1932	25,9	242	8 000	143	43,3	202	19,4	14,4
1937	57,2	535	10 112	181	95,5	446	39,8	18,3
1940	83,1	777	10 967	196	138,9	646	69,3	19,8
1945	81,6	763	9 508	170	127,5	593	46,9	17,2
1950	127,9	1 195	14 144	253	240,6	1 119	81,1	25,6
1955	219,1	2 048	17 367	310	444,8	2 069	136,1	31,3
1956	243,2	2 273	18 457	330	492,4	2 290	147,7	33,3

продукция с 1928 г. растет пропорционально затратам живого труда, мы исчислили ее динамику не только по объему, но и по стоимости, в соответствии с ростом всей рабочей силы. Как видим, валовая продукция СССР до 1940 г. росла с отставанием от роста вложений, а затем за 1945—1956 гг. она заметно опережает рост фондов (386 : 298 = 130%). Динамика этих показателей за военные годы (1941—1945) не показательна, и мы на ней не останавливаемся. Чистая продукция за все 28 лет выросла всего в 14,6 раза, в то время как валовая увеличилась в 22,9 раза. Но в сопоставлении с фондами и чистая продукция в своем росте за довоенные годы заметно отстает от первых, а за 1946—1956 гг. уже опережает их (314 : 298 = 105%). И это как будто свидетельствует о возрастающей эффективности вложений. Однако динамика объема продукции определяется не только вложениями, но и ростом рабочей силы. А потому раньше всяких выводов необходимо расчленить действие каждого из этих двух факторов, взятых в отдельности. В отличие от т. Чуханова эффектом вложений в новую технику мы считаем лишь ту долю прироста продукции, какая получается за счет повышения производительности труда. По расчетам ЦСУ, эта доля за 1929—1932 гг. составляла 51% от всего прироста продукции, за вторую пятилетку — 79, за 1940—1950 гг. — 69, за 1951—1955 гг. — 68%[2]. Можно оспа-

[1] Исчислено на основании данных, опубликованных в статистическом справочнике «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 34, 50, 52.

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1956 году», стр. 41.

ривать точность подобных расчетов. Но нельзя считать эффектом *вложений* весь прирост продукта, когда мы увеличиваем его заведомо и за счет возрастания *рабочей силы*.

В нижеследующем расчете мы определяем интересующий нас эффект вложений ориентировочно в следующих цифрах (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели эффективности вложений
(в среднем за год)

Годы	Основные фонды (в млрд. руб.)		Прирост чистой продукции за год		Эффект вложений в среднем за год		
	в среднем за год	прирост за год	в млрд. руб.	в % к гр. 2	в млрд. руб.	в % к гр. 2	в % к гр. 4
1	2	3	4	5	6	7	8
1929—1932	18,3	3,8	2,3	12,6	1,17	6,4	51
1933—1937	41,6	6,3	4,1	9,9	3,24	7,8	79
1938—1940	70,2	8,6	9,8	14,0	7,64	10,9	78
За 12 лет	41,0	6,0	4,9	12,0	3,65	8,9	74
1946—1950	104,8	9,3	6,8	6,5	3,47	3,3	51
1951—1955	173,5	18,3	11,0	6,3	7,48	4,3	68
1956	243,2	24,1	11,6	4,8	7,08	2,9	61
За 11 лет	148,6	14,7	9,1	6,1	5,62	3,8	62
За 23 года	92,5	10,2	6,9	7,5	4,59	5,0	67

Как видим, хотя в абсолютных размерах ежегодный прирост чистой продукции за послевоенные годы и возрос с 4,9 млрд. до 9,1 млрд. руб., но в процентах к величине основных фондов он упал с 12 до 6,1%, т. е. почти вдвое. Вместе с тем упала и та доля прироста, какую мы можем рассматривать в качестве прямого эффекта вложений, с 74 до 62% всего прироста. А в общем, в отношении к основным фондам, этот эффект в среднем за все 23 года не превышает 5%. Это ровно *втрое меньше* той средней нормы в 15%, которую желает получать З. Ф. Чуханов, ориентируясь на коэффициент расширенного воспроизводства валовой продукции.

В ориентировочных расчетах не приходится добиваться слишком большой точности, в особенности если мы имеем дело с такими показателями, как основные фонды, в момент, когда они как раз подлежат еще переучету по восстановительной их стоимости. Но ошибка т. Чуханова не счетного, а принципиального

характера. Игнорируя вовсе такой фактор расширенного воспроизводства, как живая рабочая сила, и приписывая весь эффект возрастания продукции росту капитальных вложений, он явно сползает с обязательных для всякого марксиста теоретических позиций. А отсюда и неверный расчет. Промышленная продукция СССР выросла по объему за 28 лет в 22,9 раза. Если б такой рост наблюдался при неизменном числе рабочего персонала, то его можно было бы объяснить за счет новой техники, повысившей эффективность живой рабочей силы. Но поскольку нам известно, что и рабочий персонал за те же годы возрос в 3,3 раза, то на долю технического прогресса остается уже только часть валового прироста, пропорциональная отношению 22,9 : 3,3 = 6,9. И это означает просчет уже не на десятки, а на целые сотни процентов. Но такая точность даже в наиболее ориентировочных инженерных расчетах делает последние совершенно непригодными.

Эффективность вложений можно измерять и в процентах основных фондов. Однако этот показатель эффективности вложений отнюдь не соответствует понятию рентабельности, измеряемой нормой прибыли в условиях капитализма. Прибыль образуется как разность между себестоимостью и отпускной ценой продукта даже при стабильной производительности труда. А эффект от обновления техники проистекает из другого источника, и природа его совсем иная. Не создавая новой стоимости, новая техника вовсе не приумножает вложенных в нее *капиталов* и, стало быть, в этом смысле не служит задачам *расширенного их воспроизводства*. Она увеличивает лишь *потребительную* стоимость выпускаемой при ее посредстве продукции. И источником этого увеличения является уже не труд, а используемые им даровые силы природы.

Этого, по-видимому, не усвоил т. Чуханов и впал в новую серьезную ошибку. Это видно уже из того, что свой «коэффициент расширения» он измеряет по объему прироста продукции, без анализа составляющих его элементов. Полагая, что прирост объема валовой продукции должен служить задачам расширенного воспроизводства, он уподобляет этот прирост понятию прибыли в условиях капитализма. Если капитал не приносит хозяину ожидаемой прибыли, то он рассматривает это как прямой себе *ущерб*. «Этот ущерб определяется, — по словам т. Чуханова, — как сумма недополученной (по сравнению с максимальной при нормально протекающем строительстве) прибыли на вложенный капитал». В условиях социализма, заменяя прибыль приростом продукции, т. Чуханов требует, чтобы и *недополученный прирост продукции*, по сравнению с установленной им нормой в 15% от суммы вложений в технику, рассматривался как *ущерб*. И, мало того, он требует, чтобы этот «ущерб» включался в учет полной себестоимости, сверх всех фактических затрат прошлого и живого

труда. Аналогией и здесь для него служит «цена производства, включающая, кроме издержек производства, также среднюю норму прибыли», которая к тому же определяет, по его мнению, и «полную стоимость» продукции.

В этом словоупотреблении проявляется лишь полное смешение таких категорий политической экономии, как цена производства, стоимость и себестоимость, причем полная себестоимость, по Чуханову, даже превышает стоимость, известную нам по Марксу, включая в себя сверх прошлого и живого труда и еще нечто неведомое даже Марксу. Учитывая, однако, что т. Чуханов — теплотехник, а не экономист, мы не стали бы предъявлять ему слишком преувеличенные требования в этой области. Можно было бы даже поставить ему в заслугу, что, не преклоняясь ни перед какими «догмами», он смело выступает в качестве новатора в политической экономии социализма. К сожалению, вместо достижений творческого марксизма у него получилась пока только новая погудка на старый, капиталистический лад.

Особое внимание т. Чуханов уделяет ущербу от «замораживания» капиталовложений в *строительстве* производственных предприятий. Исходя из своего требования, чтобы каждые 100 млн. руб. вложений давали ежегодный прирост продукции на 15 млн. руб., т. Чуханов думает, что вложения в строительную технику до пуска строящегося объекта в эксплуатацию «бездействуют», и исчисляет мнимый ущерб от этого мнимого бездействия. Однако это наивнейшее заблуждение. Разве в результате строительства не получается ежегодного прироста продукции? Или вложения в новую строительную технику не повышают производительности труда? Нужно еще доказать, что эффективность вложений в строительство ниже, чем соответствующий эффект вложений в другие отрасли производства, прежде чем исчислять вытекающие отсюда потери или выгоды. А статистика свидетельствует, что темпы роста производительности труда в строительстве не ниже, чем в промышленности.

З. Ф. Чуханов считает почему-то «замороженными» и те вложения в технику эксплуатируемых предприятий, которые заведомо действуют и, повышая в них производительность труда, тем самым увеличивают объем создаваемой в них продукции. И он хотел бы этот *положительный эффект* под названием «ущерба от замораживания вложений» записать *в расход* в качестве издержек производства, распределив этот мнимый расход пропорционально вложениям в технику различных предприятий. Включая этот «расход» в издержки по статье, именуемой им «полные амортизационные начисления», т. Чуханов достигает поистине изумительных результатов.

Ратуя за повышение уровня техники, он, во-первых, предлагает эффект от ее внедрения рассматривать как ущерб народному

хозяйству. Затем распределяя этот «ущерб» между отдельными производствами в пропорции, обратной эффективности их техники, он сам лишает себя возможности определить, какая же из них в действительности эффективнее. И, наконец, завышая нормы амортизации в предприятиях с наиболее высоким уровнем техники, он тем самым уже прямо *штрафует* их за внедрение прогрессивной техники.

Мы думаем, что не поздоровилось бы новой технике от таких ее пропагандистов и теоретиков, как З. Ф. Чуханов.

Но особенно печальные выводы от применения его теории получаются для развития наиболее высокой и прогрессивной техники в производстве гидроэлектроэнергии. И эти выводы на первый взгляд как будто подкрепляются современной ориентацией в строительстве электростанций. Но это только на первый взгляд.

Если учесть различные сроки строительства тепловых и гидроэлектростанций и коренную проблему предстоящего семилетия, проблему максимального выигрыша времени в соревновании с капиталистическим миром, то станет вполне понятной установка новой плановой семилетки на преимущественное строительство *тепловых* станций. Фактор времени в этом случае является решающим, и, как известно, мы будем строить *главным образом* тепловые станции. Однако не только их. Ведь отдавая должное фактору времени, мы не можем оставлять без учета и такие качества гидростанций, в которых они, несомненно, превосходят тепловые, в особенности если отвлечься от более длительных сроков строительства и учитывать весь срок эксплуатации тех и других. З. Ф. Чуханов готов вообще отказаться от строительства гидростанций. И в этом с ним никак нельзя согласиться.

Если забыть на время о таких новаторских идеях т. Чуханова, как «замораживание» новой техники в наиболее эффективных ее проявлениях, то вполне объективное сопоставление показателей тепловых и гидроэлектростанций не оставит никаких сомнений в техническом и экономическом превосходстве гидроэлектростанций. Правда, из расчета на 1000 *квт* установленной мощности они в среднем примерно в 2,5 раза дороже тепловых, но зато себестоимость 1 *квт-ч* энергии на них раза в четыре с лишним дешевле. Не располагая отчетными данными по всем издержкам производства электроэнергии, мы все же можем представить их в таком примерно сопоставлении (см. табл. 4).

Приведенные соотношения ясно отражают преимущества гидроэлектростанций по сравнению с тепловыми и по стоимости энергии (в 4—5 раз), и по выработке ее на одного работника (раз в 5), и по энерговооруженности (раз в 6), и по органическому строению фондов (раз в 15). Кроме того, при средней стоимости элект-

Таблица 4

Сравнительные показатели производства электроэнергии на тепло- и гидроэлектростанциях [1]

Показатели \ Род станций	Тепловые	Гидростанции	В среднем
1	2	3	4
1. Установленная мощность (в тыс. *квт*)	1 000	200	1 200
2. Срок амортизации (в годах)	20	100	27
3. Продукция за год (в млн. *квт-ч*)	4 700	800	5 500
4. Основные фонды—*Ф* (в млн. руб.)	1 500	750	2 250
5. Производственный персонал (чел.)	6 000	200	6 200
6. Издержки производства (в млн. руб.)			
а) материалы	22	2	24
б) топливо и энергия	284	—	284
в) амортизация	75	7,5	82,5
г) прочие	17	5,7	22,7
Итого материальных затрат (c)	398	15,2	413,2
д) заработная плата (v)	72	2,4	74,4
Итого себестоимость ($c + v$)	470	17,6	487,6
е) продукт для общества ($m = 0,75\ v$)	54	1,8	55,8
7. Всего по стоимости ($c + v + m$)	524,0	19,4	543,4
То же за 1 *квт-ч* (в коп.)	11,2	2,4	9,9
В т. ч. по себестоимости	10,0	2,2	8,9
8. Выработка на 1 работника (в тыс. *квт-ч*)	783,0	4 000,0	887,0
9. Строение фондов ($Ф : v$)	20,8	312,0	30,2
10. Энерговооруженность труда (в *квт*)	167,0	1 000,0	194,0

[1] Цифры условные. Однако они отражают действительную структуру мощностей.

роэнергии в 9,9 коп. за 1 *квт-ч* тепловые станции являются явно убыточными в размере 0,1 коп. на каждый киловатт-час [1], а прибыль гидростанций в 7,7 коп. на 1 *квт-ч*, несмотря на высокие капиталовложения, делает их вполне рентабельными. По нашей калькуляции годовая прибыль гидростанции с продукцией электроэнергии в 800 млн. *квт-ч* по 7,7 коп. составила бы 61,5 млн. руб., или 8,2% к основным фондам, исчисленным в 750 млн. руб.

Дополнительных капитальных затрат для замены тепловой станции гидростанцией потребовалось бы на 1 млн. установленных киловатт мощности максимум около 2250 млн. руб. [2] при годовой экономии в эксплуатации около 427 млн. руб. И если измерять эффективность вложений сроком их «окупаемости», то и этот срок (около пяти лет) не вызвал бы возражений даже со стороны такого патриота теплотехники, как З. Ф. Чуханов. Но его сильно подводит принятая им теория «замораживания» вложений в долговременные сооружения. Он начинает исчислять свои «полные» амортизационные начисления, и, получив 30 коп. одних лишь этих начислений на 1 *квт-ч* гидроэнергии, при полной его стоимости в 2,5 коп., он, вместо того чтобы поставить себе при такой оказии термометр под мышку и холодный компресс на голову, открывает кампанию против гидроэлектростроительства. Конечно, преувеличив совершенно произвольно раз в тридцать норму амортизации вложений в гидроэнергетику, легко «доказать», что энергия гидростанций много дороже, чем тепловых, и обосновать безусловное предпочтение этим последним.

Исчисляя норму амортизации на погашение износа гидростанции в 30 коп. на 1 *квт-ч* вместо 1 коп., Чуханов тем самым хочет полностью амортизировать ее не за 100 лет, а всего за 3,1 года. А затем что с ней делать? Выбросить, что ли? Это совершенно бредовая идея. И, чтобы удостовериться в этом, не нужно быть великим математиком.

4. О ФАКТОРЕ ВРЕМЕНИ

Среди многих привходящих обстоятельств особое значение в оценке эффективности вложений имеет учет фактора времени при различных сроках строительства проектируемых объектов и разных сроках службы завязанных в эксплуатации средств труда. Дело в том, что технический прогресс, неуклонно повы-

---

[1] Фактические цены достигают в среднем 12,8 коп.

[2] С учетом вложений в угольную промышленность для тепловых станций гораздо меньше.

шая производительность живого труда, тем самым в результате так называемого «морального» устарения действующей техники столь же неуклонно обесценивает все уже овеществленные в ней плоды труда прошлого. Стоимость любых орудий труда, как и всех иных продуктов, определяется не фактически овеществленными в них затратами труда, а средними общественно необходимыми по условиям их *воспроизводства* в тот или иной момент затратами. Таков объективный экономический закон производства. И если, внедряя новую технику, мы повышаем производительность труда в народном хозяйстве, скажем, на 6%, то вместе с удешевлением всей новой продукции на 5,7% [1] в той же пропорции обесценятся и все действующие и бездействующие производственные фонды страны. И если эти фонды подвергаются переоценке, то изменяется и их реальная эффективность, отнесенная к новой, восстановительной их оценке.

Однако производственное значение машин и орудий не меняется в результате таких переоценок их по стоимости. И потому во всех случаях, когда изучается *производственный* эффект обновления техники в расширенном ее воспроизводстве, растущий объем средств труда надлежит сопоставлять в неизменных ценах, без всякой переоценки. О производственном эффекте средств труда, впрочем, можно говорить лишь за тот период, когда они находятся в действии. Бездействующее оборудование не может создать никакого положительного эффекта. Но с увеличением сроков службы действующих средств труда до полного их износа или замены в результате устарения производственный эффект их возрастает. И при сопоставлении вариантов с разными сроками вступления в действие и выбытия из него различных производственных фондов оценка их эффективности без учета фактора времени может оказаться весьма дефектной. Дело в том, что ежегодный эффект внедренной техники, выраженный объемом добавочной продукции или в неизменных ценах этого объема, не меняется во времени, а стоимость его в условиях технического прогресса неуклонно из года в год снижается.

Мерой стоимости продукта, как известно, является овеществленный в нем труд. При этом принимается, что за единицу времени, скажем за человеко-час труда, всегда создается *равное* количество новой стоимости. Известно также, что стоимость можно выразить и в денежной форме. Поэтому построение динамических стоимостных рядов производится в денежном выражении, в ценах любого года, принимаемого за базис для динамических сопоставлений. Возвращаясь к вариантам вложений по таблице 1 и допуская, что уровень техники в проектируемых объектах остается за весь срок их службы неизменным,

---

[1] 100 : 106 = 94,3%.

а средний уровень производительности труда в связи с обновлением техники во всей стране будет ежегодно возрастать на 6%, мы получим такой суммарный эффект по каждому из них за ряд лет из расчета на 100 тыс. руб. начальных вложений (см. табл. 5).

Таблица 5

Эффект вложений в новую технику
(на 100 тыс. руб.; цифры условные)

Годы	Производительность труда	I вариант			II вариант		
		по объему	по стоимости		по объему	по стоимости	
			за 1 год	за все годы		за 1 год	за все годы
1	2	3	4	5	6	7	8
Базис	100	4 725	4 725	4 725	7 250	7 250	7 250
1	106	4 725	4 458	4 458	7 250	6 840	6 840
2	112,4	4 725	4 204	8 662	7 250	6 450	13 290
3	119,1	4 725	3 967	12 629	7 250	6 087	19 377
4	126,2	4 725	3 744	16 373	7 250	5 745	25 122
5	133,8	4 725	3 531	19 904	7 250	5 419	30 541
10	179,1	4 725	2 638	34 782	7 250	4 048	53 369
20	320,7	4 725	1 473	54 199	7 250	2 261	83 164
30	574,3	4 725	823	65 044	7 250	1 262	99 805
36	814,7	4 725	580	69 090	7 250	890	106 013

Как видим, и суммарный эффект вложений за целых 36 лет по второму варианту (по объему и по стоимости) выше, чем по первому, в том же отношении, как и за один первый год на 53%. Говоря иначе, учет воздействий фактора времени в этом случае ничего не меняет. И это понятно, ибо оба объекта функционируют одновременно. Но допустим, что в связи с различными сроками строительства второй объект вступит в строй, скажем, на пять лет позже первого, и мы убедимся, что эффект этого варианта по стоимости сразу резко снизится на 30,5 тыс. руб. Снизятся и его преимущества по сравнению с первым, а при разрывах в сроках пуска до 10 лет эти преимущества окажутся в данном примере уже на стороне первого варианта.

С устарением техники эффект начальных в нее вложений падает в геометрической прогрессии обратно пропорционально возрастанию производительной силы труда. Так, например, при темпах этого возрастания в 6% за год начальный эффект, равный, скажем 10% вложений, через 10 лет не превыша-

ет 5,5%, через 30 лет падает до 1,8%, а через 40 лет становится уже меньше 1%, через 100 лет снижается до 0,03% и т. д. Поэтому различные сроки службы внедряемой техники сверх обычных 30—40 лет уже не играют существенной роли в учете ее эффективности, тем более что запроектировать с достаточной точностью рост производительности труда даже на пять лет вперед не всегда удается, а при расчетах эффективности на 50 лет вперед и выше возможная их точность, несомненно, будет много ниже вероятной ошибки. Но в пределах более кратких периодов эксплуатации обновляемой техники ожидаемое продление или сокращение сроков службы этой техники с учетом фактора времени может оказать заметное влияние на величину измеряемого эффекта. В таких случаях игнорировать этот фактор не следует.

Здесь уместно сделать следующее замечание. Задержка в пуске новой техники в эксплуатацию хотя бы на один год чревата такими потерями в ее эффективности, которые не возмещаются продлением службы этой техники сверх 30 лет даже за 6 лет (—6840 и + 6208). В связи с этим большое внимание уделяется «замораживанию» капитальных вложений в длительном строительстве тех или иных объектов. Однако, исчисляя вытекающие отсюда потери, не следует забывать, что и строительная отрасль промышленности, как и все другие, в условиях технического прогресса повышает производительность труда и, стало быть, вложения в нее могут быть даже более эффективными, чем, скажем, в металлургические заводы или большие гидростанции с наиболее длительными сроками строительства. Известно, в частности, что за 1950—1956 гг. производительность труда в промышленности выросла на 54%, а в строительстве — на 60% [1]. И, стало быть, далеко не всякие вложения в строительство «замораживаются» в нем безрезультатно.

Истина всегда конкретна. А потому и в оценке эффективности вложений по вариантам с разными сроками строительства лучше всего подсчитать ее конкретно за все годы действия этих вложений, начиная с первого года строительства. При этом может оказаться, что уже за годы строительства гидростанции, например Братской ГЭС, благодаря конкретным условиям ее проекта будут получены такие выгоды, которые полностью или даже с избытком перекроют потери в эксплуатации готовой станции, обусловленные длительностью этого строительства.

И еще одно замечание о факторе времени. Мы учитываем связанный с ним эффект внедрения новой техники за тот или иной срок в единицах *стоимости*. Но ни одна денежная валюта не обладает высокими качествами этой трудовой валюты. И даже наиболее устойчивый золотой рубль, покупательную способность

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1956 году», 1957, стр. 40.

которого можно бы признать достаточно стабильной по отношению к другим товарам, по отношению к стоимости, создаваемой, скажем, за один человеко-час труда, является в условиях технического прогресса *падающей* валютой. И потому одна и та же стоимость средств труда, скажем на 100 золотых рублей по оценке базисного года, через год при заданном росте производительности труда пришлось бы оценить в 106 руб. золотом, через два — в 112,4 руб. в той же валюте и так далее с возрастанием за каждый год по сложным процентам.

В таком случае, поспешат заключить апологеты капиталистической эксплуатации труда, все предприниматели, требуя в такой падающей валюте проценты на свой капитал, только полностью возмещают действительную стоимость своих капитальных затрат. Где же тут эксплуатация чужого труда?

Однако это слишком поспешный вывод. Если бы все предприниматели извлекали из производства в виде процентов только эквивалент своих вложений в средства труда, то они никогда не выполнили бы основной своей задачи — приумножения своих капиталов и обогащения. Если падает стоимость рубля, то растут товарные цены. И капиталисты ничего на этом не теряют, а даже кое-что выигрывают, оплачивая рабочую силу падающим рублем. А если при этом в результате технического прогресса средства труда дешевеют, то предпринимателю предоставляется возможность не только восстановить полностью их износ за счет извлекаемых из производства сумм амортизации, но даже приумножить производственную мощность обновляемых средств труда для расширенного воспроизводства его основной продукции. Однако все прочее, чего требует капитал *сверх* эквивалента, — это уже от лукавого.

Конечно, предпринимателю свойственно добиваться, чтобы его капитальные затраты окупались и дважды и трижды. Но в *наших* условиях даже самый термин «окупаемость» в применении к таким категориям политической экономии, как норма прибыли или проценты на капитал, звучит грубой фальшью и режет ухо грамотного марксиста. Там, где каждому предпринимателю монопольное владение средствами производства предоставляет возможность, помимо возмещения своих затрат, извлекать еще и приличную норму прибыли из неоплаченного труда своих рабочих, он не столько окупает этим свои затраты, сколько попросту весьма бесцеремонно залезает в чужой карман. И этот его акт в условиях капитализма ничем уже — ни тюрьмой, ни иными санкциями, — к сожалению, не «окупается».

Таким образом, источник обычной нормы прибыли ясен. Это продукт дополнительного труда рабочих, который в условиях капитализма попросту присваивается их хозяевами, а в условиях социализма обращается рабочими, уже в собственных

своих интересах, на общественное потребление и расширение производства.

Но эффекты, вытекающие из внедрения новой техники, не следует отождествлять с теми эффектами, какие определяют нормальную рентабельность производства. Средняя норма прибыли обеспечивается всем предпринимателям в условиях капитализма и при *стабильном* уровне техники. А внедрение новой техники на том или ином участке общественного производства, являясь новым источником повышения рентабельности, каждый раз лишь нарушает уже установившееся равенство норм прибыли в предприятиях с различным строением капиталов. Эффект внедрения новой техники прежде всего является результатом творческих усилий ума изобретателей, двигающих вперед технический прогресс. Но это лишь капля в море никем не оплаченного умственного труда, ибо той же цели служат и общие успехи всей мировой науки и культуры всех времен и народов. Говоря иначе, эффекты новой техники, кто бы их ни присваивал, нельзя приписывать отдельным коллективам трудящихся на том или ином предприятии. Они являются в основном результатом *всеобщего* труда, а потому и принадлежать должны, подобно всем даровым благам природы, никому в частности и всему обществу в целом, как это имеет место в условиях советской социалистической экономики.

5. СТОИМОСТЬ ИЛИ ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА

В наши дни как будто уже не осталось экономистов, которые, признавая действие закона стоимости в условиях социализма, упорно отрицали бы возможность учета стоимости в этих условиях. Положение «закона» такой непознаваемой стоимости становилось тем безнадежнее, что и никакого будущего за ним не признавалось, поскольку во второй фазе коммунизма сама категория стоимости предполагается отпавшей, а что придет ей на смену, пока неизвестно. С законом «непознаваемой» стоимости нечего было делать, и его игнорировали на практике, а закон, по-видимому, все же действовал, в свою очередь игнорируя эту практику.

Теперь большинство советских экономистов уже не сомневается в необходимости считаться с этим законом, учитывая не только себестоимость, но и полную *стоимость* создаваемой в стране продукции. Особенно актуальной эта проблема становится для учета и планирования эффективности капитальных вложений в новую технику. Но здесь возникают новые сомнения. А как же именно и в каких модификациях подлежит учету стоимость в наших социалистических условиях?

Наряду с классической трактовкой понятия стоимости Марксом в первом томе «Капитала» ряд экономистов ставит на обсуждение при этом, как более для нас предпочтительную, ту модификацию этого понятия, которую Маркс анализирует в третьем томе «Капитала» под названием «превращенная форма стоимости», или «цена производства» [1]. И, хотя этого мнения придерживаются лишь немногие советские экономисты, с ним следует посчитаться.

Практически различие между стоимостью и ценой производства сводится здесь к тому, что прибавочная стоимость — m в межотраслевом ее распределении по закону стоимости создается пропорционально *переменному* капиталу или живому труду — v, по формуле $m_1 : v_1 = m_2 : v_2 = m_3 : v_3 = q$ const., а в ценах производства та же прибавочная стоимость — m перераспределяется пропорционально всему авансированному капиталу $v + C = K$ по формуле: $m_1 : \kappa_1 = m_2 : \kappa_2 = m_3 : \kappa_3 \ldots = n$ const., где n означает среднюю норму прибыли. Теоретически же предпочтение, отдаваемое второй формуле перед первой, означало бы с нашей стороны сползание на чуждые нам позиции капиталистической практики в ценообразовании.

Впрочем, поступила уже в обращение и третья концепция, эклектически объединяющая обе первые, утверждая, что «стоимость прибавочного продукта», присоединяемая к «себестоимости» его для получения полной «общественной стоимости», образуется пропорционально «массе живого труда, занятого в данной отрасли, и объему основных и оборотных фондов, закрепленных обществом за данной отраслью» [2]. Здесь как будто предлагается руководствоваться тем же отношением $m : (v + C) = q$, или $m : K$, но только не в стоимостном, а в *натуральном* измерении. Но как себе мыслит автор сложение рабочей силы с объемом постоянных фондов пока неизвестно.

Казалось бы, что только вульгарные экономисты, возводящие идею самовозрастания капитала в незыблемую догму своей теории, могут и в практике цен производства усматривать логическое завершение своей теории. Марксистов, рекомендующих исчислять *стоимость*, подменяя ее *ценами производства*, которые заведомо и вполне закономерно отклоняются от стоимости, по-видимому, гораздо менее беспокоит необходимость логической связи между собственной теорией и практикой.

Конечно, они могут сослаться на факт господствующей практики цен производства во всем капиталистическом мире и, рассматривая социализм лишь как переходную ступень ко второй фазе коммунизма, заключить, что до тех пор, пока у нас все еще сохраняются товарные отношения, унаследованные от прошлой

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. III, гл. IX.

[2] *И. Малышев*, Использование закона стоимости в плановом хозяйстве. «Плановое хозяйство» № 7, 1957, стр. 72.

эпохи, из этого наследия отнюдь еще не исключены и цены производства, независимо от той или иной теории.

Однако и в оценке фактов следует исходить из правильно освещающей их теории. В частности, в отношении цен производства мы находим в теории Маркса вполне достаточное объяснение их возникновения для того, чтобы предвидеть и неизбежный конец их применимости. Маркс давно уже показал нам, что в простом товарном производстве цены соответствовали требованиям *эквивалентности* товаров в обмене, и, стало быть, *нормой* был обмен их по стоимости в точном смысле этого слова. Стойкие отклонения цен от стоимости в товарообмене с равнением в этих отклонениях на прошлый труд вместо живого стали возможны лишь в условиях капиталистических отношений в результате *конкуренции* частных капиталов между собою за максимальную норму прибыли [1]. Никаких других причин для утверждения в стихийной практике капиталистического рынка таких цен производства, кроме конкуренции частных предпринимателей, не было. И, стало быть, с устранением этой единственной их причины должна отпасть и вызванная ею практика ценообразования.

Но обобществление всех средств производства, реализованное в результате Октябрьской революции, радикально раз и навсегда устранило у нас конкуренцию частных капиталов, ликвидировав заодно и весь класс российских капиталистов. Конкурировать за равную норму прибыли у нас уже некому. Это и означает конец ценам производства — этой, по выражению Маркса, *внешней* форме товарной стоимости, «в которой товар выступает в *процессе конкуренции*, следовательно в сознании вульгарного капиталиста, а потому также и в сознании вульгарных экономистов» [2]. Так это дело понимал Маркс.

Цены производства в условиях капитализма Маркс объяснял тем, что «товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональные их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости» [3].Анализируя случай, когда «сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом», Маркс подчеркивает, что стоимость их дневного продукта с учетом потребленных средств производства была бы очень различна, в зависимости от совокупной стоимости последних. Тем не менее при прочих равных условиях каждый из них за день создал бы равное количество *новой* стоимости, которую можно рассматривать как заработную их плату плюс прибыль. И хотя индивидуаль-

---

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. III, гл. X об «Уравнении общей нормы прибыли посредством конкуренции», стр. 180—207.

[2] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 206. Курсив наш. — *С. С.*

[3] Там же, стр. 182.

ные нормы прибыли при таком анализе были бы очень различны, каждый из них при эквивалентном обмене получил бы за вычетом стоимости авансированных постоянных элементов за продукт своего дневного труда равную стоимость. «Таким образом, — заключает Маркс, — при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством» [1].

Еще более безразличным обстоятельством является такое различие норм прибыли в условиях СССР, где вся прибыль поступает в один карман и перераспределяется в любом направлении. Кстати сказать, мы уже лет сорок и не исчисляем никаких норм прибыли, настолько они нам безразличны были до сих пор. Но зато нашим рабочим и крестьянам далеко не безразлично любое отклонение цен от стоимости в товарообмене города и деревни.

По теории Маркса, закон стоимости в отличие от закона цен производства управляет ценами и движением цен не в одной, а в целом ряде экономических формаций. «Это относится к таким укладам, когда работнику принадлежат средства производства»[2], — поясняет свою мысль К. Маркс в «Капитале». Но ведь и в СССР средства производства принадлежат работникам. В другом месте, имея в виду уже заведомо социализм, в той его самой ранней фазе, когда он *только что выходит* из капиталистического общества и сохраняет еще родимые пятна старого общества, Маркс опять-таки предвидит в нем не «цены производства», а такой принцип распределения, по которому «известное количество труда в одной форме обменивается на *равное* количество труда в другой» [3], т. е. предвидит действие закона стоимости в его классической форме *эквивалентного обмена*. Так этот принцип трактуется и ныне в теоретическом органе нашей партии [4].

Особого внимания заслуживает частный случай, когда мы имеем дело с производством *одного и того же товара* на предприятиях различного технического уровня. В этом случае цена этого товара остается, конечно, одной и той же, независимо от различного уровня издержек производства, а рентабельность вложений в наиболее передовых предприятиях быстро в связи с удешевлением продукции возрастает. Некоторые экономисты готовы усмотреть в этом *росте* рентабельности вслед за возрастанием вложений проявление закона цен производства. Но это явное самообольщение. Закон цен производства предполагает

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 184.

[2] Там же.

[3] *К. Маркс*, Критика Готской программы, Госполитиздат, 1959, стр. 20. Курсив наш. — *С. С.*

[4] См. *С. Ковалев*, Пережитки капитализма в сознании людей и пути их преодоления. «Коммунист» № 3, 1957, стр. 33.

равенство нормы прибыли, а в данном случае мы получаем *рост* ее, который противоречит закону цен производства, но вполне объясняется в условиях действия закона стоимости как прямой эффект возрастающих вложений в более прогрессивную технику.

Поясним это следующим сопоставлением (см. табл. 6).

Таблица 6

Показатели предприятий разного уровня техники
(цифры условные)

Показатели \ Предприятия	Отсталое	Рядовое	Передовое	Итого
1	2	3	4	5
1. Основные фонды (в тыс. руб.)	54 000	60 000	66 000	180 000
2. Число рабочих	1 100	1 000	900	3 000
3. Продукция (в тыс. *т*)	1 840	2 000	2 160	6 000
Выработка рабочего (в %)	84	100	120	100
4. Издержки производства (в тыс. руб.)				
а) материальные (*c*)	23 920	26 000	28 080	78 000
б) заработная плата (*v*)	8 800	8 000	7 200	24 000
Итого $(c+v)$	32 720	34 000	35 280	102 000
в) продукт для общества (*m*)	6 600	6 000	5 400	18 000
5. Индивидуальная стоимость (W_i)	39 320	40 000	40 680	120 000
6. Общественная стоимость (W_o)	36 800	40 000	43 200	120 000
7. Эффект вложений $Э = W_o - W_i$				
в тыс. руб.	— 2 520	—	+ 2 520	—
в % основных фондов	— 4,7	—	+ 3,8	—
8. Фактическое накопление $(m+Э)$				
в тыс. руб.	4 080	6 000	7 920	18 000
норма прибыли (в %)	7,6	10,0	11,0	10,0

Если бы в наших предприятиях производились продукты различного назначения, например хлеб, уголь, цемент, то сопоставление их по массе произведенной потребительной стоимости оказалось бы неосуществимым, и продукт для общества — *m*, создаваемый живым трудом, изменялся бы здесь в прямой пропорции к затратам этого труда. Но в нашем случае все три предприятия дают один и тот же продукт, скажем, уголь, и при равном его качестве и цена его будет равная — 20 руб. за тонну. А между тем затраты на тонну угля в связи с различной производительностью труда в них не равны. Экономию или перерасход этих затрат про-

тив средней нормы мы и рассматриваем в качестве *эффекта* различных вложений в технику. Не трудно заметить, что этот эффект как раз равен разнице между общественной и индивидуальной стоимостью продукции. Закон стоимости при этом не терпит, стало быть, никакого ущерба. А фактическая рентабельность передовых предприятий повышается по сравнению со *средней* нормой накоплений как раз на величину этой экономии затрат, вытекающей из индивидуальных различий капиталовооруженности и производительности труда в этих предприятиях.

Норма прибыли при этом не обнаруживает никакой тенденции к выравниванию в предприятиях различного уровня техники. А если б мы попытались искусственно ее выравнять в процессе ценообразования, то пришлось бы вопреки здравому смыслу и законам экономики один и тот же товар продавать по разным ценам, например, сталь с передовой Магнитки продавать много дешевле стали самых отсталых металлургических заводов. И это никчемное выравнивание нормы рентабельности лишь затруднило бы нам правильное соизмерение сравнительной эффективности различных вложений в обновление техники, создавая ложное впечатление, что любые вложения, даже самые нерациональные, *равно эффективны*, ибо в равной мере рентабельны.

Таким образом, ни для какого уклона в сторону цен производства оснований в нашей теории нет. Что же касается нашей практики ценообразования, то в ней такой ясности доныне не чувствовалось. Вполне понятно, что практики не имеют достаточно времени, чтобы слишком углубляться в *теорию* планирования цен в совершенно новых экономических условиях, когда стихия рынка уже не приходит им на помощь в этой нелегкой задаче. В таких условиях не трудно и заблудиться в каких-нибудь идеологических пережитках прошлого, тем более что и теоретики, игнорируя закон стоимости, не спешили к ним на помощь. Во всяком случае за много лет планирования цен только один из прямых в нем участников, освободившись от своей нагрузки в этой практике, удосужился написать целую диссертацию о ценообразовании в СССР. Автор этой давнишней книги, Ш. Турецкий, в отображении всей кухни тогдашнего ценообразования был, несомненно, на высоте своих задач. Он сам ведь стряпал в этой кухне. Ему, как говорится, и книги в руки. Но при всем том теоретическая ценность отображенной им практики поражает своим убожеством.

Цены планировались, по-видимому, от случая к случаю, скорее ощупью, чем следуя определенным общим теоретическим критериям. Не руководствуясь ни законом стоимости, ни превращенной его формой цен производства в поисках этих критериев, эта практика пыталась нащупать некую золотую середину между

идеями Маркса и вульгарных экономистов, предлагая за норму рентабельности советских предприятий принять отношение $m:(C+v)$. В отличие от нормы прибыли $(m:K)$, предполагающей, что накопление создается капиталом, и нормы накопления $(m : v)$, по которой оно создается только живым трудом, мы в этой эклектической отсебятине практиков находим «примирение» этих противоположных концепций, ибо, принимая за меру рентабельности отношение прибыли к себестоимости, мы тем самым молчаливо допускаем, что эта прибыль создается и живым, и мертвым трудом. А поскольку из прибыли при этом исключается весь налог с оборота, то для исчисления полной стоимости продукции и этот ублюдочный критерий — равнения прибыли на себестоимость — теряет всякую определенность.

Теперь, с признанием закона стоимости, все это уходит уже в прошлое. Но к чести наших практиков следует признать, что даже в те годы, когда они в планировании цен еще плавали вовсе без руля и без ветрил, они не сбивались с пути в сторону цен производства. Скорее можно сказать, что в допускавшихся ими отклонениях цен от стоимости наблюдалась обратная тенденция. Дело в том, что в условиях капитализма цены производства, как известно, в отраслях с высоким строением капиталов отклоняются в сторону повышения, а в отраслях с низким строением — в сторону понижения от уровня стоимости. Но всякое повышение цен ограничивает сбыт и, стало быть, сокращает производство тех отраслей труда, где они растут, по сравнению с теми, где они падают. И, стало быть, такое повышение цен производства в отраслях наиболее вооруженного труда и высокой техники является тормозом технического прогресса. Наша практика ценообразования, наоборот, в отраслях высокого уровня техники планирует *пониженные* по отношению к стоимости цены, переадресовывая излишки накоплений повышением цен в отрасли более низкого строения.

Таким образом, не только наша теория, но и вся сорокалетняя практика советского ценообразования не пошли по линии цен производства, на которую пытаются нас столкнуть некоторые экономисты. Весьма поучительно также, что эта практика планирования, даже продвигаясь ощупью, прошла уже за последние годы не малый путь по линии все большего *сближения* оптовых и розничных цен с уровнем *стоимости* всех видов продукции.

Решения XX съезда нашей партии и территориальный принцип управления промышленностью, несомненно, потребуют и дальнейшего упорядочения нашего ценообразования на базе полного учета всех элементов *общественных* издержек производства и обращения. А всякое улучшение в учете стоимости в огромной степени облегчит нам не только полный учет эффективности

наших вложений, но и более успешное *планирование* внедрения новой техники в народное хозяйство СССР.

Конечно, новая техника, повышая производительность передовых предприятий, повышает одновременно и уровень их рентабельности по сравнению с более технически отсталыми — при прочих равных условиях. Но это повышение рентабельности одних предприятий в порядке перераспределения, за счет снижения ее в других, не нарушает закона стоимости, поскольку он регулирует не индивидуальные, а общественные издержки производства и поскольку за каждым повышением производительности следует соответствующее снижение уровня *стоимости* в соответствующих отраслях производства, независимо от тех или иных цен.

Снижение *стоимости* — при любых ценах — это наиболее верный и совершенно незаменимый критерий эффективности новой техники. Значит, без учета стоимости нельзя обойтись в нашем планировании.

XI. СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН НА 1959—1965 гг. *

1. РЕШАЮЩИЙ ЭТАП НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ

Величественная программа народнохозяйственного строительства в СССР, намеченная нашей партией на ближайшие годы, несомненно, представляет собой не только новый *крупный* шаг, но и *решающий* этап в нашем продвижении к высотам коммунизма. Она свидетельствует о том, что уже лет через 12—15, а может быть и раньше, СССР сможет выйти на *первое место в мире* как по абсолютному объему производства, так и производству продукции на душу населения, тем самым советскому народу будет обеспечен *самый высокий в мире* уровень жизни. Вместе с тем эта программа рассчитана на то, чтобы уже за ближайшие *семь лет* (к 1965 г.) производство *главнейших* видов продукции в СССР превзошло *современный* уровень США. Это будет *решающим* этапом в мирном соревновании с капиталистическим миром.

Ставя своей главной задачей *создание материально-технической базы коммунизма*, семилетний план намечает грандиозную программу роста и бурного технического прогресса всех отраслей производства на основе преимущественного развития тяжелой индустрии. Семилетний план является *решающим* этапом в осуществлении идеи Ленина о сплошной электрификации страны. Строятся крупнейшие в мире тепловые, гидро- и атомные электростанции. Выработка электроэнергии в 1965 г. достигнет 500—520 млрд. *квт-ч*. Расширяется почти в два раза машиностроение с основным его направлением на производство оборудования для комплексной механизации, автоматизации и химизации производства. За семилетие обеспечивается ввод в действие не менее 1300 автоматических линий, в 2,6 раза увеличивается приборостроение, в 4,7 раза — производство счетно-вычислительных машин. И весь этот план подкрепляется небывалой суммой капитальных вложений государства в народное хозяйство — около 2 триллионов руб. А если учесть еще вложения колхозов,

* Написано в декабре 1958 г. — феврале 1959 г. Публикуется впервые.

а также жилищное строительство за счет населения, то общая сумма капиталовложений за семилетие достигнет почти 3 триллионов руб. (до 430 млрд. руб. в среднем за год), т. е. суммы, примерно равной капиталовложениям за все годы Советской власти.

Больше всего средств направляется на развитие промышленности, продукция которой за 1959—1965 гг. должна возрасти на 80%, в том числе продукция средств производства — на 85—88 и предметов потребления — на 62—65%. Заметим, что ежегодный прирост предметов потребления будет не ниже 7,3%, что в несколько раз превышает американские темпы их роста. Нужно также учесть, что и продукция сельского хозяйства за последние годы возрастала в СССР не менее чем на 7,1% в год, в то время как в США этот рост не превышал 1,1%. За 1959—1965 гг. в сельское хозяйство СССР будет вложено до 500 млрд. руб. с *удвоением* вложений против прошлых (1952—1958) лет. Сбор зерна увеличится за семилетие до 10—11 млрд. пудов (164—180 млн. *т*), поголовье крупного скота возрастет в 3,2 раза, в том числе коров — в 2,2 раза.

Одной из важнейших задач текущей семилетки партия намечает новый *подъем реальных доходов* трудящихся города и деревни, а также дальнейшее развитие *социалистической культуры*, рост духовного богатства и уровня сознательности советских людей — активных строителей коммунизма. Семилетний план предусматривает рост фондов народного потребления в СССР на 60—63%, с решительным качественным сдвигом в структуре питания. Избытки зерновой продукции в размере до 85—90 млн. *т* будут обращены на корм скоту, и это позволит увеличить годовую продукцию молока до 105 млн. *т* — в 1,7—1,8 раза, мяса в убойном весе — до 16 млн. *т* — в два раза. Значительно расширяется также улов рыбы, производство животных и растительных жиров, овощей, фруктов и т. д. По уровню потребления ряда важнейших продовольственных товаров на душу населения СССР уже в 1965 г. догонит и перегонит наиболее развитые капиталистические страны.

В то же время семилетний план намечает огромное расширение жилищно-коммунального строительства, обеспечив его вложением 380 млрд. руб. В городах будет построено 15 млн. новых квартир с полезной площадью до 660 млн. *кв. м*. Это превышает весь городской жилищный фонд, созданный за годы Советской власти. В селениях будет построено около 7 млн. новых домов. Говоря иначе, новое жилье получит не менее 22 млн. семей, или 100 млн. человек. При условии, что квартирная плата у нас в несколько раз ниже американских норм, это не малый вклад в растущий уровень благосостояния трудящихся СССР.

Вместе с тем снижаются цены на ряд продуктов широкого потребления. Расширяется более чем вдвое и удешевляется общественное питание. Повышается *минимум* денежной заработной платы сначала до 400—450 руб., а затем до 600 руб. в месяц. К этому надо прибавить еще расходы государства на социально-культурные нужды (выплата пенсий и стипендий, бесплатное обучение и лечение, развитие народного образования, здравоохранения, советской науки и др.), которые вырастают с 215 млрд. руб. в 1958 г. до 360 млрд. в 1965 г. и составят в расчете на одного работника 3800 руб. в год. Сюда не входят затраты государственных средств на строительство жилищ, школ, различных культурно-бытовых и медицинских учреждений, которые также составляют немалую величину — 800 руб. на одного работника в год. Одновременно к 1960 г. завершается перевод всех рабочих и служащих на семичасовой и шестичасовой рабочий день без снижения зарплаты; а с 1964 г. предусматривается дальнейшее сокращение рабочего времени до 35 и 30 час. в неделю, которое будет завершено к 1968 г. В общем реальный уровень жизни рабочих должен возрасти примерно на 40% при сокращении рабочего дня в промышленности процентов на 20. Не менее чем на 40% возрастают при заданных планом ценах и реальные доходы колхозников.

Предусматривается коренное улучшение советской школы. Главная ее задача — сочетанием науки с трудовым политехническим обучением подготовить нашу молодежь к широкой общественной деятельности и полезному на любом поприще систематическому труду. Особое внимание обращается на развитие *общественного* воспитания детей в *школах-интернатах,* сеть которых возрастает к концу семилетки в 14 раз. В них на полном бесплатном иждивении будет обучаться до 2,5 млн. детей. Число учащихся во всех начальных и средних школах возрастет с 30 млн. до 38—40 млн. человек, в специальные техникумы и средние школы будет принято 4 млн. человек, из высших учебных заведений будет выпущено 2300 тыс. специалистов (на 40% больше, чем за предшествующие семь лет, в том числе инженеров — на 90% больше).

Общее число рабочих и служащих возрастает за семь лет с 54,6 млн. до 66,1 млн. человек (на 11,5 млн., или 21%), народный доход — на 62—65%. Производительность труда повысится за семилетку: в промышленности — на 45—50%, в строительстве — на 60—65, в сельском хозяйстве — на 55—60% в совхозах и на 100% в колхозах; на железных дорогах производительность труда возрастет на 34—37% и превысит нынешний уровень ее в США.

За годы семилетки будут достигнуты крупные успехи в дальнейшем совершенствовании социалистических производственных

отношений. Развитие колхозного строя пойдет по линии ускоренного роста *неделимых фондов* сельскохозяйственных артелей, по линии укрепления *межколхозных производственных связей*. Значительно расширится практика объединения средств для совместной организации и строительства общих электростанций, оросительных и осушительных систем, различных промышленных предприятий, а также школ (особенно школ-интернатов), домов для престарелых, больниц, клубов. При этом материальные, бытовые и культурные потребности колхозников все в большей мере будут удовлетворяться за счет *общественного* хозяйства колхозов, в связи с чем личное подсобное хозяйство колхозников будет терять свое значение и постепенно отмирать. Вместе с тем совхозы будут развиваться в направлении более активного вовлечения работников в *непосредственное управление* производством. Все это приведет к сближению двух форм социалистической собственности — колхозной и общенародной, к созданию в дальнейшем единой *коммунистической* формы собственности.

Здесь нам хотелось бы поставить на обсуждение вопрос о конкретных путях, об организационных формах, в которых может протекать процесс образования единой формы собственности в сельском хозяйстве.

Практика объединения колхозов для совместного межколхозного строительства и использования объектов производственного и культурно-бытового назначения открывает прямой путь к широкому объединению колхозов в *союзы* областного и республиканского масштаба. С другой стороны, демократизация в управлении совхозами логически может завершиться лишь *выборным* их управлением, скажем, по образцу колхозов. Именно таков, на наш взгляд, кратчайший путь к сближению двух форм социалистической собственности в советской деревне.

Рационализация и демократизация управления промышленностью и строительством с привлечением всех местных сил в советах народного хозяйства нашла у нас уже всеобщее признание. Однако наибольший эффект эта система может дать лишь в том случае, если она будет распространена и на продовольственно-сырьевую базу промышленности — на сельское хозяйство. В самом деле, оставляя управление наиболее распыленным сельским хозяйством в едином центре, в то время как управление промышленностью осуществляется многочисленными территориальными органами, мы существенно затрудняем межхозяйственные связи между ними. Отсутствие *непосредственной* хозяйственной *увязки* между ведущими отраслями индустрии и сельским хозяйством *на местах* становится в этих условиях особенно чувствительным. И завершение демократизации управления рано или поздно,

несомненно, потребует планового *подчинения* местным совнархозам, наряду с промышленностью, и преобразованного колхозно-совхозного сельского хозяйства.

Вопрос о необходимых *сроках* для таких преобразований, правда, еще не вполне ясен, но развернутое строительство коммунизма, предрешенное в установках семилетнего плана, настоятельно требует его скорейшего решения.

Выполнение величественных заданий семилетки уже к 1965 г. позволит обеспечить в *изобилии* население высококачественными предметами потребления, добиться самого высокого в мире *материального* уровня жизни трудящихся при самом коротком в мире рабочем дне.

Все это раскрывает перед нами уже зримые черты грядущего коммунизма. Эти черты не менее ярко сказываются в области *культурного* строительства и в методах коммунистического воспитания, в труде и на отдыхе, в домашнем быту. Они проявляются и в том задании плана, по которому каждый совхоз и колхоз будет обеспечен особой киноустановкой, и в том, что к концу семилетки в СССР появится почти 30 млн. новых радиоприемных точек, в том числе 12,5 млн. телевизоров, и в том, что тираж книг возрастет на 1600 млн. экземпляров, и в удвоении выпуска журналов, и в развитии советской литературы, искусства и науки, которые призваны отразить и разрабатывать проблемы, связанные с постепенным переходом к коммунизму.

Величественные задания предусмотрены и в области международных связей и разделения труда. Подсчеты показывают, что доля СССР в мировой промышленной продукции за время с 1917 по 1958 г. уже возросла примерно с 3 до 20%, что в 1965 г. все страны социализма будут производить *более половины* всей мировой промышленной продукции. Намечается дальнейшее расширение развития *специализации* и *кооперирования* производства стран социалистической системы, расширение практики товарищеского согласования планов, что открывает замечательные перспективы укрепления сотрудничества этих стран и ускоренного развития их экономики. Крепнут экономические связи СССР со слабо развитыми в экономическом отношении странами мира, которым наша страна всегда готова оказать бескорыстную помощь в развитии их национального хозяйства.

Семилетний план — это конкретное предложение Советского Союза всему капиталистическому миру и прежде всего наиболее развитым его странам соревноваться не на путях бесплодной и опасной «холодной войны» и истощающей гонки вооружений, а на *мирном* поприще. И если идеологи и заправилы «свободного» мира действительно верят в превосходство капиталистической системы над социалистической, то ничто, казалось бы, не мешает им принять этот вызов.

2. О ЗРИМЫХ РОСТКАХ КОММУНИЗМА

Переход от социализма к высшей фазе коммунистического общества — закономерный исторический процесс. К коммунизму общество не может перескочить из капитализма, не пройдя социалистической стадии развития. «От капитализма, — указывал В. И. Ленин, — человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям»» [1]. Но для этого, конечно, должны быть шаг за шагом созданы все необходимые материальные и духовные предпосылки.

При всем отличии развитого коммунизма от низшей его фазы между двумя этими стадиями зрелости коммунистического общества, однако, нет какой-то стены, отделяющей их друг от друга. Коммунизм вырастает из социализма, являясь прямым его продолжением. Уже сейчас мы наблюдаем, как развиваются и крепнут ростки этой высшей формы общественного развития. Все более внедряются в нашу жизнь коммунистические формы труда и организации производства и такие формы совместного удовлетворения потребностей граждан, как общественное питание, школы-интернаты, детские сады, ясли и т. п. Эти ростки и впредь будут развиваться и совершенствоваться.

Закономерный и непрерывный процесс перерастания социализма в коммунизм происходит постепенно. Скорость его протекания зависит от того уровня развития производительных сил и материального производства, который достигается еще в период социализма. Чем выше будет этот уровень, тем быстрее мы сможем *по мере вызревания условий* шаг за шагом последовательно построить коммунистическое общество.

Одним из основных признаков коммунизма, как известно, является распределение продуктов по потребностям. Но перейти к такой форме распределения можно лишь тогда, когда будет достигнуто изобилие материальных благ, а люди будут подготовлены к тому, чтобы работать и жить по-коммунистически. Перейти к коммунистическому принципу распределения сейчас, когда для этого еще не созданы условия, преждевременно. Это значило бы нанести ущерб самому делу строительства коммунизма. Нельзя вводить то, что еще не созрело. Это привело бы к компрометации нашего дела. Но нельзя и задерживаться на достигнутом, так как это вело бы к застою. Отсюда возникает конкретный вопрос о характере коммунистического принципа

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 62.

распределения, сроках его реализации и, следовательно, о темпах нашего продвижения к коммунизму.

Крупный вклад в решение этого вопроса сделал XXI съезд КПСС. В докладе Н. С. Хрущева указывается: «Полное удовлетворение потребностей всех советских людей в питании, жилье, одежде в необходимых и разумных пределах, вероятно, можно будет осуществить в недалеком будущем. Не так много нужно времени, чтобы, скажем, обеспечить школьников бесплатными завтраками и обедами, охватить всех детей садами, яслями, школами-интернатами с полным содержанием за счет общества. Что касается взрослого населения, то надо учитывать, что потребности людей в средствах существования не безграничны. Человек не может потребить, например, хлеба и других продуктов питания больше, чем это нужно для его организма. Существуют также известные пределы в пользовании одеждой и жильем. Конечно, когда говорится об удовлетворении потребностей людей, то имеются в виду не прихоти и не претензии на предметы роскоши, а здоровые потребности культурно развитого человека.

Более длительный срок необходим для того, чтобы у людей выработалась внутренняя потребность трудиться по способностям. Пока этого нет, общество не может обойтись без определенного нормирования рабочего времени, при котором каждый работоспособный должен давать определенное количество труда для создания необходимых обществу ценностей» [1].

Мы знаем, что уже в условиях социализма значительная и все более возрастающая часть материальных и культурных благ распределяется между членами общества независимо от количества и качества их труда, т. е. бесплатно. Общество расходует большие средства на бесплатное образование граждан, на бесплатное лечение, на пенсионное обеспечение, на пособия многосемейным, на бесплатное обслуживание клубами, библиотеками и т. д. И в дальнейшем, как учит нас партия, «расходы государства на эти цели будут увеличиваться. По мере нашего продвижения к коммунизму все больше будет возрастать забота общества о каждом человеке от его рождения до глубокой старости» [2].

В плановых заданиях семилетки намечена уже довольно конкретная программа построения коммунистического общества, программа, рассчитанная на создание условий для непрерывного и быстрого развития ростков этого нового общества. Конечно, это еще не календарный план развития общественного питания и воспитания детей и всего переустройства производственных отношений, но здесь уже раскрыты главнейшие направления в развитии такого генерального плана. Понятно, что все

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», Госполитиздат, 1959, стр. 85—86.

[2] Там же, стр. 88—89.

намеченное будет достигнуто не сразу, а шаг за шагом. Потребуется еще огромная работа по коммунистическому воспитанию людей, которому будет содействовать и сокращение рабочего дня и соединение школьного обучения с трудом, в результате чего вместе со всесторонним развитием людей и сам труд станет все больше превращаться в их первейшую жизненную потребность.

А пока у нас еще нет изобилия материальных благ, недостаточен уровень коммунистической сознательности, труд не стал жизненной потребностью людей, и необходимо материальное его стимулирование. В этих условиях основным критерием распределения, главным мерилом доли, получаемой каждым работоспособным от общества при распределении продуктов, является *труд*, его количество и качество. Это исключает, конечно, уравнительность в распределении и потреблении продуктов, но повышает материальную заинтересованность людей в результатах производства и стимулирует столь необходимый нам ныне рост производительности труда. Вот почему такой порядок мы считаем неизбежным для *первой* фазы коммунистического общества.

С победой колхозного строя этот принцип распределения утвердился и в колхозной деревне. Колхозный строй полностью отвечает уровню и потребностям развития современных производительных сил в деревне. Правда, до недавнего времени возможности и преимущества, которые открывает колхозный строй, использовались недостаточно полно. Но успехи, достигнутые за последние пять лет в сельском хозяйстве, убедительнее всего говорят о том, что колхозно-кооперативная форма производственных отношений далеко еще не исчерпала своих возможностей. И здоровый рост колхозных фондов, и рост *межколхозных* производственных связей, и широкие задачи электрификации сельскохозяйственного производства, его механизации и автоматизации, в процессе которых сельскохозяйственный труд постепенно превращается в разновидность труда индустриального, — все это потребует более систематического *объединения усилий многих колхозов*. Вместе с тем будет происходить соединение, своеобразное слияние колхозных средств производства с государственными, общенародными, а следовательно, и сближение колхозно-кооперативной собственности с общенародной, постепенное стирание граней между ними. Когда же произойдет полное слияние обеих форм собственности на высшем уровне их обобществления, это будет одновременно и решением более глубокой проблемы *преодоления существенных различий между городом и деревней*.

В современных условиях, когда образовалась мировая система социализма, когда социализм в СССР победил *окончательно* и *бесповоротно*, встают новые теоретические вопросы борьбы за победу социализма и коммунизма.

Эти вопросы нашли дальнейшую разработку на XXI съезде КПСС.

Победа социализма в Советской стране явится залогом общей победы всех социалистических стран на путях строительства коммунизма. Конечно, одни из них вступают на этот путь раньше, другие — позже. Но, связанные между собою нерасторжимым единством идеологии и практических задач планомерно-пропорционального развития, более отсталые из них, опираясь на опыт, сотрудничество и помощь всех других, быстро наверстывают время и подтягивают свою экономику и культуру к общему уровню. И это успешное выравнивание общего экономического фронта всех стран социализма убеждает нас в том, что, используя заложенные в социалистическом строе закономерности и возможности, эти страны в *высшую* фазу коммунизма будут переходить более или менее *одновременно*.

В связи со строительством коммунизма важное значение приобретает вопрос о *морали,* о нравственности людей будущего общества.

Буржуазные идеологи и политики, подпевающие им оппортунисты тратят немало усилий, чтобы доказать, будто коммунисты отрицают мораль. Себя же они рекламируют, как защитников моральных ценностей, гуманизма, свободы и прав личности. Но о моральных устоях буржуазии надо судить по ее делам, а не по словесной ханжеской рекламе ее апологетов и проповедников, тем более что, с молитвенниками в кармане и атомными бомбами в руках, они уже дали урок своей морали жертвам Хиросимы и Нагасаки в 1945 г.

В противовес этой морали эксплуататорских классов с ее звериной формулой: «Человек человеку волк», коммунизм утверждает иную мораль — мораль сотрудничества и коллективизма, дружбы и взаимопомощи. Здесь на первое место выдвигается забота об общем благе народа, о всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива, где человек человеку — не враг, а друг и брат. Вот мораль, какую воспитывает в нашей стране борьба за коммунизм. О ней заботился еще Ленин. Он требовал, чтобы «все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [1].

Этому же учит нас партия и теперь. «Чтобы прийти к коммунизму, — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, — самому справедливому и совершенному обществу, когда полностью раскроются все лучшие нравственные черты свободного человека, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего. Нужно развивать у советских людей коммунистическую нравственность,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 266.

в основе которой лежит преданность коммунизму и непримиримость к его врагам, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, добровольное соблюдение основных правил человеческого общежития, товарищеская взаимопомощь, честность и правдивость, нетерпимость к нарушителям общественного порядка» [1]. И эти устои коммунистической морали столь неразрывно связаны со всеми представлениями коммунистов о их социальном идеале общежития, что преданность этому идеалу уже сама по себе предполагает и верность этим моральным заветам.

Воспитывая коммунистическую молодежь, наша партия прежде всего укрепляет ее моральные устои. Вместе с тем все большее значение приобретают *моральные* стимулы к труду, все выше поднимается трудовой энтузиазм людей, растет эффективность всех наших народнохозяйственных планов. За их выполнение вступают в соревнование новые пополнения *все более сознательных* борцов за коммунизм. И само соревнование этих пополнений поднимается на новую, уже более высокую ступень. Многие тысячи бригад коммунистического труда уже ныне стремятся учиться, работать и жить *по-коммунистически*. И можно не сомневаться, что это вызовет к жизни еще небывалую волну энтузиазма и трудового героизма.

3. О РЕАЛЬНОСТИ СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Наметки семилетнего плана подверглись всенародному обсуждению, в процессе которого, следуя призыву партии развертывать шире критику и самокритику, предложено было немало конкретных поправок и дополнений. Но прежде всего хотелось бы остановиться на вопросе о *реальности* всего этого величественного плана в целом, присмотреться ближе к заверстанным в нем главнейшим направлениям, темпам и пропорциям развития.

Сопоставляя задания семилетнего плана с фактическими темпами роста экономики СССР за предшествующие годы, можно установить следующие факты:

	Темпы роста (в %)	
	1950—1957 гг.	1958—1965 гг. (план)
Народный доход СССР . . .	202	162—165
Объем промышленной продукции	225	180
Производительность труда	164	145—150

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», стр. 46.

Намеченные в плане темпы роста величественны, это особенно становится ясным с учетом одновременного сокращения рабочего дня до 6—7 час. И это вынуждены признать даже все более или менее серьезные приверженцы буржуазной идеологии. Уже 15 ноября 1958 г. лондонские специалисты из консервативного «Таймса» в редакционной статье, озаглавленной «Русский вызов», признали задания семилетнего плана СССР *смелыми* и намеченный рост продукции *грандиозным*. С некоторым опозданием к той же оценке примкнули и американские эксперты. Несколько дней спустя американский «Бизнес уик» (22 ноября) назвал советские темпы роста промышленной продукции *колоссальными*, отметив вместе с тем *огромное* увеличение этой продукции и в абсолютных цифрах. Они вынуждены оценить этот план как программу, которая, бесспорно, должна «зажечь воображение» народа, и не пытаются даже оспаривать *реальность* этой программы. Напротив, по свидетельству «Бизнес уик», «американские специалисты по Советскому Союзу сделали следующие заключения: у СССР есть *все основания достигнуть* своих общих промышленных заданий».

Однако западные специалисты, признав наши темпы грандиозными, пытаются найти утешение хоть в том, что эти темпы уже несколько замедляются в новой семилетке.

Но, увы, приходится лишить их и этого слабого утешения. О замедлении темпов роста в СССР можно говорить лишь по недоразумению или сознательно игнорируя общеизвестные факты. Конечно, в связи с меняющейся системой заданий на разных этапах планового хозяйства меняются и темпы роста отдельных отраслей труда. На одном этапе важнее всего обеспечить наиболее высокие темпы развития одним из них, например индустрии, на другом требуется крутой подъем сельского хозяйства или большой скачок в области жилищного строительства, или ликвидация временного отставания на каком-либо ином участке хозяйственного фронта. И потому даже заметные колебания в росте отдельных отраслей хозяйства в зависимости от тех или иных замыслов плана неизбежны. Но решающим преимуществом планового хозяйства во всех его отраслях остаются высокие темпы роста *производительности труда*. И этот показатель при оценке возможностей семилетнего плана должен быть учтен прежде всего.

До 1957 г. рабочая неделя в СССР много лет оставалась стабильной, а потому и годовая и часовая выработка рабочих росла в одних и тех же темпах. А по семилетнему плану рабочая неделя сокращается с 46 до 40—35 час. и ниже, в среднем процентов на 20. И в сопоставлении темпов роста до и после сокращения рабочего времени с этим фактом нельзя не считаться. Если годовая производительность труда за семилетку возрастает только на 45—50%,

то часовая возрастет при этом на 87% (1,5 : 0,8) против 64% прироста за истекшее семилетие. Значит, реально темпы роста производительности труда по заданиям новой семилетки не замедляются, а получают *новое ускорение* против прошлых лет. А значит и в темпах роста продукции это ускорение незамедлительно скажется, как только рабочий день приблизится к намеченному по плану уровню. И во всяком случае за пределами 1965 г. мы имеем все основания на него рассчитывать.

К тому же необходимо учесть, что по всем заданиям семилетки, как и в прежних планах, заверстан изрядный «запас прочности». И потому *плановые* темпы роста вообще *не вполне сопоставимы с фактическими* за истекший период. Видимое их снижение может быть поэтому лишь признаком достаточной *реальности* плановых заданий на предстоящий период. Фактические наши возможности, несомненно, выше указанных заданий по наметкам плана. И это совсем не плохо: известный резерв прочности *необходим* в перспективных планах. И в заданиях на *семь* лет, в расчете на разные не поддающиеся предвидению оказии, этот резерв может быть и побольше, чем в пятилетках. Напомним, что такие резервы имели место и во всех прежних планах, которые неизменно перевыполнялись в нашей практике.

Реальность семилетнего плана подкрепляется и огромными капитальными вложениями в основные фонды страны за 1959—1965 гг., которые *значительно превышают* намеченные темпы роста народного дохода и общественного продукта и потому позволяют рассчитывать на невиданный еще скачок в развитии техники. Таким образом резервы для перевыполнения заданий семилетнего плана на этот раз, пожалуй, больше, чем когда-либо раньше.

Это замечание следует полностью учесть всем, кто в соревновании с СССР возлагает особые надежды на гнилую теорию «затухающих кривых» роста при абсолютном увеличении масштабов советской экономики. Социалистической экономике присущи особые закономерности. Не ведая кризисных спадов, она готовится к новому взлету, и ни на какой «кривой» западным мудрецам не удастся ее объехать. Во всяком случае если сравнить весьма осторожные задания обсуждаемого советского плана с самыми оптимистическими прогнозами «комитета Энсли» на 1965 г., доложенными конгрессу США, то получим такой результат. В СССР национальный доход в неизменных ценах должен с 1955 по 1965 г. возрасти на 112—116%, а в США — всего на 37%. В таких же примерно пропорциях исчисляется и рост производительности труда за 10 лет: в США — не свыше 1,5%, а в СССР — не ниже 6% в среднем *за год,* в среднем же *за час* в США — до 2,5%, в СССР в промышленности — до 7—8%, а в других отраслях еще и выше. К этому можно добавить лишь, что

плановые задания в бескризисном хозяйстве СССР *перевыполняются*, а прогнозам «комитета Энсли», рассчитанным на «автоматически стихийное развитие частной экономики», уже нанес решительный удар *непредвиденный* экономический кризис (начался еще в конце 1957 г. и продолжается поныне), вызвавший попятное движение.

Экономические законы развития властно требуют соблюдения определенных народнохозяйственных пропорций.

В *сфере производства* энергетика и машиностроение должны *опережать* в своем росте другие отрасли производства, что необходимо в интересах облегчения труда и повышения его эффективности. Это тем более необходимо в предстоящей семилетке, коренной проблемой которой является «проблема максимального выигрыша времени в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом. И ничто не может служить лучшим шансом в этом соревновании, кроме скорейшей ликвидации нашего отставания от США в области энергетики. Лишь опережение в области энерговооруженности и производительности труда дает ключ к опережению во всех других областях соревнования.

В *сфере потребления*, как известно, быстрее всего растут *культурные* потребности. И на путях к коммунизму в интересах *всестороннего развития всех членов общества* соответствующее *опережение* в развитии культурного строительства тем важнее, что наука и культура в век автоматики и электронной техники сами являются важнейшими двигателями прогресса.

Анализируя главные направления семилетнего плана, можно лишь горячо приветствовать его общее устремление по линиям решающих сдвигов в росте уровней производства, его технической базы и потребления трудящихся. Это действительно ведущие линии в намеченной ныне программе *развернутого* строительства коммунизма, в которой так ярко выражена забота о человеке и его наиболее насущных нуждах.

НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ

I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОБЕДА СССР *

Бесславное поражение гитлеровской Германии, после того как, опьяненная слишком легкими победами на Западе, она повернула свое оружие на советский Восток, против СССР, особенно поучительно в одном отношении. Оно явилось в свое время решающим актом исторического соревнования двух полярно-противоположных социально-экономических систем. И в этом акте военного поражения германского фашизма приходится усматривать прежде всего один из итогов длительного и упорного *мирного* строительства Советского Союза и одно из наиболее осязательных выражений *экономической победы* СССР в указанном соревновании систем.

Германия еще к началу первой мировой войны заняла по своему экономическому развитию и передовой технике первое место в Европе. Вместе с тем много дальше других стран капитализма она ушла вперед и в области организации своих промышленных монополий. Картельное движение началось в Германии уже после кризиса 1873 г., и именно здесь оно получило наибольшее развитие. К 1896 г. здесь насчитывалось уже 250 картелей, в 1911 г. число их возросло до 600, в 1922 г., после Версаля, — до 1000, а в 1930 г. насчитывалось уже до 2100 картелей, которые охватывали до 50% всей промышленной продукции страны, в то время как в Англии даже в 1931 г. было только 1700, а во Франции еще меньше — всего 800 картелей. Недаром Ленин еще весной 1918 г. видел в Германии «образец государственного капитализма» [1]. «Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм превосходно оборудованной технически Германии *еще* нет», — писал тогда же

---

* Написано в июне 1945 г. Публикуется впервые.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 3—4.

Ленин. «Он только основывается» [1], — предусмотрительно добавлял к этому Ленин в предвидении неограниченных возможностей новой, Советской России. И отдавая должное достижениям Германии, уже тогда представлявшей, по Ленину, «последнее слово» крупнокапиталистической техники и планомерной организации [2], не приходилось забывать и того, что эта образцовая организация, целиком подчиненная задачам самой реакционной и агрессивной разновидности юнкерски-буржуазного империализма, является серьезнейшей угрозой самому существованию всех соседних с ней миролюбивых народов.

Усвоив со временем фашистскую идеологию о своей принадлежности к «высшей расе», призванной господствовать над миром, вооруженная до зубов гитлеровская Германия стала еще более опасным очагом агрессии. С этой опасностью пришлось уже не раз очень серьезно посчитаться даже наиболее передовым державам Запада. Царская же Россия в экономическом отношении была «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой» [3]. А после ее окончательного развала в огне мировой и гражданской войн новая, Советская Россия, сломив гнет царизма и капитализма, вышла из этого кризиса еще более ослабленной в экономическом отношении. По своим социальным устремлениям и экономическому строю новая, Советская Россия стала прямым антиподом старой, захватнической Германии. И перспектива предстоящего устремления германской агрессии прежде всего по линии наименьшего сопротивления на этот ослабленный Восток — на Советский Союз представлялась более чем вероятной. Предотвратить эту угрозу традиционного германского «дранг нах остен» можно было только одним путем. Нужно было ликвидировать экономическую отсталость юной Советской республики раньше, чем потрепанная войной Германия снова будет готова к очередной агрессии. И Советский Союз сознательно избрал этот наиболее приемлемый для миролюбивых народов путь предупреждения опасности военного нападения.

Предусматривая опасность грядущей второй мировой войны еще в тот момент, когда продолжалась первая, В. И. Ленин еще в сентябре 1917 г. писал о важнейшей задаче своей страны: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*». И его категорический завет своей родине: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед!» [4] — нашел свое полное осуществление в наших плановых пятилетках. Устремление вперед такими темпами, каких еще не знал свет,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 3—4.
[2] См. там же, стр. 306.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, стр. 261.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 338.

во имя скорейшей индустриализации страны имело, таким образом, в СССР, помимо всех остальных назначений, и чисто оборонную задачу. Оно стало нашим основным методом экономического развития.

В отличие от гитлеровских «четырехлеток» по форсированию *непосредственной* подготовки к войне советская программа добивалась общего гармонического подъема всего народного хозяйства и прежде всего его энергетической базы, а также таких ведущих отраслей, как металлургия, машиностроение и химическая индустрия, без которых нечего было бы мобилизовать и на случай войны. Но попутно в меру общего роста не забывались, конечно, и специальные нужды обороны. Как известно, уже в результате выполнения первого пятилетнего плана к 1933 г. наша страна из аграрной превратилась в индустриальную, подняв объем промышленной продукции более чем *втрое* по сравнению с дореволюционным уровнем 1913 г. А вместе с тем и «из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне» [1]. Но это было только начало. За первой пятилеткой последовала вторая, за второй — третья.

Преимущества плановой системы советского хозяйства становились все осязательнее. В то время как капиталистический мир, и в том числе Германию, после первой мировой войны потрясали глубокие экономические кризисы, сводившие почти к нулю все достижения предшествующих периодов подъема, кривая бескризисного развития советской индустрии неизменно устремлялась вверх. В отличие от стран капитализма, где ограниченность рынков сбыта еще усугубляется все возрастающим нажимом монополистов-предпринимателей на уровень оплаты труда, в СССР, где у власти находится сам рабочий класс, он не ставит подъему уровня зарплаты иных пределов, кроме роста уровня производительности труда в стране. А это в связи с одновременным ростом численности самих рабочих кадров приводит к небывалому росту емкости внутреннего рынка СССР. Только за счет растущих фондов зарплаты ежегодный прирост этой емкости за 1928—1940 гг. достигал в среднем 8—10 млрд. руб., или около 2,5 млрд. долл. по текущему курсу рубля. Для сравнения укажем, что Китай перед войной закупал за границей товаров на сумму от 150 млн. до 200 млн., а вся Африка — на 400 млн. долл. Таким образом, мирные советские пути расширения внутреннего рынка, которые, кстати сказать, никому не заказаны, дают несравненно

---

[1] *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, 1953, стр. 409.

больше, чем может дать любая агрессия для захвата колониальных рынков.

В СССР нет ни капиталистов, ни безработных. Поэтому оказалось возможным обращать на расширение производства гораздо большую долю народного дохода, чем это осуществимо в других странах. А всякое новое расширение обеспечивало новые ресурсы для той же цели. За 1918—1928 гг. вложения в советское хозяйство не превышали 16,5 млрд. руб., за 1929—1932 гг. они составили уже 64,9 млрд., а за 1933—1937 гг. возросли более чем вдвое — до 147,6 млрд. руб. За три с половиной года третьей пятилетки было вложено 145,3 млрд. руб. [1] Благодаря столь значительным капиталовложениям Советский Союз уже к концу 1932 г. по масштабам своей индустриальной продукции опередил Германию и вышел на первое место в Европе.

1932 год был годом кризиса в Европе. Однако с приходом к власти Гитлера, подстегиваемая золотым дождем военных заказов, германская промышленность сильно ускорила темпы своего роста. На подготовку войны в Германии было затрачено за 1932—1938 гг. не менее 9 млрд. марок с повышением раз в пять ежегодной суммы вложений в народное хозяйство по сравнению с догитлеровским периодом. Но это были в большей своей части непроизводительные затраты. И, хотя продукция германской промышленности увеличилась за эти шесть лет на 136%, советская продукция росла еще быстрее, обогнав германскую к 1938 г. уже раза в полтора.

Советское машиностроение на ту же дату выпускало вдвое больше продукции, чем германское. Эта поучительная экономическая победа Советского Союза над фашистской Германией тогда, еще в мирном соревновании хозяйственных систем, уже сама по себе заслуживает глубочайшего внимания. Но она в то же время создавала не плохой базис обороны. В современных войнах — на этой величайшей арене состязания моторов — машиностроение играет далеко не последнюю роль. Располагая мощным машиностроением, советским народам все легче становилось оснащать попутно передовой техникой и свои Вооруженные Силы. По свидетельству К. Е. Ворошилова, на каждого бойца Советской Армии еще в 1929 г. приходилось всего 2,6 механической силы в моторах, в 1934 г. — 7,74, а в 1939 г. — уже 13 [2]. 13 *л. с.*, или в переводе на человеческую энергию по меньшей мере 130 *железных соратников* на каждого советского воина, — это очень высокая степень механизации. И если этого оказалось недостаточно в *первый* момент вероломного нападе-

[1] См. «СССР в цифрах», 1958, стр. 254.

[2] «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», М., 1934, стр. 229; «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», М., 1939, стр. 196.

ния гитлеровских захватчиков, когда они бросили против нашей армии военную технику и ресурсы почти всей захваченной ими Западной Европы, то затем мощь советского машиностроения очень скоро позволила ликвидировать временные успехи зарвавшегося агрессора, обеспечив нам решающее превосходство моторов и в воздухе и на земле.

Немалое оборонное значение, помимо всего иного, имела и культурная революция в СССР, осуществленная за период плановых пятилеток. Когда-то говорили, что франко-прусскую войну выиграл немецкий народный учитель. Следует отметить, что в гитлеровской Германии и число учителей, и школ, и учащихся, а вместе с тем число издаваемых книг и запатентованных изобретений заметно упало. В то же время в Советской России наблюдался огромный рост науки и техники, а также мощных кадров новой советской интеллигенции, ставших неисчерпаемым резервом культурнейших командных кадров Советской Армии на случай войны. Одних лишь учителей в СССР насчитывалось уже к 1937 г. 969 тыс. В Германии же в 1938 г. насчитывалось всего 51 тыс. народных школ, 179 тыс. учителей и менее 7,6 млн. учащихся, т. е. раза в три меньше, чем в начальных школах СССР. Студентов в Германии обучалось при этом в 8 раз меньше, чем в СССР, в том числе в инженерных вузах — в 23 раза меньше. Пренебрегая всеми этими моментами, бесноватый фюрер немецких фашистов в расчете на внезапность нападения и молниеносность успехов «высшей расы» все же вторгся в пределы Советской страны. Что из этого вышло, всем известно. Советская система и в военном состязании выявила все те же свои преимущества, которые обеспечили ей экономическую победу в мирном хозяйственном соревновании этих двух столь чужеродных систем. Поучительнее всего в этом военном состязании было то, что решающие успехи советского оружия были одержаны еще задолго до того, как наши англо-американские союзники открыли второй фронт. Оказалось, что воинствующий фашизм не имел решительно никаких шансов на победу, даже выступая против одного Советского Союза. Еще меньше их было в борьбе против всей мощной коалиции свободолюбивых народов. И самоуверенным гитлеровским молодчикам, еще недавно приветствовавшим друг друга горделивым взмахом руки и возгласом «Хайль Гитлер!», пришлось просалютовать в последний раз перед лицом своих победителей в Берлине, подняв уже сразу обе руки вверх с воплем:

— Гитлер капут!

II. О ЛЕЙБОРИСТСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

1. «СВОБОДНОЕ» ПЛАНИРОВАНИЕ М-РА МОРРИСОНА *

Преимущества планового хозяйства над бесконтрольным господством рыночной стихии, влекущей своих апологетов от одного кризиса к другому, становятся с каждым годом убедительнее и очевиднее. Но в разных условиях существуют различные подходы к планированию. И необходимо ясно себе представить хотя бы основные условия наиболее рационального, социалистического планирования.

Первейшим условием и предпосылкой такого планирования является, разумеется, приход к власти правительства, готового искренне, т. е. не на словах, а на деле взяться за разрешение этой задачи и твердо знающего, что̀ именно для этого надо делать. Вторым, но не менее важным условием возможности социалистического планирования, как известно, является достаточная для этого степень обобществления средств производства. Известны различные пути к осуществлению указанных условий. И каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Выбор этих путей определяется, однако, не склонностями и произволом отдельных лиц, а всем культурно-историческим прошлым страны, ее учреждениями и традициями, социальной структурой и сложившимся характером целых народов. Не пришлось бы удивляться поэтому, что и в самом планировании у разных народов будут проявляться весьма своеобразные различия. Существенные различия наблюдаются в методах планирования на разных этапах его развития и в одной и той же стране. Планирование в младенческом и зрелом возрасте планового хозяйства — это не одно и то же. Но эти различия иного порядка, и их не следовало бы смешивать с национальными своеобразиями в этом деле.

Вот, например, англичане, которые с приходом к власти лейбористов стали пропагандировать у себя плановую систему

* См. «Известия Академии наук СССР». Отделение экономики и права № 2, 1947.

хозяйства, с гордостью утверждают, что Британия *впервые* открыла совсем новый тип «свободного» планирования в сочетании «с полноценными правами и свободой индивидуума»[1]. Спрашивается, однако, в чем же новизна этого открытия? Как известно, в Англии обобществлены пока, кроме каменноугольных шахт и транспорта, только весьма немногие частные предприятия. И вот, не имея возможности предписать что-либо всем остальным нанимателям, правительство избрало следующий метод «планирования». Его агенты изучают «тенденции развития» и составляют «прогнозы на будущее», а затем на базе этих прогнозов и соответствующие им варианты хозяйственных планов. Правительство же, избрав лучший из этих вариантов, *осведомляет* о нем «широкую публику», всячески стимулируя, убеждая и поощряя ее к выполнению этого плана, после чего «выполнение или невыполнение основных положений экономического плана уже зависит от деятельности нанимателей и рабочих в целом».

Опыт советского планирования, насчитывающий уже десятки лет, свидетельствует однако, что в изложенной концепции очень мало нового и оригинального, кроме разве ничем не оправданных иллюзий того, что предложенным методом англичане смогут достигнуть большего, «чем это способны достигнуть другие нации» своими методами. Метод *косвенных воздействий* на чужие хозяйства, побуждающий их к выполнению общехозяйственного плана, вместо *прямого управления* собственным, социалистическим хозяйством — это в сущности даже вовсе еще *не планирование*, а только самая первая и несовершенная ступень его, именуемая *регулированием*, которое не исключается и условиями государственного капитализма. Этот метод не раз уже был испытан в условиях войны во многих странах. Находил он свое применение и в советских условиях в первые годы социалистического строительства — в пределах всего тогда еще очень широкого *частнохозяйственного* сектора страны. Но эффективность его в этих пределах была все же крайне ограниченной. И нет никаких особых оснований возлагать на него преувеличенные надежды и в Англии.

В самом деле, на чем зиждутся эти надежды? Не на том ли, что лидерам лейбористов удастся своим красноречием убедить всех нанимателей, что их интересы настолько совпадают с интересами рабочих, возглавляемых партией лейбористов, что нанимателям остается лишь вместе со своими рабочими *в порядке доброй воли* дружно *выполнять* все хозяйственные планы лейбористов? Но едва ли даже наивнейшие из нанимателей поймались бы на эту удочку. Они не хуже рабочих знают, что их классовые интересы прямо противоположны интересам пролетариата, и уже

[1] См. *Герберт Моррисон*, Путь Британии к будущему. «Британский союзник», 17 ноября 1946 г.

поэтому всегда предпочтут красноречию Эттли или Моррисона красноречие мистера Черчилля и его друзей. Еще в условиях войны, когда Эттли и Черчилль *совместно* диктовали им свою стеснительную для предпринимателей политику хозяйственного контроля, наниматели не слишком охотно ей подчинялись. Тем менее оснований надеяться, что теперь, когда уже отпала опасность вторжения внешнего врага, они безропотно потерпят сколько-нибудь серьезное вмешательство одного Эттли в сферу своих хозяйственных интересов и захотят *добровольно* следовать планам своих политических противников.

Правда, у лейбористов, помимо красноречия, нашлись бы при желании и более мощные рычаги воздействия на злостных нарушителей плановой дисциплины. Ведь в их руках уже теперь находятся такие плановые козыри, как огосударствленная углепромышленность, транспорт, Английский банк. И эти козыри могут быть еще значительно умножены. Поэтому если бы какой-либо слишком несговорчивый сторонник устаревшего ныне принципа «лессэ фэр», отстаивая свою свободу действия, отказался подчиниться установленному плану, то руководители общественного хозяйства могли бы ему весьма резонно заметить:

— Достоуважаемый м-р Адам Смит! Вы, конечно, вполне свободны в пределах вашего частного хозяйства действовать по вашему усмотрению. Но разрешите и нам пользоваться в пределах нашего общественного хозяйства не меньшей свободой. И если вы рассчитывали получить от нас и топливо, и транспортные услуги, и банковские кредиты, то вам придется либо как-нибудь *обойтись* без всего этого собственными средствами, либо пересмотреть свой индивидуальный план действий в соответствии с общественным, ибо мы, к нашему крайнему сожалению, не смогли предусмотреть в своем плане всех запросов наших бесчисленных клиентов в пределах их ничем не ограниченных индивидуальных претензий.

И так как современное крупное производство *не смогло бы обойтись* без угля, железных дорог и банковского кредита, то даже самому принципиальному из адамов смитов в наши дни пришлось бы, взвесив все про и контра, разрешить вполне свободно — в *собственных* интересах — такую дилемму в пользу *общего* плана. Таков именно, по-видимому, идеал «свободного» планирования, к которому стремятся его британские пропагандисты, отнюдь не смущаясь перед лицом попыток изобразить его как «антипод свободы».

Совсем иначе эта проблема свободы разрешается, однако, в *советском* планировании. В условиях *полного* обобществления средств производства решительно ничья свобода не подвергается в процессе планирования никакому, даже косвенному, стесне-

нию или ущемлению. И поэтому здесь даже *попыток* изобразить планирование как *антипод* свободы нельзя себе представить. В самом деле, свобода частных предпринимателей не подвергается здесь никакому риску уже потому, что их давно уже нет в стране. Свобода рабочих — и подавно. Ведь выполнение рабочими производственных заданий своего хозяина даже в странах капитализма не считается нарушением их свободы, поскольку такое выполнение является лишь прямым их служебным долгом, вытекающим из договора найма. В стране социализма, где хозяином всех предприятий является сам народ и где план рассматривается как *задание пролетариату* от имени этого хозяина — в интересах самих трудящихся, выполнение ими этого плана становится уже не только служебным, но и гражданским их долгом. Здесь хозяйственный план — это уже не просто благое пожелание, а прямое задание коллективного хозяина всем сочленам коллектива, директива, имеющая силу общеобязательного закона для всей страны. И тем не менее каждый гражданин охотно подчиняется этому закону. Он знает, что он работает в своем собственном, а не в чужом хозяйстве, и поэтому по-хозяйски выполняет свой долг; тем самым он сознательно и свободно кует свое собственное благополучие.

Вместе с тем здесь существенно меняется и сама методология составления народнохозяйственных планов. Советские экономисты отказались от гаданий на кофейной гуще, именуемых «прогнозами будущего», и тому подобных малодостоверных спекуляций, к которым безуспешно прибегают экономисты на Западе. Известно, что западные конъюнктуристы ни разу еще не предугадали вовремя ни одного промышленного кризиса. К тому же — ориентироваться в планировании на объективные «тенденции развития» хозяйственной конъюнктуры — не значит ли сознательно направлять государственный корабль в пучину неизбежно вытекающих из этих тенденций промышленных кризисов? Советскому планированию нет нужды гадать о грядущей конъюнктуре, ибо оно само твердо определяет ее в пределах своей страны в своих планах строительства, производства и распределения. Ему нечего бояться утечки накоплений буржуазии в ущерб стране за границу, ибо здесь нет буржуазии. Определяя на каждый год полностью весь объем производства, а также нужное для него число работников и их суммарный заработок, план заранее балансирует возможные на внутреннем рынке спрос и предложение. А допустимые масштабы внешне торгового баланса регулируются законом о монополии внешней торговли. И, таким образом, как показал многолетний опыт, здесь исключена всякая возможность промышленных кризисов.

Как видим, и это теперь следовало бы понять, принципы социалистического планирования никак не увязываются с тради-

циями школы Адама Смита и практикой «лессэ фэр», т. е. с полной бесконтрольностью каждого индивидуального хозяина в границах общественного хозяйства. И если в Англии все еще находятся чудаки, способные радоваться сочетанию у себя хозяйственного плана со «свободой» каждого индивидуума безнаказанно нарушать этот план, рассматривая это сочетание как особое преимущество британцев перед «другими нациями», у которых план давно уже приобрел силу закона, то объяснимо это лишь тем, что эти чудаки проходят еще только приготовительный класс труднейшей школы планирования.

2. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН» *

Как старого русского экономиста, меня заинтересовала напечатанная в «Манчестер гардиан» от 16 августа статья по поводу новой книги профессора Мида «Планирование и механизм цен».

Очевидно, серьезные неудачи экономической политики правительства м-ра Эттли вызвали двойную реакцию в Вашей стране. Рассматривая лейбористских министров как ревностных поборников государственного планирования, противники его весьма обрадовались этим неудачам, а разочарованные сторонники весьма опечалены ими. Я думаю — совершенно напрасно. Люди, ставящие в связи с неудачами лейбористского правительства под сомнение самый *принцип* планирования и готовые уже отступиться от него, встав на излюбленный в Англии «средний» путь «британского компромисса» между планированием и бесплановостью, глубоко заблуждаются. Почему в одних странах, например в СССР или в государствах Юго-Восточной Европы, планирование неизменно увенчивается блестящими успехами, а в других, например в Англии, столь же неизменно сопровождается горькими неудачами. Очевидно, дело здесь *не в принципе* планирования, а в *общественно-экономических условиях*, в которых его пытаются применить.

Я вспоминаю, что года два назад м-р Герберт Моррисон выступил с гордым утверждением, что Британия *впервые* открыла совсем новый тип «свободного планирования». Метод этого «нового» британского планирования в отличие от «старого», советского, где каждый государственный план является общеобязательным *законом* для всей страны, по разъяснению м-ра Моррисона, сводится к тому, что английские планы, базируясь на «тенденциях развития», строятся как «прогнозы» на будущее. При этом их выполнение или невыполнение всецело предоставляется на свободное усмотрение самих предпринимателей в каждом отдельном случае.

* «Manchester Guardian», 10. XI. 1948.

По существу в этом методе уже в полной мере осуществлен тот пресловутый «средний» путь британского компромисса между планом на словах и бесплановостью на деле, который ныне вновь рекомендуется профессором Мидом как спасительный выход из обнаружившегося провала. В классовом обществе, подобном тому, которое существует в Англии, государственный план лишь благодушно *рекомендует*, скажем, «заморозить» на время не только уровень заработной платы, но вместе с тем также и уровень цен и нормы прибыли предпринимателей. Нет никакого сомнения в том, что в этих условиях фактически будет выполняться последними только *первая* из этих рекомендаций. Уровень жизни рабочих будет падать, а прибыли предпринимателей — неуклонно расти.

Разрешите мне отметить, что планы-прогнозы, пропагандируемые м-ром Моррисоном и его коллегами как величайшее их открытие, — совсем уж не такая новинка. И у нас, в СССР, в свое время их весьма усердно пропагандировали противники социализма, в расчете на реставрацию капитализма. Но для науки планирования уже давно стало азбучной истиной, что, ориентируясь на стихийные тенденции развития современного частнокапиталистического хозяйства, можно «запланировать» лишь один вполне безошибочный прогноз — прогноз неизбежности очередного кризиса данного хозяйства. Планы-прогнозы — это в сущности вовсе даже *не планы*. Никого ни к чему не обязывая, они уже в своем зародыше обречены на неудачу.

Говорить о государственном планировании всерьез можно лишь там, где, как в СССР, созданы для этого все необходимые социально-экономические предпосылки, где средства производства и государственная власть действительно находятся в руках трудящихся и где имеется твердая решимость правительства без гнилых компромиссов и внутренне противоречивых полумер использовать эти предпосылки. В стране, где компромисс является высшим принципом государственной мудрости, где даже осуществление социализма не мыслится без активного ему сочувствия имущего класса и где поэтому и в колесницу планирования впрягаются в «свободном» сотрудничестве рак, лебедь и щука, — в такой стране нет условий для планирования. Вот почему мне хочется сделать следующий вывод, который представляется мне весьма утешительным для сторонников подлинного социализма в Англии.

Никакого провала принцип планирования в Англии не потерпел уже потому, что там до сих пор вовсе еще не было, нет и в ближайшем будущем не предвидится государственного планирования.

III. О «КРИЗИСАХ» В СССР

1. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ОБСЕРВЕР» *

Г-н редактор!

В Вашей газете от 2 марта [1] не мало изумила советских читателей корреспонденция об «экономическом кризисе» в СССР, в которой он изображается по образу и подобию английского — с «низкой добычей угля», остановками домен и прочими признаками «опасной дезорганизации» хозяйства. Кризисы не свойственны советской системе, и мы успели уже основательно забыть о них, тем более нас изумило «открытие» на столбцах «Обсервера» таких признаков экономического кризиса в СССР, которых мы, советские наблюдатели, добросовестно присматриваясь к окружающей действительности, нигде вокруг себя даже через микроскоп усмотреть не можем.

Правда, война нанесла советскому хозяйству тяжелые раны, а прошлогодняя засуха и недород усугубили трудности послевоенного восстановительного периода. Не облегчает их и то усердие, с которым некоторые круги из среды наших недавних военных союзников стремятся умалить или хотя бы затормозить получение причитающихся нам репараций из стран агрессоров, беспощадно обращавших наши цветущие провинции в зоны пустыни. Но все же советское плановое хозяйство до сих пор совсем не плохо справлялось с этими трудностями.

В самом деле, мы не получили, подобно Англии, миллиардных займов от богатого американского дядюшки на восстановительные работы, хотя СССР подвергся гораздо более тяжелым разрушениям, чем Англия. Тем не менее мы сумели все же выделить из своих собственных, трудом сколоченных скромных ресурсов на финансирование народного хозяйства и восстановительные работы еще в 1945 г. 74,4 млрд. руб., в 1946 г. — свыше 95,7 млрд., а по бюджету 1947 г. — уже 131,8 млрд. руб., что по курсу рубля составит до 25 млрд. долл. за один лишь 1947 г.

---

* «The Observer», 16. III. 1947.

[1] 1947 г.

Не эти ли именно факты наводят Вашего корреспондента на «мрачные» размышления о судьбах советского хозяйства?

За один лишь 1946 г. в СССР построено, восстановлено и введено в действие около 800 предприятий. Восстановлены и вступили в строй 6 домен, 18 мартенов, 9 прокатных станов и мощный блюминг, 11 коксовых батарей, 36 крупных угольных шахт, 117 турбин на электростанциях, в т. ч. две турбины по 100 тыс. *квт*. Включено вновь в работу в пострадавших районах 300 тыс. прядильных веретен. Восстановлена мощность сахарных заводов по переработке свеклы на 100 тыс. *ц* в сутки. Построено и восстановлено в разрушенных районах 6 млн. *кв. м* жилой площади и обеспечено по плану 1947 г. *удвоение* размеров этого строительства. Восстановительные работы в 1947 г. вообще развиваются в ускоренных темпах, и уже за первых два месяца вошла в строй Зуевская электростанция на 300 тыс. *квт* и пущена в эксплуатацию еще более грандиозная — Днепровская гидростанция.

Спрашивается, таковы ли признаки экономического кризиса?

Несмотря на разрушение войной Донбасса, добыча угля в СССР за 1946 г. возросла на 10%, в то время как в Англии она поднялась только на 5%, и наши домны не стояли, ибо выпуск чугуна возрос на 12%. Не придется им стоять и в 1947 г., в котором продукция угля возрастает уже на 17%, а выплавка чугуна — на 21%. Конечно, советских хозяйственников ныне и столь значительные темпы роста не вполне удовлетворяют. И они поэтому нередко очень крепко критикуют друг друга за отставание на отдельных участках в полной уверенности, что советские возможности намного превышают наличные достижения. И действительно, в отраслях, которые менее пострадали от вражеского вторжения и которые легче восстановить, чем, скажем, угледобычу или черную металлургию, мы уже за 1946 г. имели такие приросты продукции: по бумажным тканям — на 17%, по обуви — на 28, по химудобрениям — на 50%, по машинам и орудиям — тоже в полтора раза выше продукции 1945 г., а в среднем по всей гражданской продукции — на 20% за год. Еще выше задания по приросту продукции в СССР, утвержденные законом на 1947 г. По всей легкой промышленности она может и должна подняться на 27%, по бумажным тканям и кожаной обуви — на 42, по сахару — на 94%. Продукция стройматериалов увеличивается: по оконному стеклу — на 42%, по деловой древесине — на 47, по кирпичу — на 67, по цементу — на 71, по стандартным домам — на 188%. По сельскохозяйственному машиностроению продукция возрастает на 178%, по тракторам — на 187, по комбайнам — на 420%. Посевная площадь при этом увеличивается на 10 млн. *га* за один год, а выпавшие у нас доныне повсюду глубокие снега позволяют ожидать (после такого

стихийного бедствия, как прошлогодняя засуха) обильнейшего урожая. К этому можно прибавить, что государственный бюджет СССР на 1947 г. сверстан с превышением доходов над расходами в 20 млрд. руб. и с увеличением относительно предшествующего года на 22%.

Таковы ничем не прикрашенные голые факты. И если все это на английском языке именуется экономическим *кризисом*, по поводу которого столь «дружески» скорбит Ваш собственный корреспондент из Москвы, то в каких же красках и тонах прикажете трактовать определившееся на сей день экономическое «процветание» Англии нашим советским корреспондентам из Лондона?

2. БЕЗ КРИЗИСОВ И БЕЗРАБОТИЦЫ (1917—1947 гг.) *

Прошло всего 30 лет с тех пор, как старая, царская Россия — жандарм Европы и тюрьма народов — в результате победоносной Октябрьской революции вступила на путь социализма. В жизни народов год — это одно мгновение. И все же за эти 30 мимолетных мгновений наша юная республика совершила больший скачок вперед, чем старая Россия за последние 300 лет царизма. Будучи всего 30 лет назад одной из самых отсталых, аграрных стран Европы, СССР уже ныне стал родиной самой передовой, а в Европе и самой мощной, машинной индустрии. Небывалые темпы роста производительных сил и самые выдающиеся достижения науки и техники, искусства и литературы — все это надо рассматривать как естественный результат победы *планового* начала в этой первой в мире стране социализма, сумевшей раз и навсегда избавиться от таких величайших социальных бедствий, как *кризисы* и *безработица*.

В царской России экономические кризисы были столь же неотъемлемой и неизбежной фазой каждого промышленного цикла, как и в любой иной капиталистической стране. А безработица проявлялась здесь не только в обычной для всех этих стран явной форме, когда на улицу выбрасывались индустриальные рабочие, но и в особой, *скрытой* форме застарелого аграрного «перенаселения», постоянно выталкивавшей из нашей русской деревни свои пополнения в резервную армию пролетариата. И с этим тяжелым наследием обанкротившегося царизма совсем не так уж легко было справиться молодой Советской стране. Нелегче было в первые годы революции изжить и всю ту хозяйственную разруху, развал железнодорожного транспорта, глубокий

---

* «Redgio Democratica», 3. XI. 1947.

топливный кризис и еще более глубокий продовольственный дефицит, в который нашу обескровленную и голодающую страну ввергли мировая и гражданская войны, экономическая блокада и предательские военные интервенции еще совсем недавних милых «союзников» России.

Английские лейбористы, которые в своих первых опытах планирования уже испытали столько горьких неудач, хотя Англия несравненно менее потерпела ныне от своих страшнейших врагов — гитлеровцев, чем Советская Россия — в тогдашние годы и от врагов и от «союзников», могли бы легче других оценить все наши тогдашние трудности. И все же все эти трудности были преодолены и изжиты. Как только последний интервент (из заведомых врагов или вчерашних союзников) был выброшен наконец за пределы нашей страны, советское плановое хозяйство, быстро залечив свои раны, встало на ноги и с тех пор не знает уже никаких экономических кризисов. А еще спустя немного времени, с первых же лет первой плановой пятилетки индустриализации, в СССР исчезли и последние признаки как явной, так и скрытой безработицы.

В наши дни, когда, несмотря на долларовые интервенции или кредитные блокады и прочие помехи, к опытам планирования прибегают уж во многих странах, стоит призадуматься и над советским опытом в этой области. Как известно, Советская республика после первой мировой войны, *несмотря* на строжайшую кредитную блокаду со стороны всего капиталистического мира, без единого зарубежного доллара восстановила и наладила свое плановое хозяйство. Спрашивается, как же это оказалось возможным?

Ответ на это чрезвычайно прост. Все ценности создаются, к счастью, трудом, а не долларами. А в СССР — многие десятки миллионов трудящихся. К тому же рабочие создают больше ценностей, чем потребляют. И если этот добавочный продукт их труда поступает не в карманы частных предпринимателей, а в общенародную кассу в целях дальнейшей рационализации их труда и расширения производства, то и беднейший народ, даже вопреки всем «планам» Маршалла и прочих благодетелей, сможет и собственными своими силами обеспечить себе вполне безбедное и независимое будущее.

Именно этим методом, за счет собственного труда и собственных социалистических накоплений по своим планам, создавал свою индустриальную мощь и благосостояние советский народ. Этим методом при желании могли бы воспользоваться и другие народы.

Не малый интерес для многих представляет и другой вопрос: каким секретом пользуются в СССР, чтобы избежать столь разорительных в других странах экономических кризисов?

Полагаю, что американские миллиардеры готовы были бы уплатить не малую цену за рецепт спасения от этого регулярно посещающего их, неотвратимого, как рок, бедствия. Недаром же они по «плану» Маршалла наделяли своими долларовыми займами другие страны только для того, чтобы, повысив их платежеспособный спрос на *американские* товары, хоть на время *отсрочить* кризис в собственной стране. Мы можем, впрочем, сообщить им свой секрет и без всякого вознаграждения. СССР вовсе не гоняется за чужими колониальными или иными зарубежными рынками, предпочитая расширять в меру надобности свой собственный рынок. А сделать это всего проще, повышая в меру роста товарной продукции широкого потребления *заработную плату* многомиллионной массы трудящихся своей собственной страны.

Не думаю, чтобы этот рецепт очень приглянулся американским или иным миллиардерам. Но миллионы советских рабочих такой метод расширения внутреннего рынка вполне устраивает. Да и от кризисов он обеспечивает гораздо вернее любых «планов» Маршалла. И нет разумных оснований, почему бы этот метод не использовать и в других странах. Правда, не все народы могут обойтись собственной продукцией без ввоза из-за границы отдельных продуктов. Но, как показывает опыт СССР и стран народной демократии, им ничто не мешает договориться и о международном обмене продуктами своего труда.

Проблема безработицы в СССР оказалась особенно трудной, ибо для ее решения требовалось изжить не только кризисы, но и аграрное «перенаселение» деревни. Дело в том, что советская демократия унаследовала от царизма не только очень слабую и к тому же полуразрушенную индустрию, но и крайне отсталое сельское хозяйство. Земли в России всегда было много больше, чем в других странах. Но обрабатывалась она здесь так плохо, что едва ли окупала полностью даже тот скудный труд землероба, который он в нее вкладывал, оставляя вовсе не использованными в деревне все бо́льшие излишки крестьянского труда. Население русской деревни, при крайне отсталой и застойной агротехнике, умножалось, однако, весьма быстрыми темпами, удваиваясь за каждые 40 лет. И это создавало тем более тягостное ее «перенаселение», что выталкиваемые из деревни «лишние» рабочие руки не находили себе достаточного приложения и в слаборазвитых *отхожих* индустриальных промыслах царской России. И если учесть, что 130-миллионное сельское население тогдашней России только в качестве естественного прироста выделяло не менее 2 млн. душ ежегодно, а прирост индустриальной армии труда не поглощал и *десятой* доли этой цифры, то станет ясно, какие резервы неиспользованного труда накоплялись тогда в деревне.

Плановое хозяйство должно было прежде всего разумно использовать эти огромные трудовые резервы. И оно решило эту

задачу. Уже на другой день после революции в результате национализации земельной собственности беднейшее крестьянство, получив безвозмездно в свое распоряжение все дворянские и царские земли, обрабатывавшиеся чужим трудом или вовсе заброшенные, смогло значительно, вдвое и больше, *расширить* свои запашки, а стало быть, и использование своего труда в собственном своем хозяйстве. Но этого было мало. И в СССР еще к 1928 г. насчитывалось до полутора миллионов безработных. Однако к этому времени был уже разработан и вступил в действие великий советский план индустриализации СССР. И за первую же пятилетку его действия (1928—1932 гг.) армия рабочих и служащих СССР выросла почти вдвое, с 11,6 млн. до 22,6 млн. работников. Призыв на работу за столь короткий срок свыше десятка миллионов новых работников сразу же рассосал не только все видимые, но и скрытые в аграрном перенаселении резервы потенциальной безработицы. И уже за следующий 1933 г. получилась даже весьма чувствительная остановка в росте индустриальных советских кадров.

Вместо одной трудности назревала другая. Изжив тягостную безработицу, страна могла бы надолго остаться без достаточных кадров рабочей силы для дальнейшей ее индустриализации столь же высокими темпами. Однако и эта трудность была предусмотрена ленинским планом коллективизации сельскохозяйственного труда путем объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные трудовые коллективы с достаточно большими массивами земли для использования на них самой передовой машинной техники — тракторов и комбайнов. Этот план был подкреплен соответствующей программой машиностроения. Как известно, каждый трактор за смену экономит не менее трех поденщин земледельца, а комбайн — даже до десятка их. А между тем в сельское хозяйство СССР уже к 1938 г. (за две пятилетки) было внедрено свыше 600 тыс. тракторов, до 200 тыс. грузовых автомобилей и более 150 тыс. комбайнов, не считая множества других машин. Общая мощность их достигала 20 млн. *л. с.*, что способно заменить 200 млн. рабочих! Не мудрено, что это повысило производительность крестьянского труда раза в три и позволило безболезненно привлечь из деревни в город новые миллионы работников для индустриального труда. В общем итоге с 1928 по 1940 г. число всех рабочих и служащих СССР выросло почти втрое и составило 31,2 млн. человек, и во многих областях городское население уже превзошло сельское. Таким образом, и без резервной армии безработных плановое хозяйство нашло возможность высвобождать необходимые ему трудовые резервы из одних областей труда для того, чтобы немедленно же использовать их в других с еще большим эффектом для всего народного хозяйства в целом.

Таковы лишь некоторые наиболее осязаемые итоги *планового* развития социалистической экономики СССР. Советский Союз еще очень молод. Но он вырастил уже целое поколение новых людей, не испытавших в своей жизни никакого гнета, никакой эксплуатации и никакой, ни расовой, ни национальной, дискриминации. Ему чужды тенденции расширения за чужой счет. Но он не допустит никаких агрессивных покушений и на свою свободу. Его опыт учит, что для планового хозяйства *нет* непреодолимых трудностей. И советский народ смело смотрит вперед с полной уверенностью, что за следующие 30 лет его страна, уже обеспеченная от бедствий кризисов и ужасов безработицы, добьется в мирном труде еще более славных и величественных побед.

IV. О ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1947 г.

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ТАЙМСА») *

Г-н редактор!

Читатели «Таймса» привыкли всегда находить в нем самую широкую и достоверную информацию из первоисточников. И потому, вероятно, не один из них с большим недоумением прочел в столь солидном органе печати крайне легковесное сообщение из Парижа о том, что Москва «заставила» Чехословакию отказаться от приглашения на Парижскую конференцию за американскими кредитами по «плану» Маршалла.

Казалось бы, что первоисточников для такой информации следовало искать скорее в Москве и в Праге, чем в Париже, а если уж в Париже, то из действительно осведомленных источников. А между тем Ваш парижский корреспондент считает вполне достаточной для своей аудитории и такую ссылку на свой первоисточник: «Почти все уверены, что...» и т. д. Не думает ли он, что вполне пригодным для «Таймса» источником информации о дипломатических взаимоотношениях держав может служить даже болтовня посетителей любой кофейни с Больших бульваров Парижа? Но не слишком ли преувеличивает он в таком случае наивной доверчивости солидных читателей этой газеты?

И в Париже можно было получить вполне достоверную информацию по данному вопросу. Ведь именно там советскими дипломатами было показано, почему державам, дорожащим своим суверенитетом, даже при более реальном звоне гипотетических пока американских долларов, не следует особенно спешить туда, где расплачиваться за эту приманку им в конце концов неминуемо пришлось бы той или иной долей этого суверенитета. И если ряд держав, внявших убедительной логике этого дружеского предостережения, последовал примеру СССР, то именно потому,

* «The Times», 4. VIII. 1947.

что они больше других дорожат своей экономической и политической независимостью и не желают подвергать излишнему риску свой суверенитет. Такие державы никто не «заставит» — ни силой, ни золотом — плясать против их воли под чужую дудку.

Совсем не случайно, однако, что не соблазнились на сей раз звоном золота в чужих карманах как раз страны народной демократии, которые ныне не на словах, а на деле взялись за *плановое* развитие своей экономики. И им, конечно, очень пригодилось бы золото. Но им вовсе не улыбается перспектива импортировать к себе вместо него экономический кризис. Кредиты не даются ведь даром. И потекут они во все страны, конечно, не золотым, а товарным потоком, перед которым, кстати сказать, вынуждены будут почтительно расступиться все местные, доморощенные товары этих стран. Добрейший «дядюшка Сэм», который дает капиталистическому миру до двух третей потребляемой им товарной продукции, вполне способен предоставить ему по самым сходным ценам и остальную треть. Но если в царстве доллара такое расширение, хотя бы в известной мере даже бросового экспорта, сможет на время задержать надвигающийся кризис, то в странах, куда устремится этот экспорт, он лишь ускорит и усилит все бедствия кризиса. А затем перед ними встанет новый вопрос. Чем же они смогут расплатиться за весь предоставленный им щедрым заокеанским «дядюшкой» товарный экспорт? Собственным экспортом? Но куда, если все внешние рынки станут уже безраздельной добычей монополизировавшего их американского капитала? Новыми займами у него же? Но не вовлечет ли это их уже в совершенно безнадежную экономическую, а вместе с тем и политическую кабалу к своим заимодавцам?

Страны народной демократии, укрываясь от бедствий кризисов испытанным уже щитом *планового* хозяйства, весьма резонно *не желают* впустить в свою плановую крепость опасного троянского коня, хотя в его чреве укрываются ныне уже не вражеские воины и не разрушительные атомные бомбы, а лишь самые мирные мешки с бумажными долларами — в качестве аванса по самым многообещающим займам и задатка за участие в самом симпатичном из возможных блоков. И эта их предосторожность вполне понятна.

Менее понятно, почему такие старые капиталистические страны, как Англия и Франция, которым еще никак не удается — даже с помощью чужих долларов — наладить сколько-нибудь сносный порядок в собственном хозяйстве, с такой готовностью ухватились за подсказанную им идею *перепланировать* по чужой указке всю Европу. Во-первых, это не так уж просто, во-вторых, не столь уж соблазнительно для Европы, а в-третьих, и не совсем безопасно для нее. Извергаемые троянским конем чужие миллиарды, как показал послевоенный опыт, чересчур уж быстро и

бесследно уплывают. Обязательства же остаются. И, вынуждая к выполнению *чужих* требований, они способны подорвать *собственную* экономику. Нам очень жаль, однако, что этой опасности все еще никак не могут или не хотят понять в одной из старейших буржуазно-демократических республик мира, которая впустила к себе троянского коня и *уже расплачивается* за это столь ей самой необходимыми для экспорта рынками своих собственных доминионов.

Не думает ли редакция «Таймса», что в интересах всесторонней информации своих читателей их не мешало бы осведомить и о всех качествах этого нового троянского коня наших дней?

V. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

1. НЕОБХОДИМО ВОССТАНОВИТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТОРГОВЫЙ ОБМЕН *

Международное экономическое совещание, созываемое на апрель сего года в Москве, ставит перед собой весьма важную и притом отнюдь не утопическую задачу. Оно должно разрядить то все нарастающее напряжение в международной обстановке, которое, раскалывая мир на два противоположных лагеря, нарушает нормальные экономические связи в мировой экономике, ведет к вреднейшей экономической изоляции издавна связанных между собой соседних народов, к прекращению международного обмена материальными и культурными ценностями, к подрыву международных кредитных взаимоотношений, к углублению мирового валютного хаоса и пагубной для трудящихся масс денежной инфляции в доброй половине всего мира.

В обращении инициаторов этого совещания, составленном группой общественных деятелей разных стран в Копенгагене, выражается глубокое беспокойство по поводу вышеуказанного развала экономических связей, уже ныне пагубно сказывающегося на жизненном уровне населения целого ряда стран и народов. Вместе с тем они выражают надежду, что укрепление и расширение экономического сотрудничества между странами могли бы способствовать улучшению жизненных условий народов и явиться началом ослабления напряженности в международной обстановке. Не признавая фатальности такого раскола мира, который исключал бы возможность подлинного международного сотрудничества народов, несмотря на различие экономических систем в разных странах, инициаторы Московского совещания предлагают только *обсудить* вопрос о том, *что можно сделать для улучшения жизни людей* во второй половине XX в. при условии сохранения мира и возможном расширении международных экономических связей.

* «News» № 3, 1952.

На совещание приглашаются экономисты-теоретики и деловые люди торгово-промышленных кругов, хозяйственники, кооператоры, представители профсоюзов, специалисты в области передовой техники самых различных стран, социальных состояний и политических убеждений. Само собой разумеется, что при таком составе совещания на нем вовсе не предполагается дебатировать спорные вопросы высокой политики, разделяющие ныне участников совещания. Непосредственной прямой его целью являются прежде всего самые конкретные и деловые вопросы экономического сотрудничества в области международного обмена и культурных связей между странами, сотрудничества на равных началах, без всяких взаимных дискриминаций ради достижения возможных уже ныне соглашений на этом пути.

Расценивая шансы на успех такого совещания, было бы, конечно, очень наивно игнорировать те глубочайшие экономические противоречия интересов, которые, раздирая современный мир на враждебные блоки и классы, разделяют его и в отношении к данному совещанию и его задачам. Одни силы будут ему, несомненно, противодействовать, а другие, наоборот, всемерно содействовать. Но трезвый экономический анализ международной обстановки и тех реальных жизненных интересов, удовлетворению которых призвано служить Московское совещание, убеждает нас, что оно не может быть безуспешным.

В самом деле, посмотрим спокойно в глаза нелицеприятным фактам и попробуем оценить вполне объективно, без всякого пристрастия, о чем они свидетельствуют. Основным фактом мировой экономики наших дней является, конечно, параллельное сосуществование двух принципиально различных систем народного хозяйства, организованных политически в два противостоящих друг другу сверхмощных блока стран и народов. Можно по-разному расценивать этот факт, но игнорировать его невозможно. Нельзя не считаться также и с другим бесспорным фактом, что многолетний опыт доказал полную возможность *мирного* сосуществования двух экономических систем, при котором народнохозяйственное их *соревнование* отнюдь не исключало и международного *сотрудничества* на поприще мирового товарообмена и на путях технического прогресса, науки и культуры. И это взаимное сотрудничество шло на пользу обеим системам, расширяя общий мировой рынок, снабжая каждую сторону дефицитными элементами производства и тем самым повышая благосостояние трудящихся в рамках одной системы и прибыли капиталистов в рамках другой.

Спрашивается, почему же это мирное сотрудничество, вполне осуществимое и небезвыгодное для обеих систем, ныне столь решительно отвергается одной из них? Почему Западный блок во главе с недавними «изоляционистами» из Соединенных Штатов

воздвигает ныне свой «железный занавес» изоляции в форме законов Беттла, торговых эмбарго и общей экономической блокады всех стран лагеря мира и социализма, добиваясь теперь уже очень далеко за рамками «Америки для американцев» *раскола всего мира* на две примерно равномощные половины? И в чьих, собственно говоря, интересах осуществляется эта изоляция?

Похоже на то, что Западный блок, уже сильно разочаровавшись в преимуществах своей экономической системы и ее шансах на победу в *мирном* соревновании на мировом рынке, спешит прочно оградить свои пределы от всякого экономического воздействия и соприкосновения восточных стран, с тем чтобы скорее подготовиться к более успешному соревнованию с ними уже иными, более решительными, *внеэкономическими* методами. Однако даже злейшие агрессоры Запада не решаются обосновывать эту тактику «холодной войны» иными мотивами, помимо оборонных задач на случай агрессии с Востока, ибо народы отнюдь не хотят превращаться в пушечное мясо. И так как никакой угрозы агрессии с Востока нет и не предвидится, а заварить без нее горячую войну вопреки ясно осязаемой воле народов трудно даже крайним авантюристам, то вполне реальной угрозой миру еще на весьма длительный срок остается лишь тягостная для всех народов гонка вооружений и дальнейшее расстройство мировых экономических связей.

Возомнив себя новым Наполеоном, г-н Ачесон заговорил уже о новой «континентальной блокаде», которой желал бы подвергнуть на этот раз всю восточную половину мира. Но когда одна половина мира блокирует другую, то и сама прежде всего попадает в состояние добровольной самоблокады. Ачесону известно, что даже такой гениальный стратег, как Наполеон, в апогее своего могущества, навалившись целым континентом на островную Англию, не только не смог задушить ее блокадой, но и сам пал жертвой своей бредовой идеи о мировом господстве. Навязчивые идеи г-на Ачесона чреваты для его хозяев не меньшими неприятностями. Г-н Ачесон утверждает, что экономическая блокада в наши дни глубочайшей индустриализации мира окажется гораздо эффективнее, чем в дни Наполеона. Да, это верно. Но, для какой половины индустриального мира она окажется на сей раз губительнее, этого, по-видимому, еще не додумали новоявленные Наполеоны. А между тем совсем не трудно сообразить, что в соревновании двух систем *плановая* система хозяйства, несомненно, в гораздо меньшей степени подвержена губительным воздействиям блокады, чем страны Западного блока, где еще господствует рыночная стихия.

И это легко подтвердить бесспорными фактами. Плановое хозяйство СССР уже выдержало целую полосу интервенций и блокады в самом начале своего самодеятельного бытия. И, как

известно, не только не пришло в результате этой блокады в упадок, а, наоборот, несмотря на нее, опередило в своем развитии многие блокировавшие его страны Запада. Первая блокада Советского Союза была сорвана еще в 1920 г. И не потому, конечно, что западноевропейская буржуазия воспылала неожиданными симпатиями к коммунизму, а просто потому, что она к 1920 г. уже сильно соскучилась по русскому сырью и русскому рынку. Но опыт блокады не остался для нас бесплодным.

Перестроив в плановом порядке свое хозяйство так, чтобы в наименьшей мере зависеть от периодических потрясений и прочих «случайностей» мирового рынка, Советский Союз уже через несколько лет вышел по масштабам своей продукции на первое место в Европе, обогнав уже к 1935 г. не только Францию и Англию, но и Германию. По сравнению с царской Россией 1913 г. это означало возрастание индустриальной продукции в Стране Советов почти в 6 раз, в том числе по машиностроению — в 22 раза, а по электроэнергии — в 32 раза. Вместе с тем если в 1913 г. потребность страны в машинах и орудиях покрывалась иностранным ввозом на 62%, то в 1935 г. импорт их не превышал уже 0,3% внутренней потребности. Подобно тому же импорт химикалий сократился за тот же срок с 27 до 0,3% от во много раз возросшей в них потребности, импорт целлюлозы с 22% упал до 0,7% потребности, ввоз хлопка, достигавший 55,5% потребности, вовсе стал излишним. Точно так же упал до нуля ввоз суперфосфата, электроферросплавов, алюминия, цинка и др. И вообще с тех пор уже никакая блокада не сможет поколебать экономической независимости Советского Союза от внешнего мира, хотя его рынок по-прежнему представляет собой для западных стран не малую величину.

Современные горе-наполеоны пытаются снова задушить СССР в кольце экономической блокады, сковав на этот раз вместе с ним целый континент свободолюбивых народов Востока. Ну что ж, на таком просторе в содружестве 800 млн. трудящихся *плановое* хозяйство этих народов получит лишь новые возможности бескризисного роста за счет собственных внутренних ресурсов.

Но кто же из держав Западного блока останется от этого в выигрыше? Ведь ни одна из них в существующих условиях не обладает возможностями развиваться, подобно СССР, за счет одних лишь *собственных* ресурсов. Всем им до зарезу необходим выход на внешние рынки для реализации излишков своей индустриальной продукции. Все они крайне нуждаются в продовольственных или сырьевых ресурсах. Англия, например, вследствие своего однобокого развития питается русским хлебом, строит из русского леса и не может жить без ввоза хлопка, каучука, нефти, бокситов, железной руды, меди, никеля, цинка.

Германия всегда зависела от ввоза нефти, хлопка, каучука, марганца, бокситов, железной руды. США вынуждены почти целиком удовлетворять свои потребности в каучуке, марганце, никеле, сахаре, хромитах за счет ввоза. В не меньшей степени нуждаются в импорте сырья и другие индустриальные страны Запада.

Диктуемая из Вашингтона блокада Востока грозит им всем весьма серьезными неприятностями. И прежде всего существенным сокращением производства, а стало быть, не только снижением доходов предпринимателей, но и расширением армии безработных, а вместе с тем нищеты и голода народных масс. Правда, США усиленно «помогают» этим странам форсировать гонку вооружений ввозом своего оружия и других американских изделий. Но такой импорт в еще большей мере суживает рынок для внутреннего производства этих стран, изнемогающих от американской помощи. Газеты сообщают, что во Франции из-за конкуренции американских монополий к началу 1952 г. не имело работы свыше 100 тыс. текстильных рабочих. В Италии уже за первый год американской «помощи» по «плану» Маршалла закрылось 394 предприятия, на следующий год — 864, за 1949 г. — 1208, за 1950 г. — 1783. И, конечно, в этих условиях еще торговое эмбарго на 313 товаров, торговать которыми с Востоком гг. Ачесоны уже запретили западным странам, не могло послужить к улучшению торгово-промышленной конъюнктуры на Западе. Недаром лейборист Р. Кроссмэн давно уже взывал к милосердию Уолл-стрита, заверяя тамошних наполеонов, что «полная блокада» СССР *разорила* бы Англию; г-н Моррисон выразил опасение, что Англия могла бы даже «погибнуть» от такой блокады, а мистер Черчилль заявил, что Англия уже оказалась перед фактом финансового кризиса и даже «национального банкротства».

Перед лицом таких фактов, знаменующих собой развал экономики европейских партнеров США, можно бы подумать, что потери слабейших партнеров в этой опасной игре новейших изоляционистов по крайней мере окупаются огромными достижениями сильнейшего из них — заатлантического партнера. Но и этого нельзя сказать. Авантюристическая политика «холодной войны» и гонки вооружений, избранная наполеонами с Уолл-стрита ради избежания промышленного кризиса перепроизводства, не принесли американскому народу никакого облегчения, ибо вместо одного бедствия ввергает его в другие, еще большие. Ведь перестройка всей экономики в мирное время на военный лад ни для одной страны не может пройти безнаказанно. Отвлекая от *производительного* использования важнейшие трудовые и материальные ресурсы страны, такая перестройка уже сама по себе означает величайшее расточительство производительных сил и глубокий кризис мирного гражданского производ-

ства. Пушки не заменяют трудящимся масла. Но их производство нужно чем-то окупать. И налоги на трудящиеся классы в США возросли к 1952 г. в 5 раз по сравнению с 1939 г. Покупательная сила доллара упала вдвое, а индекс дороговизны, по данным профсоюзов, уже к середине 1951 г. достигал 162% довоенного уровня. Если к этому еще добавить много миллионов полных и частичных безработных, то и «американский образ жизни» не покажется уже никому слишком завидным.

А со временем он будет еще менее завидным. В докладе министра обороны Вильсона президенту Трумену ясно сказано, что в 1952 г. в результате военной программы американский народ будет испытывать еще бо́льшую нехватку товаров гражданского потребления, чем в прошлом. Стали для мирной промышленности будет предоставлено на 40%, меньше, чем год тому назад, меди и алюминия — на ²/₃ меньше, никеля она вовсе не получит; коммерческое строительство прекращается, все поставки станков «фирмам, не работающим на оборону», с февраля будут вовсе запрещены. Таким образом, целый ряд мирных производств претерпит дальнейший урон и сокращение. Безработица еще умножится. Политика блокады стран Востока в условиях нарастающего товарного голода на Западе все более представляется многим деловым людям безрассудной, если не самоубийственной для Запада. В выигрыше от нее, несомненно, остаются, загребая миллиарды сверхприбылей от военных поставок, пока что только воротилы Уолл-стрита, играющие ва-банк в этой азартной игре, в которой, как показал уже опыт Нюрнберга, нетрудно потерять и голову. Но ведь в каждой стране, помимо таких профессиональных торговцев смертью, даже в предпринимательской среде имеется не мало людей, которые предпочли бы торговать менее одиозными товарами и которым известно, что всякая блокада благоприятствует лишь контрабандистам за счет разорения нормальной торговли. Точно так же понятно, что даже «холодная война», обогащая собственников немногих отраслей *военной* промышленности, способна разорить все остальные, мирные отрасли труда, поражая в них не только рабочих, но и хозяев, одних — голодом, других — банкротствами.

Вот почему можно с уверенностью сказать, что международное экономическое совещание в Москве привлечет к себе внимание не только экономистов миролюбивых стран Востока, но и очень многих деловых людей воинствующего Запада. Всем тем из них, кто непосредственно не связан с *военной* промышленностью и потому уже лично, *по-деловому* заинтересован в восстановлении торгово-промышленных и культурных связей Запада с Востоком, личное участие в Московском совещании поможет без всякой посторонней помощи, лично разобраться в сложной мировой конъюнктуре и принять те или иные деловые решения.

Кое-кто из западных гостей не откажется, вероятно, побывать в Красной Москве из одного лишь любопытства, из желания посмотреть собственными глазами на то, что скрывается за пресловутым «железным занавесом». И они, действительно, смогут даже невооруженным глазом увидеть здесь для себя не мало поучительного, например величайшие мирные стройки вместо военных приготовлений. Во всяком случае можно надеяться, что и они, осмотревшись в Москве, лишний раз убедятся в том, что с нашей страной гораздо выгоднее и приятнее торговать, чем сражаться.

Будем же крепить мировые экономические связи!

2. ИТОГИ МОСКОВСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ 1952 г. *

(ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ УЧАСТНИКА)

В советской прессе Международному экономическому совещанию было уже уделено достаточно внимания. И это позволяет мне без излишних повторений остановиться лишь на тех моментах этой международной встречи, какие, по моим личным наблюдениям и впечатлениям, особенно любопытны.

Заурядная торговля представляется нам часто самой бесцветной, плоской и пошлой житейской прозой. А между тем, перерастая известные масштабы (с переходом количества в качество), она из экономических глубин поднимает на политические высоты уже незаурядные проблемы и может стать рычагом мощных воздействий на мир.

Наиболее узким местом, чувствительнейшей болячкой и слабейшим звеном в цепи межхозяйственных мировых связей на данном этапе, несомненно, является сбласть *международной* торговли. Эта область подверглась наибольшему ущемлению в условиях предвоенной конъюнктуры. Вот почему, ухватившись за это звено, легче всего мобилизовать силу личной экономической заинтересованности не только деловых кругов, но и широких масс трудящихся в *бесперебойности* общественного производства в международном обмене, направив эту заинтересованность против поджигателей войны.

Реальные торговые сделки между Западом и Востоком осязательнее любых резолюций обнаруживают возможности получить в условиях мира заработок миллионам безработных и избежать миллионных убытков и банкротств тысячам фабрикантов и коммерсантов, занятых в мирных отраслях хозяйства. А это наиболее доходчивый аргумент за сохранение мира, за *экономическое* лишь соревнование противоположных систем и тем самым

---

* Доклад в Доме ученых 21 апреля 1952 г. Публикуется впервые.

против безумного самоистребления человечества с беспощадным разрушением всех его производительных сил. Конечно, расширение международной торговли с ликвидацией на ее пути всех искусственных преград и дискриминаций и само по себе представляет не малое благо. Но неизмеримо ценнее тот опыт, в котором деловые люди различных стран, политических воззрений и социальных положений впервые нашли *общий язык* в оценке своих общих экономических интересов и пришли наперекор всем препятствиям к единодушным решениям первостепенного значения.

Если народы начинают успешно договариваться между собой даже без дипломатов и изъявлять свою волю уже через головы своих правителей, с этим — хочешь не хочешь — приходится считаться. И этот опыт Международного экономического совещания в Москве, как мне кажется, открывает *новую* страницу в истории международных отношений.

Предыстория Московского совещания общеизвестна. Механизм хозяйственной системы империализма со времени второй мировой войны с каждым годом приходит во все большее расстройство. Эта война прежде всего послужила крайне резкому перераспределению богатств в лагере империализма. Больше всего при этом потеряли побежденные страны-агрессоры. Но и в лагере победителей произошли огромные сдвиги в перераспределении их хозяйственных ресурсов. Так, например, еще недавно одна из богатейших стран мира — Великобритания в результате войны, по свидетельству лорда Бойд-Орра, английского делегата на Московском совещании, «утратила свои богатства, ее иностранные авуары были ликвидированы, страна стала бедной... Крупные состояния, существовавшие до войны, тают, как снег под лучами весеннего солнца»[1]. Сильно обнищала и Франция. Зато тем сильнее обогатились в результате войны США. И в условиях столь резких *нарушений равновесия* на международном рынке одни Соединенные Штаты вынуждены экспортировать ныне больше товаров, чем их можно сбыть на всех доступных им рынках. Эта задача осложняется еще тем, что целый ряд стран народной демократии и стран Востока вовсе выпал из сферы влияния западного империализма.

Капиталистический мир и прежде страдал глубокими внутренними противоречиями, приводившими его периодически к жесточайшим потрясениям мировых экономических кризисов. Но после второй мировой войны эти противоречия еще многократно умножились и углубились. Обострились внутренние социальные противоречия и *классовая борьба* в отдельных странах.

---

[1] «Международное экономическое совещание в Москве» 3—12 апреля 1952 г. («МЭС»), М., 1952, стр. 71—72.

Выросли до неузнаваемости противоречия между *бывшими колониями и их метрополиями*. И, наконец, весь мир уже раскололся на два принципиально различных лагеря *империализма* и *социализма*. Вместе с тем, как известно, капиталистические страны развивались крайне неравномерно и *однобоко*, с громадным опережением индустриальных отраслей труда над остальными. В результате каждая из них, располагая большими избытками индустриальной продукции, страдает от недостатка тех или иных видов крайне необходимого сырья и продовольствия и потому не может существовать без международного товарооборота и внешней торговли, в экономической изоляции от других стран. Даже богатейшие страны империализма, в том числе и США, не свободны от этой зависимости, пожалуй, они даже больше других нуждаются в международном рынке. Американский бизнесмен Оливер Викери на Московском совещании выразил эту закономерность следующими словами: «Ни одна из представленных здесь стран не является самообеспеченной. Нравится нам это или нет, — мы нуждаемся друг в друге для того, чтобы существовать» [1].

С этой истиной в особенности следовало бы посчитаться странам империализма, в лагере которых послевоенное расстройство мировых экономических связей уже сказалось самыми тяжелыми последствиями. Основательно порастеряв свои колониальные рынки и авуары при сниженной за время войны покупательной способности собственного трудового населения, большинство этих стран в условиях валютного хаоса уже несколько лет подряд не справляется со все возрастающими дефицитами в своих торговых и платежных балансах. Одни лишь США продают несравненно больше товаров, чем покупают, вынуждая свою клиентуру методами маршаллизации приобретать в США даже то, что ей вовсе не требуется, и форсируя у своих сателлитов долларовый голод, девальвации и безбрежную инфляцию. Но перспектива надвигающегося кризиса витает уже не первый год и перед США. Чтобы избежать кризиса, мудрецы Уолл-стрита, как известно, стали раздувать военный психоз и под предлогом отпора мнимой коммунистической агрессии предприняли бешеную гонку вооружений. Военная конъюнктура, однако, вполне устраивает только те круги крупнейших представителей монополистического капитала, которые питаются казенными заказами за счет бюджетных ресурсов, т. е. за счет налоговых изъятий у населения.

Военные бюджеты стран Североатлантического блока, возглавляемого США, колоссальны. Но не трудно понять, что, направляя колоссальные ассигнования в интересах одной лишь группы буржуазии на совершенно непроизводительные затраты

[1] «МЭС», стр. 32.

и взимая средства для этого у населения, бюджет *ровно на столько же* снижает его покупательную способность в отношении продукции всех отраслей мирного труда. А это означает соответствующее сокращение мирного производства, умножение безработицы, снижение уровня жизни трудящихся и по меньшей мере огромные потери, если не банкротства, большого числа предпринимателей и коммерсантов во всех отраслях экономики. Иными словами, высокая военная конъюнктура, создавая *видимость* процветания на отдельных участках хозяйственной системы империализма, лишь ускоряет и углубляет *общий ее кризис*. Но такая политика, которая только поджигателям войны и фабрикантам смерти позволяет снимать конъюнктурные сливки, не оставляя всем остальным «деловым кругам» даже кислого молока, не может рассчитывать на продолжительный успех и в *буржуазной среде*, не говоря уже о трудящихся массах.

Рыцари атомных бомб и барды чумы и холеры, отнюдь не содействующие развитию международной торговли, потеряли уже всякий кредит у серьезных коммерсантов даже на своей родине. И это с полной ясностью обнаружилось на Международном экономическом совещании в Москве. Упомянутый уже выше делегат О. Викери, экспортирующий из США электроприборы и химикалии и отдающий дань «философии Маркса», хотя сам он лично оказывает предпочтение «системе свободного предпринимательства», как «более справедливой», высказался на Московском совещании следующим образом: «Огромное большинство деловых людей Америки, так же как и подавляющее большинство американцев других профессий, считает третью мировую войну *совершенным безумием*». И в пояснение этого утверждения м-р Викери привел следующее весьма веское, с точки зрения здоровой коммерции, соображение. Современная война истребляет миллионы людей, являющихся потенциальными покупателями. Но какой же разумный купец вздумает убивать своих покупателей? «Делец, желающий убивать своих клиентов, — заключил наш экспортер, — *нуждается в смирительной рубашке и* должен быть водворен в палату для *умалишенных*»[1].

Это не очень лестная оценка разума столь известных сограждан м-ра Викери, как гг. Трумэн, Ачесон, Макартур, Риджуэй и др., но, по-видимому, довольно уместная и даже великодушная. Ведь умалишенных не судят. Если бы покойному военному министру США Форрестолу вовремя надели смирительную рубашку, он бы и по сей день еще здравствовал. Если деловые люди США применят рецепт м-ра Викери и к некоторым дельцам из Пентагона, то такая профилактическая мера и для этих дельцов

[1] «МЭС», стр. 32. Курсив наш. — *С. С.*

оказалась бы весьма великодушной, да и весь мир вздохнул бы после того свободнее.

«Великолепное выступление мистера Викери нужно расценить как голос *американского народа*» [1], — сказал на следующий день почтенный лидер английской делегации лорд Бойд-Орр. И если он имел в виду признание новой войны безумием, то к этому мнению пришло уже и много других народов.

Следует напомнить, что инициатива Московского совещания исходила от деловых кругов Запада. Более года тому назад инициаторы этого совещания, как докладывал нам один из них — француз Робер Шамбейрон, собрались впервые в Париже. Их тревожили экономические трудности в области международной торговли, сделавшие «практически невозможным уравновесить *торговый баланс* их стран». Чтобы преодолеть эти трудности, следовало «попытаться предпринять какие-либо шаги в целях восстановления нормальных экономических отношений со странами *Восточной Европы*, что было желательно в связи *с быстрым экономическим развитием* этих стран и *большой стабильностью их рынков*». Выяснилось при этом, что договориться заинтересованным кругам по таким вопросам легче всего будет путем созыва «конференции *частных* лиц, а не представителей правительств». Договорились также в интересах делового характера совещания — и это было закреплено в его регламенте, — что «всякие дискуссии о сравнительных преимуществах различных экономических и социальных систем исключаются». Местом созыва совещания была избрана Москва потому, что только здесь оказалось возможным получить в отношении виз и других условий все гарантии, необходимые для такого рода собраний, хотя Советская страна, вероятно, менее всех других была заинтересована в улучшении *своего* торгового баланса. Но она никогда не отказывалась от торговли на равновыгодных условиях и без всякой дискриминации с другими странами. Поэтому и в данном случае она не отказалась от активного участия в созванном совещании.

Несмотря на строгое соблюдение всех требований политической нейтральности и полной независимости от каких-либо правительств или от какого бы то ни было общественного движения созываемого международного совещания, созыву его было поставлено в ряде стран немало преград. Но заинтересованность деловых кругов мира в разрешении экономических задач в области международной торговли позволила им преодолеть все трудности и преграды. В Москву на совещание прибыл 521 человек из 49 стран мира с населением *до 2 млрд. душ*. Такого представительства не достигала еще ни одна международная ассамблея!

---

[1] «МЭС», стр. 72. Курсив наш. — *С. С.*

Проанализировав опубликованный список 48 делегаций, мы можем расчленить представленные на этой ассамблее страны по их социально-политической и экономической структуре на три весьма различные группы. Это прежде всего мощный «Западный блок» наиболее индустриализованных *стран империализма*, возглавляемый США, с включением всех стран Западной Европы, а также Канады и Японии. Наряду с ним можно поставить не менее мощный «Восточный блок» народов, уже вступивших или только вступающих на путь социализма, во главе с СССР и Китаем. И в третью группу мы относим все *слабо развитые* в индустриальном отношении, а также *колониальные и полуколониальные страны мира*. По своим особым интересам они представляют собой еще один потенциальный блок, который, занимая промежуточные позиции в соревновании двух основных экономических систем, способен оказать немаловажное содействие поддержанию хотя бы неустойчивого равновесия мировых потенций.

По числу стран, представленных на совещании, на первом месте оказалась группа так называемых слаборазвитых стран (в числе 20 делегаций), на втором — страны «Западного блока» (17 делегаций) и только на третьем — 11 делегаций стран социализма. По числу делегатов, не включая сюда «гостей» и «экспертов», первое место занял «Западный блок» стран империализма, 179 делегатов (41%), второе — слаборазвитые страны, 135 делегатов (31%) и третье — страны «Восточного блока», 125 делегатов (всего 28%). Зато по представленному на совещании населению на первом месте оказались социалистические страны (41% населения земного шара), на втором — слаборазвитые страны, включая Индию и Пакистан, Индонезию и Египет, Иран и прочие малые страны Юго-Восточной Азии, Африки и Южной Америки (36% населения) и только на третьем месте — западные империалистические страны (23% населения).

По социальному составу, который, кстати, очень пестр, делегации можно подразделить тоже на три основные группы. Наиболее значительной из них на совещании, как и следовало ожидать, оказалась группа так называемых деловых людей, куда вошли предприниматели всякого рода и хозяйственники, фабриканты и коммерсанты, финансисты, плантаторы, директора и инженеры разных фирм. Общее их число — 255 человек — составляло 58% всего числа делегатов. Но финансовый их удельный вес был, конечно, много больше. «Наши представители, если вы посмотрите на них, — все молодые люди, — так рекомендовал, например, совещанию своих деловых коллег делегат Пакистана Х. А. Алави, — но каждый из них может лично заключить торговые сделки на миллионы и миллионы фунтов

стерлингов» [1]. К второй группе делегатов можно отнести интеллигентскую прослойку профессоров, ученых, экономистов, журналистов, общественных деятелей. Эта группа (99 человек) составляла около 23% от общего числа делегатов. И, наконец, третью группу составили деятели рабочих профессиональных союзов и кооперативных организаций в числе 85 делегатов, или 19% членов совещания. Последние две группы делегатов не располагали, разумеется, миллионами фунтов стерлингов. Но и они внесли свой идеологический вклад в общие итоги совещания.

Заслуживает внимания факт, что, несмотря на всю пестроту своего социального состава, совещание проходило чрезвычайно гладко, дружно и целеустремленно, без малейших инцидентов и бесплодных дискуссий по тем проблемам, какие не стояли в порядке дня данного совещания. Основной проблемой совещания было, конечно, расширение мировых экономических связей, прежде всего уничтожение дискриминаций и ограничений в области торговли. Эта проблема так тесно связана с борьбой за мир во всем мире, что к ней невольно обращалось большинство ораторов, причем сочувствие аудитории неизменно оказывалось на стороне борцов за мир. Советским ораторам не было никакой нужды кого-либо агитировать в пользу своих концепций. О преимуществах планируемой экономики над «свободной» говорили неоспоримые факты. Каждый оратор из лагеря этой «свободной» экономики, поднимаясь на трибуну, *жаловался на полное ее расстройство*, сокращение производства и сбыта, рост цен и безработицы, в то время как делегаты из стран планируемой экономики в один голос свидетельствовали о *бурном росте* продукции и товарооборота, снижении цен и подъеме уровня жизни трудящихся.

За «железным занавесом» открывались для наших гостей по контрасту с тем, что они видели у себя, исключительно заманчивые перспективы.

Приведем, однако, ряд подлинных высказываний приезжих делегатов из разных стран.

Делегат Англии — лорд Бойд-Орр сказал: «Наша страна испытывает недостаток продовольствия, многие продукты питания приходится нормировать... До сих пор нам еще приходится ввозить 60% потребляемой нами пищи. Мы должны ввозить сырье и находить рынки для нашего экспорта, чтобы оплатить ввоз сырья. Расширение международной торговли является *жизненно* необходимым для моей страны... Надеюсь, это совещание явится великой исторической вехой, и люди будущего, вспоминая об этом

[1] «МЭС», стр. 109.

совещании, будут говорить: здесь мы положили начало, здесь мы вступили на путь, ведущий к созданию мира сотрудничества, мира дружбы и всеобщего мира» [1].

Делегат Франции — коммерсант Бернар де Пла отмечал, что «дефицит французского торгового баланса возрастает: в 1951 году этот дефицит составил 339 млрд. франков против 102 млрд. в 1950 году... долларовые кредиты постепенно уменьшаются, и возможности экспорта в Соединенные Штаты ограничены... Короткая история существования Европейского платежного союза — это история его кризисов... мы хотим основывать политику будущего... не на отчаянии, а на надежде. А наша надежда имеет только одно лицо: мир» [2].

Делегат Италии — сенатор Джованни Роведа так характеризовал положение своей страны: «В течение многих лет в стране насчитывается два миллиона официально зарегистрированных безработных... Свертываются крупные промышленные комбинаты... Наряду с сокращением производства растут цены, причем рост заработной платы рабочих значительно отстает от повышения стоимости жизни...Особое значение для итальянской экономики... имеет укрепление и усиление торгового обмена с Советским Союзом, Китаем, странами народной демократии, рынки которых свободны от конъюнктурных колебаний и неустойчивости... Итальянские трудящиеся... испытавшие ужасы и лишения, вызванные войной, знают, что наряду с их борьбой лучшей гарантией мира является установление нормального международного торгового обмена» [3].

Делегат Индии — профессор Гьян Чанд говорил о своей стране: «Будучи страной, которая все еще тяжело страдает от результатов длительного экономического подчинения, она нуждается в полной ликвидации колониальной зависимости в области экономики... Отсталый, аграрный характер нашей страны с избыточным населением... и большим количеством безработных... приводит к внутреннему противоречию... Сельскохозяйственное продовольствие в нашей стране не увеличивается, а, наоборот, сокращается... Промышленное производство... все время снижается... Понизилась реальная заработная плата... Мы имеем большой торговый дефицит... После войны значительно увеличилось значение Соединенных Штатов как в нашей экспортной, так и в нашей импортной торговле, и это включило нас в почтенную компанию тех стран, которые страдают долларовым дефицитом... Для Индии, так же как и для любой другой страны, ослабление международного экономического напряжения и осуществление

---

[1] «МЭС», стр. 71, 73, 75. Курсив наш. — *С. С.*
[2] Там же, стр. 22, 25.
[3] Там же, стр. 151, 152.

политики доверия к другим странам являются *жизненно важной* необходимостью» [1].

Другой делегат Индии — экономист Джозеф Кумараппа, особо подчеркнул следующий существенный момент: «Слаборазвитые страны находятся в тяжелом положении. Торговля с ними — это не взаимный обмен, а большей частью лишь форма *эксплуатации*. Внешняя торговля Индии организована иностранцами и стала средством не только экономической, но и политической эксплуатации... Наша торговля должна быть прежде всего связана с развитием и укреплением *международного мира*» [2].

Делегат Пакистана — депутат М. Ифтикаруддин тоже начал свое выступление на совещании с признания, что «мы не можем сегодня похвалиться *высоким уровнем жизни*», что «Пакистан стремится всеми силами преодолеть отставание его экономики от передовых стран», что «ограничение международной торговли идет во вред Пакистану». А в заключение им было прямо сказано: «Не может быть *большего несчастья* для нас теперь, когда мы находимся на пути к развитию, чем *катастрофа новой мировой войны*. Поэтому вместе с другими миролюбивыми народами мы стремимся к *настоящему миру*» [3].

В том же духе высказался и делегат Ирана — экономист Хосейн Дариуш: «Наш экспорт значительно сократился и в настоящее время составляет лишь около *одной трети* нашего импорта... Что касается нынешнего экономического положения, то похвастаться мне нечем, но я вовсе не собираюсь просить подаяние от имени моей страны. Единственное, чего мы просим, — это экономического сотрудничества с другими странами *на основе равноправия*... Я финансист и торговец, а не политик, и я считаю, что самое лучшее для всех — это свобода и безопасность в области торговых отношений и целесообразная система расчетов... Я твердо убежден, что в результате настоящего совещания будет сделан большой шаг вперед по пути к сплочению человечества... Я уверен также, что это совещание сыграет большую роль в обеспечении прочного всеобщего мира, основанного на взаимном уважении... и здоровой экономике». Заключил свою речь этот оратор вдохновенными строками поэта о мире грядущего, «где не реют знамена войны» [4].

Делегат Бразилии, порвавшей дипломатические отношения с СССР, — депутат Рубенс до Амарал жаловался совещанию: «За последние 20 лет мировые рынки не поглощают сырьевого производства нашей страны. Это вызвало понижение цен на продаваемые нами продукты, в то время как цены на необходимые

---

[1] «МЭС», стр. 90, 91, 92, 93. Курсив наш. — *С. С.*
[2] Там же, стр. 216, 217. Курсив наш. — *С. С.*
[3] Там же, стр. 76, 77, 78. Курсив наш. — *С. С.*
[4] Там же, стр. 68, 69, 70. Курсив наш. — *С. С.*

нам машины и сырье растут все больше и больше... Бразилия... нуждается в получении благоприятного сальдо во внешней торговле, чтобы иметь возможность выплачивать проценты и дивиденды по иностранным капиталовложениям. Между тем в 1951 году мы закончили наш торговый баланс с дефицитом до 4 млрд. крузейро, что составляет около 12% нашего экспорта... Соединенные Штаты, Франция и Англия поддерживают дипломатические и экономические отношения с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Более того, они продают Советскому Союзу наш собственный кофе. Почему же, — восклицает с неподдельным возмущением оратор, — мы сами непосредственно не торгуем с Советским Союзом и со странами народной демократии?.. Мы ощущаем *необходимость* установить торговые отношения с этой частью мира, где живет около 800 млн. человек. Мы убеждены в том, что *мирное* сосуществование различных систем и режимов не только возможно, но и является *требованием* всех народов мира... Пословица моей страны говорит: «Хорошие деловые взаимоотношения порождают *хороших друзей*»» [1].

Делегат Аргентины, инженер-промышленник Фелипэ Флоренсио Фрейре, докладывал о таких трудностях в развитии своей страны: «Многие виды сырья, необходимые для экономического развития Аргентины, не могут быть приобретены на южноамериканском рынке, потому что свободному товарообмену препятствуют мощные *иностранные тресты* и вмешательство иностранной политики... Усугубляющееся расчленение мира на зоны и введение плана Маршалла привели к ликвидации возможности обеспечить снабжение нашей страны необходимыми товарами и выгодную торговлю. Импорт промышленного оборудования, металлов и пр. уменьшился в 1951 году по сравнению с 1947 годом почти в *два раза*». Далее приводятся данные о значительном сокращении экспорта и отмечается дефицит в электроэнергии. «Это, — объясняет оратор, — является в значительной степени результатом препятствий, которые чинят *крупные международные организации*, действующие *как монополисты* на большей части рынков... Мы понимаем, — заключает оратор, — что развитие *мирных* взаимоотношений между народами означает отдаление таких призраков, как призрак войны... Мир и процветание, полнокровная жизнь неотделимы друг от друга. Так полагает аргентинская делегация, и потому она прибыла сюда» [2].

В отношении латиноамериканских стран вообще отмечалось, что, несмотря на большие природные богатства, они «имеют крайне низкий жизненный уровень». Отмечалось «обнищание

---

[1] «МЭС», стр. 87, 88, 89. Курсив наш. — *С. С.*
[2] Там же, стр. 94, 96, 97. Курсив наш. — *С. С.*

широких крестьянских масс, недоедание, низкая заработная плата, все уменьшающаяся покупательная способность населения... отсталость промышленности, мизерный национальный доход». Большие препятствия к улучшению этого положения один из делегатов усматривал в том, что «их внешние экономические связи ограничивались только торговлей с США», тем более что американские торговые организации проводят экономическую политику, «связанную с военным производством» [1].

Об этой политике торговой «блокады» восточных стран с длиннейшим запретным списком якобы стратегически опасных товаров, в числе которых упомянуты даже касторовое масло и губная помада, не слишком лестно отзывались на совещании. В частности, один из делегатов Голландии уподобил ее поведению торговца картами и глобусами, изображенного в одной газете: «Он продает глобусы с огромной дырой в них, проделанной специально для тех клиентов, которые не хотят признавать социалистическую часть мира» [2].

Трудно постигнуть стратегическое значение для Атлантического блока таких товаров, как губная помада или касторовое масло. Не кроется ли тут коварный замысел устрашить большевиков и обратить их в бегство корпусами своих красавиц с ярко накрашенными губами? Возможно также, что предусмотрительный Пентагон, учитывая свой корейский опыт, приберегает касторовое масло для смазывания пяток своим храбрецам на случай больших «стратегических» отступлений. Конечно, и касторка в известных случаях — сильно действующее средство.

О роли США в судьбах латиноамериканских стран высказывались и другие американские делегации. Так, например, рабочий-железнодорожник из Мексики отмечал, что трудности слаборазвитых стран усугубляются растущим вмешательством иностранного капитала. 87% мексиканского импорта составляют товары, ввозимые из США. Торговый баланс страны носит резко дефицитный характер. Мексика вывозит хлопок, но в этом году монополисты-экспортеры назначили такие цены, что большая часть урожая осталась непроданной и сельских хозяев ожидает нищета [3]. Делегат Чили тоже отмечал тревожное сокращение внутреннего рынка, инфляцию и тяжелое положение страны как результат монополизации США внешней торговли Чили. «Нас заставляют, — пояснял он, — очень дорого платить за плохие товары, получаемые из США, и, наоборот, получать низкие цены за экспортируемые нами товары. Вследствие этого мы ежегодно теряем на импорте 22 млрд. чилийских песо, а на экс-

---

[1] «МЭС», стр. 157, 158.
[2] Там же, стр. 167.
[3] См. там же, стр. 215.

порте — 12 млрд. песо. Разрыв отношений с Советским Союзом... большинство чилийских патриотов считает предательством национальных интересов»[1]. Делегат Канады находил, что «в широком смысле слова Канада тоже слаборазвитая страна». «Это значит, — говорил он, — что наша экономика не уравновешена. Мы полностью зависим от США, которые полностью контролируют нашу промышленность». Общая сумма капиталовложений в Канаде достигала в 1949 г. 8 млрд. долл., из которых 6 млрд. принадлежит США, 65% экспорта из Канады поглощают США, и все же свой торговый баланс с США Канада заключает с дефицитом[2].

С глубоким вниманием делегаты совещания заслушали чрезвычайно содержательное выступление генерального секретаря Всемирной федерации профсоюзов Луи Сайяна. «От имени 80 миллионов членов, — заявил Сайян, — Всемирная федерация профсоюзов хочет принять участие в дискуссии. Принимая во внимание международное значение этого совещания, мы, представители профсоюзов трудящихся, хотим еще раз подтвердить нашу верность целям международного *сотрудничества*, которое является вкладом в *дело мира*... Профсоюзы трудящихся *торжественно заявляют* здесь о своей *поддержке* усилий, предпринимаемых с целью быстрого восстановления нормальной торговой связи между народами». Показав прямую причинную связь между такими явлениями, как практика дискриминации в торговле и милитаризация экономики, с одной стороны, и такими, как 7,6 млн. полностью безработных в Западной Европе и около 18 млн. частично и полностью безработных в Японии, как рост дороговизны, жилищная нужда, питание впроголодь и тому подобные бедствия трудящихся, Луи Сайян сказал: «Развивать торговлю на благо человечества — это значит выполнить человеческий долг. Служить человечеству... — это значит желать людям другой судьбы, чем быть уничтоженными орудиями массового истребления на полях битв и во время ужасающих бомбардировок». В числе предложений Луи Сайяна от имени рабочих, помимо ликвидации всех препятствий к международной торговле, особого внимания заслуживает требование *сокращения военных расходов* с использованием этих сумм на социальные, культурные и другие мероприятия для повышения уровня жизни народов[3].

Не все выступления на Московском совещании были в равной мере удачны и целеустремленны. Некоторым диссонансом с общим настроением аудитории прозвучала, например, речь одного австрийского делегата, который, начав за здравие, с того, что «возможному решению проблем экономического обмена мешают

---

[1] «МЭС», стр. 205.
[2] См. там же, стр. 231.
[3] См. там же, стр. 85. Курсив наш. — *С. С.*

лишь политические противоречия великих держав», закончил за упокой неомальтузианской концепцией, по которой причиной всемирного напряжения является «огромный рост народонаселения» при неизменной сельскохозяйственной площади. «Своим размножением в огромных масштабах, — убеждал нас этот оратор, — *человек* нарушил биологическое равновесие... *Человека*, — взывал он, — нужно призвать к ответственности за все его дела», нужно добиться *прекращения* дальнейшего роста населения [1]. В кулуарах по этому поводу шутили: «Не является ли этот австрийский мальтузианец попросту фабрикантом презервативов?» «В таком случае он выбрал не совсем удачное место для торговой рекламы своего товара».

Некоторые ораторы отрывались в своих практических предложениях от грешной земли. Были, например, предложения создать «международную торговую плановую комиссию», предлагалось совещанию создать «международную организацию», поручив ей «искоренять причины накоплений запасов, кризисы, инфляции и т. д.». Пакистанская делегация, в частности, хотела бы, чтобы в результате расширяющегося интереса Советского Союза к благоденствию народов Азии был создан *план* помощи всем странам этого района. Все эти предложения исходили при этом, конечно, не от «оголтелых» большевиков, а от весьма деловых людей, коммерсантов и фабрикантов.

Мы, разумеется, отнюдь не возражали бы ни против мирового Госплана, ни против искоренения кризисов на Западе общими усилиями всех деловых людей. Но если приняться за это слишком поспешно, то что же станет со всеми клиентами торговцев глобусами с «социалистической» дырой? Ведь им придется тогда приобретать вместо глобуса одну лишь сплошную дыру.

Гораздо более интересным по своей актуальности нужно признать призыв одного из делегатов Латинской Америки к созданию «единого фронта стран — производителей сырья», какими являются все слаборазвитые колониальные и полуколониальные страны. «Пока слаборазвитые страны Латинской Америки, производящие сырье, — говорил инициатор этого призыва, — будут по-прежнему изолированно выступать перед крупными и жадными международными монополиями, результатом будет грабеж и эксплуатация. Тресты и картели сверхкапитализма, имеющие свое пребывание в крупных промышленных центрах, неуязвимы для простых слов... Мы не хотим ростовщичества... Необходим общий фронт, т. е. сила... Если монополии покупки мы не будем противопоставлять монополию продажи, то нас бесконечно будут грабить» [2]. Этот призыв к самопомощи экономически зависимых

---

[1] См. «МЭС», стр. 39, 40. Курсив наш. — *С. С.*

[2] Там же, стр. 218.

стран, поддержанный аплодисментами многих делегаций, заслуживает большого внимания. Превратить потенциальный блок этих стран в организованную силу — это не маленькая, но благодарная задача. К тому же ее легче реализовать, чем, скажем, мировой Госплан и искоренение кризисов во всем зарубежном мире.

Но в порядке дня совещания стояли еще более осуществимые конкретные предложения. И обобщивший их доклад главы советской делегации М. В. Нестерова стал кульминационным пунктом всего совещания. Выяснилось, что Советский Союз со своей стороны вполне готов пойти на расширение торговли при условиях, исключающих какую-либо дискриминацию. «Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, — сказал И. В. Сталин, — тот всегда найдет у нас поддержку». Выяснилось, что в отличие от стран Запада, переживающих кризисное сокращение внутренней и внешней торговли, развитие народного хозяйства Советского Союза опирается на непрерывно расширяющийся внутренний рынок и неуклонный рост платежеспособного спроса населения. К тому же, несмотря на сокращение, по не зависящим от нас причинам, товарооборота со странами Запада, наша страна уже втрое увеличила свою торговлю с внешним миром по сравнению с довоенным уровнем за счет социалистических и других дружественных нам стран. Было подчеркнуто, что наши торговые организации не имеют в виду вытеснить кого-либо с международных рынков или добиваться каких-либо привилегий. И были названы огромные цифры возможных закупок и продаж разным странам на весьма льготных условиях и с расширением в общей сумме не менее 30—40 млрд. руб. на ближайшие два-три года, т. е. в 2—3 раза против уровня 1948 г. [1] В дальнейшем эти цифры за счет заявок Китая и других стран социалистического содружества значительно возросли.

Предложения, оглашенные М. В. Нестеровым, были встречены продолжительными аплодисментами аудитории и приняты с большим энтузиазмом всеми деловыми людьми. О таких крупных возможностях сделок в трудных условиях момента многие из них и не мечтали. Речь М. В. Нестерова получила очень высокую оценку. Делегат Англии — член парламента Гарольд Дэвис признал ее «наиболее важным заявлением за последние 20 лет» [2]. После нее все деловые люди Запада решили, что пора от слов переходить уже «к делу», или, говоря точнее, к заключению торговых сделок. На следующий же день экспортер м-р Б. Бакмэн от имени всей английской делегации предложил разделиться на шесть потоварных групп и, предоставив профессорам и парламентариям продолжить общие дискуссии, перейти к делу. Он так

---

[1] См. «МЭС», стр. 55.
[2] Там же, стр. 220.

и сказал: «Давайте делать дело... Успех этого совещания в значительной мере зависит от того, сколько сделок нам удастся заключить» [1]. А еще день спустя мы узнали уже о заключенных сделках на сотни миллионов рублей. Это сильно повысило общий тонус совещания. Делегации, прибывшие в слабом составе и долго не выходившие из пассивной роли наблюдателей, вдруг заволновались, что их обойдут более предприимчивые и сильные конкуренты, и активизировались. Из делегации Западной Германии, которая не решалась раньше даже включить кого-либо из своих сочленов в президиум совещания, теперь выступил некий фабрикант стекла Отто Прокш с таким предостережением Западу: «В наших отношениях с Востоком нужно учитывать, что Восток если не сегодня, то завтра или послезавтра *скорее может отказаться от нас, чем мы от него*. Это большая опасность для западных стран. Если мы закроем двери, которые нам необходимо распахнуть, мы совершим шаг, который потом нельзя будет исправить» [2].

А еще через пару дней, к концу совещания, когда уже намечено было образование «Комитета содействия развитию международной торговли» для подготовки и созыва второго Международного экономического совещания, выступил с новой попыткой «распахнуть» двери и другой делегат Западной Германии — фабрикант кожаных изделий Генрих Крумм. Признав проделанную Московским совещанием работу «полезной», он предложил, не дожидаясь полномочий от г-на Аденауэра, избрать местопребыванием нового «Комитета содействия» город *Берлин* и установить отношения со всеми организациями, «которые ставят своей целью стимулирование мировой торговли и *достижение общего мира*» [3].

Слабой по своему составу — за отсутствием в ее рядах крупных промышленных тузов — казалась многим и делегация США. Но когда дело дошло до крупных сделок, то и у «второстепенных» бизнесменов, как говорят, оказались в кармане мандаты на заключение таких сделок уже от имени воротил первостепенных, не пожелавших на первый раз особенно огорчать м-ра Ачесона своим личным посещением красной столицы. Можно, однако, не сомневаться, что на втором международном совещании того же рода все торговые делегации, как бы это ни огорчало г-на Ачесона и его присных, окажутся еще многочисленнее и сильнее.

Трудно и даже невозможно в кратком докладе исчерпать все богатейшее содержание высказываний и обмена мнений на этой первой московской встрече представителей всего мира. А между тем пора уже подводить первые итоги этой знаменательной встречи.

---

[1] «МЭС», стр. 111, 112.
[2] Там же, стр. 175, 176. Курсив наш. — *С. С.*
[3] Там же, стр. 246. Курсив наш. — *С. С.*

Каковы же эти итоги?

Первым из них можно считать уже фактически законченные торговые сделки. Они важны как первый шаг к решительному прорыву того фронта блокад и дискриминаций, который привел к пагубному развалу всех мировых экономических связей. За первым шагом последуют, разумеется, и дальнейшие, ибо уже проложены пути и завязаны новые широкие связи.

Вместе с тем намеченные масштабы расширения мировой торговли за счет заказов одних лишь стран социализма откроют возможность предоставить в различных странах работу в течение ближайших лет нескольким миллионам безработных. И это тоже не маловажный итог.

Далее, Московское совещание выявило новые резервы великого движения за мир во всем мире. Оно показало, что это движение диктуется не одиозной пропагандой большевиков, а самыми жизненными экономическими интересами производства и товарного обращения. Оно доказало, что против войны, помимо сотен миллионов трудящихся, их жен и матерей, готовы ратовать и весьма широкие круги деловой буржуазии Запада, хотя они и не подписывали Стокгольмского Воззвания. И это тоже очень поучительный итог.

Наконец, на Московском-совещании мы приобрели очень ценный опыт делового общения людей доброй воли, способных решать проблемы международного значения даже без дипломатических полномочий. Собравшиеся здесь деловые люди вовсе не хотели бы подменить собой уже апробированные всеми международные организации ООН, и, выполнив свою подготовительную работу, они обращаются теперь уже к официальной Ассамблее объединенных народов за необходимыми санкциями намеченных решений. И можно думать, что после столь солидной общественной подготовки даже самые тупые представители международной дипломатии не решатся на сей раз *игнорировать* это обращение. А если все же решатся, то созданный в Москве из деловых людей доброй воли «Комитет содействия мировой торговле», использовав уже приобретенный опыт, сможет и *через головы дипломатов* выполнить еще не одну из своих задач.

Но, и помимо этих итогов, мы обязаны Московскому совещанию постановкой целого ряда новых и важнейших проблем. Намеченная на совещании грандиозная программа товарообмена с капиталистическим миром чревата большими последствиями. Мы и прежде вывозили на Запад лес, хлеб, пушнину. Но теперь к нам с надеждой на помощь обращаются с разных сторон взоры целой плеяды *слаборазвитых* стран потенциального сырьевого фронта. Им до зарезу требуются *машины* для спасительной индустриализации. Но империалистические страны «спасать» в этом отношении свои бывшие колонии менее всего склонны, почему

они и обращаются прежде всего к нам. Мы не можем отказать им в этой помощи. А это значит, что вывозить туда придется уже оборудование, а не пушнину. И тут возникает нелегкая *проблема конкурентоспособности* наших цен мировому их уровню. Взамен оборудования нам придется вывозить из этих стран сырье. Стало быть, возникает новая проблема рационального использования этого сырья в крупных масштабах. «Сырьевой фронт» отсталых стран уже теперь сплачивается против ростовщически низких цен на сырье, диктуемых монополистами». Он добивается справедливых, «*эквивалентных* международных цен». Но, как приблизиться к таким *эквивалентным* расценкам в международном обмене, — это еще тоже не решенная проблема, хотя ясно, что нам не по пути с барышниками и ростовщиками-монополистами.

Еще недавно мы осуществляли соревнование с капиталистическим миром в довольно замкнутом кругу своей собственной страны. Затем с включением в социалистическую систему целого ряда сопредельных стран этот круг сильно расширился. А теперь крупнейшим скачком на широкий простор международного товарообмена мы поднимаемся еще на одну ступень, вступая в новую фазу открытого *рыночного соревнования* двух систем. Это свидетельствует о небывалом еще росте наших возможностей, но требует нового, гораздо более широкого охвата в планировании, неизмеримо большей инициативности и поворотливости от наших красных купцов и новых общих творческих усилий в борьбе за *самую высокую* в мире технику и *самые низкие* товарные цены.

Московское международное экономическое совещание еще раз подтвердило, что именно *низкие* цены на данном этапе могут стать ключом к решению самых *высоких* проблем. И мы можем лишь гордиться, что именно такая мудрая политика цен стала уже руководящей в нашей стране.

3. О РАСШИРЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ*

Вопрос о расширении торговли между странами Запада и Востока уже не первый год привлекает к себе внимание все более широких общественных кругов. Но интересы разных кругов, переплетающиеся вокруг этого вопроса, столь противоречивы, что сдвинуть его с места никак не удается. Получается совсем как в известной басне: «Однажды лебедь, рак да щука везти с поклажей воз взялись... Поклажа бы для них казалась и легка: да лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду».

---

* «News» № 15, 1953.

«Если бы товары и рынки коммунистического мира могли быть снова открыты, — меланхолически рвется в облака «Манчестер гардиан» (24 июня 1953 г.), — наши экономические проблемы, несомненно, стали бы более легкими». И действительно, по подсчетам швейцарской газеты «Ля сюис» (8 июня 1953 г.), Западная Европа *сейчас* импортирует из стран Восточной Европы лишь одну пятую того, что импортировалось в 1938 г., а Восточная Европа импортирует из Западной только половину того количества товаров, которое ввозилось оттуда в 1938 г. Но экономические возможности стран Востока с тех пор в огромной степени возросли. И, в частности, по подсчетам французской буржуазной газеты «Монд» (20 июня 1953 г.), франко-советская торговля должна бы увеличиться в 5—6 раз, достигнув приблизительно 20 млрд. франков. А Экономическая комиссия ООН для Европы подсчитала, что «советский блок» мог бы увеличить свой экспорт леса, угля и зерна на Запад на 300 млн. долл., даже без какого-либо изменения нынешнего списка «стратегических» товаров, на которые Запад наложил эмбарго.

Спрашивается, зачем же дело стало?

Социалистические страны не отказываются торговать с Западом на началах взаимной выгоды и равноправия. К тому же, не особо нуждаясь в долларах, эти страны, продавая Западной Европе свои товары, не требуют в уплату за свой экспорт ни единого доллара и готовы ограничиться импортом на равную сумму нужных им товаров. А между тем известно, что долларовый дефицит — подлинный бич торговли в странах Западной Европы. Он уже в первой половине 1953 г. исчислялся в 2—2,5 млрд. долл. и с дальнейшим ростом кабальной задолженности, именуемой «помощью США вместо торговли», может лишь возрасти. Почему же западноевропейские деловые круги упускают возможность снизить этот губительный дефицит в своих торговых балансах за счет бездолларового товарообмена с Востоком хотя бы на 300 млн. долл. в год, даже при сохранении эмбарго, и, разумеется, на много большую сумму — отказавшись от этого экономически ничем не оправданного, нелепого мероприятия?

Дело в том, конечно, что, помимо интересов экономики, существует еще «высокая» политика. Существует Даллес, сенатор Маккарти и другие столь же проницательные дипломаты, которым повсюду мерещится страшная коммунистическая пропаганда и которые, пятясь от нас раками, запугивают и других робких людей угрозой, что даже советский лес, уголь и хлеб, допущенные на рынки Атлантического блока, заговорят там языком коммунизма. Впрочем, за спиной этих высокопоставленных дипломатов стоят и совсем неробкие щуки с Уолл-стрита и других омутов. Убежденные, что для них новая мировая война оказалась бы

наиболее прибыльной из возможных ныне бизнесов, эти щуки сами раздувают военный психоз и, запрещая своим сговорчивым сателлитам торговлю с одиозным для них Востоком, тем с большей выгодой для себя навязывают им под соусом военной «помощи» свои собственные американские товары.

Казалось бы, что такая слишком прозрачная щучья стратегия, направленная против стран Востока, не может рассчитывать на длительный успех в торговом деле. «Капиталистический деловой мир, — как сообщалось в одной буржуазной шведской газете, — заключает сделки с кем угодно — с турком, с папой или с сатаной, только бы платили хорошо». Еще менее, казалось бы, следовало поддаваться политическим предубеждениям против расширения торговли с Востоком в рабочей среде Запада, которой оно обещает и сокращение безработицы и более дешевый кусок хлеба. Но и в этой среде по данному вопросу полного единения еще не наблюдается. Вот, например, Британский конгресс тред-юнионов еще в 1952 г. высказался за расширение торговли с Китаем, СССР и другими восточными странами в расчете, что это внесет серьезный вклад и в дело улучшения международных отношений. А всего лишь год спустя, по сообщению лондонского радио (26 июня 1953 г.), Генсовет БКТ уже пятится назад от этого прошлогоднего решения своего конгресса, заявляя, что «утверждать, будто расширение торговли поможет улучшить международное положение, значит *поставить телегу впереди лошади*». Надо полагать, что вдохновители этого решения из рабочей среды в отличие от сенатора Маккарти и других щук, сознательно спекулирующих на военной конъюнктуре, очевидно, предпочли бы мир новой мировой бойне. Их готовность заключить при случае выгодные сделки не только с римским папой, но и с самим сатаной тоже не вызывает особых сомнений. Но коммунизм для них даже в безобиднейшем образе советского хлеба на английском рынке, по-видимому, страшнее сатаны, и эти политические раки неудержимо пятятся назад, в сатанинские объятия самых отъявленных поджигателей мирового пожара.

Аргумент против расширения мировых *экономических* связей в интересах умиротворения *политических* международных страстей и распрей, по которому не следует ставить «телегу *впереди лошади*», весьма забавен. Он исходит из наивного представления, что экономика буржуазного мира — это просто инертная телега с ценным грузом, который могут куда угодно тащить и по своему произволу растащить те или иные политические лошадки. Однако это совсем не так. В капиталистическом мире действуют стихийно вполне объективные экономические законы, которые сами, как ведущее начало, определяют ту или иную политику народов и партий. В числе таких экономических законов на мировом рынке, как известно, господствует и властный закон

торговой конкуренции и многие другие, которые вопреки всем ухищрениям политиков периодически ввергают подчиненные им народы в пучину всех потрясений, кризисов и безработицы. В экономическую телегу, спереди и сзади, повседневно впрягаются легионы политических лошадок и дипломатических ослов всех рангов, повседневно воспроизводя старую басню о лебеде, раке и щуке в одной упряжке. Но не они продвигают свой воз вперед — к желанной всем народам цели мирного разделения труда и его общих плодов. А воз этот движется все же к этой цели, увлекая за собой даже самых упрямых ослов в этой политической упряжке. И тем самым «телега» оказывается *впереди* тщетно тянущих ее назад раков в этом вполне закономерном их движении.

Экономические законы нельзя преодолеть. Но их следует учитывать и можно хорошо использовать в благоприятный момент. Мы имеем в виду, что к настоящему времени уже достаточно определилось вполне сознательное сопротивление народных масс вовлечению их в новую мировую войну. В таких условиях даже самым бесшабашным агрессорам трудно ее начать, и они поневоле вынуждены откладывать ее начало — этот столь желанный для них день «Икс» — в дальний ящик. Но экономика не ждет и каждый день предъявляет мировому рынку новые требования. В условиях обостряющейся международной торговой конкуренции на суживающемся мировом рынке, под влиянием которой более слабые страны — контрагенты чувствуют себя уже под угрозой финансового банкротства, возможности значительного расширения этого рынка за счет стран «блокируемого» Востока становятся все осязательней. Политические миражи коммунистических опасностей бледнеют по сравнению с гораздо более реальной угрозой экономического разорения и явно отступают перед трезвыми требованиями полновластных здесь законов спроса и предложения. Не видеть этого может лишь слепой. А отрицать благодетельное воздействие расширения культурно-экономических связей Запада с Востоком и на смягчение *политических* расхождений во взаимоотношениях этих стран сможет разве лишь полный невежда в проблемах экономической политики. Экономика всегда оказывала решающее воздействие на реальную политику партий, и не считаться с ней на свою беду способен лишь политический авантюризм. Это азбука экономической науки.

Нам кажется, что восточный лагерь стран грядущего коммунизма в гораздо меньшей степени, чем Запад, нуждается в расширении мирового рынка, так как ему не угрожают кризисы сбыта и он может процветать в рамках собственной экономической системы. Но в интересах мирного сотрудничества всего человечества он готов и на любое расширение международного товарообмена. Разумеется, это не исключает *мирного* соревнования

сотрудничающих в таком рыночном товарообмене экономических систем. Но, в корне отвергая такие методы их соревнования, как кровавые агрессии с разрушительными и истребительными атомными бомбами, химическим и бактериологическим оружием, мы в общих интересах всего человечества предпочли бы совершенно бескровное соревнование этих противоположных систем лишь такими средствами, как наилучшие орудия производства, наиболее дешевые товары, самая высокая зарплата и самый производительный труд.

Почему бы бизнесменам Запада, если они действительно верят в превосходство своей экономической системы, и с своей стороны не предпочесть те же средства соревнования? Борьба могла бы оказаться длительной и упорной, но ее конечные результаты пришлось бы признать наиболее для всех убедительными.

VI. О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И СОРЕВНОВАНИИ МИРОВЫХ СИСТЕМ

1. ОТВЕТ М-РУ ГЕРБЕРТУ ГАРРИСУ *

В журнале американской торговой палаты «Нейшнл бизнес» за сентябрь 1953 г. помещена пространная статья Герберта Гарриса под тревожным заголовком: «Русские нагоняют нас...»

В этой статье совершенно справедливо отмечается, что «Советский Союз по росту экономической мощи *опережает любую другую страну*», что в настоящее время темп экономического роста в Советском Союзе «*в 2—3 раза выше*, чем у нас», т. е. в США, что уже к 1960 г., как это предвидит м-р Гаррис, если не раньше, «советское производство, если измерить его по таким основным показателям, как уголь, сталь, электроэнергия и станки, *превзойдет* производство Англии, Франции, Западной Германии, Бельгии, Голландии и Италии, вместе взятых». Можно согласиться и с той общей оценкой наших темпов м-ром Гаррисом, по которой «Советский Союз мчится во весь дух, в то время как *мы* (т. е. США. — *С. С.*) идем легким скоком...», в особенности если к этому еще добавить, что за каждым «легким скоком» США вперед незамедлительно следует совсем не легкий отскок назад, как это уже было в 1932, 1937 и 1947/48 гг. и, конечно, еще не раз будет.

Все это совсем не ново. И при минимальной наблюдательности м-р Гаррис мог бы открыть отмеченные им ныне непревзойденные темпы экономического роста СССР даже лет на 15 раньше, чем ему удалось, наконец, это сделать в 1953 г. Но и теперь еще, признав уже советские темпы «поразительными», м-р Гаррис не прочь все же попутно прихвастнуть и тем, что советская техника— турбины и тракторы — позаимствованы у атлантических стран, и даже тем, что будто бы американские «рекорды» в области производства и производительности труда и до сих пор еще остаются «непревзойденными». Однако осведомители американ-

* «News» № 19, 1953.

ской общественности по этой части, не исключая и м-ра Гарриса, как видно, и сами еще очень слабо осведомлены о положении дел в СССР. И только из желания прийти им на помощь в этом отношении мы можем сообщить им, между прочим, следующее.

В советской технике, как, впрочем, и в американской, действительно можно указать не мало позаимствованных у добрых соседей технических идей и образцов. Но в плановом хозяйстве СССР эти идеи получают гораздо более успешное дальнейшее развитие и лучшее использование, чем у себя на родине. В частности, широко известно, что советские турбины давно уже превзошли американские образцы не только по мощности, но и по коэффициенту полезного действия. Подобно этому, советские тракторы превосходят американские не только по средней их мощности, но и по среднему числу часов использования в сельском хозяйстве. И это известно не со вчерашнего дня. Мощное советское машиностроение при этом не только совершенствует и умножает машины общеизвестных образцов, но и создает новые, вовсе не известные капиталистическому миру. Только за три года (1949—1951 гг.) в СССР было создано около 1600 машин и механизмов *новых* типов. К числу таких механизмов относятся, в частности, первые в мире советские угольные комбайны, турбобуры в нефтедобыче, а также небывалые еще по своей мощности шагающие экскаваторы, заменяющие каждый до 7 тыс. землекопов, и землесосные снаряды, заменяющие каждый до 25 тыс. землекопов.Таким образом, и СССР вносит свой творческий вклад в мировую технику и не останется, конечно, в долгу перед атлантическими странами за полученную от них старую технику, так как располагает возможностью снабжать и их в случае нужды продукцией новейшей советской техники.

К сведению м-ра Гарриса мы можем сообщить, что уровень техники в СССР, по оценкам вполне осведомленных людей, и теперь уже во многих отраслях не ниже американского. В соревновании его с США за качество оборудования, а вместе с тем и за механизацию труда и рост его производительности американские «непревзойденные рекорды» с каждым днем во все большем числе отходят в область одних лишь сладостных воспоминаний. Ни для кого, в частности, не секрет, что коэффициент полезного действия советских электростанций давно уже выше американских норм. Механизация добычи угля в США, по последним имеющимся данным, не превышала 84% всей добычи, а в СССР уже к 1949 г. она достигала 98,1%. Удельный вес наиболее совершенных домен, с полезным объемом в 1000—1300 $м^3$ и суточной продукцией до 1700 *т* чугуна, в черной металлургии СССР к 1951 г. превышал уже 51% общего числа печей, а в США едва достигал 46%. А процент наилучших мартенов емкостью в 200 *т* и более в СССР к тому же времени превышал американскую норму уже втрое.

Вместе с тем коэффициент использования объема домен даже в среднем по всем печам СССР достигал в 1955 г. 0,8, а в США — 0,98, а съем стали с 1 *м*² пода печей по всем мартенам составлял в СССР не менее 6,4 *т*, а в США — 4,5 *т*, причем эти средние показатели для СССР превышали уже, по-видимому, даже рекордные достижения США в данной области. Мы не говорим уже о мировых рекордах отдельных советских рабочих-новаторов во всех отраслях труда. Достаточно отметить лишь общий их результат. Производительность труда в среднем по всей промышленности СССР возросла с 1928 по 1956 г. более чем в 7,2 раза. В том числе за 12 довоенных лет (с 1928 по 1940 г.) этот прирост производительности в СССР достигал 243%, превышая 10% в год, тогда как средняя американская норма за 1928—1956 гг. не достигала и 1,5% в год [1].

Таковы факты. Освещая их, м-р Гаррис и американский *легкий скок* находит «довольно быстрым». Значит, не он возбуждает его тревогу. Но он явно недоволен *советскими* темпами роста и *пугает* ими свою аудиторию, усматривая в них прямую «угрозу» Западу. И такое явно тенденциозное освещение объективных фактов не может быть оставлено без ответа.

В чем же именно усматривается опасность высоких темпов роста советской экономики для западных стран, по мнению м-ра Гарриса?

«Поскольку для Кремля, — запугивает он своих американских бизнесменов, — производство является политическим, а не экономическим процессом, он сможет продавать по сниженным ценам как товары, так и оборудование народам малоразвитых районов для того, чтобы втянуть их в коммунистическую орбиту. Он может использовать свои излишки для продажи товаров по бросовым ценам и для подрыва цен с целью нанести ущерб рынкам свободного мира, особенно поскольку он рассматривает торговлю как оружие в «холодной войне», Кремль может выработать свои собственные варианты плана Маршалла и использовать против нас и Запада вообще те самые турбины и тракторы, которые он заимствовал у атлантических стран».

Утверждение м-ра Гарриса, что производство для Кремля является *не экономическим* процессом, конечно, нелепо. Но экономика не исключает политики. И мы можем пояснить это м-ру Гаррису весьма наглядными примерами. Производство в США оружия для агрессивного блока атлантических стран или экономическая «блокада» ими стран Востока — это не только экономика, но и определенная политика, в которой и производство и торговля служат задачам «холодной войны». А производство предметов широкого потребления и орудий, облегчающих труд,

[1] См. «СССР в цифрах», 1958, стр. 31.

в СССР, необходимое для всех народов и Запада и Востока, а также расширение международной торговли ими, без всякой дискриминации кого-либо из контрагентов — это тоже не только экономика, но и вполне последовательная политика стран Востока. Только это политика не войны, а мира. Но для кого же политика мира может показаться *опасней* политики, прямо рассчитанной на войну?

М-ру Гаррису особо опасным представляется *снижение цен* на мировом рынке. Ему даже мерещатся уже *бросовые* цены советских товаров на атлантическом рынке. Однако советские люди не так уж богаты, чтобы расточать свой труд по всему миру, не исключая даже очагов завтрашней агрессии, без достаточного эквивалента. Правда, советские цены могут все же оказаться *ниже* обычного уровня стран империализма с господствующими в них *монопольными* и, стало быть, сверхприбыльными ценами. Но кому же это угрожает, кроме разве слишком зарвавшихся монополистов? Впрочем, считаясь с масштабами инфляционных явлений на Западе и господствующей там тенденцией к стихийному повышению цен, можно думать, что планомерное их снижение в СССР, даже при полном возобновлении нормальной торговли между Западом и Востоком, сказалось бы лишь некоторой задержкой общего роста мировых цен. Однако такую задержку, а тем более хотя бы медленное снижение цен, несомненно приветствовал бы весь мир потребителей. Вместе с тем восстановление нормальных торговых и культурных связей между странами Востока и Запада означало бы прежде всего приобретение новых национальных рынков сбыта для тех и других на вновь обретенном едином интернациональном мировом рынке. А затем, помимо смягчения международных трений и отрезвления от жутких психозов «холодной войны», существенное расширение спроса на продукцию всех отраслей мирного труда оживило бы и их на Западе к новому подъему в интересах самых широких кругов производителей. Да и широчайшие торговые круги Запада при расширении мировой торговли не остались бы, конечно, в убытке.

Кому же угрожает Кремль своей продукцией мирного труда на западных рынках, кроме разве кучки крупнейших фабрикантов оружия, жаждущих крови?

М-р Гаррис еще опасается, как бы Кремль, соблазнившись примером Белого дома, не выработал и «своих собственных вариантов плана Маршалла», направив их «как оружие холодной войны» на этот раз в обратную сторону, против Запада. В этом опасении м-ра Гарриса всего похвальнее та откровенность, с которой он сам попутно признает, что американский план Маршалла — это оружие «холодной войны» против СССР, а не средство помощи слабейшим странам Запада, как это представлялось

некоторым простакам. Однако и это опасение м-ра Гарриса совершенно напрасно. В Кремле не найдется подражателей планам Маршалла уже потому, что там, как это общеизвестно, никто не хочет войны, ни горячей, ни холодной. Но, отвергая подобные планы в качестве оружия агрессии, мы не стали бы подражать им и в целях *помощи* своим союзникам. Советский Союз в этих целях избирает совсем иные пути. Так, например, предоставив целый миллиард народно-демократической Северной Корее на восстановление ее хозяйства *без всякой экономической компенсации*, Кремль не связал ее никакими политическими обязательствами. Так приобретаются истинные друзья. А тот, кто, сколачивая себе агрессивный блок союзников, *закабаляет* их своими подачками, требуя от них не только безропотного подчинения своим политическим директивам, но и все более разорительных экономических обязательств, с повседневным вмешательством в их бюджетную, валютную и торгово-промышленную политику, тот должен помнить одно: рано или поздно такой блок под неумолимым воздействием объективных экономических законов неизбежно развалится, закончившись либо прямым бунтом наиболее ущемленных членов блока против своих принципалов, либо полным экономическим их банкротством.

Это не трудно предвидеть. И нам кажется, что такой именно конец предчувствуют уже с тревогой многие и в лагере друзей м-ра Гарриса. Они еще пугают весь мир мнимой коммунистической опасностью, но сами больше всего боятся потерять последний кредит в рядах своих собственных, все менее надежных союзников.

2. ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ИЛИ «ГОНКА» ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ? *

Непрерывная гонка вооружений в странах Атлантического блока мотивируется повседневно мнимыми угрозами агрессии со стороны СССР. Правда, миролюбивая внешняя политика Советского Союза и в особенности его широкие мероприятия в области внутренней экономики, направленные к дальнейшему подъему благосостояния трудящихся Союза, никак не поддаются истолкованию в интересах поджигателей войны. Но, очевидно, именно поэтому западная печать долго замалчивала эти мероприятия, потом попробовала в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 30 октября изобразить новейшую программу по расширению производства потребительских товаров в Советском Союзе как признак его «слабости». Но этому, по-видимому, никто не поверил. Почти одновременно обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Роско Друмонд опубликовал статью, в которой

* См. «News» № 23, 1953.

уже ясно отражена тревога влиятельных кругов США по поводу того, что рост благосостояния советского народа может «показать бедным народам мира, еще не определившим свою позицию, что коммунизм по своим экономическим благам — лучшая для них система». А 8 ноября версия об экономической «слабости» СССР получила отпор и на столбцах «Нью-Йорк таймс», опубликовавшей письмо представителя научных кругов Дж. Пика.

Пик указывает, что вопреки утверждениям редакции «Нью-Йорк таймс» производство в Советском Союзе и в странах народной демократии является «настолько здоровым и энергичным, что несколько знатоков русских дел видят *величайшую угрозу* Западу не в военной или идеологической области, а в области экономики». В чем заключается эта угроза уже разъяснил м-р Друмонд, говоря о *бедных народах мира* и их тяготении к *лучшей* для них системе. «Не говоря уже об Азии, Индии и Африке», м-р Друмонд причисляет к ним и союзные Соединенным Штатам Америки народы Европы, заявляя, что и «Европа сегодня *уязвима* в социальном и экономическом отношениях». Следовало бы к этому добавить, что и США «уязвимы» в том же отношении не меньше, поскольку и там *бедных* гораздо больше, чем богатых, тем более что так называемый «спад» в «мирной» промышленности и там по всем признакам усиливается. Во всех этих странах люди труда все хуже питаются, беднее одеваются, все чаще лишаются жилья, теряют работу. И *в этом* действительно можно усмотреть величайшую для них угрозу. Но усматривать такую угрозу в том, что эти бедные люди могут предпочесть «*лучшую для них систему*», было бы, на наш взгляд, по меньшей мере странно. Кто же предпочтет *худшую* для себя экономическую систему?

В связи с этим большой интерес вызывает сообщение газеты «Джорнэл оф коммерс» от 10 ноября 1953 г. о том, что представитель Объединенной экономической комиссии конгресса Гровер Энсли представил членам этой комиссии *конфиденциальный доклад*, в котором выражается беспокойство по поводу программы Советского Союза, предусматривающей расширение производства потребительских товаров, и высказывается мнение, что выполнение Советским Союзом этой программы «скажется *на настроениях*» в западноевропейских странах. По признанию Энсли, «Россия уделяет много внимания улучшению снабжения». По его мнению, «Запад *должен считаться* с этими темпами экономики Советского Союза». Важнейший, вытекающий из создавшейся обстановки вывод Энсли таков: в целях сохранения капитализма в Западной Европе западноевропейские страны должны соревноваться с Советским Союзом «в этой *гонке* повышения уровня жизни».

Такой крутой поворот от поощрения самой бешеной гонки вооружений на Западе к рецептам заведомо несовместимой с ней

«гонки» повышения уровня жизни весьма знаменателен. Симптоматично и то, что над этим задумываются уже не только безответственные журналисты, но и почтенные конгрессмены, когда им не спится. Жаль только, что, предлагая столь спасительные рецепты своим друзьям, они не спешат применить их в собственном доме. Если уж признано, что Советский Союз «угрожающими» темпами напрягает свою экономику в мирных целях повышения уровня жизни своих сограждан и, стало быть, никому не угрожает *военной* агрессией, то почему бы и США не использовать это в интересах собственных граждан. Ведь и им не заказано, отбросив за ненадобностью гонку вооружений, использовать освободившиеся огромные ресурсы в мирном соревновании с СССР за повышение уровня жизни трудящихся и доказать им не на словах, а на деле все преимущества своей экономической системы.

Известно, например, что в СССР давно уже нет ни безработицы, ни кризисов. Почему бы и США не избавиться от этих вопиющих бедствий? Известно, что в СССР заработная плата ежегодно повышается, и не только в денежном, но и в реальном значении. Почему бы и США не усвоить эту практику? Ведь такая практика, несомненно, обеспечила бы и США и всем странам Запада несравненно более значительный и притом все *возрастающий* спрос на всю продукцию промышленности и земледелия, чем это возможно в условиях гонки вооружений.

Если в странах Запада действительно назревает уже угроза, вынуждающая правящие круги доказывать трудящимся массам, что экономическая система этих стран — «*лучшая* для них система», то им придется вступить именно на такой путь *мирного* соревнования экономических систем — соревнования в *темпах* развития производительных сил, в борьбе за самые низкие цены и самую высокую заработную плату, в «гонке» за повышение *уровня жизни* трудящихся масс. И если гонка вооружений встретила уже всеобщее осуждение и гневный протест сотен миллионов мирных людей, то эта новая «гонка», несомненно, была бы встречена лишь вздохом облегчения во всем мире.

Во всяком случае советские люди, как пионеры самой новой экономической системы, к такому соревнованию *всегда готовы*.

3. «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ИЛИ ТОРГОВЛЯ? *

«С позиции силы»

Война, хотя бы и «холодная» — без напалма и водородных бомб в действии, — создает опаснейшее международное напряжение, вызывает бешеную гонку вооружений, финансовое исто-

* См. «News» № 11, 1954.

щение, нарастающую инфляцию и валютный хаос, возбуждает истерию человеконенавистничества, разоряет сотни миллионов налогоплательщиков, сокращая их покупательный спрос на внутреннем рынке, умножает товарные запасы в каналах обращения и армию голодающих безработных в странах капиталистического Запада. В то же время эта «холодная война», затеянная «с позиции силы» против миролюбивых демократий Востока, ускорила формирование двух обособленных и потому резко суженных мировых рынков. И хотя агрессивные силы, вызвавшие этот распад рынка методами прямых запретов торговли с Востоком, устрашающих «блокад» и эмбарго, имели в виду, собственно, удушение в кольце этих «блокад» экономики Востока, но фактически в экономическом тупике, задыхаясь от недостатка внешних рынков, оказались перед угрозой кризиса многие страны Запада.

Их торговые интересы вступили в непримиримое противоречие с дальнейшим участием в слишком затянувшейся «холодной войне». И это противоречие между навязанной этим странам политикой «с позиции силы» и властными требованиями их собственной экономики настоятельно требует своего разрешения. Война и торговля исключают друг друга. Из них надо выбирать либо то, либо другое. Народная мудрость гласит, что и худой мир *лучше* доброй ссоры. Что же или кто же мешает такому решению?

Страны Запада и Востока придерживаются весьма различных экономических систем хозяйства. Но это *внутреннее* дело каждого народа. И твердо придерживаясь принципа невмешательства в чужие дела, советские люди всегда высказывались за *мирное* соревнование этих систем без каких-либо интервенций и взаимных дискриминаций, что подкрепляется всей многолетней практикой СССР в его международной политике. Ни разу СССР не выступал в роли агрессора по отношению к другим народам, охотно заключая с ними мирные договоры о дружбе и ненападении и никогда односторонне их не нарушая. Отразив в содружестве с другими нациями опаснейшую и для них гитлеровскую агрессию, СССР для предотвращения новых покушений того же рода предложил своим союзникам по борьбе с нею закрепить завоеванный совместно дорогой ценой мир новыми договорами. И такие многолетние мирные договоры, как известно, были подписаны между СССР, Англией и Францией. Таким образом, возможность мирного сосуществования двух различных экономических систем находила свое признание с обеих сторон. И ныне *не* СССР пытается изгладить самое воспоминание о подписанных договорах. Что же изменилось с момента их подписания?

Изменилось после второй мировой войны прежде всего, конечно, соотношение сил великих мировых держав. В Западной Европе не только побежденные, но и победившие страны, разоренные войной, потеряли все прежнее свое значение и уже явно

выбывают из числа «великих». Они согласны уже и на второстепенные роли, поступаясь под нажимом извне подчас даже своим государственным суверенитетом. Зато для США та же война обернулась блестящим бизнесом. Здешние бизнесмены настолько разбогатели на *второй* мировой войне, что не прочь уж финансировать и *третью*. И если еще недавно в США господствовала доктрина «Америка для американцев», то ныне многие из них в головокружении от успехов не прочь уж и расширить эту доктрину новыми вариантами: «и Европа — для американцев», «и Азия — тоже», и вообще «весь мир — для американцев»! В Европе содействие этой новой доктрине кое-каких обедневших родственников они намеревались купить по дешевке, в порядке «плана» Маршалла и прочих долларовых подачек вместо торговли, которую американские бизнесмены предпочитают сохранить в качестве собственной монополии. А в отношении тех стран и народов, которые не продаются с публичного торга, они предложили тактику их устрашения «с позиции силы», известную ныне под именем «холодной войны».

Весь огонь в этой «холодной войне», как известно, был направлен против восточного лагеря стран социализма и демократии. Раздувая призрак коммунистической опасности этого лагеря для всего остального мира, поджигатели войны под соусом *оборонных* мер против этой «опасности» сколачивают атлантические и прочие антикоммунистические военные пакты народов, вооружают их американским оружием под предлогом военной помощи, оккупируют другие страны, создают там военные базы, бороздят их небо летающими крепостями с бомбовой начинкой, требуют их прямого участия в тех или иных военных авантюрах на Востоке и, втянув в такие авантюры, запрещают огулом всем своим союзникам даже торговать с Востоком.

Однако такая политика, представляющая довольно выгодный бизнес для американских торговцев оружием, становится все более разорительной и нетерпимой для их европейских союзников. Союзники эти уже успели убедиться, что политика «с позиции силы» не дает никаких результатов в борьбе не только против таких гигантов, как СССР и Китай, но и более скромных противников. И, по-видимому, убедившись в полном миролюбии Советского Союза и Китая со всем их демократическим окружением, эти союзники США предпочли бы видеть страны Востока в качестве покупателей своих товаров, а не противников с оружием в руках. Правда, лондонские аэродромы уже готовы принять транзитом американские бомбы для Москвы. Но от Москвы до Лондона не дальше, чем от Лондона до Москвы. И, как видно из одной речи м-ра Черчилля в палате общин, лондонские политики, учитывая трезво не только американские, но и свои собственные интересы, приходят к выводу, что опасная игра

атомными бомбами не стоит свеч и что путь мирных переговоров за круглым столом надежнее путей взаимоистребления.

Кажется, что и другие европейские партнеры м-ра Даллеса готовы усвоить столь же разумные выводы.

За круглым столом

Добиться необходимой разрядки международной напряженности за круглым столом после многолетних трудов по ее раздуванию — дело не легкое. Уже не мало переговоров осталось безрезультатными за последнее время, несмотря на все усилия защитников мира довести их до более благополучного конца. Конец этот определяется не красноречием дипломатов, а реальным соотношением сил и интересов договаривающихся сторон. Однако общественное мнение — тоже сила, с которой за круглым столом нельзя не считаться и которая настоятельно требует в интересах мира расширения мировой торговли. И это, конечно, не случайно.

На Западе, несмотря на крупные военные заказы за счет налогоплательщиков, а скорее всего как раз в связи с ними, все ощутительнее становится очередной спад конъюнктуры в промышленности и торговле [1]. Надвигаются бедствия кризиса, облегчение которых могло бы принести только расширение торговли с вовсе не знающим кризисов Востоком. И чем больше противятся этому США, тем сильнее раздражает это их союзников. Так, например, в английской газете «Ивнинг стандарт» можно было прочесть следующее откровенное признание: «Английский народ раздражен позицией Америки, ибо, если рынки Востока окажутся закрытыми для английских дельцов, где еще они могут найти замену им. Американцы должны понять, что торговля с Востоком является не только экономической необходимостью для Англии, но и политической необходимостью для всего мира».

Деловые люди Запада осознали это раньше своих политиков, заседающих за круглым столом. Им ясно, что потерять почти миллиард возможных покупателей в условиях уже бесспорного экономического спада и истощения последних порций долларовой «помощи» США ради прекрасных глаз симпатичного м-ра Маккарти и его вдохновителей, затевающих новую авантюру где-либо во Вьетнаме или Корее, — это не деловая политика. Они вовсе не симпатизируют Мао Цзэ-дуну, но уже признали великую КНР весьма подходящим для себя рынком и потому усердно подталкивают и своих политиков последовать их примеру. Они еще весьма симпатизируют взглядам как будто уже обанкротившегося м-ра Даллеса, но не настолько все же, чтобы и собственные фирмы

[1] Развитие кризисных явлений в 1953—1954 гг.

подвергнуть риску банкротства. И все это не может не отразиться и на дебатах за круглым столом в Женеве.

Еще недавно в западной прессе, не исключая даже солидного лондонского «Экономиста» и других американских подголосков, политику дискриминации торговли с Востоком пытались оправдать, нарочито преуменьшая реальные возможности этой торговли и изображая СССР как полуголодную страну с ничтожными импортными и экспортными ресурсами. Однако эта лживая пропаганда потерпела фиаско. Достаточно сказать, что выплавка стали в 1954 г. по сравнению с 1950 г. возросла в СССР на 51%, добыча угля — на 33, выработка электроэнергии — на 63, продукция цемента — более чем на 80, производство машин — на 90%. И в общем задания пятилетнего плана на 1951—1955 гг. в СССР выполнены досрочно, за четыре года.

В Москве побывала английская делегация промышленников, и в лондонской прессе появились статьи о «Волне процветания в России», о магазинах, переполненных товарами, о заводах, работающих полным ходом, о первоклассном техническом оснащении посещенных авторами заводов и т. д. Любопытно, что авторы признают при этом «полную неожиданность» для них самих сообщаемых ими фактов. И все это печаталось в таких газетах,. как «Дейли экспресс», «Лондон стар», которых даже м-р Маккарти не заподозрил бы в сочувствии коммунизму. Но еще неожиданнее для западных читателей, вероятно, показалась статья в американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» от 11 апреля 1954 г. с такими признаниями: «Пока мы, — пишет газета, — продолжаем убаюкивать себя избитыми легендами об «отсталых русских», гигантская советская держава упрочивает свое экономическое могущество гораздо скорее, чем это делает Западная Европа... Хотите верьте, хотите нет, но это, вероятно, самое опасное (!?) событие во второй половине XX века. Печальный и неопровержимый факт,— жалуется перепуганный журналист,— заключается в том, что после войны в Советском Союзе наблюдается колоссальный промышленный и технический прогресс...»

На наш взгляд, самым печальным в данном случае является тот факт, что американские газетчики, замалчивая правду о советской экономике, питали доныне своих читателей лишь вздорными о ней легендами, т. е. занимались заведомой дезинформацией своего народа. Да и теперь они сообщают *правду* о советском прогрессе лишь для того, чтобы *обмануть* этот народ новой мнимой опасностью. Однако факты свидетельствуют о том, что Советский Союз, развивая свою мирную экономику, никому не угрожает своей мощью.

Но ведь западные державы все свои военные приготовления оправдывают лишь задачами укрепления *обороны* против «угроз»

Востока. Где же логика? Конечно, тем, кто раздувал доныне военную истерию против стран Востока, не было нужды в правдивом освещении таких фактов, как растущее благосостояние трудящихся СССР, без кризисов и безработицы, и их обоснованное стремление, не поддаваясь никаким провокациям, обеспечить не на словах, а на деле международное сотрудничество и прочный мир на земле. Но такую правду не скроешь надолго от народов. А когда она всплывает, у большинства налогоплательщиков возникает естественный вопрос: зачем нам нести непосильное бремя налогов на оборонное вооружение, которое, ржавея без употребления, уже через два-три года станет безнадежно устаревшим браком, если нам никто серьезно не угрожает и если при общем отвращении к взаимному истреблению обо всем остальном очень легко мирно договориться за круглым столом?

Думается, что такое общественное мнение могло бы сильно посодействовать ныне возможной разрядке международной напряженности.

Торговля способствует миру

Больше всего, однако, надежд на смягчение этой напряженности в настоящее время вызывают требования международной торговли. Общественное мнение кое-где можно сфальсифицировать. Кое-где им можно и пренебречь. А торговые интересы капиталистического рынка — сила стихийная. Без товарооборота вообще немыслимо капиталистическое производство. И всякое нарушение его требований вызывает непреодолимое сопротивление стихийных сил рынка. Этим и объясняется очевидный уже провал политики дискриминации стран Востока в международной торговле. Жизнь показала, что *неумная и близорукая* политика дискриминации причинила *серьезный ущерб* тем государствам, которые следовали американскому диктату. И действительно, какой смысл можно обнаружить в политике, которая бьет не по тем, против кого она направлена, а как раз по тем, кто ее послушно проводит к своему собственному ущербу.

Американцы, пугающие своих союзников колоссальным промышленным и техническим прогрессом Советского Союза, могли бы понять, что все их запреты торговли с Востоком ничуть не вредят его развитию на базе его собственных внутренних рынков. А вот союзники США, в условиях падающей конъюнктуры, отсутствие этих запретных для них рынков чувствуют все острее и болезненнее. И хотя эмбарго еще не отменено полностью, но домогательства о его дальнейшем пересмотре становятся все настойчивее со всех сторон. Вместе с тем, по авторитетному сообщению председателя Экономической комиссии ООН для Европы г-на Мюрдаля, торговля между большинством стран Востока и

Запада значительно увеличивается, и успехи, достигнутые в увеличении объема торговли между Восточной и Западной Европой и в улучшении торговых и платежных отношений, «поощрили все правительства *активизировать* усилия, чтобы достигнуть этих целей».

Воспрепятствуют ли США этим усилиям, рискуя оказаться в изоляции даже в среде ближайших своих союзников? И какими средствами? Отказом им в долларовой «помощи», которая и без того уже прекращается? Или предоставлением американских рынков взамен восточных в соответствующих масштабах? Все это очень проблематично, тем более что, как известно, один лишь Советский Союз может предоставить английской промышленности заказов на сумму до полумиллиарда фунтов стерлингов, в то время как американский импорт не растет, а даже уменьшается. Он упал только за 1953 г. более чем на 7%. А британская покупка русского золота на 30 млн. фунтов показала, что американские бумажные доллары не единственный и даже не лучший вид устойчивой мировой валюты.

Сегодня трезво мыслящие американцы понимают, что провозглашенные законом Беттла отношения патрона и клиента — отнюдь не лучший путь для приобретения США друзей и в условиях текущего момента могут привести лишь к подрыву американского престижа в Европе. Все это убеждает, что крупнейшие сдвиги в сторону расширения международной торговли между Западом и Востоком неизбежны. А это откроет важнейшие пути к ослаблению политической напряженности их взаимоотношений и к *мирному* соревнованию соответствующих экономических систем.

4. О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ *

Оглядываясь назад, на пройденный за минувший 1954 г. путь, можно с удовлетворением сказать, что этот год, несомненно, принес миру известное смягчение напряженности в области международных отношений. Оно уже сказалось прекращением последних вспышек огня в Юго-Восточной Азии, заметным расширением товарообмена между странами Запада и Востока и явным оживлением разносторонних культурных связей между странами двух мировых систем, несмотря на все различие разделяющих их хозяйственных принципов и культурных традиций.

Нельзя сомневаться, что этот год прошел под знаком дальнейшего признания широкими кругами делового и политического мира важнейшего принципа советской внешней политики, основанного на убеждении в возможности *мирного сосуществования*

* См. «News» № 1, 1955.

социалистической и капиталистической систем хозяйства при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности выполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении начал равноправия сторон и невмешательства во внутренние дела других государств.

С советской стороны это убеждение высказывалось неоднократно всеми руководящими лидерами Коммунистической партии и правительства. Оно подтверждается и всей практикой советской международной политики.

Но агрессивные круги Запада, отвергающие возможность мирного сосуществования двух систем, усиливают гонку вооружений на Западе, мотивируя ее тем соображением, будто бы СССР сам готовится к войне, чтобы силой оружия свергать капиталистический режим в чужих странах, хотя это опровергается всем опытом многолетних взаимоотношений СССР с капиталистическими странами. Советскому Союзу начиная с 1917 г. не раз уже пришлось отражать вероломные вторжения в свою страну разных агрессоров. Доказывая на деле свое миролюбие, СССР заключал договоры о ненападении с рядом государств и даже с фашистской Германией. После вероломного нарушения этого договора Германией СССР вступил в союз с США, Англией и Францией, подкрепляя союзные отношения целым рядом военных договоров — в Тегеране, Ялте, Потсдаме — и послевоенных, на 20 лет, с Англией и Францией. И ни один из этих договоров не был нарушен Союзом Советских Социалистических Республик, чего никак нельзя сказать о его партнерах.

Так, например, Уинстон Черчилль в 1949 г. осчастливил мир ценным признанием, что он еще в 1945 г., т. е. в условиях незавершенной войны с фашистами, будучи руководителем союзной с СССР страны, подготовлял не на словах, а на деле совместные с побитыми фашистами вооруженные действия *против* этого своего союзника. Чем это мотивировалось? Нелепым страхом уважаемого сэра перед тем, что русские коммунисты не останс-вятся в своем стремительном движении на запад за стенами Берлина и по инерции освободительного движения того и гляди докатятся до своих друзей в Париже и до Ламанша. Если судить обо всем в политике только с беспринципной «позиции силы», то победоносная Советская Армия действительно обладала в тот момент достаточной силой для таких действий. И м-р Черчилль не смог бы приостановить ее даже с помощью уже разбитых наголову фашистов. Но он ошибался, рисуя себе коммунистов по собственному своему образу и подобию. Они *не изменили* своим союзникам. Это факт, которого никто уж не сможет опровергнуть.

В 1949 г. создание Североатлантического блока, как известно, тоже мотивировалось страхом его организаторов, утверждавших, что Западной Европе нужно быстро вооружиться потому, что она

не имеет достаточной защиты против угрозы военного нападения со стороны СССР. Однако, и *будучи сильнее* Западного блока, по собственному признанию его лидеров, СССР в течение этих лет не только не нарушил ни одного из своих договоров с другими народами, но и никому не угрожал, выступая вообще против политики «с позиции силы». И это тоже бесспорный факт, заслуживающий внимания.

Но вот еще пять лет спустя, в середине 1954 г., главнокомандующий вооруженными силами Североатлантического блока в Европе американский генерал Грюнтер громогласно заявил, что военные силы Западного блока уже настолько выросли, что ему теперь не приходится бояться вторжения Советской Армии. Однако и в эти (1949—1954) годы СССР, располагая признанным перевесом сил над Западным блоком и несмотря на угрожающую ему все более ожесточенную гонку вооружений в странах Запада, не сделал ни одной попытки воспользоваться своим перевесом, все время выступая лишь с мирными предложениями запрета опаснейших видов оружия массового уничтожения и постепенного разоружения всех стран. Разве все это еще недостаточно свидетельствует о принципиальном миролюбии коммунистических сил Востока?

А между тем пароксизмы безотчетной злобы и страха перед призрачной коммунистической опасностью с Востока все еще толкают многих слишком нервозных людей Запада не только на дальнейшую гонку вооружений, но и на много других неразумных действий, способных, как игра с огнем вокруг открытой бочки с порохом, привести весь мир к неисчислимым бедствиям.

Еще в 1953 г. в американском журнале можно было прочесть доклад м-ра Эрнеста Уэйра, председателя «Нейшнл стил корпорейшн», который, обращаясь к своим согражданам с призывом: «Необходимо добиваться мира!», напомнил им, что «одной лишь из тех водородных бомб, которые сейчас создаются, достаточно для того, чтобы полностью разрушить весь район Большого Нью-Йорка». А что же будет, если кто-то спровоцирует новую мировую войну и на все культурные страны Востока и Запада обильно посыпятся с неба *тысячи* таких бомб!..

Уже м-р Уэйр сообщал, что, по мнению некоторых «высших военных руководителей» США, «никто не в состоянии *выиграть* будущую войну» и что главная цель их военных усилий — «*не допускать* войны». А по сообщению Юнайтед Пресс от 24 ноября 1954 г. о позициях высших инстанций США, «американское и советское соперничество в атомном вооружении достигло той степени, когда обе стороны располагают такими разрушительными силами, что они по существу нейтрализуют друг друга. Поэтому существует перспектива, что в будущем соперничество между советским блоком и свободным миром будет проявляться

в основном в *области экономики*, причем ни одна страна не пойдет на серьезный риск большой войны».

Если серьезные деловые люди США, разочаровавшись в успехе возможных военных авантюр, действительно готовы заняться разумным соревнованием двух систем на экономическом фронте, то это можно лишь приветствовать. Это бескровное соревнование будет, несомненно, длительным и очень серьезным для обоих лагерей. Но оно не потребует уж от народов столь тяжелых жертв, какие ими приносятся в бесплодной гонке вооружений даже в условиях «холодной войны».

Конечно, переход от «холодной войны» к мирному экономическому соревнованию двух систем не предполагает какого-либо пересмотра принципиальных основ, на которых строится хозяйство Запада и Востока. Останутся, стало быть, и все расхождения во взглядах и настроениях сталкивающихся в этом соревновании общественных кругов. Меньше всего можно при этом надеяться, что, скажем, сенатор Маккарти и его друзья проявят вдруг более нежные чувства к идеалам репрессируемых ими коммунистов, а коммунисты всего мира придут в неистовый восторг от американского образа жизни и деяний м-ра Маккарти и других господ из Ку-клукс-клана. Однако чувства чувствами. Но не следует забывать, что, когда слишком громко говорят чувства, умолкает разум. А от этого могут серьезно пострадать и немаловажные интересы очень многих деловых людей.

Мы имеем в виду прежде всего интересы международной торговли между Западом и Востоком, которые уже очень долго к ущербу самых широких торговых кругов Западной Европы приносятся в жертву антикоммунистическим чувствам известных кругов США.

Иногда эти чувства выражаются в совершенно неразумной форме. Так, например, в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 18 ноября 1954 г. под названием «На экономическом фронте» мы обретаем такие перлы. В начале статьи, отдавая дань своим чувствам, автор уверяет, что «коммунисты эксплуатируют нищету и невежество», мобилизуя «*инертные* и *отсталые* общины», в связи с этим он открывает некий «контраст» между *быстрым* восстановлением «свободных» стран Запада и «состоянием *застоя*» коммунистических районов Востока и даже делает на этом основании смелый вывод, что Россия и другие страны, в которых господствуют коммунисты, развивались бы при капиталистической системе «*быстрее и больше*, чем при коммунистическом владычестве». А затем, как бы очнувшись от этого гипноза чувств, сам изобличает себя, подтверждая факт «растущей экономической мощи Советской России», основанной на капиталовложениях в расширение экономики «почти *вдвое больших*, чем в значительной части капиталистических стран». И мало того,

он вынужден тут же признать, что потенциальный рынок Востока почти в миллиард человек не только «манит» к себе многие страны Запада, но и «может стать *необходимым* для некоторых из них, склоняя их тем самым добиваться урегулирования с Советами». Вместе с тем его обуревает особая тревога о малоразвитых странах Азии, правительства которых под влиянием успехов в развитии стран социализма обнаруживают явное «стремление использовать *такую же тактику*, чтобы поднять свои страны за счет *собственных* ресурсов».

Спрашивается, разумно ли было столь безапелляционно заявлять о *застое* в странах социализма, если заведомый *страх* перед их «растущей экономической мощью», преодолевая все другие чувства, так явно изобличает беспомощность автора, его неумение хоть как-нибудь связать свои концы с концами. Как видно, чувства и в этом случае оказались плохими советниками.

Возникает, однако, естественный вопрос. Почему бы сторонникам капиталистической системы на Западе страшиться успехов экономического развития стран социализма, если они вполне уверены в превосходстве своей системы хозяйства? Ведь экономическое соревнование на международном рынке — это наиболее удобный способ выявить это превосходство. К тому же в условиях мирного сосуществования двух систем даже каждый новый успех стран социализма будет лишь расширять обороты мировой торговли, а вместе с тем и возможности расширения собственного производства стран капитализма. Ни одна из них не захочет приобретать ненужные ей или более дорогие товары, чем те, какие можно купить у себя дома. А международное разделение труда на этой основе позволит всем странам развиваться в меру своих собственных, *внутренних* возможностей. Только в силу *внутренних* причин страны могут заменять действующую в них систему хозяйства другой, более совершенной. Внешняя агрессия с этой целью, представляя собой огромный риск для самого агрессора, оказалась бы к тому же и ненужной. Для слабейшей стороны в этом соревновании она была бы непосильной, а для сильнейшей — попросту излишней. Созревшие плоды и сами опадают с ветвей.

Экономическое соревнование означает собой не только расширение торговых и культурных связей в международных масштабах, но и международное *сотрудничество* в интересах наиболее плодотворного разделения труда, а в частности, и международную помощь *слаборазвитым странам* мира в целях ускорения общего прогресса в развитии и росте благосостояния всех народов. СССР уже оказывает такую помощь ряду стран не только предоставлением на приемлемых условиях нужнейших им машин и орудий, но и *технической* помощью в людях, строительных проектах и чертежах. Было бы только в интересах

всего человечества, если б страны Запада в порядке соревнования с Востоком предложили бы слаборазвитым странам такую же помощь в еще более широких масштабах и на более льготных условиях. Наиболее дешевые товары при наиболее высоком уровне жизни трудящихся — вот что определит высшие успехи в предстоящем соревновании двух систем.

Оно еще только завязывается, так как на его пути остается еще очень много преград. Далеко еще не отпала даже страшнейшая из них — угроза войны. Но уже становится бесспорным, что даже самый прохладный мир предпочтительнее *для всех народов* самой пламенной войны, угрожающей испепелить весь мир в своем пожаре — при 20 млн. градусов гарантированной температуры. Мирные переговоры становятся *неотвратимыми*. Неизбежны переговоры и о разоружении, и о новых условиях международной торговли. И на будущее мы можем пожелать лишь одного: *скорейшего* успеха этим неизбежным мирным переговорам, без чего неосуществимы и все остальные предпосылки плодотворного *экономического* соревнования Запада и Востока, отвечающего общим интересам.

5. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ *

Наличие в современном международном обществе противоречий и противоборствующих социально-экономических идей, сосуществование противоположных систем в разных странах само по себе не представляет никакой проблемы. Это только *факт*, но факт исключительного значения. Факт, вопиющий о раздирающих наш мир противоречиях. Факт, чреватый слишком угрожающими последствиями, чтобы с ним не считаться. Факт, который нельзя замолчать или изжить одними лишь словесными заклинаниями и причитаниями. А отсюда уже возникает ряд больших проблем.

Важнейшей из них и доныне является проблема: какой «модус вивенди», или форму сосуществования, противоборствующих идей и систем следует избрать народам, чтобы наилучшим образом обеспечить свой мирный труд от всяких посягательств на него потенциальных агрессоров? Решается эта проблема по-разному.

Одни, рассуждая «с позиции силы», полагают, что опасные идеи всего радикальнее устраняются физическим уничтожением их носителей. Отсюда ведут свое начало подготовка превентивной мировой войны, гонка вооружений, разрыв всех экономических и культурных связей между народами, атомный психоз и про-

* См. «News» № 13, 1955.

диктованная им политика систематических дискриминаций и провокаций. Другие же, учитывая опыт истории, знают, что идеи не падают с неба. И нравятся они нам или нет, но, поскольку они возникают и распространяются независимо от нашей воли, по объективным законам развития питающей их реальной среды, с ними приходится так или иначе считаться.

Идеи людей лишь отражают их жизненные интересы, вытекающие из материальных условий труда и быта. Идеи здесь приходится рассматривать как неизбежное *следствие* порождающих их причин. А таких следствий нельзя избежать, пока еще находятся в действии вызывающие их к жизни причины.

Мы не удивляемся, например, что фабриканты оружия, получая миллиарды сверхприбылей от гонки вооружений, не увлекаются идеями разоружения. Было бы весьма неожиданным также, если б боевые генералы, забыв о своем ремесле, объявили вдруг забастовку против подготовки войны, признав саму идею войн как орудия международной политики бесчеловечной. Вместе с тем было бы очень наивно удивляться неизбежным успехам идей социализма в рабочей среде, поскольку эксплуатация их труда является для них наиболее осязательным и тяжким повседневным фактом.

Идейных противников можно истреблять в любых масштабах. Но этот метод борьбы с идеями обычно приводит лишь к *расширенному* воспроизводству тех же идей. Идеи неуязвимы никаким оружием уже потому, что они бесплотны. Истребительная практика святейшей инквизиции в далеком прошлом и столь же беспощадного фашистского гестапо совсем недавно не случайно обнаружила полное банкротство своих идейных вдохновителей. Еще меньше успехов методам устрашения инакомыслящих сулит и бездарная практика современных эпигонов того же направления, известного ныне под именем маккартизма.

Все это может служить аргументом против политики «с позиции силы». Но это только одна сторона проблемы. Современный мир расколот на два противостоящих лагеря в соответствии с разделяющими его идеями социализма и капитализма. Но, несмотря на это идейное разделение, весь мир давно уже тесно связан очень многообразными экономическими интересами. Неравномерное развитие различных стран привело к такому международному разделению труда, при котором одни страны обладают избытком индустриальной продукции для экспорта и нуждаются в сельскохозяйственном сырье и продовольствии из других стран, а те в свою очередь остро нуждаются в продуктах промышленности и экспортируют в обмен на них свой хлеб и сырье. Международный товарообмен в этих условиях становится самой повелительной необходимостью для всего мира. Но уже «холодная война» между странами Запада и Востока, разрывая мировой

рынок на два обособленных рынка, влечет за собой серьезное расстройство и не малый ущерб для хозяйства многих стран. А мировая война привела бы их уже к полному развалу и всенародным бедствиям. И если немногим фабрикантам оружия такая перспектива сулит лишь обогащение, то всем остальным деловым кругам она угрожает банкротствами, а широким народным массам — нищетой и голодом.

Но и это еще не все. Мировая война при современных средствах взаимного истребления угрожает миру катастрофическим разрушением его производительных сил и массовым, поголовным уничтожением многомиллионного мирного населения воюющих стран. Естественно, что народные массы не могут хотеть такой войны, и повсюду единодушно поддерживают идеи *мирного* сосуществования всех народов, независимо от их общественного строя и экономических идеалов общежития. На Востоке, в странах социализма, эта идея давно уже пользуется всеобщим признанием. Но и на Западе, даже в кругах, одобряющих агрессивную политику «с позиции силы», находится не мало трезвых людей, признающих, что мировая война в наши дни явилась бы слишком уж рискованной авантюрой.

Конечно, делая ставку на силу, западные поджигатели мировой войны готовы мобилизовать для этого огромные средства истребления и разрушения. Но это вызовет лишь ответную мобилизацию на оборону против агрессии всех материальных и моральных потенций Востока. И тот из двух лагерей будет победителем, который окажется организованнее и сильнее. Опыт прошедшей войны и современное развитие двух систем показывают, что победителем выйдут социалистические страны, которые располагают всеми преимуществами плановой экономики. И если этот вывод кое-кому на Западе еще не ясен, то они убедятся в его справедливости в конце войны, когда уцелевших виновников агрессии призовут, как это было однажды, на суд, к ответу за все их преступления перед человечеством.

Впрочем, сторонники западной концепции крайне пессимистически оценивают возможность чьей-либо победы в будущей войне. В февральском номере журнала «Гретер Филадельфия» за 1955 г. мы находим по этому поводу статью председателя совета директоров «Нейшнл стил компани» м-ра Эрнеста Уэйра. В статье под заголовком «Какое будущее — война или мир?», высказываясь за мир, он, между прочим, объясняет, почему «сегодня ни одна страна *не осмеливается* развязать войну». Ссылаясь на выступления президента США об атомной войне, он резюмирует их в следующем выводе: «После ядерной войны так называемый победитель окажется господином мира, превращенного в *развалины и пепел*».

Однако, отступая перед риском большой военной авантюры, в США находится немало сторонников авантюр помельче — так называемых локальных войн, направленных на поддержку штыками насквозь прогнивших режимов, возглавляемых столь жалкими марионетками, как Ли Сын Ман, Чан Кай-ши, Нго Динь Дьем и тому подобные политические банкроты. Они им нужны, впрочем, лишь для оправдания гонки вооружений, которая рассматривается как спасение от надвигающегося экономического кризиса. Но перестройка мирной экономики на военные рельсы в связи с гонкой вооружений на ряд лет уже сама по себе хуже всякого кризиса.

В самом деле, по официальным данным американской статистики, расходы США на вооружение за 1946—1954 гг. превысили 291 млрд. долл., особенно увеличившись за последние годы. По сравнению с расходом довоенного 1939 г. они, даже с учетом обесценения доллара, возросли в 1954 г. в 20 раз. Весьма понятно, что вооружение, не использованное в самые краткие сроки, при современных темпах технического прогресса становится безнадежно устарелым браком, способным обеспечить лишь заведомое поражение его владельцам. Стало быть, все эти сотни миллиардов долларов в сущности выбрасываются на ветер. А между тем связанный с этим ущерб народному хозяйству уже в несколько раз превышает *максимальные* потери в народном доходе за годы самых тяжелых промышленных кризисов. Вместе с тем объем *мирной* промышленной продукции за последние годы не только не растет, но даже падает, а безработица умножается.

Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» от 31 октября 1954 г. засвидетельствовала, что «число людей, в тот или иной период страдавших от безработицы, в этом году достигает огромной цифры — 12 млн. человек». И если «холодная война», чреватая такими эффектами, чем-либо отличается от обычных кризисов, свойственных капитализму, то разве тем, что фабриканты оружия, несмотря на огромный ущерб народному хозяйству от гонки вооружений и бедствий безработицы, вместо убытков получают миллиарды сверхприбылей, а рабочие оплачивают их падающими на них налогами, которые, все возрастая, в 1954 г. поглощали уже до 30 центов из каждого доллара заработной платы.

Нужно ли удивляться, что и в США такие деловые люди, как м-р Уэйр, выражают желание, «чтобы США, Англия, Франция и Россия собрались вместе и подписали декларацию, в которой они дали бы официальное обязательство отказаться от войны как орудия политики». Такое обязательство, дополненное пактами о полном запрете атомного оружия и *фактическом сокращении* всех наличных вооруженных сил, действительно

могло бы положить конец бесцельной и разорительной гонке вооружений. Вместе с тем открылся бы путь для мирных соглашений и по всем другим, менее спорным вопросам, не урегулированным доныне между странами Запада и Востока.

С гонкой вооружений связаны и ненормальные условия международной торговли последних лет. Между тем в этой области, пожалуй, было бы легче, чем в других, наладить в общих интересах экономическое сотрудничество и мирное соревнование всех народов, независимо от их общественного строя. А это очень благоприятно сказалось бы на смягчении всей международной обстановки в целом.

Каждому ясно, что без торговли, которая учитывала бы взаимные интересы, не может быть нормальных отношений между странами. И если *гонка вооружений* не оправдывает возлагаемых на нее надежд, то почему бы им не принять джентльменское предложение социалистических стран об *экономическом* соревновании двух систем?

Экономически США, несомненно, — самая сильная страна в капиталистическом мире. Деловые круги США еще крепко верят в безусловное превосходство своей экономической системы над любой другой. А им очень любезно предлагают только подтвердить это свое преимущество *на деле*. Ведь, пожалуй, и действительно, ничего лучшего для США и придумать нельзя. У них высокая техника и производительность труда. Они могут продавать свои товары на мировых рынках очень дешево. И тогда им не будет страшна никакая конкуренция на этих рынках. Они богаты и тароваты: миллиарды долларов выбрасываются на бесплодные военные авантюры. Так, почему бы им, соревнуясь с СССР, не обратить эти миллиарды на бескорыстную помощь в экономическом развитии беднейшим странам. Это помогло бы им самим расширить свои *внешние* рынки и завоевать симпатии даже там, где, как обнаружилось в Бандунге, зреют лишь семена ненависти ко всем странам империализма. Американские бизнесмены — неплохие организаторы. Так почему бы им по примеру СССР не ликвидировать и у себя безработицу и, неуклонно повышая жизненный уровень своих трудящихся, тем самым обеспечить и неистощимый *внутренний* рынок своим товарам.

Такую политику весь мир будет приветствовать. За чем же дело стало?

Король американской газетной прессы Херст, побывав в Советском Союзе, усвоил себе, что *для борьбы* с коммунизмом «без провокаций» «следует превратить западную программу наращивания вооруженной мощи в *более гибкую и проницательную* стратегию для *конкурентного* сосуществования с коммунистами в любых областях и на любом фронте». «Конкуренция» — дело,

хорошо знакомое всем бизнесменам и в их руках более надежное, чем любое иное оружие. И вот отныне уже и Херст вместо гонки вооружений предлагает более разумное мирное сосуществование и «конкуренцию» с коммунистами в любых областях. «Я думаю,— уверяет он при этом свою аудиторию, — что любой культурный обмен между Россией и США, несомненно, будет в *нашу* пользу», т. е. в пользу США. Это делает честь его патриотизму. Но в то же время проницательный Херст для полного успеха поставленной задачи требует «создания *постоянного совета планирования,* который должен разрабатывать стратегию на всех фронтах в связи с конкурентным сосуществованием».

Вот именно, без Госплана, как видно, даже в США трезвые люди не рассчитывают на большие успехи. А завести его не так уж просто. Однако такие люди, как Херст, достаточно осведомлены о тех идеях, какие уже носятся в воздухе их страны. Здоровая идея мирного сосуществования и честного соревнования двух систем — соревнования без провокаций и дискриминаций завоевывает себе все больше сторонников.

Мир должен победить войну!

VII. СОРЕВНОВАНИЕ МИРОВЫХ СИСТЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ *

Соревнование мировых систем социализма и капитализма, развертываясь все шире, становится все более серьезной и грандиозной мировой проблемой: кто — кого? Но от великого до смешного — только один шаг. И эту истину весьма наглядно подтверждают адвокаты капитализма каждый раз, когда они выступают с якобы научной аргументацией против позиций социализма. Типичный образчик такого выступления представляет собой новейший коллективный «труд» гг. Бэрка и Паркера, опубликованный в февральском номере американского журнала «Форчун» за 1957 г. под интригующим заголовком «Кризис советского *капитализма*» (!).

Этим курьезным заголовком авторы, видимо, пытались развеселить свою аудиторию. Он состоит всего из трех слов и содержит по меньшей мере две грубые экономические ошибки. «Советский капитализм» — это, конечно, смешное и нелепое словосочетание. «Советский кризис» у всех хорошо осведомленных американских бизнесменов может вызвать лишь скептическую улыбку. К тому же общеизвестно, что экономические кризисы в системе капитализма никогда не ограничиваются рамками одной лишь страны. И если уже Бэрк и Паркер обнаружили его в *одной* из стран «капитализма», то им следовало бы сразу возвестить о «кризисе *мирового* капитализма». Это было бы менее весело, но более правдоподобно.

Однако это не входило в их задачи.

1. С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

Почтенные авторы спешат поделиться со своей аудиторией большой сенсацией о «новом» экономическом кризисе в *СССР* — кризисе, «который потрясает самые основы советской мировой системы». Пользуясь случаем выявить свое близкое знакомство с доктриной Маркса, по которой накопление капитала «дости-

* См. «В помощь политическому самообразованию» № 6. 1957.

гается при капиталистической системе только путем жестокой эксплуатации рабочего», авторы статьи заверяют попутно своих читателей, что Советское государство «можно назвать *самым капиталистическим* из всех» и что в СССР накопление капитала осуществляется «деспотами, по сравнению с которыми американские капиталисты... *выглядят* добрыми социалистами».

Бэрку и Паркеру, конечно, известно, что советские рабочие давно уже вытряхнули из своей страны всех капиталистов и прекрасно обходятся без них вот уже сороковой год, не ведая ни кризисов, ни эксплуатации труда. Понятно также, что «капитализм» без *капиталистов* — это, подобно выеденному яйцу, совершенно пустопорожнее понятие, лишенное всякого смысла. Но что же было делать Бэрку и Паркеру? В понятном стремлении как можно сильнее уязвить немилый им советский режим, они за неимением в своем арсенале более крепких слов, обозвали этот режим «самым капиталистическим». К советской системе, за отсутствием в ней капиталистов, это определение явно не подходит. Но вот американские капиталисты пока еще налицо. И если они даже «выглядят» при этом добрыми социалистами, как это в порядке подхалимажа удостоверяется на страницах американского журнала, это отнюдь не мешает им по-прежнему накоплять капиталы. А между тем в условиях, когда даже явные лакеи буржуазии не пытаются дольше скрывать, что такое накопление достигается при капиталистической системе «только путем жестокой эксплуатации рабочего», и готовы поэтому даже американский капитализм подрумянить в более приемлемые для трудящихся масс цвета социализма, это не предвещает капитализму больших достижений в соревновании с социализмом.

Но хороши и нынешние защитники капитализма, которые пользуются словом «капитализм», чтобы обругать своих противников, и восхваляют своих подзащитных миллиардеров как «добрых социалистов».

Поневоле чувствуешь себя как на представлении известной оперетки Оффенбаха, где для увеселения честной публики привлекаются даже богини с Олимпа.

Эвоэ! богини эти,
Как ведь могут насмешить!..

Конечно, Бэрк с Паркером не олимпийцы, но и они могут кого угодно насмешить. Даже столь серьезных деловых людей, как Морган с Рокфеллером, если они представят себя в ролях «добрых социалистов» хоть на минуту. Но не следует забывать, что в США живы еще традиции м-ра Маккарти и его друзей из Ку-клукс-клана. Значит, здесь смогут и Бэрка с Паркером притянуть к ответу за их столь неосторожно обнаруженные явные симпатии к «социализму». И это будет еще смешнее.

2. КОМУ ЖЕ УГРОЖАЕТ КРИЗИС?

Бэрк и Паркер усматривают признаки глубокого кризиса в СССР. Американцам за последние 30—40 лет пришлось пережить не один тяжелый кризис. И они легко могли бы определить важнейшие из таких признаков. Это, как известно, сокращение спроса и затоваривание, это спад производства и умножение банкротств слабейших фирм, это возрастание безработицы и снижение уровня жизни трудящихся, это умножение голода и нищеты, повышение смертности и заболеваний и много других тяжелых последствий господствующей анархии производства.

Какие же из этих признаков кризиса обнаружили пытливые умы Бэрка и Паркера в СССР?

Может быть, сокращение спроса, затоваривание и спад производства, периодически наблюдаемые в условиях капитализма?

О, нет. Этого Бэрк и Паркер не смогли бы усмотреть в СССР. Наоборот, они очень озабочены тем, что советские граждане страдают, по их выражению, от «высокого уровня недопотребления», в связи с той теорией, по которой росту тяжелой промышленности в СССР отдается «полное предпочтение перед товарами массового потребления». Жаль только, что Паркер с Бэрком забыли упомянуть при этом своим читателям, что, несмотря на указанное ими предпочтение тяжелой промышленности, в СССР и продукцию массового потребления удалось повысить по объему за 27 лет (с 1928 по 1955 г.) почти в 9 раз, на 795%. Из расчета на душу этот прирост за те же годы составил 595%, а в среднем за год — свыше 7%. И все же спрос на внутреннем рынке СССР неизменно *опережал* рост предметов потребления. На языке нормальных экономистов это именуется многообещающей рыночной конъюнктурой, но Бэрк с Паркером, говоря об СССР, предпочитают высокую советскую конъюнктуру представить своим читателям под псевдонимом «высокого уровня недопотребления».

Спрашивается, какие же темпы роста эти авторы сочли бы удовлетворительными для своей страны?

По их собственной весьма оптимистической оценке, «Соединенные Штаты увеличивают свое промышленное производство примерно на 4% в год». И этого, очевидно, вполне достаточно, по их мнению, для процветания США. Конечно, и 4% роста, если он не прерывается глубокими провалами и обеспечивает повышение уровня жизни трудящихся, можно приветствовать. Только если 4% объемного роста в США могут служить признаком их «процветания», то почему же 7% и более ежегодного роста в СССР угрожают ему кризисом?

Хуже всего, однако, то, что и 4% роста в США никак нельзя считать обеспеченной нормой роста промышленной продукции

за сколько-нибудь продолжительный срок. И хотя и в США тяжелая промышленность опережает рост легкой, но ни та, ни другая отнюдь не может порадовать адвокатов капитализма здоровыми темпами роста. В самом деле, с 1914 по 1939 г., т. е. за целых 25 лет, объем всей промышленной продукции США в неизменных ценах вырос всего на 100% [1], что дает не свыше 2—3% в год, в то время как в СССР за тот же срок он поднялся более чем в 7 раз, на 663%, по 8% в год. А если учесть и рост населения США за 1914—1939 гг. с 99 млн. до 131 млн., то из расчета на душу этот прирост за 25 лет составит всего около 50%, а в среднем за год — не свыше 1—1,5%. Норма более чем скромная. Но мировая война и последующая гонка вооружений как будто ускорили эти темпы роста. Посмотрим, что же выиграл американский потребитель в результате милитаризации экономики США?

С 1939 по 1955 г. (за 16 лет) промышленная продукция США выросла по объему на 142%, что в среднем за год дает уже не 3, а около 5%. Но Паркеру с Бэрком, вероятно, известно, какую роль в этом приросте сыграла сначала война, а затем непрерывная гонка вооружений. Населения пушками вместо масла не насытишь. А потому для сравнения с темпами довоенных лет военную продукцию необходимо изъять из общих итогов всей продукции. По официальным данным бюджетов США, динамика военных расходов выглядела следующим образом (см. табл. 1).

За пять лет второй мировой войны все военные расходы США по тому же источнику исчисляются в 297 млрд. долл. Но за последующие 10 лет после войны они превзошли эту цифру на 54 млрд. При этом по сравнению с довоенной нормой 1938/39 г. военные расходы США выросли к 1956 г. уже в 27 раз, и даже удельный вес их в бюджете повысился в 3,7 раза. Но это еще не все, ибо итоги последних лет явно занижены. В них не учтены, например, платежи по займам на военные расходы (в 1955/56 г.— 6,8 млрд. долл.), затраты на так называемую экономическую «помощь» зарубежным странам в интересах заполучения в этих странах военных баз (1,8 млрд. долл.) и др.[2] А в общем с учетом только этих статей итог 1955 г. составит уж около 52,8 млрд. Вместе с тем понятно, что такое повышение военных расходов потребовало и соответствующего роста капитальных вложений в новые средства производства для реализации этой большой военной программы. В послании Трумэна конгрессу еще в январе 1952 г. указывалось, что *более одной трети* всего строительства США составляет строительство для *военных* целей[3]. И здесь,

[1] «Statistical Abstract of the United States», 1956, p. 791, tabl. № 993.

[2] Ibidem, p. 234, 358, 359.

[3] Ср. *Ю. Покатаев*, В чем выражается милитаризация экономики США, Госполитиздат, 1956, стр. 31, 63.

Таблица 1

Военные расходы США
(в млн долл. и в % бюджета) [1]

Годы	Военные расходы			
	прямые	косвенные	итого	
			в млн.	в % бюджета
1	2	3	4	5
1938/39	1 075	560	1 635	18,4
1946/47	14 373	7 381	21 754	55,7
1947/48	11 771	6 654	18 425	55,7
1948/49	12 907	6 726	19 633	49,7
1949/50	13 009	6 646	19 655	49,6
1950/51	22 444	5 342	27 786	63,1
1951/52	43 976	4 863	48 839	74,7
1952/53	50 363	4 298	54 661	73,6
1953/54	46 904	4 256	51 160	75,4
1954/55	40 626	4 457	45 083	69,8
1955/56	39 467	4 793	44 260	68,9
За 10 лет	295 840	55 416	351 256	

однако, следует учитывать не только прямые затраты казны на сооружение *военных* заводов и стратегических путей сообщения, но и все другие вложения, необходимые для того, чтобы военное строительство было обеспечено стройматериалами, а военные заводы — энергией, металлами и прочими предметами труда. Из этой именно потребности возник тот «бум» в области расширения средств труда на переоборудование старых и строительство новых предприятий, который создавал иллюзию процветания американской экономики последних лет.

Бэрк с Паркером охотно отмечают в своей статье, что «богатые Соединенные Штаты в настоящее время выделяют на капитальные вложения (включая жилищное строительство) примерно одну пятую (?) часть своего валового национального продукта», в то время как все еще «относительно бедный» СССР вынужден уделять на эту задачу «четверть своего национального продукта». Но они забыли добавить, что все эти обильные вложения США оседают либо непосредственно в военной промышленности, либо «в отраслях, наиболее тесно связанных с выпуском *военной* продукции» [2], и что при этом загрузка производственных мощ-

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 234.
[2] «Survey of Current Business» № 12, 1951, p. 17.

ностей в промышленности США, по американским данным, уже в 1952 г. не превышала 55% всей наличной мощности. И, стало быть, дальнейший рост вложений в эти мощности свидетельствует не столько о богатствах США, сколько о невозможности *рационального* их использования в условиях «холодной войны», а вместе с тем и о нарастающем *перепроизводстве* средств производства в США.

В условиях мирного развития с 1919 по 1938 г., в среднем за 20 лет, национальный доход США исчислялся в 66,7 млрд. долл., а капитальные вложения, с учетом потерь за кризисные 1932—1934 гг., достигали 4,87 млрд. долл. в среднем за год, т. е. не свыше 7,3% от всего национального дохода в текущих ценах, и еще скромнее, около 6%, в ценах 1929 г.[1] В последующие годы, в условиях гонки вооружений, вложения США в обесцененных долларах выглядят импозантнее. В особенности велики нормы *валовых* накоплений в США. Но, расточаемые непроизводительно, они резко сокращаются. И ограничиваясь лишь реальными вложениями в основные капиталы страны, мы можем оценить их в общих итогах, а также по стоимости нового строительства и в процентах от национального дохода в следующих цифрах (см. табл. 2).

Большой рост национального дохода в США отмечается лишь за годы войны. В дальнейшем, за первые послевоенные 10 лет, национальный доход реально возрос всего на 11%, а из расчета на душу даже упал — на 10,5% (111 : 124 = 89,5). Но вложения в основные фонды страны росли значительно и составили в среднем за 10 лет не менее 9% от национального дохода. А если учесть, что итоги национального дохода в США завышены, а накопления, укрываясь от обложений, обычно занижены, нужно думать, что полученную нами норму вложений следовало бы еще процентов на 30 повысить. Но и в этом случае американская норма вложений была бы все же раза в два ниже советской.

Приведенные выше итоги роста послевоенной экономики США убеждают, что если отвлечься от тех показателей, которые характеризуют лишь военное перенапряжение экономики США, а не здоровый ее рост, то никаких сколько-нибудь заметных успехов в ней вообще не окажется, пожалуй, а из расчета на душу наблюдается даже некоторое падение реального дохода нации.

Еще яснее это обнаруживается на итогах *промышленной* продукции, если хотя бы грубо расчленить ее на продукцию гражданского и военного назначения. Точных данных для этого

---

[1] *S. Kuznets*, National Income and Its Composition, 1919—1938, New York, 1941, p. 269.

Таблица 2

Национальный доход и капитальные вложения США
(в млрд. долл.)[1]

Годы	В текущих ценах					Оптовый индекс цен	В долларах 1947 г.			
	национальный доход	капитальные вложения		новое строительство			национальный доход		капитальные вложения	
	за 1946—1955 гг.	абс.	в % к гр. 2	абс.	в % к гр. 2		абс.	в % к 1945 г.	абс.	в % к 1945 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1939	72,5	5,51	7,6	5,5	7,6	52,8	137	54	10,4	85
1945	181,2	8,69	4,8	3,8	2,1	71,4	254	100	12,2	100
1946	179,6	14,8	8,2	10,3	5,7	81,6	220	87	18,1	148
1947	197,2	20,6	10,4	14,0	7,1	100,0	197	78	20,6	169
1948	221,6	22,1	10,0	17,9	8,1	108,3	205	81	20,4	167
1949	216,2	19,3	8,9	17,5	8,1	102,9	210	83	18,8	154
1950	240,0	20,6	8,6	22,7	9,5	107,0	224	88	19,3	158
1951	277,0	25,6	9,2	23,3	8,4	119,1	233	92	21,5	176
1952	289,5	26,5	9,2	23,7	8,2	115,8	250	98	22,9	188
1953	303,6	28,4	9,4	25,8	8,5	114,2	266	105	24,9	204
1954	299,7	26,7	8,9	27,8	9,3	114,4	262	103	23,3	191
1955	322,3	28,7	8,9	32,4	10,1	114,8	281	111	25,0	205
За 10 лет	2 546,7	233,3	9,2	215,4	8,5	105,4	2 348	—	214,8	—

[1] «Statistical Abstract ...», 1956, p. 293, 295, 320, 757. Ср. «Вопросы экономики» № 1, 1955, стр. 88; «Плановое хозяйство» № 4, 1957, стр. 81.

американская статистика не дает. Но если учесть, что в условиях гонки вооружений *текущие военные расходы могли быть* реализованы лишь за счет *текущей индустриальной продукции*, так как сельскохозяйственное сырье непригодно для этой цели, то получим примерно такие итоги (см. табл. 3).

Как видим, военная конъюнктура 1941—1945 гг. заметно повысила довоенный уровень промышленной продукции США. Даже с учетом обесценения доллара объем этой продукции с 1939 по 1947 г. — за восемь лет — поднялся на 74%, что дает около 7% в год. Но эта конъюнктура *неповторима*, ибо при современной реактивной военной технике уже ни одна страна, даже за океаном, не сможет рассчитывать на одни лишь барыши от войны без тяжелых потерь и катастрофических разрушений. Если же обратиться к последующей эпохе «холодной войны» и гонки вооружений, то эффект этой политики окажется совсем незавидным. Правда, и за 1947—1955 гг. продолжался рост продукции. Но весь ее прирост за восемь лет уже вдвое ниже — 39 вместо 74%, — а если откинуть при этом военную продукцию, которая все равно расходуется без всякого эквивалента, т. е. с таким же эффектом, как если бы ее выбрасывали в море, то весь прирост гражданской продукции за те же послевоенные годы не превысит уже и 13% за восемь лет. И, значит, с учетом прироста населения за эти годы на 14,6% наблюдается прямое *падение* из расчета на душу необходимой ему продукции.

В отношении таких предметов первой необходимости, как продукты пищевой, текстильной, швейной и кожевенно-обувной промышленности, это можно подтвердить еще следующими конкретными данными (см. табл. 4).

Продукция названных отраслей легкой промышленности, как видим, за пятилетие 1951—1955 гг. из расчета на душу населения упала еще заметнее, чем вся гражданская промышленность США. И поскольку вся верхушка американского общества за эти годы отмечала свое процветание, значит, сокращение предметов первой необходимости падало всей своей тяжестью лишь на самые широкие народные массы США. Таковы бесспорные факты, не поддающиеся никаким кривотолкам.

При сравнении темпов роста объема продукции всей промышленности за 1939—1955 гг. с предшествующим периодом прежде всего поражает бурный рост *военной* продукции — *16 раз* за 16 лет — с охватом в США уже после войны от 22 до 37% всей промышленной продукции. В условиях общего мира и заведомого стремления всех народов к разоружению и полной ликвидации всех опаснейших средств массового истребления мирного населения такой рост вооружений представляется парадоксальным. Но зато рост всей остальной и действительно необходимой населению *гражданской* продукции даже в США,

Таблица 3

Динамика промышленности США за 1939—1955 гг. [1]

Годы / Показатели	1939	1947	1950	1953	1954	1955
1	2	3	4	5	6	7
I. *Персонал промышленности* (в тыс.)						
а) добывающей	1 026	943	889	852	770	748
б) обрабатывающей	9 527	15 290	14 967	17 238	15 989	16 552
Итого (в тыс.)	10 553	16 233	15 856	18 090	16 759	17 300
в % населения	8,1	11,3	10,5	11,4	10,4	10,5
II. *Продукция* (edded value, в тек. ценах)						
а) добывающей (в млрд. долл.) . . .	3,8	9,6	11,9	14,4	14,0	15,7
б) обрабатывающей (в млрд. долл.) . .	24,5	74,4	89,7	121,7	116,0	129,0
Итого	28,3	84,0	101,6	136,1	130,0	144,7
В т. ч.: военные расходы . .	1,6	18,4	27,8	51,2	45,1	52,8
гражданская продукция	26,7	65,6	73,8	84,9	84,9	91,9
III. *Объем продукции* (в млрд. долл. 1947 г.)						
а) военной	2,7	18,4	25,7	42,3	36,5	42,6
б) гражданской . . .	45,6	65,6	68,5	70,0	68,7	74,1
Итого	48,3	84,0	94,2	112,3	105,2	116,7
IV. *Индекс оптовых цен* (взвешенный) . . .	58,5	100	108	121,0	123,6	124
V. *Индекс производительности труда* . . .	89	100	115	120	121	130
VI. *Гражданская продукция на душу населения* (в долл. 1947 г.)	349	457	452	443	427	451
в % к 1947 г.	76	100	99	97	93	99

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 13, 322, 726, 732, 791, 792. Ср. *М. Волков*, Сдвиги в отраслевой структуре промышленности США. «Плановое хозяйство» № 3, 1957, стр. 77; *Ю. Покатаев*, В чем выражается милитаризация экономики США, стр. 31.

Таблица 4

Динамика важнейших отраслей легкой промышленности США

Годы / Показатели	1939	1947	1950	1953	1954	1955
1	2	3	4	5	6	7
А. *Продукция* (в млн. долл.)						
1. Пищевкусовые продукты . .	3 835	9 664	10 910	12 925	14 441	15 530
2. Ткани, одежда и обувь . . .	3 787	11 296	11 317	12 538	11 342	12 705
Итого:						
в текущих ценах . . .	7 622	20 960	22 227	25 463	25 783	28 235
в % ко всей обрабатывающей промышленности	31,1	28,2	24,8	20,9	22,2	21,9
Б. *Физический объем той же продукции*						
1. Пищевкусовые продукты . .	7,3	9,66	10,70	12,17	13,76	10,44
2. Ткани, одежда, обувь	7,1	11,30	10,47	11,88	11,45	12,35
Итого:						
в млрд. долл. 1947 г. .	14,4	20,96	21,17	24,05	25,21	22,79
в % нормы 1947 г. . .	68,7	100,0	101,0	114,7	120,3	108,7
В. *То же на 1 душу населения*						
в долл. 1947 г.	1 100	1 462	1 400	1 519	1 564	1 387
в % нормы 1947 г.	75	100	96	104	107	95
Г. *Рабочие тех же отраслей*						
в тыс.	3 051	3 672	3 855	3 771	3 547	3 602
в %	83	100	105	103	97	98

этой богатейшей из стран империализма, ограничивается весьма скромной цифрой в 62,5% за целые 16 лет, т. е. менее 3% в среднем за год. А если еще учесть прирост населения за те же 1939—1955 гг., то из расчета на душу весь прирост полезной продукции в США не превысит за эти 16 лет 29% (451 : 349 · 100 = 129), составляя до 1,5% в год, как и за весь предшествующий период 1914—1939 гг. И все же это еще рост. Но за 1947—1955 гг., т. е. за восемь лет «холодной войны», мы наблюдаем уже остановку и прямое падение не только легкой, но и всей гражданской продукции из расчета на душу населения.

И хотя наличие растущей *военной* продукции создает еще и в эти годы видимость процветания, но по существу это уже не прогресс, а, скорее, явные признаки загнивания на корню господствующей в США системы хозяйства. И это обнаруживается

каждый раз, когда однобокий рост за счет военной продукции по той или другой причине снижается и открывается общий спад всей продукции.

Таких спадов наблюдалось уже несколько даже за послевоенные годы. Сильнее всего это сказалось уже в первые годы после победы. Началась демобилизация военной промышленности, и сразу же, уже в феврале 1946 г., этот объем упал на 38,5% по сравнению с рекордным объемом продукции в разгар войны, в октябре 1943 г. Предпринятая агрессивными кругами Запада новая, «холодная война» лишь отчасти ликвидировала этот кризисный спад, так как уже с октября 1948 г. по октябрь 1949 г. в США обнаружился новый спад промышленного производства на 23%. Потребовалась новая военная авантюра в Корее, чтобы обеспечить новый подъем с 1949 по 1953 г. на 33%. А с ликвидацией агрессии в Корее за один лишь год, начиная с августа 1953 г., вся продукция США снова снизилась на 9,6%. Все эти лихорадочные зигзаги вверх и вниз показывают лишь одно, что усилия агрессоров предотвратить кризис перепроизводства гонкой вооружений не оздоровляют производственного организма, а загоняют лишь эту болезнь внутрь, затягивая скрытый период ее созревания. Острая болезнь становится хронической. И когда, наконец, она созреет до конца, неизбежный кризис, говоря языком медицины, будет уже чреват *летальным* исходом для этого истощенного болезнью организма.

И эти нездоровые колебания вверх и вниз, трижды за одно десятилетие, и прямое падение всей гражданской промышленности из расчета на душу в течение последних лет представляют собой уже не только угрозу кризисом. Для всего мирного населения США реальное снижение уровня его жизни — это уже не угроза бедствиями кризиса, а конкретное их начало, хотя и в новой, весьма экстраординарной форме — однобокого «процветания».

Сторонники гонки вооружений прописывают ее своим друзьям в качестве предохранительной прививки *против* кризиса. Но, во-первых, это очень дорогое лекарство, если за него *ежегодно* приходится расплачиваться населению такими потерями — по 40—50 млрд. долл. и более, — каких не смог бы вызвать, пожалуй, и любой из ординарных промышленных кризисов. А, во-вторых, оно «спасало» доныне только паразитирующие отрасли военного производства, ничего не давая всем другим и очень много требуя от них. США по уровню своих производительных сил, несомненно, занимают первое место во всем лагере империализма. Именно поэтому они и могли так долго расходовать столь непроизводительно избыток своих производственных мощностей на бесплодную гонку вооружений. Менее богатым сочленам этого лагеря это было бы давно уж не под силу без щедрых дая-

ний из-за океана. Однако всякому расточительству приходит неотвратимый конец. Понятно, что безмерное расточение наличных ресурсов без крайней нужды, с вооружением всеми видами оружия даже своих потенциальных конкурентов на мировом рынке, диктуется не экономическим разумом, а какими-то иными, внеэкономическими побуждениями. Но экономика имеет свои собственные объективные законы, требования которых нельзя нарушать безнаказанно.

Производство в больших массах оружия создает видимость высокой рыночной конъюнктуры и общего производственного подъема. Но если уж рассматривать этот подъем как признак процветания США, то прежде всего следует задаться вопросом: «Кто же именно, какие круги или классы, действительно процветают в результате гонки вооружений в этой стране?»

Конечно, фабриканты оружия и все поставщики необходимых им средств и предметов труда процветают в условиях «холодной войны» даже полнее, чем это возможно в настоящей большой войне, не свободной от повседневного риска не только на фронте, но и в далеком тылу. А кроме того, лишь «балансируя на грани войны», они не рискуют и такими неприятностями, какими завершилась в Нюрнберге блестящая карьера Геринга и Гиммлера после взятия Берлина. Не исключено, что и проницательные Бэрк с Паркером достаточно расценивают все эти преимущества «*холодной* войны». Но как должна ее расценивать вся остальная масса производителей и потребителей страны, не участвующих в производстве оружия? В личном потреблении пушки и бомбы совершенно неудобоваримы, никакого производственного назначения они тоже не имеют. Но платить за них все же нужно и притом не дешево. И не случайно налоги с населения в государственном бюджете США возросли только за 15 лет — с 1940 по 1955 г. — более чем на 60 млрд. долл.[1]

Они изымаются у населения США только для того, чтобы выбросить их в море бесперспективной «холодной войны» с наиболее миролюбивыми народами зарубежного мира и тем самым ограничить свои собственные возможности в международном товарообороте. На те же 60 млрд. долл., однако, сокращается и платежеспособный спрос населения внутри США на всю продукцию мирных отраслей труда, что и приводит одни из них к застою, а другие — к прямому спаду. Иными словами, однобокое процветание фабрикантов оружия приводит к кризисной депрессии и ущемлению жизненных интересов всех остальных деловых кругов огромного большинства трудящихся масс США.

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 358; «Вопросы экономики» № 12, 1956, стр. 82.

И хотя все это, конечно, не очень разумно, но вполне закономерно в условиях США.

Кризисные явления не исчезли из американской экономики. Наоборот, они приобретают в настоящее время даже более зловещий характер. Правда, так называемый валовой национальный продукт в текущих ценах увеличился в 1956 г. с 390,5 млрд. до 412 млрд. долл., или на 5,5%, но оптовый индекс цен на промышленные товары поднялся еще выше, в среднем за год на 8%, а по ряду товаров и выше. В обрабатывающей промышленности объем продукции в неизменных ценах возрос за год почти на 3%, но главным образом за счет военных или тесно связанных с ними отраслей труда. Вместе с тем наблюдалось дальнейшее ухудшение конъюнктуры в отраслях легкой промышленности. Например, выпуск текстильной продукции снова упал за год на 3,7%. Да и в 1957 г. продолжается перевод ряда текстильных предприятий на сокращенную рабочую неделю — в пять или даже четыре рабочих дня. Жилищное строительство сократилось за 1956 г. на 16%, и ожидается дальнейшее его сокращение в 1957 г. еще на 20%. Производство легковых автомобилей упало к концу 1956 г. на 26%. Продолжаются кризисные явления в сельском хозяйстве. Возрастают товарные «излишки», намечено дальнейшее сокращение посевных площадей на 4,5 млн. *га* за один лишь 1957 г. Фермерская задолженность возросла с 10,8 млрд. долл. в 1950 г. до 18,8 млрд. долл. в 1955 г. и 20,7 млрд. долл. в 1956 г. Отмечается дальнейшее обострение проблемы сбыта промышленных товаров. Товарные запасы в промышленности, на транспорте и в торговле выросли за 1956 г. на 9% и достигли уже 88 млрд. долл. против 29,2 млрд. долл. в 1947 г. Федеральная система банков повысила в 1956 г. учетную ставку до рекордного уровня за последние 20 лет (3%) и, зажимая кредит, оказывает его лишь наиболее солидным фирмам. В результате число банкротств в США за 1956 г. возросло на 16% и достигло 12 750 случаев, цифры рекордной с 1940 г.[1]

Не так ли, гг. Бэрк и Паркер?

Все такие признаки нарастающих противоречий в военизированной экономике США способны внушить тревогу даже заведомым оптимистам. Правда, президент США Эйзенхауэр в своем обращении к конгрессу от 23 января 1957 г. еще раз выразил уверенность в том, что «всеобщее процветание страны в *ближайшие месяцы* (!) будет продолжаться». Но и эта зыбкая уверенность за ближайшие лишь *месяцы* свидетельствует о зыбкости всех расчетов на прочность такого «всеобщего процветания» в этой стране. Гораздо решительнее звучит тревога в выступ-

[1] См. «Плановое хозяйство» № 4, 1957, стр. 82.

лениях других представителей деловых и политических кругов Америки [1]. Вполне уместным было, например, недавнее предупреждение министра финансов Хэмфри, что «ужасающее бремя налогов может повергнуть страну в глубочайшую депрессию». А еще в декабре 1956 г. председатель правления банкирского дома «Дж. П. Морган» Генри Александер, имея в виду новую волну вложений в военную промышленность, остерегал деловые круги США: «Мы пытаемся сделать слишком много и слишком быстро... Нам лучше было бы отложить часть закупок, строительства, займов. Надо помнить, что бум капиталовложений, подобный нынешнему, обычно всегда был кульминационной фазой экономического цикла».

За кульминационной фазой подъема, как известно, в каждом цикле непосредственно следует кризис со всеми своими последствиями. Именно их имел в виду сенатор Дуглас, предупреждавший недавно о *возможности* «значительного застоя, когда безработными будут 6 или 7 млн. человек и наступят плохие времена». А председатель Национальной ассоциации промышленников США — этой влиятельнейшей организации американских монополистов — заявил 3 февраля 1957 г. уже вполне категорически, что экономический спад *неизбежен* и что, «чем дольше он задерживается, тем сильнее он будет».

Итак, кому угрожает кризис, как будто довольно ясно.

Неясно это, по-видимому, только Паркеру и Бэрку. И не чувствуя никакой тревоги за собственное процветание на своей родине, они в поисках кризисов простирают свои трогательные заботы на чужедальние советские края, подальше от США, за океаном.

3. В «ЗАБОТАХ» ОБ СССР

Что же их привлекло сюда? И в чем именно они готовы усмотреть здесь кризис?

Паркер с Бэрком знают, что советские темпы развития много выше американских. И их как раз особенно волнует мысль, что «Кремль руководствуется всепоглощающим стремлением догнать и превзойти Запад (т. е. США. — *С. С.*) как в военном, так и в экономическом отношении». Но, по их соображениям, «СССР превратился в огромную военно-промышленную державу не столько благодаря росту производительности, сколько в результате мобилизации все большего и большего числа людей в промышленность... принудительно (?) мобилизовав (?) крестьян на промышленные предприятия и преднамеренно сдерживая

[1] См. «Правда», 17 марта 1957 г.

производство товаров массового потребления». Однако, возлагая известные надежды на «недовольство» потребителей такой политикой, на то, что трудовые резервы советской деревни уже исчерпаны, Бэрк с Паркером заключают: «Таким образом, новый кризис сводится к следующей дилемме: поскольку недовольство народа фактически начинает сказываться на производстве, Кремль должен теперь пойти на реальные уступки потребителям. Но, если Кремль пойдет на эти уступки, он *не сможет поспеть* за военным и экономическим прогрессом США, не говоря уже о том, чтобы *превзойти его*».

Кризис сводится здесь к дилемме, т. е. к вопросу, который еще не решен и может получить двоякое решение. Это весьма оригинальное представление о кризисе, который, по словам авторов, уже потрясает самые основы «советской» мировой системы. Ведь если еще неизвестно даже, куда «пойдет Кремль», то, значит, и возвещенный ими кризис весь впереди, в неопределенном будущем, и пока он может «потрясать» лишь нездоровое воображение Паркера с Бэрком. В трогательных заботах об интересах советских народов Бэрк с Паркером надеются, что Кремль пойдет на уступки потребителям и тем самым замедлит темпы своего прогресса. Но разве повышение благосостояния народа при соблюдении надлежащих пропорций между потреблением и накоплением ведет к кризису? И разве весь советский опыт не учит, что высокие темпы прогресса не уменьшают, а увеличивают возможности повышения уровня жизни трудящихся, а это повышение в свою очередь не тормозит, а ускоряет темпы технического прогресса. Все дело в соблюдении надлежащих пропорций, которое осуществимо лишь в условиях планового социалистического хозяйства.

Как бы то ни было, но в качестве важнейшей предпосылки предполагаемого кризиса в СССР Паркер и Бэрк указывают на «недовольство народа» в нашей стране, которое будто бы «начинает сказываться» в наши дни. На этом пункте следует остановиться. Недовольных Кремлем во всем мире, конечно, немало, не считая даже Бэрка с Паркером в их числе. Но народ — это не отдельные лица или группы лиц. И почему это его недовольство приурочивается авторами именно к настоящему моменту? Казалось бы, были времена, когда для его проявления нашлось бы и побольше оснований, чем вчера и сегодня. Очевидно, осведомители Бэрка с Паркером что-то явно напутали. За рубежом давно уже обсуждают вкривь и вкось «новый курс» советской экономической политики. Однако это праздные разговоры. Генеральная линия советского курса на опережающий рост тяжелой промышленности *не изменилась*. Но возможности у нас стали иные. И благодаря этим возросшим возможностям мы при старом курсе вступили в новую фазу развития.

Весьма осязательным фактом последних лет является как раз подтягивание производства предметов потребления. Если вся промышленность СССР, например за 1950—1955 гг., выросла по объему на 85%, а тяжелая — на 91%, то товарное снабжение населения в розничной торговле поднялось в неизменных ценах на 89%, с отставанием от тяжелой промышленности всего на 2%. По сравнению с предшествующим периодом, когда за целое десятилетие розничный товарооборот реально поднялся всего на 10%, это означает огромное ускорение в темпах снабжения населения предметами широкого потребления. В этом ускорении можно усмотреть кое-что новое. Но оно никак не могло бы послужить поводом к недовольству потребителей. Впрочем, для полной ясности в этом вопросе приведем еще аналогичные данные из американской практики последних лет. Может быть, темпы роста товаров широкого потребления в США еще выше, чем в СССР? И Паркер с Бэрком находят *в этом* основание для своих забот о населении СССР. Может быть, они готовы и с нами поделиться избытками своей товарной продукции? На военную продукцию американцев мы не претендуем, готовые и свою собственную вместе со всеми другими народами в любой момент ликвидировать. Но к обмену излишками *мирной* продукции, на условиях взаимной выгодности для обеих стран, мы всегда готовы.

Посмотрим же, как велики те избытки, какие гг. Бэрк и Паркер в качестве коммивояжеров богатейшей в мире страны могли бы предложить внешнему миру.

В области внешней торговли США таких избытков, за исключением разве *военной* продукции, как будто не обнаруживается. Вот, например, итоги торгового экспорта из США за последние годы. В 1947 г. он составил 16 млрд. долл., в 1951 г. — 11,6 млрд., в 1955 г. — 11,5 млрд. долл. в тех же ценах 1947 г.[1] В 1956 г. в результате разрушения Суэцкого канала объем вывоза из США поднялся процентов на 12, но все же оставался много ниже уровня 1947 г. Значительно расширялся за эти годы лишь бросовый экспорт военной продукции в качестве эквивалента за разбазариваемый кое-где государственный суверенитет. Однако американские налогоплательщики, оплачивающие эти подарки, никак не могут рассматривать их рост как доходную статью в своем потребительском бюджете.

Возможно, впрочем, что резервы здорового роста американской экономики следует искать в развитии не внешнего, а внутреннего товарооборота. Проверим и эту возможность. Во избежание повторного счета обратимся к итогам *розничного* оборота. Кстати сказать, в розницу ни пушками, ни атомными бомбами

[1] В текущих ценах экспорт 1951 г. — 14,1 млрд., 1955 г. — 14,2 млрд. долл.

не торгуют. И потому итоги розничного оборота всего полнее отражают собой и покупательную способность нации, и рост или падение нáродного благосостояния. Каковы же эти итоги?

По официальным данным, с учетом обесценения доллара и роста населения США получаем такую картину [1]:

Показатели	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
1. Население США (в млн.)	151,2	158,3	161,2	164,3
2. Индекс розничных цен	102,8	114,4	114,8	114,5
3. Розничный оборот (в млрд. долл.)				
а) в текущих ценах	148,7[2]	170,7	170,7	185,5
б) в долларах 1947—1949 гг.	145	149	149	162
4. Оборот на 1 душу				
а) в долларах 1947 г.	959	941	924	986
б) в %	100	98	96	103
5. Потребительский кредит (в млрд. долл.)				
а) в текущих ценах	20,8	29,5	30,1	36,2
б) в долларах 1947—1949 гг.	20,2	25,8	26,2	31,6

Как видим, в долларах неизменной покупательной силы прирост розничного оборота за 1950—1955 гг. в США был так ничтожен, что из расчета на душу населения он даже падает к 1954 г. А если учесть еще быстрое возрастание задолженности потребителей по приобретениям в рассрочку обстановки и других предметов первой необходимости, то обнаружится, что покупательная способность этих потребителей падает еще быстрее, чем товарное их снабжение. И когда Паркер и Бэрк «дружески» сожалеют о «высоком уровне недопотребления» в СССР, то нам хотелось бы их хоть несколько утешить следующим простым соображением.

По-видимому, уровень потребления широких масс в СССР по некоторым продуктам действительно значительно еще ниже, чем в США. Именно поэтому мы и поставили своей задачей догнать и превзойти их по производству и потреблению на душу населения. И в то время как товарное снабжение широких народных масс в США падает, у нас оно неуклонно растет и в общих итогах, и из расчета на душу. А это весьма существенное обстоятельство.

Паркеру с Бэрком, в частности, известно, что в СССР «реальная заработная плата значительно возросла с 1948 г. и продол-

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 5, 324, 460, 500, 845.

[2] Исчисленная по старому методу цифра 143,7 для сравнимости ее с последующими «новой серии» (с 1951 г.) повышена на 3,5%.

жает расти». Но, по их соображениям, «она, очевидно (!), еще не достигла уровня 1928 г.», и жизненный уровень «среднего русского», внушают они своей аудитории, «вероятно (!?), ненамного выше, чем в 1913 г.» Похоже, однако, на то, что они плохо осведомлены в этой области, и мы охотно готовы помочь им в установлении некоторых вполне достоверных фактов. Каков был жизненный уровень «среднего русского» до революции — при слишком большом диапазоне колебаний этих уровней от крестьянина до помещика или от рабочего до фабриканта — этой задачи решать не стоит. Но уровень жизни рабочего мы пристально изучаем.

Реальная заработная плата советских рабочих, как известно, уже к началу 1928 г. превышала дореволюционный уровень рабочих царской России на 82%. При этом по основным статьям расходного бюджета рабочих в ноябре 1927 г. их нормы питания за месяц достигали на взрослого едока: хлеба — 23 *кг*, в том числе белого — 13,8, картофеля — 13,2 *кг*, мяса и сала — 6,6, молока — 6,4, сахару — 2,1 *кг*, масла коровьего — 322 *г*, яиц — 307 *г* [1] и т. д. В общем за сутки на взрослого рабочего это давало 3676 *кал* усвояемой энергии[2], в том числе 547 *кал*, или 15%, животного происхождения. Правда, на питание в этом бюджете приходилось до 43,8% всех расходов рабочей семьи. Это свидетельствует об известной напряженности в удовлетворении многих второстепенных потребностей советского рабочего. Но по сравнению с уровнем жизни рабочих царской России уже в этих бюджетах конца 1927 г. реализованы большие достижения.

Для сравнения укажем, что по «физиологическим» нормам питания, принятым Государственным советом научных исследований США в 1948 г., суточная потребность взрослого работника-мужчины весом в 70 *кг* при труде среднего напряжения не превышает 3000 *кал*, а для женщин, при среднем весе в 56 *кг*, она определяется в 2400 *кал*. Таким образом, *по калорийности* советские нормы питания уже в 1927 г. были достаточно высокими — 3676 *кал* и в дальнейшем нуждались лишь в качественном улучшении его состава. И это улучшение действительно наблюдалось с каждым новым успехом в общем развитии всей экономики СССР.

В период с 1928 по 1940 г. — в напряженной борьбе за индустриализацию СССР и коллективизацию советской деревни — пришлось, преодолевая не мало трудностей, наращивать прежде всего объем своих средств производства. Но и в эти годы, как

---

[1] См. *С. Г. Струмилин*, Проблемы экономики труда, М., 1957, стр. 538, 539, 541.

[2] В среднем на душу это составит около 2700 *кал*.

уже было указано выше, производство средств существования в СССР не стояло на месте. Вот конкретные цифры:

	1928 г.	1940 г.	1955 г.
1. Население СССР (в млн.)	152	191,7	197
2. Продукция предметов потребления:			
а) общие итоги по стране (в %) ..	100	415	899
б) в т. ч. на душу населения	100	329	694

С 1928 по 1940 г. продукция средств существования в СССР в неизменных ценах возросла на душу населения более чем *втрое*. Росла за эти годы и реальная оплата труда. Правда, за годы второй мировой войны она снизилась. Но после войны рост ее возобновился, и к 1955 г. по объему, в общих итогах по стране, она была на 116% выше, чем в 1940 г., а из расчета на душу — на 110%, т. е. более чем вдвое. Таким образом, снабжение населения с 1928 г. из расчета на душу возросло за 27 лет на 594%, или почти в 7 раз. Розничный товарооборот на душу населения в 1955 г. достигал 2541 руб. против 1258 руб. (в сравнимых ценах) в 1940 г.; он вырос за 15 лет вдвое (на 102%), в том числе продажа продовольственных товаров увеличилась на 71% [1]. А реальная заработная плата всех рабочих и служащих страны за те же 15 лет поднялась на 75% [2]. И в общем за 40 лет Советской власти она уже в несколько раз превзошла уровень дореволюционной России. О том же говорят и такие объективные факты, как снижение смертности в СССР с 30,2 до 8,4 промилли в 1955 г., что значительно ниже американской нормы, и рост средней продолжительности жизни *вдвое* за советский период.

Конечно, ни для кого не тайна, что производство таких продуктов сельского хозяйства, как молоко, масло и в особенности мясо, в среднем на душу населения в СССР еще ниже, чем в США. По молоку это отставание в 1956 г. не превышало 28,5% американской нормы, по маслу — 27%, но по мясу достигало даже 68,5%. Правда, американские средние нормы потребления сильно завышены за счет потребления буржуазии, отсутствующей в нашей стране. Буржуазия, конечно, предпочитает мясо рыбе, значительно шире потребляемой в рабочей среде, заменяет растительные жиры сливочным маслом, дешевые хлебные продукты — более дорогими молочными, что сказывается и на средних нормах потребления в США, повышая их по самым

[1] См. «Советская торговля». Статистический сборник, Госстатиздат, 1956, стр. 32.

[2] См. «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 37, 243.

дорогим видам продуктов, хотя в общем по суммарной калорийности и составу питания *рабочих* советские нормы едва ли заметно отличаются от обычных норм питания американских *рабочих*. Тем не менее мы готовы к соревнованию и за высшее качество советского питания. Именно поэтому в СССР уже встретило самое широкое одобрение новое решение повысить уже в ближайшие годы продукцию масла, молока и мяса до уровня средних душевых норм США. Тысячи колхозов уже взялись в течение двух-трех лет увеличить производство мяса в 3—4—5 раз, а по продукции молочных продуктов выясняется возможность обогнать США в еще более сжатые сроки. И общий крутой подъем сельского хозяйства в СССР за последние годы свидетельствует, что и эти новые планы достаточно реальны.

Правда, это еще далеко не все, к чему мы стремимся, но все же предпочитаем повышать свой уровень жизни вместо того, чтобы по-американски повышать военные расходы и прибыли фабрикантов оружия за счет сокращения народного потребления.

Бэрку с Паркером, вероятно, известно, что фактические нормы питания в США за последнее время не растут, а падают. По официальным подсчетам, средняя душевая норма потребления американцев в брутто-калориях за день составляла [1]:

Годы	Калории	Проценты
1935—1939	3 270	100
1947—1950	3 235	99
1951—1955	3 215	98

Это довольно высокие нормы, но, конечно, их нельзя сравнивать с нормами питания советских рабочих, прежде всего потому, что они даны без поправок на усвояемость и потери хранения, а главное, потому, что это *средние* нормы для *рабочих* и всей *буржуазии*. Но буржуазия едва ли сокращает свое питание, выручая миллиардные прибыли за счет военных бюджетов. Значит, в наибольшей мере его сокращает рабочий люд и прочие налогоплательщики США, оплачивающие эти миллиарды военных прибылей.

Средний уровень заработной платы рабочих в США и уровень жизни в стране по сравнению с другими капиталистическими странами высок. Но нельзя забывать о глубоком неравенстве этого уровня, в результате которого верхушка рабочей аристократии располагает значительными избытками средств существо-

[1] «Statistical Abstract...», 1956, p. 87.

вания, а большинство рабочих нуждается даже в самом необходимом. По массовому обследованию 1955 г., охватившему 55 млн. семей, годовой доход 5,9 млн. семей в США (11%) не превышал 1 тыс. долл. в год, и свыше 12,4 млн. семей (23%) с доходом в 2 тыс. долл. находились на уровне «ниже нищенского». Половина семей (27 млн.), получая до 4 тыс. долл., стояла на уровне ниже прожиточного стандарта, исчисляемого статистикой труда; 64% американских семей получали до 5 тыс. долл., т. е. все еще ниже «стоимости жизни» по бюджету Геллера (5500 долл. на семью в 4 души). Но зато 6% семей получали свыше 10 тыс. долл. и 2% семей — свыше 15 тыс. долл. в год. А в общем даже *средний* заработок рабочего в США в 1956 г. был еще ниже прожиточного стандарта статистики труда на 260 долл. в год.

Все это так, не правда ли, гг. Бэрк и Паркер? Почему же вы столько внимания уделяете заботам о благосостоянии советских рабочих, которое неуклонно растет, забывая о своих собственных согражданах, которые вынуждены себя урезывать даже в обычных нормах питания. Или вы думаете, что если сложить их недоедание с переобременением желудков в верхах американского общества, то в общем балансе, на круг, все требования гигиены питания можно будет считать выполненными?

Особое внимание Паркер с Бэрком уделяют жилищной нужде в СССР. Они утверждают, например, что средняя площадь на человека в советских городах не превышает 4,7 *кв. м* и что это в несколько раз ниже американской нормы. И в этом случае, однако, «средняя» норма жилой площади рабочих и миллиардеров не показательна и несравнима с нормами нашей страны, где вовсе нет буржуазии. Но зато весьма показательно, что наличный жилищный фонд в городах СССР вырос с 180 млн. *кв. м* в 1913 г. до 640 млн. *кв. м* в 1955 г.[1] и продолжает быстро расти с каждым годом, в то время как в США жилищное строительство сокращается и за один лишь 1956 г. снизилось на 16%[2]. А между тем если во дворцах миллиардеров живется просторно, то нельзя забывать, что даже в США гораздо меньше дворцов, чем трущоб, в которых ютятся миллионы низкооплачиваемых белых и черных рабочих, безработных и прочей бедноты. И поскольку о них ничего неизвестно Бэрку с Паркером, то придется привести здесь кое-какие оценки этих трущобных жилищ из более осведомленной американской прессы.

Жилищная перепись, проведенная в 1950 г., показала, что свыше 15 млн. жилищ в США «не пригодны для жилья», а по

---

[1] Кстати, 640 млн. *м*, деленные на 87 млн. душ городского населения, дают не 4,7, а 7,36 *кв. м* на 1 жителя (апрель 1956 г.). См. «Народное хозяйство СССР», стр. 17, 163.

[2] См. «Правда», 17 марта 1957 г.

заявлению профсоюзов, в жилищах, которые не соответствуют даже «минимальным нормам приличия», проживает в действительности более 15 млн. семей. Корреспондент американской газеты «Сан» так пишет о жителях нью-йоркских трущоб: «Я был потрясен тем, что людям приходится жить в условиях, напоминающих средневековье... Я видел здесь жилища, где крысы кусают детей в их люльках... В некоторых квартирах единственный источник освещения — свечи и керосиновые лампы, так как электрическая проводка испорчена. Уборные и коридоры разрушены и находятся в неописуемом состоянии». Уполномоченный по вопросам жилищного строительства член правительственной комиссии Слассер, вернувшись из инспекционной поездки по стране, заявил: «Мне постоянно приходилось говорить: «Худших трущоб не может быть», но на следующий день я находил еще более ужасные трущобы»». В этих трущобах, по словам Слассера, более половины жителей болеет туберкулезом. В газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано письмо о жилищных условиях в Гарлеме (негритянском районе в Нью-Йорке). «Каждый свободный клочок земли, — пишет его автор,— представляет собою свалку гниющего мусора... Комнаты в этом районе похожи на мышеловки, в которых живет по 15 человек» [1].

Спрашивается, не этим ли гниющим свалкам и мышеловкам должны позавидовать советские рабочие, о жилищном утеснении которых так пекутся заботливые Паркер с Бэрком.

Усматривая в СССР из-за океана и мнимые кризисы, и «брожение», и «недовольство народа» без всяких к тому поводов, эти авторы как будто выполняют чей-то заказ изобразить желаемое как действительное. В то же время в собственной стране, у себя под носом, они не замечают ни действительных кризисов, ни массовой безработицы, ни гнилых трущоб, ни многих других серьезнейших поводов к недовольству народа. Они забывают даже о тех миллионах рабочих, которые уже весьма активно выявляют в США свое недовольство во все учащающихся стачках и забастовках. А между тем опыт русской революции 1917 г. довольно наглядно показывает, во что именно перерастают в конце концов эти забастовки как массовое оружие пролетариата. При такой куриной слепоте Бэрка и Паркера к своим собственным болячкам вся ценность проявленных ими «забот» о далеких им нуждах советских рабочих становится более чем проблематической.

К тому же советский рабочий класс достаточно зрел, чтобы и самому о себе в случае нужды позаботиться.

---

[1] См. *Ю. Покатаев*, В чем выражается милитаризация экономики США, 1956, стр. 119, 122.

4. О ЦЕЛЯХ «НЕМЫСЛИМЫХ»

«Немыслимой целью» Паркер и Бэрк считают задачу СССР «обогнать США по уровню промышленного производства». Основные аргументы в защиту этого положения сводятся к трем. Во-первых, американский уровень много выше советского, во-вторых, в СССР уже исчерпаны резервы рабочей силы, и, в-третьих, для этого требуются более высокие темпы производительности советских рабочих.

Вся убедительность их соображений, однако, зиждется только на том, что конкретные итоги советской статистики об экономике СССР они произвольно заменяют, без всяких к тому оснований, другими, более подходящими для нужных им выводов.

Так, например, утверждают они: «Создается впечатление (!), что выпуск продукции советской промышленности... возрос по сравнению с 1928 годом не в 22 раза, как утверждают в Советском Союзе, а в 8 раз; с 1940 года — не на 250 процентов, а на 165 процентов; за время пятого пятилетнего плана (на 1951—1955 гг.) — не на 85 процентов, но немногим более чем на 65 процентов» и т. д. Никакого анализа советских данных в обоснование своих «впечатлений» авторы не приводят. Создается впечатление и баста. Однако мало ли что может померещиться двум журналистам в неведомой им и далекой чужой стране...

В СССР статистика ведется не на показ или для парада перед лицом неискушенных потребителей всевозможных индексных построений гарвардской или иных школ. Она служит здесь весьма практическим хозяйственным задачам планирования. И не плохо служит, так как ее показатели ежегодно проверяются и подтверждаются практикой выполнения задуманных планов. Плохая статистика была бы совершенно нетерпима в плановом хозяйстве. А двух бухгалтерий: одной — секретной, для себя, а другой — открытой, для податной инспекции, как это практикуется иногда у частных предпринимателей, или для иных показных целей, в общественном хозяйстве СССР заведомо не ведется. И в США, где ежегодно не менее сотни миллионов долларов расходуется на агентуру по раскрытию всевозможных чужих секретов, это, очевидно, не безызвестно. Таким образом, всякий разумный человек может легко понять, насколько «впечатления» Бэрка и Паркера о советском учете фантастичны.

Но и в своей собственной, американской статистике они не очень тверды. Например, они утверждают, что «оборонные» расходы США «составляют лишь половину общей суммы американских капиталовложений». Но мы уж видели, что военные ассигнования по бюджетам США за 1952—1955 гг. составляли от 44 млрд. до 54 млрд. долл., а вложения за те же годы колебались

около 28 млрд. долл. И, стало быть, оборонные расходы составляли не половину, а от 157 до 193% от суммы вложений. В то же время авторы этих расчетов сами исчисляют советские капиталовложения в 33 млрд. долл. за год. В советской валюте за 1955 г. эти вложения достигали 167 млрд. руб., или, по курсу доллара в СССР, до 42 млрд. долл. Но, даже по счету Паркера с Бэрком, наши вложения уже превышают американский их уровень. Ежегодный прирост советской промышленной продукции они определяют весьма скупо, — очевидно, в меру своих «впечатлений» о нем — в 5 млрд. долл., а прирост в США — весьма оптимистически, в 8 млрд. долл. Однако факты не подтверждают этого оптимизма. Так, например, в ценах 1947 г. вся индустриальная продукция США с 1947 по 1955 г. выросла всего с 84 млрд. до 116,7 млрд., на 32,7 млрд. за восемь лет, т. е. всего по 4 млрд. за год. А, за вычетом военной, вся гражданская продукция за те же восемь лет повысилась всего на 8,5 млрд., т. е. в среднем около миллиарда в год (см. табл. 3). Таким образом, «немыслимый» обгон Соединенных Штатов становится уже весьма реальным.

Паркер и Бэрк заверяют свою аудиторию, без всяких, впрочем, обоснований, что уровень промышленного производства в США «в два с половиной раза больше» советского. В США в 1955 г. промышленная продукция достигала примерно 145 млрд. долл., значит, советская продукция оценивается ими в 145 : 2,5 = 58 млрд. долл. 1955 г. Однако при современном валютном хаосе всякие переводы из одной бумажной валюты в другую не очень надежны. Гораздо надежнее их можно считать для исходных соотношений, до первой мировой войны, по золотому паритету. Условно чистая продукция мануфактурной и добывающей промышленности США к 1914 г. оценивалась в 11,6 млрд. долл. в тогдашней золотой валюте. Объем ее к 1955 г. вырос, по американским индексам, за 41 год в 4,85 раза. Значит, по ценам 1914 г. она в 1955 г. достигала 56,3 млрд. долл. Валовая продукция русской крупной промышленности в 1913 г. оценивалась по всей бывшей империи в 7358 млн. руб. золотом, условно чистая — в 3570 млн. руб. (47,7%). В переводе на доллары по паритету это составляет 3570 : 1,945 = 1836 млн. долл. В границах СССР до 1939 г. этот итог, впрочем, не превышал 1,4 млрд. долл., но с учетом роста по объему в 27,3 раза в 1955 г. он достигал уже не менее 1,4 × 27,3 = 38,2 млрд. долл. (по курсу 1914 г.), или 67,9% от соответствующего уровня США.

Конечно, приведенный расчет очень условен. Он опирается на твердый, золотой паритет рубля 1913 г., но зато индексы цен и объемов производства за 1913—1955 гг., исчисляемые в США и СССР весьма различными методами и приемами, не обеспечивают достаточной сравнимости получаемых выводов. Поэтому

было предложено уже несколько различных вариантов такого рода сопоставлений. Однако даже по самым осторожным из имеющихся в советской экономической литературе оценок объем промышленного производства в СССР составлял в 1958 г. не ниже 53—55% от уровня США [1]. Такая же примерно оценка уровня нашей промышленной продукции дается и в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде партии. Расхождения крайних оценок этого уровня, как видим, весьма значительны. Но разница в *темпах* роста продукции в СССР и США так велика, что, даже исходя из самых низких оценок достигнутого уже уровня, вероятный срок обгона американских масштабов производства, исчисляемый ныне в 12—15 лет, может измениться всего в пределах двух или трех лет. И советский народ вполне устраивают такие сроки.

Переходя к вопросу о рабочей силе в СССР, они начинают с волнующего заголовка: «Не хватает 7 млн. человек!» Бэрка с Паркером в данном случае волнует забота о выполнении шестого пятилетнего плана в СССР, для чего будто бы не хватает столько народу. Но затем, спохватившись, они уже сами указывают такие резервы, как 3 млн. из естественного прироста населения и свыше 2 млн. уже освобожденных для труда в порядке сокращения Советской Армии. К этому можно было бы еще добавить свыше миллиона работников за счет последних сокращений в аппарате советских учреждений. Не малые резервы высвобождает для производительного труда и проведенная реформа в управлении производством. Не исключена возможность и дальнейшего сокращения Вооруженных Сил. Но самый важный вывод, который могли бы сделать даже Паркер с Бэрком из своих подсчетов дефицита в рабочей силе советского хозяйства, сводится к тому, что никакая безработица этому хозяйству даже в будущем не угрожает, в то время как в США она и в настоящем исчисляется миллионами, а в ближайшей перспективе должна еще возрасти до 6—7 млн., по вышеприведенной оценке сенатора Дугласа.

И можно лишь пожалеть, что Бэрк с Паркером и здесь, в увлечении мифической нехваткой 7 млн. работников в СССР, упустили из виду гораздо более реальную опасность вот-вот заполучить до 7 млн. безработных в собственной своей стране.

Менее всего ясности проявили эти авторы в своих оценках сравнительной производительности труда в США и СССР. Начинают они с того, что с 1928 по 1940 г. часовая производительность труда в советской промышленности «почти не возросла». Это, конечно, соответствует лишь «впечатлениям» американских

---

[1] См. *А. Ефимов*, Решающий этап в мирном экономическом соревновании двух систем. «Мировая экономика и международные отношения» № 12, 1958, стр. 10.

журналистов, ибо реально, по отчетным данным советской статистики, она возросла за эти годы в 3,43 раза. В мире науки принято в доказательство своих утверждений ссылаться на первоисточники. Но это никак не устроило бы наших авторов. И потому, изучая советскую экономику, они предпочитают сослаться на авторитет английского статистика Колин Кларка, соглашаясь с тем, что абсолютный уровень производительности труда в СССР составляет якобы всего до 20% американской нормы, а по темпам своего роста она с 1928 по 1938 г. возрастала в СССР на 1,6% в год и с 1938 по 1953 г. — на 2% в год, в то время как в США за тот же период она поднималась на 2,3% в год. Поэтому и Паркер и Бэрк единодушно заключают, что производительность труда в СССР «росла *медленнее*, чем национальная производительность труда в США». При таких условиях, казалось бы, отпадает и самая проблема о возможности обгона американского уровня промышленности. И тем не менее у них, уже вопреки Кларку, в конце концов «создается впечатление», что производительность труда в советской промышленности «возрастала не на 8% в год, а на 6% или даже меньше». Это уже втрое и вчетверо выше темпов, допускавшихся для СССР К. Кларком. А дальше следует и такое невольное признание: «Советский Союз *смог бы обогнать США* по уровню промышленного производства, скажем, к 1970 г. лишь в том случае, если бы он добился увеличения производительности труда примерно на 8—9% в год».

Что ж можно заметить на это? И условие, достаточное для достижения этой цели, вполне осуществимо в СССР, и срок подходящий. Производительность возрастала уже у нас и в прежние годы по 8—10% в год. В этом, стало быть, нет ничего «немыслимого», в особенности если намеченная в наших планах модернизация техники и автоматизация производства будут в срок реализованы. А планы наши, как известно, обычно выполняются и досрочно, с перевыполнением.

На этом можно было бы и покончить с Бэрком и Паркером. Но заслуживает внимания еще одна черта в их выступлении. Они как будто и жаждут смены вех в экономической политике СССР в сторону сокращения темпов роста средств производства, и в то же время их пугает возможное при этом ускорение темпов роста средств существования. Смена вех была бы для них «приятной новостью» лишь в том случае, если бы от этого могло пострадать «монолитное единство» Советской власти. Но быстрое повышение уровня жизни советского народа лишает всех зарубежных болельщиков о его «благополучии» последних надежд на такой поворот событий, какой им удалось спровоцировать в Венгрии. От экономики здесь очень прямой переход к политике. Напомним хотя бы такой характерный факт. Еще

в 1954 г. в американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» (11 апреля) наши мероприятия по расширению производства предметов потребления расценивались, как *«самое опасное* событие во второй половине XX века».

Конечно, это смешно, но не так уж наивно для тех, кто раздувает пламя «холодной войны». Нам смешно, что лишний кусок говядины и стакан молока на столе советского рабочего представляется зарубежным агрессорам «опаснее» даже водородных бомб с термоядерной начинкой. Но американские фабриканты оружия и их прихлебатели-оруженосцы рассуждают по-своему: «От чужих бомб можно еще отсидеться в стальных убежищах, а вот от собственных рабочих, когда они, наконец, сами убедятся, что советские люди избрали себе лучшую долю, и захотят последовать их примеру, никуда не спрячешься со своими тантьемами, дивидендами и прочими миллиардами сверхприбылей агрессивной буржуазии. Вот такая пока еще весьма отдаленная угроза содержимому наиболее увесистых хозяйских кошельков и показалась, по-видимому, кое-кому «самой опасной» еще в 1954 г.

С тех пор прошло уже несколько лет успешной борьбы за крутой подъем сельского хозяйства СССР, а вместе с тем и умножаются потребительские товары, чему не только не мешает, а даже способствует «ортодоксальный» курс коммунистической экономики — курс на опережающий все остальное рост средств производства и новой техники в нашей стране. Мы уже в 1957 г. могли отметить первые серьезные успехи наших планов догнать и превзойти США по производству и потреблению молочных продуктов на душу населения. Все возрастают наши ресурсы и по другим предметам широкого потребления. Но у Паркера с Бэрком все еще теплятся некие сокровенные надежды, и, возвращаясь к памятному выступлению Н. С. Хрущева в феврале 1955 г., они пишут: «Он сказал в прошлом году: всем, кто рассчитывает, что Советы откажутся от коммунизма — и от упора на первоочередность капиталовложений в тяжелую промышленность, — придется ждать, пока рак свистнет. И все же, — упорствуют Бэрк с Паркером, — может быть, скоро настанет такое время, когда советские раки попробуют свистнуть».

Тщетные надежды! Натуральным ракам сама природа отказала в этой способности. А всем остальным — и заокеанским и более близким, — сколько бы они сами ни пятились раком в упоении своей злостной дезинформацией, не дано повернуть назад колесо истории.

Правда сильнее любой лжи!

VIII. ТЕМПЫ НАШЕГО РОСТА*

За мирное соревнование

Можно по-разному расценивать тот факт, что в мировом хозяйстве уже давно сосуществуют и соревнуются между собой две принципиально различные системы — страны капитализма и социализма, — но игнорировать сам факт невозможно. Каждая из этих систем достаточно могущественна, и риск катастрофических последствий любой авантюры «на грани войны» становится все очевиднее для народов мира. Политика гонки вооружений в «холодной войне», выгодная фабрикантам оружия, слишком разорительна для налогоплательщиков и уже только поэтому не может свидетельствовать о превосходстве системы, которая цепляется за такую политику, как за якорь спасения.

Превосходство той или иной экономической системы может обнаружиться лишь в мирном экономическом соревновании. И Советский Союз, предлагая странам капитализма соревнование за самый полный расцвет науки и культуры, за самые низкие цены на средства существования, за самый высокий уровень жизни трудящихся, никому не желает горечи поражения: ведь речь идет о благе народов. А если тот или иной народ убедится в превосходстве социализма, никто не сможет закрыть ему путь к использованию всех преимуществ социалистической системы.

В чем же мы усматриваем эти преимущества?

Экономика царской России была очень отсталой, и если вычесть годы войн, интервенций, блокад, то окажется, что мы располагали очень коротким сроком для развития новой экономики СССР, а потому она далеко еще не выявила всех своих преимуществ. Но одно из них, наименее оспоримое и наиболее осязаемое, известно ныне всему миру. *Речь идет о безусловном превосходстве советских темпов экономического развития.* Благодаря им промышленность СССР по объему продукции и

* См. «Советский Союз» № 1, 1959.

производительности труда давно уже вышла на первое место в Европе. И, хотя кое в чем мы еще отстаем от США, превосходство советских темпов роста даже по сравнению с американскими так велико, что ликвидация нашего отставания — вопрос недалекого времени.

Приведем несколько цифр. С 1913 по 1956 г. вся промышленная продукция Англии и Франции выросла в неизменных ценах лишь на 80%, а в США — на 309%. Но по сравнению с советскими темпами и эти американские достижения представляются более чем скромными. Вот как они выглядят:

Годы	Продукция	
	США	СССР
1913	100	100
1917	118	71
1928	151	132
1940	191	852
1950	320	1 476
1955	397	2 729
1956	409	3 018
1957	409	3 320
1958	368	3 689

Сейчас в Советском Союзе каждые 7 дней вырабатывается столько же промышленной продукции, сколько было произведено ее за весь 1917 г.

Как видим, цифры достаточно показательны. Но надо еще учесть, что США не испытывали нашествия интервентов, не подвергались экономической блокаде и всяким иным дискриминациям, а мировые войны лишь повышали спрос на американскую продукцию и обогащали заокеанских бизнесменов. И все же за годы Советской власти промышленная продукция увеличилась в СССР по сравнению с 1917 г. в 52 раза, тогда как в США — всего примерно в 3,1 раза. В среднем за весь этот период она росла в Соединенных Штатах на 2—3% в год, в Советском же Союзе, невзирая на военные потрясения, годовой прирост ее был не менее 10%.

Таковы факты. Правда, кое-кто в США пытается объяснить высокие советские темпы... низким уровнем индустриализации страны, заведомо преуменьшает этот уровень в своих расчетах и пытается уверить всех, что со временем, когда экономика СССР достаточно «созреет», она снизит темпы роста до уровня американских 2—3%. Однако это — слабое утешение. Ведь

индустриальная зрелость народов определяется уровнем развития производительных сил и масштабами производства. Обогнав в этом отношении все старейшие страны капитализма в Европе, СССР уже достаточно засвидетельствовал свою зрелость. Однако ни одной из таких заведомо *менее зрелых стран* капитализма не удавалось ни в прошлом, ни в наши дни опередить в своем росте наши, советские темпы. Не удается это и наиболее зрелой и мощной из них — США. Не помогает им в этом ни зрелость, ни незрелость. И, значит, те, кто ищет разгадки успехов Союза ССР в его мнимой «незрелости», обнаруживают лишь незрелость собственных суждений.

Чем объясняются советские темпы

Высокие темпы нашего роста не случайны. Это не временное и не преходящее явление, в чем хотели бы уверить себя и других публицисты буржуазного Запада. Нет, *это вполне закономерный результат социалистической системы планового хозяйства*. Ведь в основе нашего планирования, которое и определяет темпы роста советской экономики, лежит стремление к наиболее полному удовлетворению непрерывно растущих материальных и культурных потребностей населения. Советские планы разрабатываются с учетом гармоничного и всестороннего развития производительных сил в интересах всего социалистического общества. Таков вывод, к которому приходит любой объективный наблюдатель.

Наоборот, в странах капитализма, где единственным стимулом увеличения производства является стремление к получению наибольшей прибыли, ожесточенная конкурентная борьба и анархия производства неизбежно приводят к спадам, к кризисам.

Вот почему капиталистическое производство развивается значительно медленнее, нежели социалистическое. Именно поэтому высокие темпы индустриального роста свойственны не только СССР, но и всем странам социализма. Это можно подтвердить такими цифрами:

Годы	Темпы роста	
	в странах капитализма	в странах социализма
1937	100	100
1950	141	365
1955	189	706
1957	202	867
1958	194	963

Велики успехи Чехословацкой Республики, которая, по расчетам автора, в производстве на душу населения электроэнергии и стали еще в 1955 г. обогнала Францию и Италию, в выпуске шерстяных тканей и обуви — США, Англию, ФРГ и Францию, а в добыче угля втрое превзошла Францию, намного опередив США и ФРГ. Поразительны достижения народного Китая. По добыче угля (270 млн. *т*) он уже занял первое место в Азии и третье в мире. За один только 1958 г. в Китае удвоилось производство зерна (375 млн. *т*) и стали (11 млн. *т*).

Впереди всех по выявленным естественным ресурсам и другим возможностям развития идет пока Советский Союз. Достаточно сказать, что *наши разведанные запасы железных руд втрое больше запасов США, Англии, Франции и Федеративной Республики Германии, вместе взятых.* На территории СССР запасы гидроэнергии определяются цифрой 3700 млрд. *квт-ч* в год. В недрах страны находится до 57% мировых геологических запасов угля, огромные нефтяные богатства. *Советский Союз занимает первое место в мире по лесным ресурсам, по запасам калийных солей, фосфатного сырья, марганца, меди, свинца, цинка, никеля, бокситов, ртути, серы, вольфрама.* Разведаны богатейшие месторождения алмазов. Конечно, этих сокровищ было не меньше и в недрах царской России. Но только освобожденный от эксплуатации народ, овладевший всеми средствами производства, передовой техникой и наукой, смог обнаружить их и с каждым годом все шире использовать в плановом порядке на благо всего общества.

США гордятся своим богатством. И они действительно богаче любой другой страны. Но основная масса этого богатства находится в полном распоряжении господствующей буржуазии. Она определяет «американский образ жизни», при котором 90% населения страны достается не больше 50% национального дохода. Если такой образ жизни устраивает американцев, никто не собирается мешать им жить по-своему. В СССР нет буржуазии, и именно поэтому рабочий класс нашей страны — полный хозяин национального дохода — получил возможность не только все время повышать уровень своей жизни, но и расширять производство такими темпами, которые раза в три выше американских.

Став хозяевами продуктов своего труда и планомерно его используя, советские люди не только навсегда избавили свою страну от периодических кризисов и бедствий безработицы, но и приумножили за сорок лет основные производственные фонды СССР примерно в 15 раз, сократили рабочий день на 2—3 часа, повысили реальный уровень жизни втрое-вчетверо. И как следствие этого у нас сократилась смертность: с 30,2 в 1913 г. до 7,8 случая на 1 тыс. жителей в 1957 г., т. е. почти в 4 раза. В то же

время *средняя продолжительность жизни в Советской стране возросла с 32 до 67 лет.*

Это, конечно, еще не предел и не идеал. Но пока, для начала нас устраивают и такие успехи, тем более, что высокие темпы роста сулят уже в самом ближайшем будущем неизмеримо большее. *Отнюдь не завидуя «американскому образу жизни», советские люди хотят лишь одного: чтобы и им никто не мешал спокойно жить по своему вкусу.*

Вынужденные признания

Еще не перевелись охотники наводить тень на хозяйственные и культурные достижения нашей страны, произвольно оперируя заниженными данными. Но нетрудно понять, что статистика планового хозяйства, не знающая мистерий «коммерческой тайны» и требующая в интересах успешного управления производством максимальной строгости учета, точнее и достовернее всякой иной. В частности, она много точнее американских индексов общего роста промышленной продукции, исчисляемых по немногим выборочным данным и не чуждых произвола путаной методологии. Ведь в Советском Союзе темпы роста рассчитываются на основе сплошного учета всей продукции в одних и тех же неизменных ценах. Тем не менее издателям журнала «Форчун» и некоторым иным путаникам вместо нашего роста мерещатся «кризисы», «мятежи» и прочие столь же желательные им вещи. Однако ни один разумный человек давно уже не верит подобным россказням.

Да и как верить, если даже в 1957 г. «Форчун» сообщал о «новом кризисе в СССР», потрясающем «самые основы советской мировой системы» (!) Экономистам из «Форчуна», видимо, очень хотелось, чтобы именно так и было, а на поверку вышло иное: и в 1957 и 1958 гг. рост промышленности СССР составлял по 10%, американское же производство, топтавшееся в 1957 г. на месте, за семь месяцев 1958 г. упало на 10%. Это уже четвертый — с 1946 г. — кризисный спад в США. Стало быть, бравые журналисты, нацелившись сослепу в СССР, попали, как говорится, «пальцем в небо».

Серьезные люди в Соединенных Штатах теперь уже понимают, что излишнее самодовольство их соотечественников, проявляемое при оценках советской экономики, культуры и науки, весьма неуместно, хотя некоторые почувствовали это только после выхода на орбиту первого советского спутника Земли. На съезде Национальной ассоциации промышленников в декабре 1957 г. вице-президент США Никсон признал это в следующих выражениях: «Слишком много американцев в прошлом с блаженной

уверенностью предполагало, что мы всегда автоматически будем первыми в области экономического прогресса, военной мощи и научных изобретений. Спутники напомнили нам, что этого не было в прошлом и не будет в будущем».

Можно привести еще высказывание министра обороны США Макэлроя, который недавно назвал экономический и культурный рост Советского Союза, а также развитие в стране просвещения подлинно феноменальными и потрясающими. Отмечая более быстрое по сравнению с США развитие техники и промышленности в СССР, известный специалист по ракетам Браун заявил: «Становится до ужаса ясно, что темпы их прогресса намного превосходят наши».

Не совсем ясно, почему прогресс Советской страны воспринимается с *ужасом* в Америке, всегда называющей себя прогрессивной. Ведь СССР никому не угрожает своими достижениями, никого не окружает своими атомными базами и аэродромами, не шлет флотов к чужим берегам, не высаживает на чужие земли своих десантов, не подготовляет никаких агрессий. Нет, ничего такого Советский Союз не делает, наоборот, он всегда и во всем проявляет свое миролюбие, настойчиво ратуя за скорейшее прекращение «холодной войны», за разоружение, за полный запрет атомного и водородного оружия. Мы предлагаем взаимовыгодное экономическое сотрудничество, развитие научных и культурных контактов.

Мы считаем необходимым достигнуть полного взаимопонимания. Надо, чтобы и те люди, которые сами куют оружие, уразумели, наконец, что миролюбие СССР диктуется отнюдь не его слабостью или беззащитностью. Из приведенных нами вынужденных признаний американских деятелей можно заключить, что это уже понимают и в Вашингтоне. А взаимопонимание содействует взаимоуважению. Если говорить всерьез, то только надуманные причины мешают сторонам договориться наконец на самом высоком уровне по всем вопросам, нерешенность которых еще разделяет мир на враждебные группировки, и найти пути к мирному сосуществованию в общих интересах всех народов.

Совершенно очевидно, что наиболее высокие темпы развития возможны лишь в условиях взаимного обмена и мирного сотрудничества во всем мире.

Решающий шаг

Теперь известно, какие величественные планы предстоит осуществить советскому народу в ближайшем семилетии. Эти планы говорят сами за себя. Достаточно сказать, что лишь

государственные капитальные вложения за семилетку составят от 1940 до 1970 млрд. руб. и что это почти равно объему капитальных вложений за все годы Советской власти. Таков решающий шаг, который делает сейчас страна.

В США тоже неоднократно составлялись если не планы, то прогнозы хозяйственного развития на ближайший период вплоть до 1965 и даже до 1975 г. Эти прогнозы рассчитаны «на *автоматически-стихийное* развитие частной экономики», и, сопоставляя их с советскими заданиями планового хозяйства, можно уже из оценок самих американцев сделать вывод о сравнительных достоинствах той и другой системы хозяйства. По расчетам «комитета Энсли» на 1955—1965 гг. валовой национальный продукт в США должен возрасти с 390,9 млрд. до 535 млрд. долл., т. е. на 37% при увеличении занятости на 15,5% — с 63,2 млн. до 73 млн. работников — и сокращении рабочей недели на 11%. Это дает рост годовой производительности за десять лет на 18,6%, а за год — примерно на 1,5%. В СССР народный доход в неизменных ценах за те же десять лет возрастет на 112—116%, продукция промышленности — на 141%. Производительность труда будет возрастать не менее чем на 6% в среднем за год.

Как видим, в соревновании «*автоматически-стихийного*» роста США с *плановыми возможностями* СССР шансы капиталистической экономики, даже в оценке самых верных поклонников и апологетов стихии, до смешного жалки. К тому же планы СССР, составляемые всегда с большим «запасом прочности», обычно перевыполняются, а преувеличенные надежды, возлагаемые на стихию, вообще обманчивы. И, в частности, расчеты «комитета Энсли», вовсе не предусмотревшего на десять лет кризисных потрясений, уже потрясены спадом 1957—1958 гг., который сообщил экономике США попятное движение.

Можно, конечно, сколько угодно доказывать плодотворность «автоматически-стихийного» развития экономики. Однако практически такой спор решится лишь в активном соревновании систем. Никакая гонка вооружений разрешить его не сможет. «Семилетний план — это конкретное предложение Советского Союза капиталистическому миру соревноваться на мирном экономическом поприще»[1]. И, если этот мир действительно верит в превосходство своей экономической системы, ему только остается принять вызов.

---

[1] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», стр. 249.

IX. КРИТИКАМ НОВОЙ СЕМИЛЕТКИ *

Уважаемый г-н редактор!

Недавно на столбцах редактируемой Вами газеты (от 16 декабря 1958 г.) появилась за подписью некоего Эрнста Кукса большая статья с комментариями к проекту советского народнохозяйственного плана на 1959—1965 гг. Полагая, что этот план, привлекающий к себе внимание широчайшего круга читателей, заслуживает более объективного освещения, чем это удалось сделать названному автору, считаю своим долгом в интересах читателей и в интересах истины внести некоторые существенные пояснения и фактические поправки к суждениям г-на Кукса.

В семилетнем плане Советского Союза, как известно, намечаются высокие темпы хозяйственного развития. Эти темпы в несколько раз выше американских, и поэтому авторы плана рассчитывают, и не без основания, на существенное приближение советских масштабов индустриальной продукции 1965 г. к достигнутому уже в США уровню 1958 г. Эрнст Кукс уже в заголовке своей статьи именует этот план «утопическим». В дальнейшем изложении советские темпы и планы называются им «фантастическими», «воздушными замками», поставленные в них задачи — «непосильными» и цели — «несбыточными», «страдающими гигантоманией» и даже «галлюцинациями» изобилия. При этом Кукс с особым усердием навязывает своим читателям мысль, что «плановая утопия» советских экономистов требует «усиления эксплуатации трудящихся», так как «сокращение рабочего дня — это одна из форм эксплуатации», и в конце концов объявляет «лозунг» советского плана о возможности *обогнать* наиболее развитые капиталистические страны «пустой пропагандой».

Все эти весьма решительные оценки и заявления г-н Кукс «подкрепляет» многочисленными цифровыми справками и ссыл-

* Письмо главному редактору «Нейе цюрихер цейтунг» г-ну В. Брегеру от 22 января 1959 г.

ками на сведения, якобы полученные им из самых первых рук. Например, по его словам, из различных мест Советского Союза к нему уже поступают сведения, что «рабочие противятся переходу на семичасовой рабочий день» и даже за последние годы неоднократно прибегали к забастовкам «на советско-русских предприятиях».

Это насквозь лживые сведения. И получил их г-н Кукс, конечно, не из Советского Союза. Семилетний план, гарантирующий рабочим сокращение рабочей недели с 46 до 40 и 35 час. *без сокращения заработка* и даже с *повышением* его реального значения процентов на 40, вызвал самое горячее одобрение в советской рабочей среде. Мнений можно придерживаться различных, и если они легковесны, то, высказывая их, журналист причиняет вред лишь своей собственной репутации. Но если он сочиняет, искажает или замалчивает *факты,* обманывая свою аудиторию, это не может быть терпимо на страницах уважающей своих читателей независимой прессы. Допустим, однако, что в данном случае автор был просто плохо осведомлен о настроениях советских рабочих.

Что же касается «утопичности» нового плана, то тут, вероятно, не один из западноевропейских читателей его статьи вспомнит, что обсуждаемый советский план далеко не первый из их числа, что уже многие из них и раньше расценивались как несбыточные, и все же они своевременно выполнялись и перевыполнялись, в результате чего Советский Союз давно уже занял по размерам своей продукции *первое место в Европе.* Не окажется ли г-н Кукс в незавидной роли тех, кто и в прошлом занимался подобными прогнозами?

Справедливости ради надо сказать, что г-н Кукс признает за Советским Союзом «значительные» успехи. Однако при этом высшая мудрость г-на Кукса сводится к весьма неоригинальной идее, что «значительные успехи советской экономики» достигнуты не благодаря преимуществам ее плановой системы, а с помощью ... «полицейской власти». Как будто неуспехи в странах капитализма зависят от того, что там наблюдается хронический дефицит именно в полицейских властях...

Семилетний план СССР является прямым призывом, обращенным к самой мощной из стран капитализма — США. Он предлагает им вместо гонки вооружений мирное экономическое соревнование. И читателям Вашей газеты, г-н редактор, было бы, конечно, интересно узнать, как расценивается этот план в наиболее заинтересованных деловых кругах США. Широко известно, кстати сказать, что трезвые американцы совсем не склонны вслед за г-ном Куксом рассматривать задания плана как несбыточную утопию. Они называют эти советские задания «колоссальными», но тут же сообщают, что, по отзывам «амери-

канских экспертов по советской экономике», «у СССР есть *все основания* достигнуть своих общих промышленных заданий» [1]. Вероятно, было бы справедливее, если бы г-н Кукс, давая свои оценки плану, упомянул и о трезвых голосах американских экспертов.

Г-н Кукс готов убеждать читателей в самых неправдоподобных вещах. Так, например, он внушает им, что советская экономика, подобно капиталистической, подвержена «циклическим колебаниям» вверх и вниз, хотя совершенно бесспорным является факт, что за все годы своего мирного роста эта экономика не испытывала еще ни одного кризисного спада. Он утверждает, что советская экономика резко замедляет темпы своего роста. И, произвольно выхватывая из общего ряда отдельные годы, он приводит такие цифры: за 1925 г. промышленная продукция возросла на 66,1%[2], а за 1957 г. — всего на 10%. Однако если, отказавшись от такого произвола в манипулировании экономическими данными, вспомнить, что 1925 г., в котором были еще большие резервы неиспользованных производственных мощностей, нельзя считать типичным и взять *средние* приросты за целый ряд лет, то окажется, что и в среднем за 40 лет после революции этот прирост не превышал в СССР 10,1%, и за последние годы не был ниже 10%, в то время как в США за те же 40 лет он не превышал 3,2%, а за последние три года (с 1955 г.) имело место даже снижение на 6—7%.

Г-н Кукс утверждает также, что новый семилетний план появился на смену еще не завершенной шестой плановой пятилетке (1955—1960 гг.) в результате того, что высокие задания этого плана в области промышленности, как якобы выяснилось уже в декабре 1956 г., оказались будто бы «непосильными». Однако общеизвестно, что задания плана не превышали 10% прироста в год. Фактический же прирост за истекшие три года, несмотря на предпринятое сокращение рабочего дня, составил уже 34%, и, стало быть, задания плана были выполнены.

Досрочный пересмотр пятилетнего плана на семилетний срок, с 1959 г., оказался необходимым не потому, что отставала промышленность, а главным образом потому, что крутой подъем сельского хозяйства, колоссальная программа жилищного строительства (за семь лет только в городах и рабочих поселках будет построено 15 млн. новых квартир, в которые переедет *около половины* городского населения СССР) потребовали перестройки всех плановых пропорций и инвестиций.

Г-н Кукс, следуя расчетам американских экономистов, утверждает, что общий объем продукции СССР составляет «сейчас»

---

[1] «Бизнес уик», 22 ноября 1958 г.

[2] По фактическим данным — на 62%.

приблизительно треть объема продукции США и заключает отсюда, что у Советского Союза нет «никаких» шансов ликвидировать такое отставание до 1972 г. Однако о расчетах за 1955 г. он писал в декабре 1958 г. А между тем за эти три года советская продукция поднялась на 34%, а американская даже снизилась на несколько процентов. И *сейчас,* по самым осторожным расчетам советских экономистов, продукция СССР не ниже 53—55% уровня США. А если еще учесть разницу в темпах роста продукции в этих странах, которая в СССР по меньшей мере на 5—6% превышает американский прирост за год, то за две семилетки, до 1972 г., советская продукция как раз имеет *все* шансы обогнать американскую. *Замалчивая* такие факты, автор безусловно дезориентирует своих читателей.

Но и тем конкретным цифрам, которые он приводит в своей статье, далеко не всегда можно верить. Приведем только несколько примеров. Прирост выпуска стали в СССР за 1958 г. автор определяет «всего лишь в 5%». На самом же деле он возрос с 51,2 млн. до 54,9 млн. *т,* т. е. на 7,2%. Вместе с тем он умалчивает, что выпуск стали в США за последние годы снижался и упал за 1957—1958 гг., по данным доклада Эйзенхауэра об экономическом положении страны, на огромную величину — 40%. И вот, по цифрам г-на Кукса, советский уровень по стали составляет все еще только 50% американского, а между тем, по фактическим данным производства за 1958 г., он составляет уже свыше 80% от уровня США. В своих сопоставлениях уровней индустриальной продукции автор статьи неуклонно приводит данные по всем тем отраслям, где особенно велико отставание СССР, например по природному газу, нефти, электроэнергии, и вовсе забывает те отрасли, где это отставание уже на стороне США, например по шерстяным тканям, металлорежущим станкам, сахарному песку, кирпичу, древесине.

Но особенно бесцеремонно искажаются советские достижения в области сельского хозяйства. Например, по продукции мяса в СССР за 1957 г. автор вместо 7,4 млн. *т* показывает только 5,1 млн. *т* (с ошибкой в 45%), по молоку вместо 54,7 млн. *т* — только 20,5 млн. *т* (с ошибкой в 34,2 млн. *т,* или 167%). По сбору зерна за 1958 г. вместо 140 млн. *т* амбарного урожая г-н Кукс показывает только 115 млн. *т.* А затем, утаив от своего читателя *целых* 25 млн. *т* советского зерна (это без малого два урожая такой страны, как Западная Германия!), автор внушает ему, что за отсутствием кормов в СССР не будет хватать и впредь ни мяса, ни молока. Конечно, его цифры по молоку за 1957 г. (57,3 млн. *т* в США и только 20,5 млн. *т* в СССР) как будто вполне подтверждают такие прогнозы. Но истина заключается в том, что по производству молока СССР догнал США уже в 1958 г.: 57,8 млн. *т.*

Такие весьма тенденциозные манипуляции с цифрами подтверждают знакомство автора с той практикой, какую он сам именует в своей статье «шулерскими приемами в статистике». Однако его осведомленность в области советской экономики и статистики такова, что он, и независимо от любых тенденций, безнадежно путается в цифрах и фактах, как в глухом лесу, спотыкаясь на каждом шагу. Не выше, впрочем, его познания и в других областях.

Это подтверждает, между прочим, следующий курьез. Полемизируя с авторами семилетки, г-н Кукс совсем не кстати напоминает софизм, «с помощью которого можно доказать, что черепаха движется быстрее, чем Александр» (?!). Знающие люди сразу же сказали бы: Какой Александр? Македонский? А если Македонский, то причем он тут? Ведь греческий философ Зенон доказывал, что черепаху не сможет догнать даже Ахиллес быстроногий. Об Александре Македонском он не мог говорить уже потому, что сей Александр родился лишь в следующем столетии, после смерти Зенона. Но дело не в этом. Перепутав эти столь известные даже школьникам имена, г-н Кукс подтвердил лишний раз, что и в греческой философии он столь же сведущ, как и в советской экономике. Курьезнее другое. Смешна та роль, которую избрал себе сам г-н Кукс в поднятом им споре о возможностях догнать США. Советские экономисты не сомневаются в этой возможности. Оспаривает ее г-н Кукс. О том, что советские темпы выше американских, вообще спора нет. Так кто же софист?

Самоотверженно беря на себя эту роль, автор сам же и напоминает своим читателям, что, если уж на долю США выпала роль медлительной черепахи, то быстроногий Ахиллес ее непременно догонит и перегонит. Всякий, кто это оспаривает, — только жалкий софист.

Думается, что такой автор, как г-н Кукс (к слову сказать, из видных западных экономистов мне никто не известен под такой фамилией), вообще не стоит на уровне возлагаемых на него сложных и тонких задач в области оценок советской экономики.

Полагаю, что об этом следует сказать, и надеюсь, что, опубликовав письмо советского экономиста в Вашей газете, г-н редактор, Вы не нанесете никакого урона ее престижу в глазах всех ее культурных читателей.

X. ПРОГНОЗЫ ЗАПАДНЫХ МУДРЕЦОВ О СУДЬБАХ СССР *

Великая Октябрьская социалистическая революция оказалась переломным моментом не только в судьбах всех национальностей старой, царской России. Она стала великим рубежом в судьбах всего человечества, отметив поворот во всемирной истории от капитализма к социализму. В октябре 1917 г. история сделала первый действенный шаг на этом пути. Тогда еще не вполне ясно было миру все грядущее значение этого шага. И в его оценках — внутри страны и далеко за ее рубежами — многие люди разных социальных состояний сходились и расходились, руководствуясь иногда скорее своими классовыми инстинктами, симпатиями и антипатиями, чем точным предвидением дальнейших его последствий.

Но теперь, сорок лет спустя после этой знаменательной даты, можно уже подвести некоторые, гораздо более ясные всему миру итоги Октябрьской революции. И в свете их по-новому предстают перед нами не только все ее победы внутри страны, но и реакция буржуазного мира на социалистическую революцию в России, которая, как в кривом зеркале, но все же вполне осязательно отражала в откликах за рубежом все возрастающую мощь и значение нашей революции. Особенно показательны в этом отношении все несбывшиеся прогнозы зарубежных пророков о «неминуемой гибели» революционных замыслов народов Советского Союза и их утопические надежды на буржуазное «перерождение» социальных устремлений трудящихся нашей страны. А еще показательнее, пожалуй, те вынужденные полупризнания зарубежной печати, из которых видно, как от полного пренебрежения к возможностям нашей страны в первые дни революции она постепенно переходит ко все более трезвой их оценке. Даже за наиболее самоуверенными угрозами развязать войну против

* См. «Мировая экономика и международные отношения» № 4, 1957.

социалистических стран явственно ощущается невольный страх перед новым международным форпостом миролюбия — крепнущим лагерем социализма.

1. В БОРЬБЕ ЗА ПРИЗНАНИЕ

8 ноября 1917 г. американские газеты опубликовали телеграмму о победе Октябрьской революции. И первым откликом буржуазного мира на эту волнующую весть, окрылившую весь мировой пролетариат новой радостной надеждой, была бурная биржевая паника. 9 ноября в «Нью-Йорк таймс» сообщалось: «Вчера биржа пережила наиболее сильное падение акций. Причиной послужило известие о свержении правительства Керенского. Падение акций было тем более чувствительным, что оно произошло совершенно неожиданно, в разгаре исключительного роста цен». Говорят, что «бумага все стерпит». Однако на этот раз даже самые солидные биржевые бумаги, именуемые «ценными» (хотя в условиях социализма они сразу лишились бы всей своей мнимой ценности), при первом же известии о социализме в действии почувствовали себя дурно и вдруг покатились вниз, к ужасу всех их держателей. Факт, не лишенный символического значения.

В числе особо красочных откликов на победу Октября можно привести следующее излияние английского министра Уинстона Черчилля, в котором этот хитроумный Одиссей современного капитализма дал полный простор своим чувствам.

«Навеки погибли империя Петра Великого и либеральная Россия, о которой так долго мечтали, и Дума, и только что созванное Учредительное собрание...» — оплакивал этот джентльмен старую Россию, к которой никогда не питал особых симпатий. А затем уже вполне откровенно излил свои чувства и к новой, социалистической стране: «Верховный большевистский комитет — эта нечеловеческая или сверхчеловеческая организация, как вам угодно... взял власть 8 ноября» [1].

В книге «Мировой кризис» Черчилль не раз высказывал злобные суждения о Советской стране. «Ее правители, — писал он, — обманутые естественными и экономическими факторами, обречены из-за своих убеждений на продолжительное прозябание и самоистязание» [2]. Но истекло не так уж много лет, как ему самому пришлось искать спасительной помощи у Советского Союза. Всем памятны годы второй мировой войны. Черчилль не торопился в течение двух лет создать «второй фронт», чтобы

---

[1] *W. S. Churchill,* The World Crisis. The Aftermath, London, 1929, p. 80.
[2] Ibidem, p. 455.

прийти на помощь советскому фронту. Когда же наконец «второй фронт» образовался на Западе и был глубоко прорван немцами в Арденнах, то по просьбе Черчилля от 6 января 1945 г. Советская Армия, как известно, срочно пришла на помощь Западному фронту и спасла англо-американские войска от неминуемого разгрома.

Так посмеялась сама история над близорукостью иных стратегов современного капитализма.

В числе первых же откликов на Октябрьскую революцию прозвучал и чрезвычайно характерный голос официальной Америки. В те же дни американский посол в России Фрэнсис заявил, что «большевистское правительство не продержится долго». А в конгрессе США вскоре устами некоего Поиндекстера были сделаны и все вытекающие отсюда выводы. «Россия, — заключил этот прыткий джентльмен, — является просто географическим понятием, и ничем больше она не будет. Ее сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует». Поэтому перед США стоит важная задача «как следует распорядиться с Россией, ее 170-миллионным населением и ее безграничными продовольственными, топливными и металлическими ресурсами». Как деловые люди, американцы сразу же решили унаследовать от большевиков это «географическое понятие» с его безграничными ресурсами.

Во французском посольстве в Петрограде, по свидетельству буржуазной прессы, в середине ноября 1917 г. были убеждены, что большевики продержатся не более 8—10 дней. В лондонской «Таймс» от 19 ноября того же года сообщалось о большевиках: «Гарнизон поддерживает их, и хотя они сильны, у них не хватит ума управлять страной». В передовой «Дейли телеграф» от 5 января 1918 г., возражая против признания Советов, пророчествовали о том, что русское правительство «может быть сметено в любой час, и ни один здравомыслящий человек не даст им больше, чем один месяц жизни». Месяц спустя, в феврале 1918 г., американский посол Фрэнсис сообщил своему правительству: «Немцы в семидесяти верстах от Петрограда. Они могут быть в городе через сорок восемь часов». А консул США в Москве Саммерс в том же месяце телеграфировал государственному департаменту: «Германские войска грузятся в эшелоны для занятия Москвы».

Даже простой перечень таких сенсаций западной прессы был бы слишком громоздким и утомительным. По подсчету Джорджа Сельдеса, только газета «Нью-Йорк таймс» сообщила «о конце Советов или об их крахе точно 91 раз за три года (1918—1920). «Нью-Йорк таймс» сдавала Петроград белым русским генералам шесть раз. Русская столица (Москва. — *С. С.*) также была накануне захвата три раза; она дважды сжигалась и еще два раза

была в состоянии паники. Петроград, согласно сообщениям «Нью-Йорк таймс», а это значит, согласно информации Ассошиэйтед Пресс и всех утренних газет США, шесть раз восставал против большевиков» [1].

Прогнозами о неминуемой гибели большевиков утешалось немало самых ярых наших врагов. Только сроки этой гибели отодвигались ими на все более отдаленные даты. В 1917 г. эти сроки исчислялись днями и неделями, в 1918 г. — месяцами. В феврале 1919 г. маршал Фош на Парижской мирной конференции предрекал наш конец уже с большим запасом времени: «1919 год увидит конец большевизма». Однако и в 1921 г. советский строй в России, по свидетельству пророков из газеты «Морнинг пост», все еще доживал свои «последние годы». 5 января 1926 г. нефтяной король Генри Детердинг в той же «Морнинг пост» снова обещал, что уже «через несколько месяцев Россия вернется к цивилизации», а «с большевизмом в России будет покончено еще в текущем году» [2]. Наконец, в 1928 г. наш старинный «доброжелатель» Уинстон Черчилль великодушно отложил «конец» большевизма еще сразу на целых семь лет, до 1935 г. Но, как известно, и в этом году вместо конца большевизма наблюдалось лишь начало нового бурного подъема социалистического соревнования в стране. Так проходили все сроки и умолкали все посрамленные пророки. А Советский Союз становился все богаче и крепче.

В подкрепление многочисленных прогнозов о гибели советского строя не раз уже подводилась и идеологическая база. Так, например, английский профессор Диллон, считавшийся знатоком истории России, писал в 1918 г., что «в большевистском движении нет и следа конструктивной или социальной идеи». В четырехтомном труде «Русская революция» Клода Анэ, вышедшем в 1918—1919 гг., Октябрьская революция объяснялась особыми свойствами русского народа, и в частности тем, что «русская мысль никогда не была философской», а «русский народ всегда был склонен к лени» [3]. В английском парламенте член парламента Хальфорд Мэкиндер, говоря о России, заявлял: «Вы надеетесь, что демократия может развиваться, когда около 85% народа (России. — *С. С.*) не умеет читать, когда интересы этих 85% не выходят за пределы того района, в котором они живут? Я не думаю, что демократия может у них развиваться». А другой член парламента — консерватор Лайл тут же подкрепил мнение своего коллеги вздорным слухом, «что благодаря от-

---

[1] *G. Seldes*, The Facts are... New York, 1943, p. 17—18.

[2] *М. Сейерс* и *А. Кан*, Тайная война против Советской России, М., 1947, стр. 174—175.

[3] *Claude Anet*, La révolution russe, v. III, Paris, 1919, p. 13, 15.

сутствию дисциплины и порядка на русских фабриках рабочие советы и фабричные комитеты уничтожены и назначены директора с неограниченной властью над рабочими». Глава правительства буржуазной Чехословакии Т. Г. Масарик задавался вопросом: «Как можно иметь в России научный социализм, когда жители ее не умеют ни читать, ни писать?» [1]. Находились и «социалисты», осуждающие большевизм, как «безумную попытку... провести в жизнь неосуществимую программу» [2]. «Форвертс» не верила «в вечное существование большевистского господства» [3].

Однако в рабочей среде на Западе явное сочувствие этому режиму неудержимо росло и ширилось. «Освобождение России и создание Рабочей Республики воодушевляет рабочих всего мира, — свидетельствовал об этом, например, в 1920 г. один из популярнейших в те годы рабочих лидеров США, Юджин Дебс. — Это народное правительство — яркая звезда на политическом небе, которая будет освещать путь миру, она (республика) является великой надеждой человечества, и ее пример приведет к освобождению рабочих всего мира...» [4] А в Англии это сочувствие рабочих масс Советской России выражалось весьма энергично и на деле. Здесь в 1919 г. возникла чрезвычайно активная организация «Руки прочь от России», а в августе 1920 г. конференция тред-юнионов и других рабочих организаций создала Национальный комитет действия с полномочиями в случае объявления войны Советской России немедленно призвать массы к всеобщей забастовке. И это, конечно, оказало свое влияние. Немало надежд на освобождение от колониального гнета пробудила Октябрьская революция и в странах Востока.

Но, конечно, то, что являлось надеждой пролетариата, не могло не возбуждать тревоги, прямого или скрытого противодействия со стороны его классовых врагов.

Одна из таких контрмер была, между прочим, осуществлена президентом США Вильсоном. Советская Россия отчаянно боролась с контрреволюцией и голодом. И это возбуждало еще большее к ней сочувствие в рядах мирового пролетариата. Чтобы направить это сочувствие в наиболее аполитичное русло благотворительности, а кстати подкормить и русскую контрреволюцию, президент Вудро Вильсон создает свою организацию АРА с целью помощи голодающим (а также шпионажа) в России.

---

[1] T. G. Masaryk, Sur le bolchevisme, Genève, 1921, p. 9.

[2] См., например, книгу John Spargo, Greatest Failure in all History, New York, 1920.

[3] «Vorwärts», 5. IX. 1918.

[4] «Speeches of Eugene V. Debs», New York, 1928, p. 70.

Чему же, каким политическим задачам служило это «архигуманное» мероприятие?

Сам Вильсон в своем послании конгрессу США от 11 января 1919 г. избрал такую мотивировку: «Большевизм неуклонно продвигается на Запад. Он охватил уже Польшу и отравляет Германию. Его нельзя остановить силой, но можно остановить продовольствием...»[1] Возвращаясь к тому же вопросу о большевизме в одном из своих выступлений в сентябре 1919 г., Вильсон говорил: «Я говорю о России, но разве не видели вы симптомов распространения этого хаотического состояния на другие страны?.. Этот яд бежит по венам всего мира... Апостолы Ленина среди нас»[2].

Идея интервенции против большевиков с первых же месяцев после Октября зрела в лагере бывших союзников России. Показательно, например, что американский посол Шарп срочно телеграфировал из Парижа в государственный департамент США уже в январе 1918 г., что «достаточно будет трех или четырех японских или американских дивизий, чтобы свергнуть власть большевиков». Значит, интервенция против революционного русского народа замышлялась вчерашними союзниками России уже в эти дни.

Но сначала им надо было еще справиться с Германией. И, очевидно, поэтому интервенция откладывалась. А, может быть, и потому, что преувеличенные надежды возлагались на возможность внутреннего распада многонациональной российской державы. Английский посол в Париже лорд Берти так и писал в декабре 1918 г. в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами».

Этот циничный план, рассчитанный на разложение и распад России, кое-кому казался, по-видимому, верхом буржуазной мудрости. Центробежные силы всех ущемленных в царской России народностей действительно были велики. Никаким буржуазным клейстером их не удалось бы снова склеить после того, как распались сковывавшие их цепи. Но, начав с провоз-

---

[1] *S. Bane* and *R. Lutz,* Organization of American Relief in Europe 1918—1919, California, 1943, p. 177.

[2] «The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace», vol. II, p. 108.

глашения ленинского принципа самого широкого национального самоопределения всех народов, новый строй сцементировал их между собой великой дружбой и полным равноправием.

Однако надежды на внутренний самораспад Советской России уже с 1918 г. подкреплялись все более тесным кольцом внешней экономической блокады и прямыми вооруженными вторжениями в Россию ее вчерашних союзников. Еще накануне Генуэзской конференции один из бывших представителей иноземного капитала в России — француз Омон, возлагая большие надежды на блокаду, писал: «Советы еще храбрятся, но положение их отчаянно... С точки зрения экономической они прижаты к стене» [1]. Но интересы блокирующего нас антисоветского окружения были слишком противоречивы. И советская дипломатия начиная с 2 февраля 1920 г. успела заключить мирные договоры с «буферными» государствами — Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, а 16 апреля 1922 г. — и с ущемленной Версальским договором Германией. Тем самым удушающее нас кольцо блокады было окончательно прорвано.

С военной интервенцией было покончено еще раньше. Нам нет нужды останавливаться на том, что представляла собой эта интервенция. Ее характер достаточно хорошо изображен самими интервентами. «Находились ли союзники в состоянии войны с Советской Россией?» — спрашивает в своей книге «Мировой кризис» Уинстон Черчилль и в припадке откровенности отвечает: «Конечно нет. Но они стреляли в советских людей, как только те попадались им на глаза. Они находились на русской земле как завоеватели. Они вооружали врагов советского правительства. Они блокировали его порты. Они топили его военные суда. Они страстно желали его гибели и строили планы его сокрушения» [2].

Говоря проще, это был самый беспримерный разбой на большой дороге и прямое издевательство над чувствами народа, который только что пролил целые реки крови в защиту чуждых ему интересов тех же «союзников». Интервенты чувствовали себя при этом совершенно безответственными перед судом истории и своих современников. Но после того, как внутренняя контрреволюция в Советской России была на всех фронтах наголову разбита, им пришлось несолоно хлебавши уносить из нашей страны свои ноги. И в этом уже сказался суд истории. Дело в том, что если зарубежные правители «страстно желали» нашей гибели, то народы Запада совсем не разделяли этих чувств и, наоборот, все определеннее обнаруживали свое сочувствие идеям революции. Прекрасно осведомленный об этом английский

---

[1] «L'Eclair», 16. II. 1922.
[2] W. S. Churchill, The World Crisis. The Aftermath, p. 235.

премьер Ллойд Джордж еще в 1919 г. на Парижской мирной конференции предостерегал своих соратников по интервенции: «Повсюду среди рабочих наблюдается глубокое чувство не только недовольства, но и гнева и возмущения против довоенных условий. Весь существующий порядок в его политической, социальной и экономической формах ставится под сомнение массами населения из одного края Европы в другой ее край» [1].

А когда западноевропейским интервентам пришлось спешно убраться из Советской России, тот же Ллойд Джордж выступил со следующим признанием: «Пришло время, чтобы убедиться в том, что Советы долговечны, безразлично от того симпатичны они нам, или нет, и что, по-видимому, тем или другим из грозных государственных людей, управляющих ныне Россией, придется управлять ею еще многие годы. Чем скорее мы будем иметь мужество признать этот факт, тем раньше установится прочный мир» [2].

С возобновлением нормальных дипломатических отношений с Англией (2 февраля 1924 г.), Францией (28 октября 1924 г.) и Японией (15 апреля 1925 г.) закончился первый период военных испытаний прочности новой, социалистической державы. Она с боями доказала свое право на мирное сосуществование с капиталистическим окружением.

2. НА ТВОРЧЕСКОМ ПОДЪЕМЕ

Победоносно закончив гражданскую войну, Советское государство сразу же направило все свои силы на хозяйственное возрождение страны. Уже в 1921 г. были провозглашены начала так называемой новой экономической политики. От вынужденных крайностей военного коммунизма страна перешла к формам более свободного экономического развития. Продразверстка была заменена продналогом. Отпали запреты мелкой частной торговли. Была открыта возможность мелкого предпринимательства и даже крупных иноземных концессий на определенных условиях. И хотя условия эти совсем не привлекали к нам иностранные вложения, среди некоторых недальновидных слоев буржуазии создавалось впечатление явной «идейной капитуляции» большевизма.

На Западе расцветали в связи с этим несбыточные надежды. Близкий к Ллойд Джорджу «Обсервер» сообщал 3 апреля 1921 г.: «Свободная торговля может послужить могилой для коммунизма

[1] D. Lloyd George, The Truth about the Peace Treaties, London, 1938, v. I, p. 407.

[2] *Д. Ллойд Джордж*, Мир ли это?, Л.—М., 1924, стр. 202.

в России, и Ленин признает возможность возвращения капиталистов и помещиков». Еще решительнее это подтвердил сам Ллойд Джордж, заявив в палате общин, что большевики отходят от коммунизма и эволюционируют к капитализму. В связи с введением в Советской России нэпа злобно торжествовал Уинстон Черчилль, заявляя о «полном крахе ее социалистических и коммунистических теорий» [1]. «Возврат Ленина к капитализму развивается гигантскими шагами», — захлебывалась от радости «Морнинг пост» в июне 1921 г. Солидная «Таймс» в большой статье «Русские факты и теория», опубликованной тогда же, доказывала, что начавшийся процесс восстановления капитализма нельзя остановить, и убеждала, что «судьба коммунизма в России решена». Во Франции вдохновитель буржуазной реакции Раймонд Пуанкаре писал в «Ревю де дё монд» 15 января 1922 г.: «Ленин уже учредил Государственный банк, который имеет все признаки капиталистического учреждения, и нет ничего невозможного в том, что русская революция рано или поздно закончится тем, что обуржуазится».

Это уже было явное самообольщение. Наши враги очень охотно принимали желаемое за действительное. Они готовы были пожинать все плоды «идейной капитуляции» большевизма. В английском парламенте в июле 1922 г. консерватор Гопкинсон заверял свою аудиторию, что Советское правительство будет вынуждено предоставить иностранным капиталистам в концессию большие области страны, население которых перейдет в подданство концессионерам [2]. Он уже рисовал бредовые картины колониального господства иноземного капитала на территории бывшей Российской империи. Обольщаясь надеждой на «идейное перерождение» большевизма, такие лидеры интервенции, как Ллойд Джордж и др., тем охотнее пошли на мирные переговоры с Советской Россией, что в военных своих авантюрах они уже не раз были здесь биты, финансы их были истощены, армии утомлены многолетней войной и никакого энтузиазма к новым авантюрам возбудить в народах Запада не представлялось возможности.

Между тем, пользуясь этой передышкой, Советская Россия уже к 1926 г. восстановила полностью довоенный уровень производства и поставила перед собой новую задачу грандиозной реконструкции своего хозяйства. В 1928 г. продукция крупной советской индустрии уже в полтора раза превысила уровень 1913 г. Но это все же был невысокий уровень. Коммунистическая партия Советского Союза одобрила план индустриализации

---

[1] «The Manchester Guardian», 9. VI. 1921.

[2] Parliamentary Debates. House of Commons, 26. VII. 1922, v. 157, № 106, col. 521.

страны, по которому продукцию всей планируемой промышленности требовалось поднять за пять лет (1928/29—1932/33 гг.) в 2,8 раза (на 179%)! Это было небывалое доселе плановое задание. Оно предполагало ежегодный прирост продукции в среднем около 23%, в то время как даже темпы США не превышали 3—4% в среднем за год.

Наша первая пятилетка, конечно, привлекла к себе внимание зарубежной критики. Она подверглась нападению с самых различных сторон. Прежде всего заволновались деловые круги США. Журнал «Бизнес уик» от 9 апреля 1930 г. объявил, что пятилетний план большевиков представляет собой гигантскую кампанию демпинга с целью подорвать капитализм и осуществить мировую революцию. Крайним скептицизмом в отношении реальности этого плана отличалось большинство буржуазных откликов. Так, например, американский сенатор Б. Уилер, неоднократно посещавший Советский Союз в 20-е годы, писал о большевиках в октябре 1930 г. в газете «Вашингтон геральд»: «Мне кажется, что даже при наиболее удачном стечении обстоятельств они пытаются осуществить невыполнимую задачу. Прибавьте к этому то, что они начали действовать с невежественным, неграмотным народом, большая часть которого жила в условиях средних веков, поэтому можно сделать только один вывод — это невозможно». Другие деятели буржуазных кругов успокаивали самих себя. «Не тревожьтесь по поводу пятилетнего плана,— заявил, например, журнал «Нейшнс бизнес» в июле 1931 г.,— пятилетний план — бумажная программа». Того же мнения придерживался и журнал «Бэрроус».

Бывший президент США и бывший акционер предприятий, национализированных в России в годы революции, Герберт Гувер в подозрительной заботе о западной культуре дарил миру в 1931 г. такие признания: «Говоря по правде, цель моей жизни — уничтожение Советской России... Существование советского строя ставит под угрозу все прошлое, настоящее и будущее нашей западной культуры» [1]. Напоминая о пропавших акциях, успехи советской пятилетки причиняли Гуверу и чисто личные огорчения, тем более что потеря собственных акций на Советском Востоке была гораздо реальнее фантастических опасений за судьбы западной культуры.

Оригинально расценил нашу первую пятилетку известный итальянский политический деятель Карло Сфорца в своей книге «Диктаторы и диктатуры в послевоенный период». «Главной ошибкой советского правительства, — писал этот «провидец», — окажется, по всей вероятности, его пятилетний план. Из этого опыта Советский Союз выйдет, вероятно, еще более нищим,

---

[1] «Новое время» № 46, 1947, стр. 5.

голодным и униженным, чем он был раньше»[1]. И это было написано в 1931 г., т. е. на третьем году блестящих успехов первой пятилетки, когда продукция крупной промышленности СССР уже превысила вдвое уровень 1928 г. и в нашей стране были окончательно изжиты бедствия унаследованной от старого строя безработицы. Впрочем, Сфорца мог и не доглядеть этого из-за рубежа. Но вот перед нами книга американца Э. Уолтера «Решающий год для России», опубликованная в 1932 г. В качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтер провел в СССР целых шесть месяцев, исколесив 24 тыс. *км* по стране. И все же основной задачей его книги было доказать, что пятилетний план не будет осуществлен. В заключении своей книги он самоуверенно предрекал: «Поднять 160-миллионный народ от феодализма до века современной техники за пять лет — героическая, но абсурдная мечта!»[2]

А между тем, как известно, вопреки этому запоздавшему замогильному «прогнозу» первая пятилетка была с блеском досрочно завершена именно в 1932 г.

Можно было бы изумляться куриной слепоте подобных прогнозов о судьбах СССР, если бы мы не знали, что ненависть ослепляет, а бывает также и «слепота» по заказу. Не следует, однако, думать, что все зарубежные оценки нашей действительности страдали подобной слепотой. Не только в рабочей среде, но и в буржуазных кругах находились люди, смотревшие правде прямо в глаза. Так, американский полковник Рэймонд Робинс, пробывший в России до лета 1918 г. и неоднократно встречавшийся с В. И. Лениным, писал в 1920 г.: «Проверенная жизнью Советская республика оказалась не слабым организмом — это было мощное целое, создающее свою мощь посредством собственной силовой станции»; «...Большевизм — это система, которая в действительности может организовать миллионы людей в управляемый социальный организм». Вся жизнь советского общества, по наблюдениям Робинса, была пронизана идеей, «подобно плану города, еще не созданного, но уже начертанного на кальке, улица за улицей, который должен стать вечным городом объединенного человечества»[3].

А вот как писал о большевиках весной 1919 г. известный американский журналист буржуазный радикал Линкольн Стеффенс, побывавший несколько раз в Советской России в первые годы после революции: «Они медленно истощаются, едят раз в день, но они бедствуют одинаково, и народ знает, что Ленин

---

[1] *C. Cforza,* Dictateurs et dictatures de l'apres-guerre, Paris, 1931, p. 189—190.

[2] *E. Walter,* Russia's Decisive Year, New York, 1932, p. 267.

[3] *William Hard,* Raymond Robins' Own Story, New York — London, 1920, p. 185, 190.

получает то же, что и другие квалифицированные рабочие. Несмотря на то что у них тиф, оспа и другие болезни, они держатся хорошо — интервенция и угрозы ею сплотили их. Но что я лично узнал с наибольшим удовлетворением — это то, что они действительно победили старый порядок, при котором мы живем, заложили и строят коммунистическое государство...»[1]

Вот что могли увидеть в нашем будущем люди без повязок на глазах еще в те давние героические годы нашей революции.

И в более поздние годы первой пятилетки некоторые буржуазные деятели выступали с довольно трезвыми оценками. Так, уже в условиях самого тяжелого кризиса в США вице-председатель Экспортной ассоциации американских фабрикантов Элдридж заявил в апреле 1931 г.: «Цель пятилетнего плана не в том, чтобы дать России возможность завоевать чужие рынки. Россия покупает машины, чтобы удовлетворить свои внутренние потребности и повысить жизненный уровень. Рудники, электрические станции, заводы создаются для того, чтобы удовлетворить большие потребности самих русских. Советский Союз всегда останется хорошим рынком для наших экспортных товаров в этой области»[2]. Этот трезвый прогноз оправдался, и советско-американские торговые связи после установления дипломатических отношений между двумя странами стали быстро развиваться. Однако после второй мировой войны правящие круги США сами отгородились от советских заказов новым барьером запретов и торговых дискриминаций.

Наряду с этим можно отметить и отклики Берлинского конъюнктурного института, который еще в мае 1931 г. признал, что «среди всех стран мира... охваченных кризисом, Россия представляет исключение», что «плановое развитие русского хозяйства сделало дальнейшие успехи». В отношении советской пятилетки институт сделал следующее замечание: «Удастся она или не удастся, об этом еще не сказано последнего слова, но факт, что в течение последнего времени общественное мнение всего мира уже начало отказываться от прежней презрительной усмешки. Теперь люди рассуждают так: если план будет осуществлен всего на 50%, то и это будет фактором, значение которого в мировом хозяйстве все более возрастает»[3]. А когда через год стало известно, что план все же выполнен полностью, и даже не в пять лет, а на девять месяцев раньше срока, то тому же Берлинскому институту пришлось удостоверить и еще один неожиданный факт, что СССР по объему своей индустриальной продукции уже в 1932 г. вышел на первое место в Европе.

[1] *L. Steffens,* The Letters of Lincoln Steffens. 1889—1919, v. I, New York, p. 463.
[2] «Мировое хозяйство и мировая политика» № 7—8, 1931, стр. 177.
[3] «Frankfurter Zeitung», 10. V. 1931.

После этого, как известно, буржуазная пресса не могла уже удержаться от целого потока откровенных признаний.

«Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию... В состязании с нами большевики оказались победителями», — писала, например, французская газета «Тан». «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Н.-Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, — все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет...» — свидетельствовал английский буржуазный журнал «Раунд Тэйбл». «Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что Советское правительство может провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности... Быть может, самое важное — в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду», — меланхолически звучал предостерегающий голос английского капиталиста, председателя банка «Юнайтед доминион». «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине *замечательные достижения... Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости...* Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, йод, поташ и многие другие ценные продукты. *Путеводными точками советских равнин не являются больше кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни... Россия начинает «мыслить машинами»»* [1], — деловито подытоживал наблюдения туристов буржуазный американский журнал «Нейшн».

Подобных высказываний можно было бы привести немало.

3. В СОРЕВНОВАНИИ ДВУХ СИСТЕМ

Вслед за первой пятилеткой вступил в действие второй пятилетний план с еще более грандиозными заданиями на 1932—1937 гг. После опыта первой пятилетки выступать с новыми прогнозами о «провале» советских планов было уже гораздо труднее. Правда, и в 1932 г. вышла еще книжка американского инженера Рукэйсера с выражением надежды, что энтузиазм,

---

[1] См. *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, 1953, стр. 399, 400—401.

вызванный первым пятилетним планом, исчезнет и Советский Союз встанет перед экономическими трудностями [1]. Но энтузиазм не ослабевал. Если за первую пятилетку выработка рабочих в СССР поднялась на 41%, то за вторую, в связи с небывалым еще подъемом социалистического соревнования, производительность труда возросла уже на 82%! Тактика замалчивания советских успехов в зарубежной буржуазной прессе стала с тех пор явно преобладать над мифическими прорицаниями нашей гибели.

Но зато, когда и вторая пятилетка оказалась досрочно выполненной, тем радостнее прозвучали для нас из-за рубежа иные голоса. «Создан новый мир, — писал в марте 1937 г. в газете «Дейли геральд» английский профессор Гарольд Ласки. — Подобно эпохе Ренессанса, русская революция означает огромный этап в развитии человечества. Ее цели и достижения питают наши надежды на будущее». Из Франции звучал голос нашего верного друга Ромена Роллана: «Юной Октябрьской революции, празднующей сегодня свое двадцатилетие, я приношу благодарное приветствие сыновей старой революции Запада... Вы, советские товарищи, подняли факел, выпавший из наших рук, и в руках вашего великого Ленина, разжегшего пламя, свет свободы засиял на весь мир... Ваша мощная твердыня, возвышающаяся над Европой и над Азией, служит им оплотом» [2].

К этому времени социализм в СССР можно было уже считать построенным, и перед нами встала новая цель постепенного перехода к высшей фазе коммунизма. А в связи с этим перед страной была поставлена уже и основная задача в экономическом соревновании с капиталистическим миром — догнать и перегнать наиболее развитые страны этого мира по производству на душу населения. Для решения этой задачи и в мирных условиях потребовалось бы несколько пятилеток. Но этих условий нам не дано было даже на одну третью пятилетку.

Выполняя третий пятилетний план не менее успешно, чем второй, мы все шире раздвигали грани индустриального развития СССР. С каждым годом возрастала экономическая мощь Советского Союза. А вместе с тем росла и его обороноспособность. Недаром даже Черчилль, который еще в 1928 г. в беседе с Теодором Драйзером оспаривал военное значение СССР, в 1939 г. признал, что Россия является наиболее передовой военной державой в мире [3]. Однако политики и стратеги фашистской Германии в своем ослеплении от успехов в Европе не хотели видеть этого. Легко справившись с англо-французскими армиями,

---

[1] *M. Lovenstein,* American Opinion of Soviet Russia, Washington, 1941, p. 136.

[2] «Коммунистический Интернационал» № 10—11, 1937, стр. 43.

[3] «Masses and Mainstream», December, 1955, p. 17.

Гитлер, как известно, вероломно вторгся в 1941 г. в пределы СССР. И вместо мирного соревнования наша страна еще раз подверглась жестокому испытанию оружием.

Позорный конец этого гитлеровского похода известен. Но все же очень показательно, что и в этом испытании, в котором мы оказались сильнейшими союзниками англичан и американцев, дело не обошлось без самых мрачных пророчеств о нашей судьбе с их стороны. Уже 27 июня 1941 г. херстовская газета «Нью-Йорк джорнэл энд Америкен» категорически предсказала: «Россия обречена». Председатель комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности Мартин Дайс предрек и точный срок нашего поражения: «Через месяц Гитлер завладеет Россией». Можно подумать, что в это учреждение специально подбираются люди, достаточно проницательные, чтобы усматривать даже то, чего нет, и «предвидеть» то, чего не будет.

После того как новый социальный строй в нашей стране с честью выдержал во второй мировой войне суровое испытание огнем и мечом, после того как он увлек своим примером целый ряд народов Европы и Азии, вступивших на путь создания государств народной демократии, игнорировать или замалчивать лагерь социализма, объединивший почти миллиард душ, стало невозможно. Но тем серьезнее становится проблема экономического соревнования двух мировых систем. Лагерь социализма готов к сотрудничеству с любой страной, которая обнаружит к этому склонность. И он получил уже немало дружелюбных откликов в ответ на эту готовность. Вот что, например, сказал Джавахарлал Неру советским ученым, прибывшим в Индию в январе 1947 г.: «В течение многих лет мы с интересом взирали на Советский Союз по различным причинам, но больше всего из-за его огромных достижений в последнюю четверть века... Вы изменили лицо вашей страны на наших глазах с быстротой, которая поразила мир. Поэтому теперь, когда мы намерены произвести большие перемены в Индии, мы хотим учиться на вашем примере. Мы желаем знать, что вы сделали и как вы это сделали» [1]. Аналогичные отклики получали мы также из Бирмы, Индонезии, Египта и других стран Азии и Африки.

Нельзя сказать, что с реальными фактами совершенно не считаются все деятели правящих кругов в США и Англии. Влиятельный в США Уэнделл Уилки, посетивший во время войны СССР, заявил, что с Россией придется считаться: «Мы должны научиться работать с ней в одном мире после войны» [2]. И в Англии раздаются трезвые голоса. «В настоящее время, — пишет

[1] «Новое время» № 11, 1947, стр. 26.
[2] *Wendell L. Willkie,* One World, New York, 1943, p. 37.

Фрэнсис Уильямс, бывший советник английского премьера Эттли, — имеются только три сильные мировые державы — Америка, Россия и Британия... Если они смогут сотрудничать, каждая из них может спокойно жить. Если нет — ни одна из них не будет чувствовать себя в безопасности»[1].

Учитывая известное всему миру миролюбие СССР и эти трезвые голоса в буржуазном мире, казалось бы, нетрудно при всех идейных расхождениях договориться о мирном сотрудничестве и экономическом соревновании двух ныне сталкивающихся систем. Мешает этому, по-видимому, только ничем не оправданное стремление со стороны правящих кругов крупнейших стран лагеря капитализма, и особенно США, «с позиции силы» навязать свою волю лагерю социализма, вести дело к мировой войне. Отсюда и разрыв экономических и культурных связей, и разорительная гонка вооружений, и опаснейшие испытания термоядерного оружия...

«Холодная война» оказалась неспособной помешать быстрому экономическому развитию Советского Союза. По-прежнему социалистическая индустрия намного опережает по темпам своего развития США. Сами американцы недавно на страницах журнала «Форчун» признали, что рост советской промышленности за 1950—1955 гг. составлял 10% в год, в то время как в США он был не выше 4%[2]. Кстати сказать, по отчетным данным, наш рост за эти годы достигал не 10%, а 13% в год[3]. Спор идет лишь о том, сколько лет еще потребуется СССР, чтобы перегнать США и по абсолютному уровню продукции. При этом в февральском номере журнала «Форчун» исходят из допущений, что уровень промышленного производства в СССР не выше 40% (?) от уровня США, причем он будет расти и дальше, а в США он увеличивается лишь на 4% в год. Момент возможного обгона США Советским Союзом по этому уровню исчисляется авторами статьи не позднее 1970 г.[4] В июльском же номере редакция «Форчун» предпочитает уже другой вариант расчета, по которому американской промышленности проектируется рост по 4% в год на целых 50 лет вперед, а советской (на тот же срок) — не выше 6%, «учитывая кризис советского капитализма» (?!). Этот прогноз тоже не исключает, но все же как будто «отодвигает» неизбежный исход соревнования, как этого хотела бы буржуазная статистика США.

Очень забавна при этом ссылка американцев на советский «кризис» на целых 50 лет вперед при 6% ежегодного роста, в то время как в США даже хроническое «процветание» не сулит

[1] *Francis Williams,* Fifty Years March, London, 1949, p. 365.
[2] «Fortune», July 1957.
[3] «Народное хозяйство СССР в 1956 году», 1957, стр. 36.
[4] «Fortune», February 1957.

больше 4% прироста производства. Уже одно лишь такое признание адвокатов капитализма удостоверяет полную безнадежность его позиций. Но важнее всего то, что кризисы как раз свойственны капитализму и полностью чужды социалистическому хозяйству. За весь период существования Советского Союза мы их не знали. За 1956 г. прирост продукции в СССР составил 11% и за 1957 и 1958 гг., — не менее 10%. Откуда же извлекла пресловутые 6% редакция «Форчун»? А вот американцам процветания на 50 лет вперед никто еще не гарантировал. И об этом напрасно забыли в редакции «Форчун».

Такие статьи, как в этом журнале, переполненные самой грубой ложью и дезинформацией по адресу СССР, едва ли делают честь американской прессе, даже в условиях обострения «холодной войны». Но крайне любопытен отклик одного из американских читателей, помещенный в апрельском номере «Форчун». Этот читатель, Генри Липпит, недавно побывавший в СССР, пишет, что советская экономика отнюдь не сталкивается с кризисом, а уверенно идет по пути роста и процветания и что журнал «Форчун» «оказывает дурную услугу, пытаясь списать со счетов почти невероятные успехи, достигнутые Советским Союзом в последние годы». Такие отклики уже тем хороши, что, осуждая явную дезинформацию, они служат делу мира и взаимопонимания народов.

Конечно, и в нашей стране еще очень многого недостает. И мы очень чутко прислушиваемся к критике, откуда бы она ни исходила. Это верно, что наша страна была в прошлом полуграмотной и очень отсталой. Но мы давно уж ликвидировали свою неграмотность и некультурность, да и былую отсталость в разных областях все полнее ликвидируем с каждым годом. Это верно, что, добиваясь прежде всего больших успехов в индустриальном своем развитии, мы столкнулись с некоторым отставанием сельского хозяйства. Но партия и правительство сделали все необходимые выводы и, наметив крупный подъем в этой области, за самый краткий срок добились значительных результатов и в расширении зерновой и кормовой базы и в области животноводства. Это верно, что у нас еще недостаточно высок и уровень жизни трудящихся масс в стране, хотя он намного выше, чем в старой России и многих современных странах капитализма. Но нас это все же не устраивает. А потому и на этом пути мы наметили очень серьезный сдвиг. Заметно, на целую треть, повышена заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих. Повышены сразу в полтора раза ставки пенсионного обеспечения трудящихся. Сокращается рабочий день во всех отраслях производства. Значительно расширен план жилищного строительства. Поставлена задача перегнать США уже в ближайшие годы по производству молока, масла и мяса на душу населения.

Однако и доныне еще некоторые из политиков империализма очень охотно подчеркивают, что «огромный рост тяжелой и военной промышленности» в СССР «не сопровождался быстрым расцветом сельского хозяйства... и всего сектора экономических усилий, направленных на повышение жизненного уровня населения» [1]. Но другие более объективные наблюдатели заметили все же новые усилия нашей страны по подъему сельского хозяйства и повышению жизненного уровня. И, усматривая в них особую опасность для капиталистических порядков, уже давно бьют тревогу.

Эту «опасность», угрожающую апологетам империализма, один из крупных буржуазных экономистов — Гувер (однофамилец бывшего президента) предвидел еще в 1930 г. «Если придет время, — писал он, — когда более высокий уровень жизни, в части элементарного комфорта, сможет быть предложен коммунизмом большинству трудящихся классов капиталистических стран, возникнет весьма серьезное положение...» [2]

Именно в наши дни, когда идет *конкретное* соревнование за высшие нормы молочного и мясного питания рабочих, за килограммы масла и сахара на душу населения, и за общий уровень жизни трудящихся, вопросы эти приобретают особую остроту. Серьезность положения на фронте экономического соревнования стран социализма и капитализма начинают понимать ныне и в США. Характерно в этом отношении выступление по докладу Эйзенхауэра вице-президента АФТ—КПП Рейтера от 10 февраля 1959 г. Возглавляя профессиональные объединения США, Рейтер выразил серьезное беспокойство по поводу большой безработицы в США, продолжающегося застоя во многих отраслях промышленности и перспектив дальнейшего экономического развития страны. Застой экономического развития принес, по выражению Рейтера, *трагические* лишения миллионам семей в Америке, вынудив их урезать расходы на питание и на другие необходимые вещи. С нескрываемым страхом Рейтер заявил, что если в США не будет в самое ближайшее время принято «решительных мер» по ликвидации экономического застоя, то при нынешних темпах развития экономики Советский Союз в ближайшие годы догонит, а затем и обгонит США [3].

Как видим, «американский образ жизни» не столь уж блистательно выглядит даже в оценках своих апологетов. Жаль только, что и Рейтеру не ясно, что наиболее действенной мерой против застоя было бы прекращение «холодной войны» и ликвидация гонки вооружений.

---

[1] См., например, статью Т. Уитни в «New Republic», 29. IV. 1957.
[2] См. *В. В. Куйбышев,* Статьи и речи, т. V, М., 1937, стр. 19.
[3] См. «Правда», 11 февраля 1959 г., стр. 6.

Советские люди менее всего рассчитывают усилить свои позиции в мирном экономическом соревновании за счет лишений трудящихся каких-либо других стран. Преимущества планового хозяйства позволяют им обгонять в темпах роста эти страны не только в годы переживаемых ими кризисных «спадов», но и в лучшие для них годы так называемого «процветания». И, опираясь в этом соревновании на преимущества *социалистических* методов хозяйства, мы отнюдь не стремимся оставить *народы* этих стран где-то далеко за собой — за флагом. Ведь каждый народ, убедившись в преимуществах социализма, имеет возможность использовать их в собственном хозяйстве.

Этот момент еще впереди. Но в условиях мирного соревнования экономических систем он неуклонно и все осязательнее приближается усилиями наших рук и волей наших сердец. И мы с удовлетворением можем оглянуться на пройденный Советским Союзом за 40 лет путь творческого труда и великих достижений.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

В

Р

С

У

Ф

Х

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Е

Ж, З, И

К

Л

М

Н

Ч

Ш, Щ, Э

ОГЛАВЛЕНИЕ

На международные темы

Струмилин Станислав Густавович
ОЧЕРКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ СССР
(1929—1959 гг.)

Редактор *П. Терентьев*

Оформление художника *А. Соколова*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственный корректор *В. Генгут*

Сдано в набор 12 марта 1959 г.
Подписано в печать 23 июля 1959 г. Формат 60 × 92¹/₁₆.
Физ. печ. л. 26¹/₄. Условн. печ. л. 26¹/₄. Учетно-изд. л. 23,93.
Тираж 20 тыс. экз. А-05240. Заказ № 933. Цена 9 р. 20 к.

Госполитиздат. Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

9 р. 20 к.

С. Г. СТРУМИЛИН

ОЧЕРКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ СССР